

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

4 (254)

Октябрь–Ноябрь–Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

Редакционный совет

академик РАН *М.Л. Гаспаров* (председатель),
акад. АН Азербайджана *И.Г. Алиев*,
д.и.н. *В.К. Афанасьева*, к.и.н. *А.О. Большаков*, д. филол. н. *А.К. Гаврилов*,
акад. РАН *Т.В. Гамкрелидзе*, д.и.н. *А.А. Губаев*,
акад. РАН *В.В. Иванов*,
член-корр. РАН *Н.Н. Казанский*, д.и.н. *В.И. Кузицин* (зам. председателя),
член-корр. НАН Украины *С.Д. Крыжицкий*,
д. филол. н. *В.А. Лившиц*, акад. АН Таджикистана *Б.А. Литвинский*,
д.и.н. *И.Л. Маяк*, д.и.н. *Н.Я. Мерперт*,
акад. РАН *В.И. Молодин*, член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*,
член-корр. РАН *М.Б. Пиотровский*,
акад. АН Узбекистана *Г.А. Пугаченкова*, д. филол. н. *А.А. Россиус*,
д.и.н. *И.С. Свенцицкая*, член-корр. РАН *С.А. Старостин*,
акад. РАН *И.М. Стеблин-Каменский*, д.и.н. *И.С. Чичуров*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор)

А.Ю. Алексеев, *Е.В. Антонова*, *Д.Е. Афиногенов*, *Л.С. Баюн*, *А.А. Вигасин*,
В.А. Головина (зам. главного редактора),
М.А. Дандамаев (зам. главного редактора), *М.М. Дандамаева*, *А.И. Иванчик*,
С.Г. Карпюк (зам. главного редактора), *Г.А. Кошеленко*,
В.И. Кузицин, *Ю.Н. Литвиненко* (зам. главного редактора), *Е.В. Ляпустина*,
Л.П. Маринович, *А.И. Павловская*, *А.В. Подосинов*,
С.Ю. Сапрыкин (ответственный секретарь), *А.В. Седов*, *А.Л. Смышляев*,
М.К. Трофимова, *В.И. Уколова*, *Н.А. Фролова*, *Э.Д. Фролов*, *Г.П. Чистяков*
Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),

D. Afinogenov, *A. Alekseev*, *Ye. Antonova*, *L. Bayun*, *G. Chistyakov*, *M. Dandamayev*,
M. Dandamayeva, *N. Frolova*, *E. Frolov*, *V. Golovina*, *A. Ivantchik*, *S. Karpyuk*,
G. Koshelenko, *V. Kuzishchin*, *Ye. Lyapustina*, *Yu. Litvinenko*, *L. Marinovich*,
A. Pavlovskaya, *A. Podosinov*, *S. Saprykin*, *A. Sedov*, *A. Smyshlyaev*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *A. Vigin*

Head of the Editorial Office *I. Malkova*

С. А. Французов

ДРЕВНИЙ ХАДРАМАУТ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЮЖНОАРАВИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Среди востоковедных дисциплин, специализирующихся на изучении древнего Востока, сабеистика несомненно принадлежит числу наиболее динамично развивающихся. Почти каждый новый сезон полевых исследований на юге Аравийского полуострова приносит открытия, которые ломают устоявшиеся стереотипы, заставляют пересматривать сложившиеся концепции. За три с лишним десятилетия планомерного археологического изучения Йемена значительно вырос объем доступных для исследования материалов, заметное число которых еще не введено в научный оборот. Особое место среди них занимают эпиграфические памятники – основной тип письменных источников по доисламской Южной Аравии, без которого не мыслима полноценная реконструкция ее истории. В конце XX в. в распоряжении сабеистов оказались две весьма многочисленные группы южноаравийских надписей, систематическое изучение которых сулит качественное приращение наших знаний о древнем Йемене. Одна из них, представленная текстами на черенках пальмовых листьев и деревянных палочках, происходящих, по всей видимости, преимущественно из «пиратских» раскопок городища ал-Хариба ас-Саудā' (древнего Нашшāна), пока успешно противостоит попыткам ученых перейти от чтения и интерпретации единичных образцов новой разновидности южноаравийского письменного наследия к массовой публикации этих документов, отражающих повседневную хозяйственную жизнь крупного городского центра области ал-Джауф в конце I тысячелетия до н.э. – начале I тысячелетия н.э. Главными препятствиями на пути сабеистов стали совпадения начертаний различных букв (например, ḥ, ḥ̣ и ḥ̣̣; °, ψ и ¶, т.д.), представляющие собой характерную особенность курсивного (или, точнее, «минускульного») письма этих текстов, а также обилие новых терминов, не засвидетельствованных в монументальных надписях¹.

Другой обширный комплекс недавно открытых эпиграфических материалов, впрочем, сильно уступающий по объему информации и ее уникальности доку-

¹ На сегодняшний день опубликовано менее трех десятков йеменских документов на дереве. Большая их часть (16 текстов) издана: *Ryckmans J., Müller W.W., Abdallah Y.M. Textes du Yémen antique inscrits sur bois (with English Summary). Avant-Propos de J.-Fr. Breton. Louvaine-la-Neuve, 1994 (Publications de l'Institut orientaliste de Louvain. 43)*. Остальные появлялись в отдельных статьях, ссылки на которые сведены вместе в двух обзорах: *Французов С.А. Южноаравийская письменность и древнейеменская словесность: новые открытия, старые проблемы // Россия и Арабский мир. Научные и культурные связи. Вып. 7. СПб., 2000. С. 28–30. Прим. 3; Robin Ch.J. Les inscriptions de l'Arabie antique et les études arabes // Arabica. 2001. 48. P. 530–531*. Оба эти списка следует дополнить публикациями по крайней мере еще четырех документов: *Weninger St. Two Sticks with Ancient South Arabian inscriptions // PSAS. 2001. 31. P. 241–248; Stein P. A Sabaic Proverb. The Sabaic Minuscule Inscription Mon. script. sab. 129 // PSAS. 2004. 34. P. 331–341; Al-Said S.F., Weninger St. Eine unvollendete sabaische Urkunde // Arabian Archaeology and Epigraphy. 2004. 15. P. 68–71*.

ментам на дереве, представлен находками Советско-йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ) в западной части Внутреннего Хадрамаута, преимущественно на городище Райбун. В 1983–1991 и 2003–2004 гг. в ходе раскопок пяти храмов, двух жилых домов и нескольких некрополей Райбуна, а также археологического обследования прилегающих в нему районов было обнаружено более 3500 надписей на хадрамаутском языке, датируемых VII–I вв. до н.э.² По сравнению с тремя другими языками южноаравийской эпиграфики (сабейским, минейским, или маинским, и катабанским) хадрамаутский оставался наименее изученным, что объяснялось в первую очередь, скудостью составленных на нем текстов, общее число которых к началу 80-х годов прошлого века не превышало 400. Несмотря на то что подавляющее большинство найденных СОЙКЭ надписей составляют мелкие и мельчайшие фрагменты, около сотни достаточно пространственных текстов (как полных, так и фрагментарных), насчитывающих по несколько десятков знаков каждый, способствовали существенному продвижению в изучении не только хадрамаутского языка³, но и социальной, этнокуль-

О текстах на палочках и черенках и их дешифровке см. также *Beeston A.F.L. Mahmoud 'Ali Ghul and the Sabaeen Cursive Script // Arabian Studies in Honour of Mahmoud Ghul. Symposium at Yarmouk University, December 8–11, 1984 / Ed. M.M. Ibrahim. Wiesbaden, 1989 (Yarmouk University Publications. Institute of Archaeology and Anthropology Series. Vol. 2). P. 15–19; Лундин А.Г. Архивы древнего Йемена // ВДИ. 1995. № 3. С. 3–13; он же. Новые документы древнего Йемена // Православный Палестинский сборник. Вып. 98 (35). Сб. памяти Н.В. Пигулевской. СПб., 1998. С. 14–26.*

Общее число документов, выполненных на дереве минускульным письмом, достигает нескольких тысяч, большая часть которых хранится в Санском университете. За пределами Йемена два крупнейших собрания этих памятников южноаравийской письменности, находящиеся в Баварской государственной библиотеке (*Bayerische Staatsbibliothek*) в Мюнхене и в Восточном институте (*Oosters Instituut*) Лейденского университета, насчитывают в своем составе соответственно ок. 800 и ок. 300 единиц хранения, причем в первом из них каталогизировано только 589 текстов (*Stein P. The Inscribed Wooden Sticks of the Bayerische Staatsbibliothek in Munich // PSAS. 2003. 33. P. 267, 272. Not. 2*). По меньшей мере еще несколько десятков документов этого типа оказалось в европейских частных коллекциях.

² Ранее обычно говорилось о более чем 2700 надписях (см., например: *Французов С.А. Значение материалов Советско-йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ) для изучения Южной Аравии (эпиграфический аспект) // ЗВОРАО. Новая серия. 2002. I (XXVI). С. 385; Frantsouzoff S. Raybūn. Hadrān, temple de la déesse 'Athtar^{um}/^u 'Astar^{um} (avec une contribution archéologique d'A. Sedov). Fasc. A: Les documents. Paris–Rome, 2001 (Inventaire des inscriptions sudarabiques. T. 5). P. 14; idem. Annexe. Projet de publication des textes de Raybūn dans l'Inventaire des inscriptions sudarabiques // Arabia. 2003. 1. P. 64*), однако эта цифра нуждается в уточнении. К концу полевого сезона 1990 г. сиглом СОЙКЭ было обозначено 2602 текста, при этом нужно иметь в виду, что начиная с 1987 г. подобный сигл, как правило, не присваивался тем эпиграфическим памятникам, которые оставались в вымостке и не поступали в лапидарий историко-археологического музея, размещенного в бывшем султанском дворце хадрамаутского города Сайун. Таких оставшихся *in situ*, но сфотографированных и описанных надписей насчитывается не менее 300. Кроме того, ни один из более, чем 160 текстов, найденных в 1991 г. (в том числе 83 – на городище Райбун V, 57 – на Райбун XIV, 10 – на Райбун XXVI), вообще не получил сигла СОЙКЭ.

Во время предварительного обследования объекта Райбун VI (как выяснилось, храма *Васат^{хан}* бога Сийана) в ноябре 2003 г. и его раскопок в ноябре 2004 г. было обнаружено еще 567 текстов (в том числе 75 *in situ*).

³ Так, впервые удалось подготовить обзор основных особенностей его грамматики, опубликованный сначала в конспективном виде (*Frantsouzoff S.A. Le hadramoutique épigraphique et sa place dans le groupe des langues sémitiques // Russian Orientalists to the 36th ICANAS. Moscow, 2000. P. 68–76*), а затем в более полном варианте (*idem. En marge des inscriptions de Raybūn. Remarques sur la grammaire, le lexique et le formulaire de la langue hadramoutique épigraphique // Arabia. 2003. 1. P. 39–51*).

турной, религиозной ситуации в древнем Хадрамауте⁴. Ни одна археологическая экспедиция, работавшая в Йемене, начиная с середины 1970-х годов, не знала подобных открытий в области эпиграфики.

Символично, что два крупнейших комплекса древнейеменских эпиграфических материалов, обнаруженных в последние десятилетия XX в., документы на дереве и надписи Внутреннего Хадрамаута, частично перекрываются. Наряду с монументальными надписями, чаще всего высеченными на известняковых плитах и блоках регулярным южноаравийским письмом, на Райбуне были найдены 22 черенка пальмовых листьев с текстами, выполненными различными разновидностями минускульного шрифта. Это единственная находка таких документов в результате легальных археологических изысканий, доказывающая, что они были распространены по всему древнему Йемену⁵.

⁴ См. об этом кратко: *Французов*. Значение материалов... С. 385–393.

Начата систематическая публикация эпиграфики Райбуна: полностью изданы надписи храма Хадран, общее число которых достигло 458 (*Frantsouzoff*. Raybūn. Hadrān... Fasc. A–B); подготовлены к печати 297 текстов, происходящих из храма богини Зат Химйам (Райбун V). Введены в научный оборот еще приблизительно 60 эпиграфических памятников (как правило, достаточно больших по объему и интересных по содержанию), обнаруженных при раскопках храмов Рахбан (Райбун I, зд. 2–4) и Майфа'ан (Райбун XIV), жилого дома (Райбун I, зд. 6), окрестных некрополей Райбун XV и XVI, а также во время обследования грота ар-Рукба и городища Би'р Хамад (*Лундин А.Г.* Надписи Внутреннего Хадрамаута (общая характеристика) // ВДИ. 1989. № 2. С. 142–148; *он же*. Надписи жилого дома на городище Райбун I (здание 6) // Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). М., 1996 (ТСОЙКЭ. II). С. 85–94; *Lundin A.G.* Grabinschrift aus der Nekropole Raybūn XVI // *Mare Erythræum*. I. München, 1997. S. 27–30; *Бауэр Г.М.* Городище Райбун по данным эпиграфики // ВДИ. 1989. № 2. С. 153–157, вклейка между с. 64 и 65; *он же*. Эпиграфика Рейбуна (сезоны 1983–1984 гг., общий обзор) // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. М., 1995 (ТСОЙКЭ. I). С. 112–152. Рис. 1–24; *Французов С.А.* О водопользовании в древнем Внутреннем Хадрамауте // ЭВ. 1998. 25. С. 130–151. Рис. 7–8; *он же*. Новые данные о хадрамаутском эпонимате // ЭВ. 2001. 26. С. 161–173; *Frantsouzoff S.A.* The Inscriptions from the Temples of Dhāt Himyam at Raybūn // PSAS. 1995. 25. P. 15–27. Pl. I–II; *idem*. Regulation of Conjugal Relations in Ancient Raybūn // PSAS. 1997. 27. P. 113–127; *idem*. A Parallel to the Second Commandment in the Inscriptions of Raybūn // PSAS. 1998. 28. P. 61–67; *idem*. Old Hadramī Roots of an Enigmatic Qur'ānic Term // *Cultural Anthropology of Southern Arabia: Hadramawt Revisited* / Культурная антропология Южной Аравии. St. Petersburg, 1999. P. 34–44. Pl. 2; *idem*. Die Frau im antiken Südarabien // *Im Land der Königin von Saba. Kunstschätze aus dem antiken Jemen* / Hrsg. vom Staatlichen Museum für Völkerkunde München im Zusammenarbeit mit W. Daum, W.W. Müller, N. Nebes und W. Raunig. 7. Juli 1999 – 9. Januar 2000 [Ausstellungskatalog]. München, 1999. S. 152–156; *idem*. Epigraphic Evidence for the Cult of the God Sin at Raybūn and Shabwa // PSAS. 2001. 31. P. 59–67; *idem*. Le «tailleur de pierre» (*grby-n/-hn*) dans les inscriptions sudarabiques // *Rayda(n)*. 2001. 7. P. 125–143. Fig. 1–6; *idem*. The Hadramitic Funerary Inscription from the Cave-tomb at al-Rukba (Wādī Ghabr, Inland Hadramawt) and Burial Ceremonies in Ancient Hadramawt // PSAS. 2003. 33. P. 251–265; *idem*. En marge des inscriptions de Raybūn... P. 52–56. Pl. 6–8).

На эпиграфических источниках, открытых в ходе работ СОЙКЭ, в значительной степени основан лекционный курс, который автор этих строк прочел в июне 2001 г. в Практической школе высших исследований (École Pratique des Hautes Études) в Париже (*Frantsouzoff S.A.* Le royaume antique du Hadramawt et son rôle dans l'histoire de l'Arabie du Sud pré-islamique // *Livret-annuaire de l'École Pratique des Hautes Études, Section des sciences historiques et philologiques*. 2000–2001 (133ème année). 16. P., 2002. P. 51–53).

⁵ Пока удалось истолковать три хадрамаутских текста на дереве, которые поддались прочтению во многом благодаря тому, что их шрифт несущественно отличается от монументального. Два из них изданы (*Бауэр Г.М.*, *Акопян А.М.*, *Лундин А.Г.* Новые эпиграфические памятники из Хадрамаута // ВДИ. 1990. № 2. С. 168–173; *Frantsouzoff S.A.* Hadramitic Documents Written on Palm-Leaf Stalks // PSAS. 1999. 29. P. 55–65), третий готовится к публикации.

К сожалению, центральные области Хадрамаутского государства оказались чрезвычайно бедны эпиграфикой. Так, из крепости Майфа'а/*MYF'T* (городище Накб ал-Хаджар), расположенной на стратегически важном торговом пути от побережья Индийского океана к столице Хадрамаута Шабве, происходит всего пять, правда, полных и весьма информативных надписей⁶. В самой Шабве, которую французские археологи копают с 1975 г., было найдено не более 80 ранее не издававшихся текстов, преимущественно весьма небольших по объему⁷. И дело здесь не только в невезении археологов или в том, что для раскопок были выбраны неперспективные, с эпиграфической точки зрения, объекты. По всей видимости, одна из причин бедности Шабвы памятниками эпиграфики состоит в том, что в отличие от Райбўна и других поселений Внутреннего Хадрамаута в гораздо более богатом столичном городе вотивные тексты, составляющие более 90% всей южноаравийской эпиграфики, преимущественно отливались в бронзе, а не высекались на камне. Как и огромное большинство других изделий из этого ценного металла, бронзовые таблички, хранившиеся в храмах Шабвы, стали добычей завоевателей и средневековых кладоискателей⁸, пустивших их

⁶ Речь идет о переправленной в бомбейский музей RES 3869 и о четырех надписях, сохранившихся *in situ* на стенах крепости: RES 2640 = RES 5082 = MAFYS-Naqab al-Нағар 2; MAFYS-Naqab al-Нағар 1, 3, 4.

⁷ В подавляющем большинстве (за исключением незначительных фрагментов) они были изданы вместе с известными ранее и опубликованными надписями из Шабвы: *Pirenne J. Les témoins écrits de la région de Shabwa et l'histoire. Fouilles de Shabwa, I. P., 1990* (Institut français d'archéologie du Proche-Orient. Bibliothèque archéologique et historique, 134).

⁸ Во многих *хадйсах* упоминается положение мусульманского права, согласно которому 20% найденного клада должны передаваться в казну: *ва-фи-р-рикāз ал-хумс* «а с кладов – пятину» (Concordance et indices de la Tradition musulmane... par A.J. Wensinck avec le concours de nombreux orientalistes. T. II. Livraison IX. Leiden, 1937. P. 83). В некоторых посланиях пророка Мухаммада представителям йеменской знати, например хадрамаутским кайлам из рода ал-'Абāхила, оно сформулировано с использованием иного термина: *ва-фи-с-суйўб ал-хумс* (*Ибн 'Абд Рабби-хи. Ал-'Иқд ал-фарид. Дж. I. Бўлак, 1293 г.х. С. 138; Ибн Хал-дўн. Китаб ал-'ибар ва-дивāн ал-мубтада' ва-л-забар... Бақиййат ал-джуз' ас-сāни. Бўлак, 1284 г.х. С. 56*). Независимо от того, подлинны ли эти послания, в них отражены хозяйственно-правовые реалии, типичные для раннесредневековой Южной Аравии. Следовательно, находки кладов были довольно распространенным явлением в ту эпоху.

Вполне вероятно, что в случае с *сайб* (мн. ч. *суйўб*) речь идет о заимствовании из южноаравийской эпиграфики. Значения этого имени нарицательного «дар», «добровольное пожертвование», «металлы (особенно золото и серебро) и минералы, извлеченные из земли», «клад» заметно отличаются от основной семантики корня *SYB* в классическом арабском (ср. *Lane E.W. An Arabic-English Lexicon. 1/4. London-Edinburgh, 1872. P. 1481*), тогда как в единственном сабейском контексте, где термин *s'yb* засвидетельствован, он обозначает подношение, переданное из одного храма в другой: *...w-hqnyw/dn/sl[m- | n]/RM-n/s'yb-hmw/bn/mhrm-n/S'LYM/... «... и посвятили они эту статуэтку (богу) Румйāну в качестве их дара из храма Сулайм...»* (СН 140₇₋₈; см. *Müller W.W. СН 140. Eine Neuinterpretation auf der Grundlage eines gesicherteren Textes // AION. 1974. 34 (N.S. XXIV). S. 414, 418*).

Следует отметить, что в конце 1990-х годов при раскопках избежавшего разграбления дома, который входил в храмовый комплекс на горе ал-'Ауд в южной части Йеменского нагорья, были обнаружены уникальные изделия из бронзы, в том числе с надписями (об этом открытии см. *Hitgen H. Jabal al-'Awd: Ein Fundplatz der Spätzeit im Hochland des Jemen // Im Land der Königin von Saba... S. 247–253*). Подобные предметы роскоши и составляли основную добычу йеменских кладоискателей. Золотые и серебряные украшения, о которых столь красочно повествуют легенды кахтāнидского цикла, встречались, разумеется, значительно реже. Не исключено, что появление таких легенд могло быть отчасти основано на лингвистическом недоразумении: термину *dhb*, во всех южноаравийских эпиграфических языках имеющему значение «бронза» (*Sima A. Tiere, Pflanzen, Steine und Metalle in den altsüdarabischen Inschriften. Eine lexikalische und realienkundliche*

на переделку. Хотя до нас дошли отдельные экземпляры таких табличек (полные RES 2693, Shabwa-Chantier V, 1975 и RF-Alim 1, а также фрагментарные Shabwa V/85/22 и Shabwa V/84/15)⁹, вряд ли стоит надеяться, что в ходе дальнейших раскопок они окажутся массовым материалом.

Следует признать, что имеющихся в распоряжении ученых источников пока не достаточно для последовательной реконструкции истории Хадрамаутского царства и в целом хадрамаутского культурного ареала, т.е. территории, на которой почитался типичный для Хадрамаута пантеон и был в ходу хадрамаутский эпиграфический язык¹⁰, в особенности на ее начальном этапе, охватывающем первую половину I тысячелетия до н.э. И все же благодаря райбунским материалам удалось поставить и частично разрешить ряд ключевых проблем исторического развития древнего Хадрамаута, касающихся в первую очередь его взаимосвязей с другими центрами южноаравийской цивилизации, а также с его периферией.

Территориально Хадрамаут в эпоху древности отличался от области, известной под этим названием у арабо-мусульманских географов, и от повторяющей в основном ее очертания одноименной провинции Йеменской Республики (бывшей Пятой провинции НРЮЙ и НДРЙ). Ядром средневекового и современного Хадрамаута было и остается носящее то же имя крупное вадй, преимущественно в своем верхнем и среднем течении, тогда как центр Хадрамаутского государства с его столицей Шабвой находился в бассейне вадй 'Ирма¹¹, расположенном почти в 70 км к западу от начала вадй Хадрамаут и границ соответствующей провинции. Сама же долина Хадрамаут в эпиграфических памятниках под таким названием не упоминается: ее местное хадрамаутское имя пока не обнаружено; в сабейских же надписях начала IV в. н.э. (Ja 656/16, 668/11; Schreyer-Geukens = Ir 32/37–38; СИН 397/9–10) она известна как S¹RR-n, т.е. «Долина» (с определенным артиклем)¹², причем в одном случае контекст показывает, что

Untersuchung. Wiesbaden, 2000 (Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Bd 46). S. 307–324), соответствует арабское *захаб* «золото».

⁹ Для сравнения укажем, что среди более чем 3500 райбунских надписей обнаружен лишь один небольшой фрагмент бронзовой таблички (в зд. 5 городища Райбун I; см. Аюпян А.М. Исследования на городище Рейбун I в вадии Дауан // Хадрамаут... (ТСОЙ-КЭ. I). С. 74–75. Рис. 8).

¹⁰ Понятия «культурно-политического ареала» и «культурного ареала», разработанные А.В. Коротаевым в процессе изучения обществ Сабы и Химйара первых веков нашей эры (Korotayev A. Ancient Yemen. Some General Trends of Evolution of the Sabaic Language and Sabaean Culture. Oxf., 1995 (JSS. Supplement 5). P. 4–8, 9–10 ff.; Коротаев А.В. Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М., 1997. С. 40, 62, 65 слл.), представляются весьма удачными при описании других регионов Южной Аравии, для которой на протяжении всей ее истории вплоть до IV в. н.э. были характерны политическая децентрализация и этнокультурное многообразие.

¹¹ В хадрамаутской эпиграфике этот топоним засвидетельствован в форме 'RMW (Ingrams 1/2), однако весьма вероятно, что конечный вав использовался в данном случае как *mater lectionis* для передачи долгого «а» (Robin. Les inscriptions de l'Arabie antique... P. 573).

¹² См. об этом: Французов С.А. Общество Райбуна // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 304. Прим. 11; Frantsouzoff S.A. The Society of Raybun // Alternatives of Social Evolution / Ed. N.N. Kradin. Vladivostok, 2000. P. 260. Not. 8; *idem*. Raybuun et La Mecque (politique et religion en Arabie preislamique). Notes preliminaires // Arabia. 2003. 1. P. 59–60.

Средневековый топоним ас-Сарйр, обозначавший, правда, лишь срединную часть вадй Хадрамаут (см. ал-Хасан б. Ахмад ал-Хамдани. Китаб ал-Иклял. Тахкик Мухаммад б. 'Али ал-Аква' ал-Хивали. Дж. 2. Каир, 1967. С. 19. Прим. 3; С. 38), явно происходит от S¹RR-n.

HDRMWT и *S¹RR-n*, скорее всего, обозначали разные территории: ...*kl/hgr/HDRM-WT/w-S¹ | RR-n/...* «...все города Хадрамаута и Сарйрāна» (Schreyer-Geukens = Ir 32/37–38)¹³. Однако это противопоставление не было четким: в первых веках нашей эры вадй Хадрамаут несомненно входило в состав Хадрамаутского государства, и потому поселения и сельскохозяйственные угодья, расположенные на территории этой долины, могли именоваться Хадрамаут. Например, в Ir 31, датируемой, как и предыдущие тексты, началом IV в. н.э., среди целей химйаритского похода после Шабвы, локализуемого в вадй-л-Каср Сува'рāна (*SW'R-n*) и находящихся в вадй Хадрамаут (в узком значении этого топонима) 'Укрāна (*'QR-n*), Ратти (*RTGT-m*)¹⁴, Марйамы (*MRYMT-m*), Тарйма (*TRM*) упомянуты «вся застроенная земля и вся орошаемая земля Хадрамаут» (...*kl/hgr-n/w-s¹rr-n/HDRM-WT/...*)¹⁵. По-видимому, название Хадрамаут окончательно закрепилось за долиной, прежде известной как Сарйрāн, накануне ислама, когда из-за упадка Шабвы центр этой области вместе с частью столичного населения¹⁶ переместился на ее бывшую восточную периферию¹⁷.

Первоначально имя собственное *HDRMWT* (в хадрамаутском эпиграфическом всегда без *vāva* – *HDRMT*) являлось этнонимом, затем превратилось в этнопоним. Так же, как *S¹B'* и *QTBN*, оно служило названием крупного племенного союза, на базе которого возникло государство. По всей видимости, в роли этнонимов все три этих имени выступают в формуле «бог-покровитель народа (так называемый «национальный бог»), нередко вместе со своим божественным партнером – верховный правитель – народ», использовавшейся в качестве официального обозначения таких государств. Все три ее варианта встречаются в датируемой началом VII в. до н.э. надписи RES 3945, повествующей о сабейской экспансии на юге Аравии:

Интересно, что в наши дни топоним вадй Хадрамаут употребляется местным населением как в широком смысле (для обозначения всей долины, от ее западной оконечности до впадения в Индийский океан), так и в более узком (в качестве названия только срединной ее части, от поселения ал-'Аққад до Қабр Хўд). В этом последнем значении он весьма близок к ас-Сарйру.

¹³ Ср. с Ja 668/10–11: ...*w-bn/kl/hgr | S¹RR-n/d-hs¹b'w/...* «...и из всех городов Сарйрāна, которые они заставили покориться...».

¹⁴ В современном топониме Ратта вместо эмфатического употребляется обычный *tā'*.

¹⁵ Толкование данного выражения, в котором *s¹rr-n* выступает, разумеется, в качестве имени нарицательного, дано по: *Ryckmans J. Himyaritica (5) // Le Muséon. 1975. 88. P. 209.* Впрочем, как справедливо заметил Ж. Рикманс, нельзя исключать и порчи текста, не раз отмеченной в надписях, которые, как и Ir 31, были известны лишь по рукописным копиям Мутаххара 'Али ал-Ирйāни.

Кроме того, в надписи CIA5 39.11/03 n° 4/4–5, составленной вскоре после 222/223 г. н.э., говорится о «городе Сува'рāн, что в земле Хадрамаут» (*hgr-n/SW | 'R-n/d-'rd/HDRMWT*). Район вадй-л-Каср (ал-Каср), в котором большинство исследователей локализируют Сува'рāн, непосредственно примыкает к вадй Хадрамаут в его верхнем течении.

¹⁶ Полулегендарные сведения о миграции части жителей Шабвы в Шибām, расположенный в срединной части вадй Хадрамаут, см. *Al-Hamdāni's Geographie der Arabischen Halbinsel / Hrsg. von D.H. Müller. Bd I. Leiden, 1884. S. 87*^{24–26}.

¹⁷ В работах некоторых современных исследователей область, охватывающая вадй Хадрамаут (за исключением той его части, которая идет ниже Қабр Хўд и именуется вадй-л-Масйла), а также его боковые долины, носит название Внутренний Хадрамаут.

...*S¹Yn/w-l/HWL/w-l/YD*’*L/w-l/HDMWT*/... «...Сийān¹⁸ и Хаул¹⁹ и Йада’²⁰ илу и хадрамауту²⁰...» (стк. 12);

...’*bd*’*l’M/w-’NBY/w-WRW*’*L/w-QTBN*/... «...области ‘Амма и Анбая²¹ и Ваврав’ила и қатаба̀на...» (стк. 13);

...’*LM*[*QH/w-KRB*]’*L/w-S¹B*’/... «...Алма[қах и Кариб]’ил и саба’...» (стк. 13).

Несколькими строками ранее в той же надписи под *S¹B*’ явно подразумеваются сабейцы²², и потому, учитывая очевидный параллелизм трех приведенных выше контекстов, следует допустить, что *HDMWT* и *QTBN* в них, являлись этнонимами или по меньшей мере этнотопонимами²³. Хотя первое упоминание общины хадрамаут (*s²’b-n/HDRMWT*) встречается в Ja 643/6, датируемой второй половиной I в. н.э., есть основания полагать, что почти тысячелетием ранее она составила ядро одноименного государства. В ряде случаев *HDMWT* обозначал не весь народ, а сравнительно небольшую группу хадрамаутцев, например, колонию выходцев из Хадрамаута (скорее всего купцов), поселившихся в начале VII в. до н.э. в городе-государстве Харам²⁴.

Если обратиться к общим закономерностям эволюции древних обществ, вскрытых И.М. Дьяконовым и его учениками, в первую очередь В.А. Якобсоном, то южноаравийскую цивилизацию, вероятнее всего, следует отнести к так

¹⁸ О возможных вариантах чтения имени этого бога см. Французов С.А. Три легенды об обращении в ислам хадрамаутских язычников // Петербургское востоковедение. СПб., 1994. Вып. 5. С. 321. Прим. 2.

¹⁹ Хадрамаутская богиня, вероятно, супруга Сийа(на (см. *Frantsouzzoff. Raybūn. Ḥadrān...* Fasc. A. P. 242).

²⁰ Здесь и далее, в соответствии с правилами русской орфографии, этнонимы пишутся со строчной буквы, что позволяет отличать их топонимов и этнотопонимов. Диакритика опускается лишь в топониме Хадрамаут (кроме сочетания *wādi* Хадрамаут, представляющего собой точную транслитерацию арабского выражения), поскольку он давно и прочно вошел в русскую ономастику, подобно таким топонимам, как Йемен (вместо ал-Йаман) или Сана (вместо Сан’ā’).

²¹ Один из главных богов катабанского пантеона. Верховный правитель Катаба̀на именовался «первородным сыном Анбая и Хаукам» – *bkr*’*l’NBY/w-H(WKM)* (см., например: *Bron Fr. Los dioses y el culto de los Árabes preislámicos // Mitología y religión del Oriente Antiguo. II/2 : Semitas Occidentales (Emar, Ugarit, Hebreos, Fenicios, Arameos, Árabes) / Obra colectiva editada por G. del Olmo Lete. Barcelona, 1995. P. 431).*

²² *Robin Ch.J. Sheba (II. Dans les inscriptions d’Arabie du Sud) // Supplément au Dictionnaire de la Bible / Sous la direction de J. Briand, É. Cothenet. XII. P., 1996. Col. 1091.*

²³ Категорический вывод о том, что Хадрамаут в отличие от Сабы и Қатаба̀на не был этнонимом и что «в случае с топонимом “Хадрамаут” какие-либо указания на подобный способ номинации (от авто- и аллоэтнонимов – имен народов или племен, мигрировавших в этот регион из других частей Аравии, или же автохтонного населения) отсутствуют» (*Редькин О.Г. Аравийские периферийные диалекты. Диалект Хадрамаута. СПб., 2003. С. 124*), является голословным и может объясняться лишь игнорированием давно введенного в научный оборот эпиграфического материала.

²⁴ В надписи *Naram 12/11*, составленной приблизительно в то же время, что и *RES 3945*, сообщается, что ее автор, явно коренной житель Харамы, «был кабйром (главой) хадрамаута» (*kbr*’*HDRMWT*). Очевидно, он осуществлял контроль со стороны местной власти за жившими в этом городе хадрамаутцами, объединенными в некую общину. Вопреки мнению Кр. Робена (*Robin Ch.J. Inabba’, Naram, al-Kāfir, Kamna et al-Narāshif. Fasc. A: Les documents. P., 1992 [Inventaire des inscriptions sudarabiques. T. 1]. P. 52*), *HDRMWT* в данном контексте относится, скорее всего, к колонии хадрамаутцев в Хараме, а не харамцев в Хадрамауте, поскольку в южноаравийской эпиграфике нет ни одного случая, когда бы переселенцы стали называться по той области или городу, где они обосновались, без использования специального термина, описывающего их статус (чаще всего *hwr*).

называемому «третьему пути развития обществ ранней древности»²⁵. Типичной его особенностью было то, что возникшие в его рамках державы «имели характер скорее военных союзов, в которых более слабые городские или “номовые” государства обязаны были данью и военной помощью более сильному централизованному государству»²⁶. Эта черта отчетливо проявилась в процессе установления гегемонии раннего Сабейского государства в Южной Аравии, решающий этап которого подробно описан в RES 3945 (военные кампании) и RES 3946 (послевоенное обустройство покоренных территорий).

По ближневосточным меркам переход Йемена к раннеклассовому обществу и формирование там местной государственности произошли довольно поздно: не в бронзовом, а в железном веке. По-видимому, связано это было с тем, что для такого скачка не достаточно было своеобразной формы орошаемого земледелия, основанной на использовании высохших русел древних рек, по которым дважды в год, в сезоны муссонных дождей, выпадающих над горным Йеменом, проносятся обильные потоки. Доставляемая ими влага при помощи плотин и водоотводных устройств задерживается и подается на поля. Наличие таких ирригационных систем, как правило, локальных, охватывавших лишь отдельные участки больших долин (за исключением, конечно, знаменитой Марибской плотины), являлось необходимым, но не достаточным условием перехода к цивилизации (в стадильном значении этого термина). Источником, обеспечившим возникновение и последующее процветание южноаравийских государств, стала международная торговля благовониями и пряностями. Культуры же бронзового века, существовавшие в Йемене приблизительно с XXXII в. до н.э., были, очевидно, довольно слабо в нее вовлечены. По крайней мере археологические свидетельства торговых контактов этих культур не только с внешним миром, но и между собой, остаются пока очень скудными²⁷. Это касается даже процветавшей на территории прибрежной равнины «культуры Сабир»²⁸, чья связь с противоположным берегом Красного моря нуждается в доказательствах. А потому умозрительными остаются предположения, подобные гипотезе известного египтолога К. Китчена, согласно которой обитатели юга Аравии, начиная с се-

²⁵ Дьяконов И.М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития // История древнего мира. Изд. 3-е, испр. и доп. [Кн. 1]. Ранняя древность. М., 1989. С. 36, 48–49; История Востока в 6-ти томах. Т. I. Восток в древности. М., 1997. С. 39–40.

²⁶ Дьяконов. Возникновение... С. 49 (переизд.: История Востока... I. С. 39).

²⁷ Edens Ch. Before Saba // Queen of Sheba. Treasures from Ancient Saba / Ed. St J. Simpson. L., 2002. P. 85.

²⁸ Подробнее о ней см. Vogt B. Sabr – une ville de la fin du IIe millénaire dans l'arrière-pays d'Aden // Yémen, au pays de la reine de Saba'... P 47–48; Vogt B., Sedov A. La culture de Sabr, sur la côte yéménite // Ibid. P. 42–46; *idem*. The Sabir Culture and Coastal Yemen during the Second Millennium BC – the Present State of Discussion // PSAS. 1998. 28. P. 261–270; *idem*. Die Sabir-Kultur und die jemenitische Küstenebene in der 2. Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr. // Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'. Wien, Künstlerhaus, 9. November 1998 bis 21. Februar 1999. [Ausstellungskatalog] / Hrsg. von W. Seipel. Milano–Wien, [1998]. S. 128–133 (эта же статья, но с меньшим иллюстративным материалом перепечатана в: Im Land der Königin von Saba... S. 61–65).

Интересно, что давнее название этой культуре городище Сабир, расположенное близ современного Адена, было известно довольно давно, однако считалось руинами одного из средневековых поселений, возведенных в середине IX–X в. н.э. бану-л-Киранди, наместниками Иу'фиридов в ал-Джанаде (*Ахмад Хусайн Шараф ад-Дин*. Ал-Йаман 'ибра-т-та'рих (мин ал-карн ар-раби' 'ашара кабла-л-мил'ад ил'л-карн ал-'иш-рин). Дир'асат джуг'рафийа, та'рихийа, сий'асийа ш'амила. [Каир], 1963. С. 183. Прим. 1).

редины XV в. до н.э., могли через страну Пунт, уверенно локализуемую им на восточном побережье Судана и в северных районах Эритреи²⁹, поддерживать торговые отношения с Египтом³⁰. Таким образом, ладан и мирра, поступавшие во II тысячелетии до н.э. на рынки Средиземноморья и Передней Азии преимущественно через Египет, имели скорее эфиопско-сомалийское, а не южноаравийское происхождение.

С падением в XI в. Нового царства в Египте произошло изменение направления международных торговых трасс. Отныне и вплоть до II в. до н.э. смолы благовонных растений, а также доставлявшиеся из Индии пряности шли главным образом через Аравийский полуостров по двум основным путям, начинавшимся в Йемене: западному, протянувшемуся параллельно побережью до Газы, и восточному, выходившему через Неджд и Йемаму к Персидскому заливу и далее к Месопотамии. Успешное функционирование этих путей во многом было связано с возникновением первых империй³¹: Новоассирийской, Нововавилонской, а затем и Ахеменидской, благодаря которым в соседних с Аравией регионах длительные периоды относительной стабильности стали нормой. Весьма показательно, что первые достоверные сведения о торговых и политических контактах южноаравийских государств с внешним миром касаются сабейско-ассирийских связей³².

Если основные факторы, обеспечившие возникновение на юге Аравии самобытной цивилизации, ориентированной на активное участие в международной

²⁹ Kitchen K. Punt and How to Get There // *Orientalia*. 1971. 40. P. 184–207; *idem*. Punt // *Lexikon der Ägyptologie* / Hrsg. von W. Helck, W. Westendorf. Lieferung 32 (Bd IV, Lieferung 8). Wiesbaden, 1982. Kol. 1198–1201; *idem*. The Land of Punt // *The Archaeology of Africa. Food, Metals and Towns* / Ed. Th. Shaw *et alii*. L.–N.Y., 1993. P. 587–612; *idem*. Further Thoughts on Punt and its Neighbours // *Studies on Ancient Egypt in Honour of H.S. Smith* / Ed. A. Leahy, J. Tait. L., 1999. (The Egypt Exploration Society. Occasional Publications. 13). P. 173–178.

³⁰ *Idem*. L'Égypte en quête des résines aromatiques // *Yémen, au pays de la reine de Saba'*. Exposition présentée à l'Institut du monde arabe du 25 octobre 1997 au 28 février 1998 [Catalogue]. P., 1997. P. 49; переиздана на немецком языке: *idem*. Punt, Ägypten und die Suche nach Räucherharzen // *Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'*... S. 56–57.

³¹ Термин «империя» используется здесь в том значении, которое вкладывает в него школа И.М. Дьяконова. Им обозначаются «мировые» державы, объединявшие территории, неоднородные по своей экономике и экономическим нуждам (одни из которых производили средства производства, а другие – предметы потребления), по географическим условиям, этническому составу населения, культурным традициям, державы, отличавшиеся высокой степенью централизации и подразделявшиеся на единообразные административные единицы. Появление таких государств знаменует собой переход от ранней древности к новой фазе в развитии древних обществ: имперской, или поздней (подробнее см. Дьяконов И.М., Якобсон В.А., Янковская В.А. Общие черты второго периода древней истории // *История древнего мира*. Изд. 3-е, испр. и доп. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. М., 1989. С. 15–18; переизд. в: *История Востока... I*. С. 221–223).

³² Galter H.D. «...An der Grenze der Länder im Westen». Saba' in den assyrischen Königsinschriften // *Studies in Oriental Culture and History. Festschrift Walter Dostal* / Ed. A. Gingrich, S. Haas, G. Paleczek. Frankfurt am Main, 1993. S. 29–40; Liverani M. Early Caravan Trade between South-Arabia and Mesopotamia // *Yemen. Studi archeologici, storici e filologici sull'Arabia meridionale*. 1992. 1. P. 111–115.

Упоминание в ассирийских царских текстах дани, отправленной ок. 716 г. до н.э. Ити'амаром Сабейцем (одним из правителей Сабы, носившим стандартное для раннесабейского властителя имя Йаса'амар) Саргону II (722–705), и даров, которые Карибилу, царь Сабы (вероятно, автор RES 3945 и 3946 Кариб'ил Ватар, сын Замар'алая), вскоре после 689 г. до н.э. послал Синахерибу (705–681), служит одной из основ не только сабейской, но и всей южноаравийской хронологии, позволяющей привязать ее к абсолютной временной шкале (см., например: Robin. Sheba... Col. 1113, 1118).

торговле, ясны, то общий ход этого процесса, не говоря уже о деталях, пока не поддается надежной реконструкции. Культурное влияние сиро-палестинского региона на древний Йемен, проявившееся в частности в развитии южносемитской ветви алфавитного письма³³, отмечено и в сфере материальной культуры: так, А.В. Седову удалось обнаружить в наиболее ранних слоях оазиса Райбун, датированных рубежом II–I тысячелетий до н.э. (точнее, периодом между XIII–XII вв. до н.э. и концом VIII – началом VII в. до н.э.), расписную керамику с зооморфными и геометрическими орнаментами (так называемую *ancient Hadramawt pottery*), которая имеет близкие аналоги в лощеной и ангобированной керамике, происходящей с различных палестинских городищ последней четверти II тысячелетия до н.э.³⁴ Кроме того, наблюдается отсутствие преемственности как в локализации, так и в материальной культуре между поселениями позднего бронзового века в Йемене, в частности теми, что относятся к упоминавшейся выше «культуре Сабир», и ранними центрами южноаравийской цивилизации, сосредоточенными вдоль границ пустыни Рамлат ас-Саб‘атайн³⁵.

В этой связи было высказано предположение, что создатели цивилизации древнего Йемена, во всяком случае правящая элита местных государств, появились на юге полуострова в результате миграции племен из северных районов Аравии, граничащих с Сирией и Палестиной³⁶. Эта гипотеза, основанная пока

³³ Благодаря открытию А.Г. Лундина, дешифровавшему 2 января 1987 г. табличку из ‘Айн Шамса (Бёт Шемеша) и доказавшему, что она содержит записанный в XIII в. до н.э. клинообразным шрифтом в так называемом южносемитском порядке краткий вариант консонантного алфавита, удалось раскрыть палестинские корни южноаравийской письменности, для которой характерен тот же алфавитный порядок (см. *Lundin A.G. L’abécédaire de Beth Shemesh // Le Muséon. 1987. 100. P. 243–250; Лундин А.Г. Табличка из Бет Шемеша // ВДИ. 1989. № 1. С. 144–150; о значении этого открытия см., например: Ryckmans J. Un abécédaire sud-arabe archaïque complet, gravé sur un pétiole de palme // I primi sessanta anni di scuola. Studi dedicati dagli amici a Sergio Noja Noseda nel suo 65° compleanno 7 luglio 1996. Lega, 1997. P. 12–13). Последние сомнения на этот счет отпали после того, как в 1988 г. в Ра‘с Шамра была обнаружена табличка RS 88.2215 с полным вариантом угаритского клинообразного алфавита, также расположенного в южносемитском порядке (Ibid. P. 13, 28. Not. 12).*

³⁴ *Sedov A.V. On the Origin of the Agricultural Settlements in Hadramawt // Arabia antiqua. Early Origins of South Arabian States. Proceedings of the 1st International Conference on the Conservation and Exploitation of the Archaeological Heritage of the Arabian Peninsula Held in the Palazzo Brancaccio, Rome, by IsMEO on 28th–30th May 1991 / Ed. Ch.J. Robin with the collaboration of I. Gajda. Roma, 1996 (Serie Orientale Rome. LXX. 1). P. 71–79.*

³⁵ В средневековых арабо-мусульманских источниках она именовалась Сайхад, что дало основание Альфреду Бистону предложить термин «сайхадский» (*Sayhadic*) для обозначения не только южноаравийских эпиграфических языков, но и древнейшей южноаравийской цивилизации I тысячелетия до н.э. (*Beeston A.F.L. Apologia for ‘Sayhadic’ // PSAS. 1987. 17. P. 13–14; Robin Ch.J. Sayhadica? // Sayhadica. Recherches sur les inscriptions de l’Arabie préislamique offertes par ses collègues au Professeur A.F.L. Beeston / Ed. Ch. Robin, M. Bāfaqih. P., 1987 (L’Arabie préislamique. Vol. 1]. P. XII–XIII). Хотя в последние годы он получил весьма широкое распространение, нам ближе точка зрения Ж. Рикманса, который не считал этот термин удачным. Действительно, своим возникновением южноаравийская цивилизация обязана отнюдь не пустыне, которая к тому же до ислама Сайхадом, по всей видимости, не называлась.*

³⁶ *Bron Fr. Les noms propres sudarabiques du type «yf’1 + NOM DIVIN» // Études sud-arabes. Recueil offert à Jacques Ryckmans. Louvain-la-Neuve, 1991 (Publications de l’Institut orientaliste de Louvain. 39). P. 90–91; Nebes N. Zur Genese der altsudarabischen Kultur. Eine Arbeitshypothese // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. bis 26. November 1999/Hrsg. von R. Eichmann, H. Parzinger. Bonn, 2001 (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. Bd 6). S. 428–432.*

преимущественно на данных ономастики и сравнительно-исторического языкознания, нуждается в серьезном археологическом и эпиграфическом подтверждении, которым могло бы стать, например, обнаружение в Центральной Аравии следов двигавшихся в Йемен переселенцев. Это соображение, а также полное молчание ближневосточных источников конца II тысячелетия до н.э. о сколько-нибудь заметной миграции из района Благодатного Полумесяца вглубь Аравийского полуострова заставило допустить в качестве альтернативного варианта развития событий передачу сиро-палестинского культурного влияния через торговые и иные контакты без перемещения значительных групп населения. Впрочем, не исключено, что оба процесса шли параллельно, так что в итоге каждый из них внес свою лепту в формирование южноаравийской цивилизации³⁷.

Материалы, полученные в последние десятилетия в ходе обследования и раскопок городищ древнего Хадрамаута (в основном Райбуна и его окрестностей, но отчасти и Шабвы), позволили обнаружить новые параллели между южноаравийскими и западносемитскими антропонимами. Если в ходе ономастического исследования, проведенного Франсуа Броном по поиску в обеих группах схожих теофорных имен, построенных по модели «*yf'l* + имя божества», среди 39 обнаруженных в эпиграфике древнейеменских антропонимов было выявлено лишь 10 хадрамаутских³⁸, то сейчас число последних возросло до 18, а сам этот список увеличился до 42 за счет таких имен собственных, как впервые обнаруженное в Аравии *YS²R'L* (СОЙКЭ 580), которое в точности соответствует знаменитому *Yisrā' el*, а также *YFD'L* (СОЙКЭ 1476 = P6 XIV/88 № 10) и *YT''L* (Ingrams 4 = Ry 618/1)³⁹. Еще пять имен, попавших в этот список из ономастиконов других южноаравийских этносов, теперь известны и по хадрамаутским надписям: *YBHR'L* (СОЙКЭ 673)⁴⁰, *YDKR'L* (СОЙКЭ 2461, 2594 = P6 XIV/90 № 146/2, № 279/1), *YQN'M* (Shabwa S/75/87, l. 1), *YSDQ'L* (СОЙКЭ 1062 = Маравих I A 9/2; Джаулат ар-Румад 3 A 1/1, 4 A 2/1), *[Y]SR'L* (СОЙКЭ 1887 = P6 I/89 зд. 4, сл. I № 321/2). Кроме того, автор надписи *Raḅūn-Kafas/Na'mān 73*, найденной на небольшом переносном алтаре для жертвенных возлияний при раскопках одного из храмов богини Зāt Химйам (городище Райбун V), носил имя *FS²MS¹* (Фү-Шамс), построенное по модели «*fū/pū* “уста” + имя божества», которая прежде вообще не встречалась на территории Аравийского полуострова, зато за его пределами была засвидетельствована в текстах из Мари у аморитов (*Pu-ū^dDagan*)⁴¹ и на табличках из Телль эль-Амарны у арамеев (*Pu-Bahla = P-B'L*)⁴².

Разумеется, процесс формирования древнейеменской цивилизации проходил гораздо сложнее, чем мы можем сегодня это представить. Так, обращают на се-

³⁷ *Nebes*. Op. cit. S. 433.

³⁸ *Bron*. Op. cit. P. 86–90.

³⁹ Ср. с еврейскими антропонимами *Yifdēyāh*, *Yēša'yāh(ū)* и, вероятно, *לחש* (*Noth M.* Die israelitischen Personennamen im Rahmen der gemeinsemitischen Namengebung. Stuttgart, 1928 [Beiträge zur Wissenschaft vom Alten und Neuen Testament / Hrsrg. von R. Kittel. Folge 3. Ht 10]. S. 247–248).

⁴⁰ Весьма вероятно, что это имя, отмеченное в раннесабейском ономастиконе (*Tairan S.A.* Die Personennamen in den altsabäischen Inschriften. Ein Beitrag zur altsüdarabischen Namengebung. Hildesheim-Zürich-New York, 1992 (Texte und Studien zur Orientalistik. Bd 8). S. 234–235), носил поселившийся в Райбуне сабеец: оставленная им надпись посвящена Алмакаху и содержит указание на родовую принадлежность автора, что совершенно не свойственно райбунским текстам (см. *Бауэр*. Эпиграфика Рейбуна... С. 138. Рис. 21).

⁴¹ *Huffman H.B.* Amorite Personal Names in the Mari Texts. A Structural and Lexical Study. Baltimore, 1965. P. 254.

⁴² EA 104/7, 314, 315, 316.

бы внимание существенные отличия сабейского языка от остальных эпиграфических южноаравийских: сабейскому *h* местоименных суффиксов (отчасти и указательных местоимений), а также каузативной глагольной породы соответствует *s*¹ в ма'инском, катабанском и хадрамаутском⁴³. Между тем именно сабейский язык, в том числе и по этим признакам, довольно близок так называемым «ханаанским диалектам» (вернее, языкам: ивриту, финикийскому, моавитскому)⁴⁴. Не исключено, что в противоположность сабейцам носители *s*¹-языков являлись автохтонами Южной Аравии либо переселились туда из иных районов Аравийского полуострова, нежели сиро-палестинское пограничье. Чтобы хоть немного прояснить этот вопрос, стоит рассмотреть происхождение этнопонима *HDRM(W)T*. Вполне очевидной представляется несостоятельность народных этимологий, как арабской *хадара-л-маут* – «явилась смерть»⁴⁵, так и еврейской *хăцар мăвет* – «хутор смерти»⁴⁶. Однако вызывает возражения и гипотеза А. Бистона, выведившего это имя собственное от корня *DRM* с семантикой «паллящий зной» (ср. араб. *дирām* – «горение, пыление, жар»), к которому были добавлены префикс *ha-* и суффикс женского рода *-ūt (-ōt)*⁴⁷. Если вычленение данного суффикса, поддержанное К. Петрачеком⁴⁸ и О.И. Редькиным⁴⁹, оказалось весьма удачной идеей, то префикс *ha-*, иногда встречающийся в современных южноаравийских языках в качестве определенного артикля (наряду с *'a-* и *ha-*), пока не зафиксирован с уверенностью ни в одном имени собственном доисламской Аравии. На наш взгляд, трудно признать плодотворными настойчивые попытки свести четырехсогласную основу исследуемого этнопонима к стандартному трехбуквенному корню, будь то *HDM* (*HDM* → *HDMM* → *HDRM/HDRM*)⁵⁰ или *HDR*⁵¹, хотя бы потому, что четырехбуквенные антропонимы – не такая уж редкость в хадрамаутской ономастике⁵². Кроме того, корень *HDRM* достаточно продуктивен в арабском. Для наших целей важно не докопаться до изначальной семантики слова *HDRM(W)T*, вряд ли осознававшей самими древними хадрамаутцами, а отыскать схожие топонимы в других частях Аравийского полуострова.

⁴³ В полном объеме система указательных местоимений на *s*¹- обнаружена лишь в катабанском (*Beeston A.F.L. A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian. L., 1962. P. 47. § 39 : 1; idem. Sabaic Grammar. [Manchester], 1984 (Journal of Semitic Studies Monograph. 6). P. 66. § Q 24:1*); в ма'инском подобная форма, возможно, выявлена единственный раз (*Ibid. P. 63. § M 24:1*); в хадрамаутском же этот тип указательных местоимений пока вообще не найден.

⁴⁴ *Nebes. Op. cit. S. 432.*

⁴⁵ См., например: *Jâcût's geographisches Wörterbuch / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd 2. Lpz., 1867. S. 285.*

⁴⁶ Пятикнижие Моисеево с дословным русским переводом О.К. Штейнберга. Изд-е фототипное. М., 1979 (воспроизведено по изд.: Вильна, 5662 г. от Сотв. мира). С. 24. Прим. 15. Возможен также перевод «двор смерти», тогда как толкование «смерть пришла» (*Редькин. Ук. соч. С. 124*), скорее всего, основанное на ложной аналогии с арабским, безусловно, является ошибочным.

⁴⁷ *Beeston A.F.L. Hadramawt // EI². III. P. 51.*

⁴⁸ *Petráček K. Hadramōt – Versuch einer Etymologie // Bulletin de la Société d'égyptologie (Genève). 1980. 4 (Mélanges offerts à M. Werner Vycichl). S. 75–76.*

⁴⁹ *Редькин. Ук. соч. С. 127–128.* О.И. Редькин справедливо отметил, что этот суффикс встречается в топонимике Южной Аравии, в частности Дофара (ср. Сайхūt, Дамкūt и т.п.).

⁵⁰ *Petráček. Op. cit. S. 75.*

⁵¹ *Редькин. Ук. соч. С. 125–126.*

⁵² См., например, такие райбунские имена, ранее нигде не засвидетельствованные, как *S³RTM-m* и *S³MR* (*Frantsouzoff. Regulation of Conjugal relations... P. 118, 121*), *KRB-m* и *S²DR* (*idem. En marge des inscriptions de Raybūn... P. 48*).

Известно, что пути миграций племенных общностей иногда можно проследить по географическим названиям, производным от соответствующих этнонимов. В связи с уникальностью сочетания *HDRM* следует учесть замечания К. Петрачека о переходе *h* → *ḥ*, отмеченном в некоторых арабских диалектах и семитских языках⁵³. Классической арабской географии известно не так много топонимов, восходящих к корню *HDRM*: ал-Хидрима, главный город Йемамы⁵⁴, ал-Хадарим, вадй в этой же области⁵⁵, а также колодец ал-Хидрима на юге Хиджаза⁵⁶. Если название для колодца, скорее всего, восходит к одному из значений имени нарицательного *хидрим* – «обильный водой», то существование двух однокоренных топонимов в Йемене может служить косвенным указанием на прародину древних хадрамаутцев, особенно в связи с формой ал-Хадарим, напоминающей ломаное множественное число этнонима. Ее близкими аналогами оказываются обозначения хадрамаутцев как *HDRM-n* в сабейской эпиграфике (СН 140/5)⁵⁷ и как ал-хадарима в арабо-мусульманской традиции. В пользу предположения о приходе хадрамаутцев из восточных районов полуострова свидетельствует в частности обычай захоронения верблюдов, иногда в одной могиле с людьми. Археологически он зафиксирован только в Хадрамауте, соседней с ним Махре и в Восточной Аравии (хотя и не в самой Йемене, но в непосредственной близости от ней – на территории современных Катара, ОАЭ и Омана)⁵⁸, причем в гроте ар-Рукба, неподалеку от Райбўна, найдено единственное в древней Южной Аравии эпиграфическое свидетельство погребения верблюда в гробнице, приготовленной для человека (СОЙКЭ 903)⁵⁹. Похоже, что во всем доисламском Йемене этот обычай практиковали одни лишь хадрамаутцы. Впрочем, имеющихся данных пока не достаточно для серьезного обоснования осторожно высказываемой здесь гипотезы об их восточноаравийских корнях.

Цивилизация древнего Йемена нередко по своей главной составляющей именуется сабейской. Действительно, влияние сабейского языка и культуры сабейцев на остальные области Южной Аравии оставалось весьма заметным с начала I тысячелетия до н.э. вплоть до середины VI в. н.э., причем некоторые его аспекты не могут являться следствием военно-политической экспансии Сабейского царства и явно восходят к более раннему периоду в истории региона. Речь идет о структуре южноаравийских личных и родовых имен, среди составных элементов которых присутствуют глагольный префикс *h-* и местоименный суффикс *-hmw*, но нет никаких следов их аналогов на *s'*. Хадрамаутский ономастикон не является исключением. В эпиграфике Райбўна антропонимы, оканчива-

⁵³ Petráček. Op. cit. S. 74.

⁵⁴ Jâcût's geographisches Wörterbuch... Bd 2. S. 451; Bd 3. Lpz, 1868. S. 644.

⁵⁵ Ibid. Bd 2. S. 450.

⁵⁶ Ibid. Bd 2. S. 451; Bd 4. Lpz, 1869. S. 442. У Йакўта указано, что он принадлежал племени банў салўл, которое обитало между ат-Тā'ифом и Бйшей (*Caskel W. Gamharat an-nasab. Das genealogische Werk des Hišām ibn Muḥammad al-Kalbī. Bd II. Leiden, 1966. S. 509*), т.е. в южной части области Хиджаз.

⁵⁷ Наряду с более распространенной формой *'HDR-n*, отражающей попытку подогнать этноним, производный от четырехсогласного корня, под сабейскую модель мн. ч. *af'ul*. В хадрамаутских надписях единственным вариантом данного этнонима остается *HDRMT*.

⁵⁸ Vogt B. Death, Resurrection and the Camel // Arabia Felix. Beitrage zur Sprache und Kultur des vorislamischen Arabien. Festschrift Walter W. Müller zum 60. Geburtstag. Unter Mitarbeit von R. Richter. I. Kottsieper und M. Maraqtan / Hrsg. von N. Nebes. Wiesbaden, 1994. S. 289–290.

⁵⁹ См. Frantsouzoff. The Hadramitic Funerary Inscription...

ющие на *-hmw*, довольно распространены⁶⁰, встречаются имена с каузативной приставкой, такие как *HFS²H* (Raybūn-Kafas/Na'mān 77/1), *MHFS²H-m⁶¹*, *HQM* (Raybūn-Hadrān 47/1), *HS¹LM* (Raybūn-Kafas/Na'mān 159/1), *HWF'L⁶²*, и даже с обоими формантами сразу, например, *HWD'HMW⁶³*. Появление подобных имен невозможно объяснить одними лишь заимствованиями из сабейского, поскольку подавляющее их большинство (за редкими исключениями, как в случаях с *HWF'L* и *HWD'HMW*) в сабейских текстах не обнаружено. Восприятие соседями сабейцев не самих имен, а словообразовательных моделей, характерных для ономастикона Сабы, происходило на заре южноаравийской истории, вероятно, за несколько столетий до зарождения в VIII в. до н.э. монументальной письменности. Оно указывает на изначальное культурное доминирование сабейцев, которое, по всей видимости, напрямую было связано с их решающей ролью в формировании цивилизации древнего Йемена.

Следующий период распространения сабейского влияния приходится на завоевательные походы мукарриба и малика (царя)⁶⁴ Сабы Кариб'ила Ватара, сына Замар'алая. Одним из главных результатов этих кампаний стал разгром Аусанского государства, против которого на стороне сабейцев выступили Хадрамаут и Қатабāн. За свою помощь союзники Кариб'ила получили области (*'bd'*), некогда отторгнутые у них Аусаном (RES 3945₁₂₋₁₃). О каких именно территориях шла речь, не уточняется. Вместе с тем наш прежний вывод, основанный преимущественно на аргументах *ex silentio*, о том, что район Райбūна в I тысячелетии до н.э. не подчинялся правителям Хадрамаута⁶⁵, следует сформулировать менее категорично, во всяком случае для периода, предшествующего III в. до н.э.: кон-

⁶⁰ Французов. О водопользовании... С. 136; *Frantsouzoff*. The Hadramitic Funerary Inscription... P. 253.

⁶¹ *Idem*. Epigraphic Evidence for the Cult of the God Sin... P. 62–63.

⁶² *Idem*. Le «tailleur de pierre»... P. 129–131.

⁶³ *Idem*. Raybūn. Hadrān... Fasc. A. P. 57, 59, 118.

⁶⁴ О соотношении двух этих титулов, обозначавших в I тысячелетии до н.э. верховных магистратов крупных государств Южной Аравии, которые сформировались на основе племенных союзов, см. Французов С.А. Политическое развитие южноаравийско-эфиопской цивилизации в I тысячелетии до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э.: от раннего государства к несостоявшейся империи // Петербургское востоковедение. Вып. 10. СПб., 2002. С. 254–258. Предложенная Кр. Робеном и поддержанная рядом его коллег идея о том, что принятие титула мукарриба означало притязание на господство над всей Южной Аравией, представляется нам по-прежнему неприемлемой, в первую очередь, из-за отсутствия параллелей в древнем мире (см. об этом: Там же. С. 256–257). Между тем разделение верховной власти между несколькими носителями в государствах ранней древности отмечено не только в древнем Йемене, но и в Эламе, где «вплоть до конца первой половины II тысячелетия до н.э. существовало как бы троевластие, когда во главе государства стояли суккалмах («великий посланник»), суккал («посланник») и царь» (Юсифов Ю.Б. Элам. Социально-экономическая история. М., 1968. С. 383; подробнее об этом явлении см. Там же. С. 63–84). Разумеется, речь может вестись исключительно о типологическом, а не о генетически обусловленном сходстве эламских и южноаравийских институтов.

⁶⁵ Французов. Общество Райбūна. С. 304; *Frantsouzoff*. The Society of Raybūn. P. 259–260; *idem*. Raybūn et La Mecque... P. 59–62.

Даже если мукарриб Хадрамаута Йада'аб Гайлāн, сын Сумхурийāма, действительно оставил в Мазāбе (городе Хурайда) свою коммеморативную надпись (см. ее последнее переиздание: *Avanzini A. La missione italiana nel Dhofar // Egitto e Vicino Oriente*. 1996. 19. P. 183. Fig. 2–4), отсюда не следует, что его власть признавалась за пределами этого поселения по всему Внутреннему Хадрамауту. Судя по весьма архаичной палеографии этой надписи, Йада'аб Гайлāн правил до Кариб'ила Ватара.

троль центральной хадрамаутской власти над Райбунном и прилегающими территориями был в ту эпоху минимален, возможно, как раз потому, что, заключив союз с Хадрамаутом, Саба включила в орбиту своего политического и культурного доминирования часть его земель. Нужно отметить, что в Райбуне обнаружено гораздо больше следов сабейского влияния, чем в Шабве, где от периода союзных отношений Хадрамаута и Сабы в начале VII в. до н.э. до нас дошли лишь четыре небольших фрагментарных надписи (Hamilton 3–5, Shabwa 2). Наиболее интересная из них представляет собой начертанное бустрофедоном посвящение Алмакаху (Hamilton 4/2–3), одним из авторов которого был Йаса 'амар, глава сабейского эпонимного племени назха (*kbr/NZHT*), представители которого входили в состав Совета старейшин – верховного органа власти в раннем Сабейском государстве⁶⁶. Весьма вероятно, что лицо, занимавшее столь высокое положение в сабейской иерархии, находилось в Шабве с дипломатической миссией. Эти сабейские надписи вообще представляют собой древнейшие памятники монументальной эпиграфики, происходящие с указанного городища. К сожалению, найдены они были во время любительских раскопок майора Р. Гамильтона в 1938 г. и потому археологический контекст, из которого они происходят, не был должным образом зафиксирован⁶⁷.

По мере изучения эпиграфических материалов СОЙКЭ растет число прямых и косвенных свидетельств сабейского влияния и даже присутствия сабейцев во Внутреннем Хадрамауте, прежде всего в Райбуне, в VII–V вв. до н.э. Речь идет не только о посвящении Алмакаху (СОЙКЭ 673), автором которого, скорее всего, был сабеец⁶⁸, или об упоминании этого «национального» бога Сабы в финальной инвокации надписи, посвященной Сийану (СОЙКЭ 834 = P6 VI/84 № 5/2–3)⁶⁹,

⁶⁶ См. о *NZHT*: Лундин А.Г. Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат). М., 1971. С. 206–215, 222–223, 226–228, 230–231.

⁶⁷ В ходе работ Французской археологической миссии в Шабве раскопки велись почти исключительно на объектах, сооруженных в последние века I тысячелетия до н.э. (замок *S²QR*) или даже в начале I тысячелетия н.э. (главный храм бога Сийана 'LM). Обнаружение в отдельных шурфах образцов *C¹⁴*, датируемых серединой и даже началом II тысячелетия до н.э. (Breton J.-Fr. *Quelques dates pour l'archéologie sudarabique // Arabia antiqua...* P. 89–90; *idem*. Preliminary Notes on the Development of Shabwa // PSAS. 2003. 33. P. 200–201. Fig. 2–3), не может служить доказательством существования постоянного крупного поселения на этом месте еще в бронзовом веке. Как справедливо заметил А.В. Седов в личном письме от 10 июня 2004 г., эти образцы, относящиеся к «зольному слою», в котором нет ни керамики, ни архитектурных деталей, были взяты из древнего кострища, которое могло остаться, например, от стоянки кочевников.

Нужно признать, что в археологическом отношении Шабва первой половины I тысячелетия до н.э. практически не изучена. Весьма показателен пример замка Ша'бан, который, судя по единственному упоминанию в хадрамаутской надписи Sha'ab (sic) al-Layl (l. 4), происходящей из окрестностей столицы и палеографически датируемой V–IV вв. до н.э., служил резиденцией правителей Хадрамаута до Шакара. Хотя в фундаменте Шакара (зд. № 55) найден один образец *C¹⁴*, датированный XII–IX вв. до н.э. (Ibid. P. 201. Fig. 5), даже предположительная локализация Ша'бана на этом месте вызывает серьезные сомнения (Ibid. P. 202).

Интересно, что наиболее ранние упоминания топонима *S²BWT* в южноаравийской эпиграфике встречаются в надписях, датируемых последними веками до нашей эры (в хадрамаутской Shabwa n° 15/2 и в ма'инской M 416 + 275/2–3), т.е. восходят к тому же периоду, что и первые сведения о ней у античных авторов, и потому сам факт существования хадрамаутской столицы с таким названием в начале VII в. до н.э. является в известной степени допущением, правда, почти бесспорным.

⁶⁸ См. выше прим. 40.

⁶⁹ См. Бауэр. Эпиграфика Рейбуна... С. 141–142.

но и о нисбе *S¹RMY-n*, впервые позволившей связать события, описанные в RES 3945, с райбунскими реалиями. Фрагмент текста, составленный ее обладателем, сыном Хайва (*[b]n/HYW-m*), личное имя которого не сохранилось, обнаружен в выемке храма богини Зāt Химйам (Райбун V) и приблизительно датирован VII–VI вв. до н.э. (*Raubūn-Kafas/Na'mān* 42). Истолковать эту нисбу как имя нарицательное (по типу *grby-n/-hn* «каменотес») не представляется возможным, а относительные прилагательные, образованные от родовых имен, у райбунцев вообще не отмечены. В то же время в RES 3945/6–7 сообщается, что после разгрома Ауcāна Кариб'ил Ватар обнес стенами многочисленные поселения ('*hgr* – букв. «города») района *S¹RM*, провел там ирригационные работы и заселил его сабейцами. Традиционное отождествление этого топонима с арабским Сарūм, локализуемым к северу от Са'ды (т.е. на северных рубежах Йемена)⁷⁰, не выдерживает критики, поскольку в соответствующей части RES 3945 явно говорится о южнойеменских землях, находившихся недалеко от западных окраин Внутреннего Хадрамаута. Если наша идентификация верна, то появление сабейца, переселенного в *S¹RM*, среди авторов вотивных текстов в райбунском храме, следует рассматривать как еще одно подтверждение того, что этот храмовый центр, непосредственно раннему Сабейскому государству не подчинявшийся, входил в сферу его интересов.

Обосновавшиеся среди райбунцев выходцы из Сабы принесли с собой не только почитание Алмакаха, но и культ богини Зāt Химйам, которая по неясным пока причинам снискала особое расположение местных жителей, так что даже была включена в местный пантеон. На самом Райбуне вскрыто два больших ее храма: расположенный на территории основного поселения Рахбāн (Райбун I, зд. 2–4, 7) и возведенный несколько на отшибе Кафас, позднее (очевидно, с III в. до н.э.) переименованный в На'māн (Райбун V). Наличие святилища Зāt Химйам характерно и для других поселений Внутреннего Хадрамаута: на городище Би'р Хамад, например, его существование подтверждено и археологически⁷¹ и эпиграфически⁷². Далекое не случайно в эпиграфике Кафаса (На'māна) выявлено значительное число антропонимов (12), характерных для раннесабейской ономастики⁷³. Изначально сабейское происхождение Зāt Химйам можно считать доказанным: за пределами сабейского культурно-политического ареала и Внутреннего Хадрамаута ее культ засвидетельствован только в колониях Сабы в земле Да'мат на Африканском Роге. Интересно, что в Шабве почти не обнаружено следов поклонения этой богине, за исключением единственного упоминания в финальной инвокации строительной надписи начала нашей эры (*Hamilton* 2 A–B + *Shabwa S/75/128*, l. 2). Напрашивается предположение, что Внутренний Хадрамаут, в частности Райбун, привлекал сабейцев больше, чем хадрамаутская столица. Одна из причин подобной ситуации могла заключаться в том, что эта

⁷⁰ *Al-Hamdāni's Geographie der Arabischen Halbinsel...* S. 84₆, 114₁₅; см. *Rhodokanakis N. Altsabäische Texte* I. Wien, 1927 (Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 206. Bd 2. Abhandlung). S. 43 f.; *Sheiba A.H. Die Ortsnamen in den altsüdarabischen Inschriften (mit dem Versuch ihrer Identifizierung und Lokalisierung)*. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde des Fachbereichs Aussereuropäischen Sprachen und Kulturen der Philipps-Universität Marburg/Lahn. Marburg/Lahn, 1982. S. 84–85.

⁷¹ *Sedov A.V. Bi'r Hāmad: a Pre-Islamic Settlement in the Western Wādī Hadramawt. Notes on an archaeological map of the Hadramawt*, 1 // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 1995. 6. P. 105.

⁷² *Французов*. Новые данные о хадрамаутском эпонимате... С. 167. Прим. 24.

⁷³ *Frantsouzoff S.A. Raubūn. Kafas/Na'mān, temple de la déesse Dhāt Himyam. Fasc. A: Les documents*. Paris–Rome (Inventaire des inscriptions sudarabiques. T. 9) (в печати). Ch. 4.

область была расположена в непосредственной близости от мест произрастания ладана и мирры, локализуемых на территории современного Дофара и, возможно, в некоторых районах хадрамаутского побережья (см. карту).

Сабейское влияние наложило отпечаток не только на религию и ономастику, но на язык надписей, причем, как видно по эпиграфике Внутреннего Хадрамаута, оно не ограничивалось заимствованием глагола *hqny* – «посвящать» и местоименных суффиксов 3 л. ед. ч. *-hw* и *-h*⁷⁴. В хадрамаутский вошел ряд специфических терминов, известных только по раннесабейским текстам, таких, как *'wdn* – «слой каменной кладки»⁷⁵. На основании таких примеров обычно делается вывод о единстве южноаравийской культуры, однако не нужно забывать, что важнейшим источником этого единства и мощным фактором, обеспечивающим его сохранение, являлась именно Саба.

В отношениях Внутреннего Хадрамаута с ближайшим соседом – Катабаном – подобное культурное доминирование не прослеживается, несмотря на тесные контакты с катабанцами. В одном из райбунских жилых домов (Райбун I, зд. 6), владельцы которого, вероятно, были вовлечены в торговлю с этой страной, найдено десять кратких надписей (зачастую фрагментарных), относящихся к начальному этапу в развитии местной эпиграфики (т.е. к VII–VI вв. до н.э.) и посвященных одновременно 'Амму и Сий'ану, главным богам обоих народов⁷⁶. К этому же периоду восходят несколько votивных текстов из храма Рахб'ан, обращенных к богине З'ат Сахр'ан⁷⁷, уверенно идентифицируемой с катабанской З'ат Захр'ан⁷⁸. Однако храмов ни одному из катабанских божеств райбунцы не возводили, в хадрамаутской ономастике практически не представлены типичные для Катабана имена⁷⁹, и уж вовсе не обнаруживается каких-либо следов влияния катабанского языка на хадрамаутский⁸⁰.

⁷⁴ Об этом явлении, характерном также для ранних катабанских текстах, см. *Frantsouff. Raybūn. Hadrān...* P. 51; *idem. En marge des inscriptions de Raybūn...* P. 43–44.

⁷⁵ *Frantsouff. The Hadramitic Funerary Inscription...* P. 253, 255.

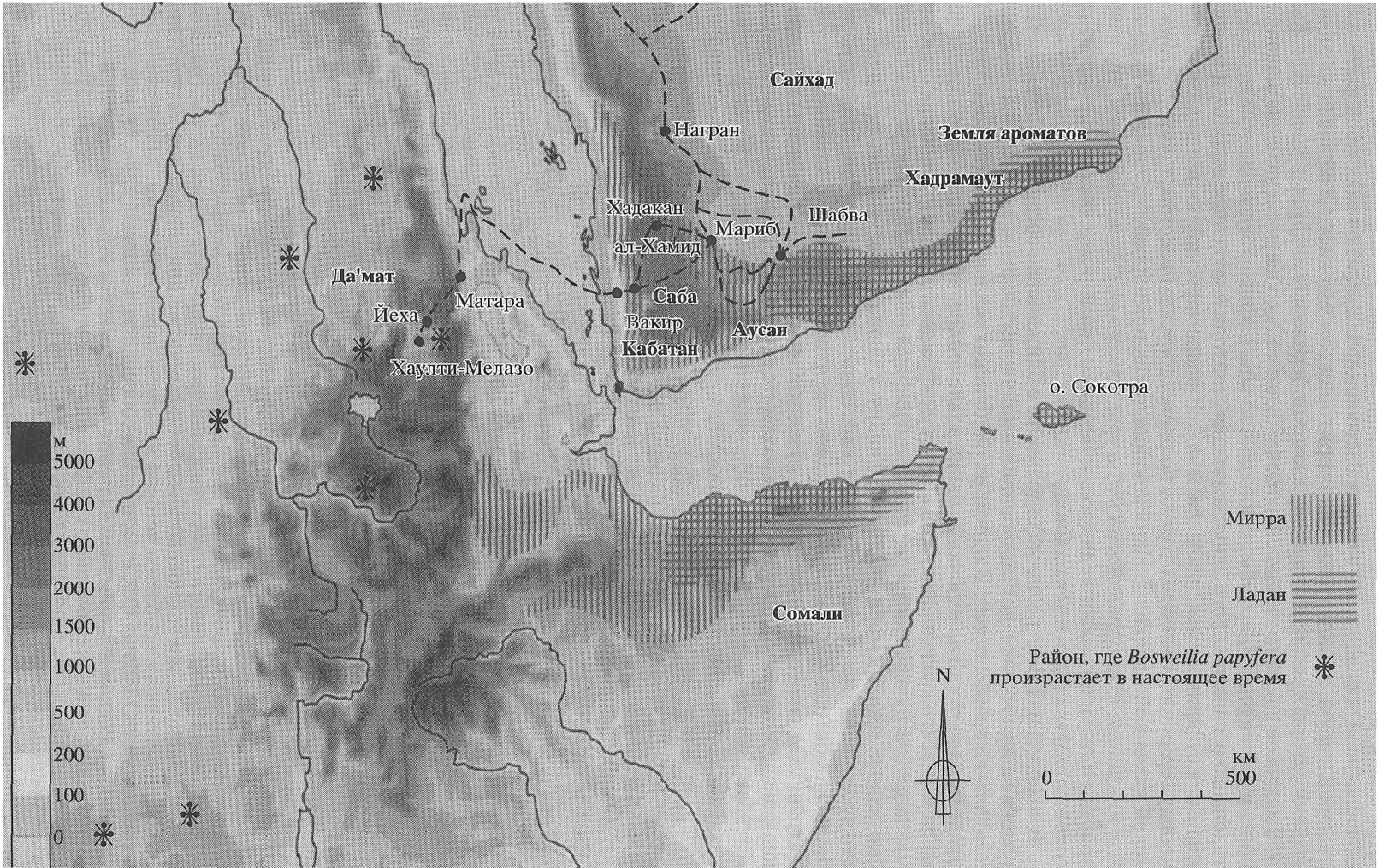
⁷⁶ См. *Лундин. Надписи жилого дома на городище Райбун I...* Их датировка IV–III вв. до н.э. (Там же. С. 91) с учетом палеографических критериев не может быть принята.

⁷⁷ См. монументальные надписи СОЙКЭ 520; СОЙКЭ 636 + 637 = Р6 I/84 зд. 3, сл. I № 112 а-д + № 113 а-в (*Бауэр. Эпиграфика Рейбуна...* С. 120); СОЙКЭ 777 = Р6 I/84 зд. 2, сл. I № 104 а-в (Там же. Рис. 4); СОЙКЭ 1700 = Р6 I/88 проход, сл. I № 94; СОЙКЭ 1868 = Р6 I/89 зд. 4, сл. I № 299; СОЙКЭ 2203 = Р6 I/90 зд. 4 № 39, а также текст на дереве X.Rb-89 n° 7 (*Бауэр, Акопян, Лундин. Новые эпиграфические памятники из Хадрамаута; Frantsouff. Hadramitic Documents Written on Palm-Leaf Stalks.* P. 55–56).

⁷⁸ Для хадрамаутской эпиграфики характерна замена *z* на *ṣ*, очевидно, отражавшая особенности местного произношения (*Frantsouff. Hadramitic Documents Written on Palm-Leaf Stalks.* P. 62. Not. 7). Так, наряду с формой *qz'*, засвидетельствованной для глагола «посвятить, пожертвовать» на бронзовой табличке из Шабвы (RES 2693/3), гораздо более распространенным является написание *qs'*, встречающееся в текстах Шабвы (RES 4698/4; *Shabwa-Chantier V, 1975/5; RF-Alīm 1/4*), Хурайды (СТ 4/4) и Райбуна (СОЙКЭ 1468 = Р6 XIV/87 № 110–111/3; СОЙКЭ 2377 = Р6 XIV/90 № 60/4). отождествление *DT/ZHR-n* с *DT/SHR-n* было предложено еще А. Бистоном, который обратил внимание на вариант с *ṣ* в краткой катабанской посвяtitельной надписи на алтаре RES 4574/3 (*Beeston A.F.L. A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian. L., 1962. P. 15. § 9:6*).

⁷⁹ Речь идет прежде всего о составных именах, заканчивающихся на -'М (см. *Лундин А.Г. Элемент 'm в южноаравийских именах: имя бога или термин родства? // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР (доклады и сообщения), декабрь 1978 г. Ч. I. М., 1979. С. 123–128*). Редким исключением является упоминавшееся выше имя *YQN'M*.

⁸⁰ Что касается местоименного суффикса дв. ч. *-s'my*, то речь идет о катабанско-хадрамаутской изоглоссе, подобно тому, как в случае с другой формой этого суффикса *-s'mn* мы имеем дело с минейско-хадрамаутской изоглоссой (*Frantsouff. En marge des inscriptions de Raybūn...* P. 44).

На межгосударственном уровне хадрамаутско-катабанские отношения еще на заре их истории были омрачены вооруженным конфликтом, о котором лаконично сообщается в надписи *Arbach-Bâfaqîh al-'Uqla 1*, составленной царем (маликом) Хадрамаута Йада ' илом Баййином, который «раздавил Катабан» (стк. 2: *mhd/QTBN*). Вопреки утверждению ее издателей⁸¹ палеография не дает оснований датировать ее именно VI, а, скажем, не началом VII в. до н.э. и с ходу отвергать заманчивую возможность отождествления этого Йада ' ила с одноименным хадрамаутским правителем, упоминаемым в RES 3945/12. Если допустить, что в обеих надписях речь идет об одном и том же царе, то яблоком раздора, столкнувшим два государства, скорее всего, стали аусанские земли, возвращенным им Кариб'илом Ватаром. Получается, что этим «великодушным» жестом Саба не усилила, а ослабила своих союзников, в которых после разгрома Аусана более не нуждалась, и на время исключила вероятность превращения их в серьезных соперников.

Начальные века истории Хадрамаута подтверждают справедливость давно сложившегося среди специалистов по древнему Йемену убеждения о решающей роли сабейцев в формировании южноаравийской цивилизации. Вместе с тем новый эпиграфический материал, ставший доступным благодаря изысканиям СОЙКЭ, позволяет уточнить этот бесспорный вывод и выделить по крайней мере два разновременных пласта сабейского влияния: ранний, восходящий к рубежу II–I тысячелетий до н.э. и отраженный преимущественно в ономастических моделях (на *h-* и *-hmn*), и более поздний, связанный с экспансией Сабы в начале VII в. до н.э. при Кариб'иле Ватаре и по-разному проявлявшийся в столице Хадрамаута и на его периферии. В Райбуне и других поселениях Внутреннего Хадрамаута сабейцы оказали глубокое и многостороннее воздействие на культуру местных жителей, тогда как в Шабве их доминирование длилось недолго и, очевидно, ограничивалось сферой политики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И СИГЛОВ НАДПИСЕЙ

Джаулат ар-румād 3 А 1, 4 А 2 – *Пиотровский М.Б.* Стоянка паломников Джаулат ар-румād // Городище Райбун... (ТСОЙКЭ. II). С. 180–181, 188. Рис. 41, 43

ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб.

СОЙКЭ 1062 = Марāvих I А 9 – *Он же.* Вади аль-'Айн: древнейеменские надписи // Хадрамаут... (ТСОЙКЭ. I). С. 198–199 (ошибочно издана под № 940)

СОЙКЭ 1468 = P6 XIV/87 № 110–111 – *Frantsouzoff.* Epigraphic Evidence for the Cult of the God Sîn... P. 63–64

СОЙКЭ 2377 = P6 XIV/90 № 60 – *Ibid.* P. 64–65

ТСОЙКЭ – Труды Советско-йеменской комплексной экспедиции

ЭВ – Эпиграфика Востока

⁸¹ *Arbach M., Bâfaqîh M.A.* Nouvelles données sur la chronologie des rois du Ḥadramawt // *Semitica.* 1998. 48. P. 113–116 ; P. 126. Tableau.

←
Карта. Южная Аравия в первой половине I тыс. до н.э. и места произрастания благовонных растений на ее территории и в соседних с ней регионах (по: *Groom.* Les parfums de l'Arabie // *Yémen, au pays de la reine de Saba*... P. 73; *idem.* Die Düfte Arabiens // *Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba*... S. 54)

- AION – Annali dell’Istituto Universitario Orientale di Napoli. Napoli
 Arbach-Bâfaqîh al-‘Uqla 1 – *Arbach, Bâfaqîh*. Nouvelles données... P. 109–114.
 Fig. 1 a–b
- CIAS – Corpus des inscriptions et antiquités sud-arabes. T. I (section 1: Inscriptions; section 2: Antiquités). T. II: Le Musée d’Aden (fasc. 1: Inscriptions; fasc. 2: Antiquités). Louvain, 1977, 1986
- CIH – Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars quarta inscriptiones himyariticas et sabæas continens. T. I–III (+ Tabulae). P., 1889–1931
- CT 4 – *Caton Thompson G.* The Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadhramaut) (Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London. XIII). Oxf., 1944. P. 158–160. Pl. 63; *Французов.* О водопользовании... С. 145–147.
- EA – *Delaporte L.* Épigraphe Araméens. Études de textes araméens gravés ou écrits sur des tablettes cuneiformes. P., 1912
- EI² – The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. I–XI. Leiden–London, 1960–2001
- Hamilton 2 A-B + Shabwa S/75/128 – *Pirenne*. Les témoins écrits... P. 56–58. Fig. 20. Pl. 47 a–b
- Hamilton 3–5 – *Brown W.L., Beeston A.F.L.* Sculptures and Inscriptions from Shabwa // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1954. P. 51–53. Pl. XIX, 3; XXII, 1; *Pirenne*. Les témoins écrits... 47–49. Pl. 44 a, c, d
- Ingrams 1 – *Drewes A.J.* Some Hadrami Inscriptions // *Bibliotheca orientalis*. 1954. 11. P. 93–94. Pl. I; *Pirenne*. Les temoins ecrits... P. 91–93
- Ingrams 4 = Ry 618 – *Ryckmans G.* Inscriptions sud-arabes. 19ème série // *Le Muséon*. 1962. 75. P. 214–216
- Ir 31 – *Мутаххар ‘Али ал-Ирйāни.* Фй та’рйх ал-Йаман. Шарх ва-та’лийк ‘алā нуқūш лам туншар. 34 накш^{ан} мин маджмӯ‘ат ал-қāдй ‘Али ‘Абдаллāх ал-Кахāли. Каир, [1973]. С. 161–163
- Ja 643, 656, 668 – *Jamme A.* Sabaeen Inscriptions from Mahram Bilqîs (Mârib) (Publications of the American Foundation for the Study of Man. Vol. III). Baltimore, 1962. P. 142–144, 161–162, 173–174. Pl. 16, 19
- M 416 + 275 – *Iscrizioni sudarabiche*. Vol. I: *Iscrizioni minee* (Istituto orientale di Napoli. Pubblicazioni del seminario di semitistica a cura di G. Garbini. Ricerche. X). Napoli, 1974. P. 78, 128
- MAFYS-Naqab al-Ḥaḡar 1–4 – *Breton J.-F., Robin Ch.J., Seigne J., Audouin R.* La muraille de Naqab al-Ḥaḡar (Yémen du Sud) // *Syria*. 1987. 64. P. 17–20. Ph. 9, 10, 14–16
- PSAS – *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. L.
- Raybūn-Ḥadrān – *Frantsouzoff*. Raybūn. Ḥadrān... Fasc. A. P. 69–301; Fasc. B. Pl. 1–368
- Raybūn-Kafas/Na‘mān – *Frantsouzoff*. Raybūn. Kafas/Na‘mān... Fasc. A; Fasc. B: Les planches.
- RES – Répertoire d’épigraphie sémitique publié par la Commission du Corpus Inscriptionum Semiticarum. T. V–VIII. P., 1929–1968
- RF-Alim 1 – *Robin Ch.J., Frantsouzoff S.A.* Une inscription ḥadramawtique provenant du temple de Siyān dhū-Alim à Shabwa (Yémen) // *Semitica*. 1999. 49. P. 155–160
- Sha‘ab (sic; вместо Shi‘b) al-Layl – *Pirenne*. Les témoins écrits... P. 49–50. Fig. 15 (издан крайне небрежно с большим количеством неточностей)

и ошибок; см. исправления: *Bron Fr.* Notes sur les inscriptions de Shabwa // Syria. 1991. LXVIII. P. 460; *Robin Ch.J.* [Рец. на:] *Pirenne.* Les témoins écrits... // Bulletin critique des annales islamologiques. 1992. 9. P. 209–210)

Schreyer-Geukens = Ir 32 – Müller W.W. Das Ende des antiken Königreichs Hadramaut. Die sabäische Inschrift Schreyer-Geukens = Iryani 32 // Al-Hudhud. Festschrift Maria Höfner zum 80. Geburtstag / Hrsg. von R.G. Stiegner. Graz, 1981. S. 225–256

Shabwa 2 – *Pirenne.* Les témoins écrits... P. 49. Pl. 44 b

Shabwa n° 15 – Ibid. P. 56. Pl. 46 a

Shabwa S/75/87 – Ibid. P. 66. Pl. 52 b

Shabwa V/85/22 – Ibid. P. 79. Pl. 61 a

Shabwa V/84/15 – Ibid. P. 79. Pl. 61 b

Shabwa-Chantier V, 1975 – Ibid. P. 76. Pl. 58 a

ANCIENT HADRAMAWT AND THE RISE OF SOUTH ARABIAN CIVILIZATION: FORMULATING A PROBLEM

S. A. Frantsouzoff

The origin of a highly developed civilization which existed in the south-western part of the Arabian peninsula from the early 1st millennium BC till the late 6th century AD still remains obscure. New epigraphic material discovered by the Soviet-Yemenite multidisciplinary expedition in 1983–1991 at the site of Raybūn (Inland Hadramawt) proved to be of considerable value for elucidating some details of this process. It is commonly recognized that the impact of the Sabaeic language and the Sabaean culture played the decisive part in the formation of local varieties of South Arabian civilization, including the Hadramitic one. The analysis of onomastic and linguistic data with due regard for palaeographic criteria demonstrates that there were at least two periods during which the culture of ancient Hadramawt fell under a strong influence of Saba': at the very beginning of the 1st millennium BC and in the course of military campaigns of the Sabaean *mukarrib* and *malik* (king) Karib'il Watar (early 7th century BC).

D. Braund

NEGLECTED SLAVES

It is well known that the Black Sea region was a major source of the slaves who lived, worked and died in the Greek world. In particular, the recent work of N.A. Gavrilyuk has drawn valuable attention to the importance of the export of slaves from the north coast of the Black Sea. For it was slaves and a limited range of other goods (including especially another kind of skin, animal hides) that enabled the Scythians and other peoples of the region to obtain the goods of the Mediterranean world, including wine and cloth. A.N. Shcheglov's crucial demonstration that Scythians did not (at least by and large) obtain these goods by selling wheat serves to underline the importance of slave-export. For slaves – not wheat – were the high-value «commodities» sold out of the region¹. And of course export from the region was only one possibility, however important: slaves were taken and exchanged all around the region, as the recent publication of a lead letter indicates, showing the slave Phaylles bought in or near Olbia and evidently taken to Phanagoria around the end of the sixth century BC².

Much remains unclear still. We may speculate, for example, that slaves in the Black Sea region were cheaper on the whole than they were in the markets of the Mediterranean. For there was a good supply close at hand. Moreover, we must suppose that traders from Athens, for example, had every chance to make a profit from their long and dangerous voyage to the Black Sea. Not that we can assume that traders gave a fair price for the slaves they obtained from the nomads, for example. The history of slavery is full of examples of elites selling the weak (often their own subjects) in return for cheap items: we may recall, for example, the later complaint at Olbia (according to Dio Chrys. 36. 25) that Greek traders come there with «cheap rags and foul wine».

The purpose of the present article is to contribute to the on-going discussion on enslavement and slave-export from the region by drawing attention to three kinds of evidence which seem not to have been given sufficient weight in the very full scholarly tradition on the subject. First, Hippocrates' comments, especially on Scythian slave-girls' reproduction. Secondly, the Scythian slave depicted as the skinner of Marsyas, from

¹ Гаврилюк Н.А. История экономики степной Скифии VI–III вв. до н.э. Киев, 1999; Gavriliuk N.A. The Graeco-Scythian Slave-Trade in the Sixth and Fifth Centuries BC // The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A.N. Shcheglov on His 70th Birthday. Aarhus, 2003. P. 75–85. She must be right that Shcheglov's argument against Scythian wheat-export (см. Щеглов А.Н. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII–V в. до н.э. // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1987. С. 99–122) requires that we consider these other exports, which are well enough attested in our sources. On the classical Greek slave-trade, see further Braund D. The Slave-Supply in Classical Greece // The Cambridge History of Slavery. 1. The Ancient World. Cambr. (forthcoming).

² SEG. 1998. 48. no. 1024, a lead letter from Phanagoria, with Braund D. Slaves, Ruddle and Salt // Северное Причерноморье в античное время. К 70-летию С.Д. Крыжицкого. Киев, 2002. С. 82–85; cf. SEG. 1998. 48. № 1012, possibly entailing slave-trading at Olbia.

Zeuxis of Heraclea onwards. Thirdly, the shipwrecks and impending slavery in two fragmentary novels about the Black Sea, *Ninus* and *Kalligone*³.

HIPPOCRATIC SCYTHIANS: SCYTHIAN SLAVE-GIRLS AT ATHENS

The *Airs, Waters, Places* (probably completed c. 400 BC) provides a detailed, if idiosyncratic, account of Scythians' physical tendencies. Accordingly, it has attracted considerable attention, albeit more usually in its many parts rather than as a whole work. So too Hippocratic writing on Scythians in general⁴.

In particular, one might be tempted to interpret the Hippocratic description of the processing of mare's milk (*Diseases* IV. 51) as closely linked to Herodotus' account of the process at the opening of the fourth book of his *Histories* (IV. 2). However, the temptation is to be resisted. In fact, the two accounts are strikingly different: they have in common only that they both entail Scythians and milk-processing. The outcome of the process is not at all the same. The point matters for two reasons. First, because the passages can therefore give no good reason to suppose that the Hippocratic account derived from the description in Herodotus, or even that both were heavily indebted to a specific source (e.g. Hecataeus). Second, and much more important, because the Hippocratic account is designed specifically to explain something else. The author seems to suppose that his audience will have some familiarity with Scythian milk-processing, albeit not after the manner of Herodotus. Evidently, there was a more general grasp in Greek society of Scythian milk-processing, well beyond Herodotus. Nor should that really be a surprise. For we have texts enough from Homer and Hesiod to Aeschylus to show that mare-milking was taken to be a curious characteristic of the cultures to the north of the Black Sea. Indeed, the polemical nature of Herodotus' account (sometimes very obvious)⁵ only really makes sense against the background of significant literature and imaginings about the region. Meanwhile, however, we should also be aware that there may have been a particular medical interest in Scythian use of mare's milk, for the curative properties of milk seems to have been a notable matter of contention between the Hippocratic school of medicine and the Cnidian tradition. That may mean that the author of *Diseases* 4 could have particular confidence in his audience's familiarity with the Scythian process⁶.

How much of this information came from slaves? Or indeed those who went in search of slaves? We cannot be sure about the answer, but there is a fair *prima facie* case that at least some masters spoke with at least some of their slaves and discussed, among other matters, the places and cultures from which they had come. We may recall the story of Salmoxis, which Herodotus claims to have heard from the Greeks of the Black Sea and Hellespont (IV. 94–96). This was the tale of a slave who had evidently prospered as the property of Pythagoras, returning home to Thrace with wealth and education, as it seems. Of course, we may doubt the literal historical truth of this particular case, but it seems nevertheless (even if we choose to be completely sceptical) to indicate that Greeks found

³ As rightly observed by R. Thomas (see *Thomas R. Herodotus in Context*. Cambr., 2000. P. 57–61). However, the fact that both Herodotus and Hippocratic writers concern themselves with Scythia tells us nothing about any medical interest of Herodotus.

⁴ On Scythians in Greek texts, see *Скряжинская С.В. Скифия глазами эллинов*. СПб., 1998.

⁵ E.g. Hdt. IV. 36 (maps), 77 (Anacharsis), 108–109 (Geloni); cf. 103 for different versions of the Taurians; Euripides' *Iphigenia among the Taurians* offers yet another version of their practices (not those in Herodotus, as sometimes claimed), albeit set in the distant and mythical past...

⁶ On milk and dairy-products as a contentious medical issue, see *Jouanna J. Hippocrates*. Baltimore, 1999. P. 68.

it likely enough that such a slave could exist. Similarly, the Thracian slave-woman and courtesan, Rhodopis, who was said to have gained her freedom and sent a dedication to Delphi (Hdt. II. 134–135). Nor should we forget the tradition that Aesop himself was a slave: he certainly had a lot to say (e.g. Hdt. II. 134). All these stories seem to imply warm relationships of various kinds between at least some slaves and masters (albeit within the restrictive framework of slavery). Why should some masters not talk with their slaves about the practices in their own worlds? We may compare the epitaph of Atotas, a slave-miner from the region of Laurium, whose master was presumably responsible for the poetic references it contained to the slave's homeland in Paphlagonia⁷. It is worth giving serious consideration to the slave-trade as a source of geographical knowledge in the Greek world.

At the same time, the slave-trade also provided opportunities for doctors to make examinations and even to explore differences between the physiognomies of different peoples. Here it is worth drawing distinctions, for slaves included people at all stages of enslavement. For example, a Hippocratic treatise tells us of a newly-purchased female slave with serious health problems, which included in particular inappropriate menopausal symptoms. Her inability to reproduce was important not only for her general well-being, but probably also for her value to her master, as we shall see. The Hippocratic doctor was able to restore her to good health and to menstruation: she could have children again. Presumably, the slave-trade gave opportunities for doctors to examine men, women and children who were newly-arrived in the Greek world from non-Greek peoples. We may be sure enough, for example, that the doctors in the famous medical tradition of Cnidus had ample opportunities there for examination of the slaves brought to the coast from the hinterland of Caria, from where many slaves reached the Greek world⁸. However, I am unaware of any evidence to suggest that they used these opportunities: limits were set not only by general humanity but also by the expense of buying a slave, though it would be rash to assume that no-one in the classical Greek world ever abused their power over slaves in search of medical knowledge. More generally, the Hippocratic tradition seems to have held that there were no fundamental differences between peoples with regard to human health: a Libyan, a Greek of Delos or a Scythian were all in essence the same, save for the impact of external factors (notably their particular physical environment and cultural practice)⁹. That Hippocratic perspective no doubt explains the tendency in Hippocratic authors' case-studies to ignore slave-origins when describing the treatment of sick slaves, while regularly referring to patients' place of habitation and lifestyle.

With all that in mind, we may turn again to the *Airs, Waters, Places*. For here we find some further insight into the slave-trade, which has been neglected hitherto as a result of mistranslation, which itself may be the result of insufficient contemplation of the historical realities of slavery.

After a long description of Scythia and its cold and wet climate, the *Airs* explores the impact of this environment upon the Scythians themselves. In so doing, he pays particular attention to Scythian reproduction. His general claim is that the Scythians do not reproduce well. We must note that the claim is rather curious in the context of the rather different view that the Scythians are a very numerous people: Thucydides stresses that perspective (II. 97. 6), and in doing so again indicates the plurality of Greek voices and notions about the region and its peoples. The contradiction (albeit not absolute) is all the more cu-

⁷ IG II². 10051, discussed by Braund (forthcoming).

⁸ On Carian slaves in the region see *Hornblower S. Mausolus*. Oxf., 1982. P. 9–11.

⁹ *Prognosticon* 25, discussed by West *S. Hippocrates' Scythian Sketches // Eirene*. 1999. 35. P. 14–15. See further *Jouanna*. Op. cit. P. 112–116, esp. 116.

rious if we follow current orthodoxy and attribute to Thucydides too a substantial medical interest beyond what we find in his account of the Athenian plague. Yet in Hippocratic terms the Scythians' (supposedly) poor reproduction makes perfect sense. There are two reasons for it. First, an inactive lifestyle: both boys (at first, anyway) and girls spend far too much time sitting in wagons: the girls are therefore «remarkably flabby and torpid» (*Airs*. 20). This sort of nature (on the Hippocratic view) makes prolific reproduction impossible. On the one hand, the men do not desire sexual intercourse because of the wetness of their nature and because of the softness and coldness of their abdomen. Moreover, they suffer repeated damage from riding horses, so that they become weak for sexual intercourse. On the other hand, as to the women, the fatness and wetness of their flesh is the obstacle. The author explains:

οὐ γὰρ δύνανται ἔτι ξυναρπάζειν αἱ μήτραι τὸν γόνον. οὔτε γὰρ ἐπιμήνιος κάθαρσις αὐτέησι γίνεται ὡς χρεῶν ἐστίν, ἀλλ' ὀλίγον καὶ διὰ χρόνου. τὸ τε στόμα τῶν μηρέων ὑπὸ πιμελῆς ξυγκλείεται, καὶ οὐχ ὑποδέχεται τὸν γόνον. αὐταὶ τε ἀταλαιπῶροι καὶ πῆραι, καὶ αἱ κοιλίαι ψυχραὶ καὶ μαλακαί. Καὶ ὑπὸ τούτων τῶν ἀναγκῶν οὐ πολὺγονόν ἐστι τὸ γένος τὸ Σκυθικόν. Μέγα δὲ τεκμήριον αἱ οἰκέτιδες ποιέουσιν. οὐ γὰρ φθάνουσι παρὰ ἄνδρα ἀφικνεύμεναι, καὶ ἐν γαστρὶ ἰσχύουσι διὰ τὴν ταλαιπωρίην καὶ ἰσχνότητα τῆς σαρκός.

«*For their wombs are unable to take the seed. For they do not have their monthly cleansing as is necessary, but only a little and late. And the mouth of their wombs is closed with fat and does not receive the seed. They do no work and are idle, and their abdomens are cold and soft. It is for these reasons that the Scythian race is not fertile. The great proof is the slave-girls. For they hardly come near a man without becoming pregnant, because of their work and the leanness of their flesh*» (*Airs*. 21).

The main question here must be: who are these slave-girls¹⁰? The Greek text is completely ambiguous: in principle, on purely linguistic grounds, «the slave-girls» might mean any slave-girls anywhere. However, the usual view is that these are slave-girls in Scythia, though the best translations retain something of the ambiguity of the original Greek, probably under the influence of the canonical edition of Littré, who in 1840 translated «Leurs esclaves femelles donnent une grand prevue». Jouanna's recent edition of the *Airs* improves on Littré, omitting «leurs», which is not in the Greek. However, Jouanna's discussion shows that – even so – he interprets our author to refer to slave-girls who are themselves Scythian and live in Scythia, presumably as the property of other Scythians. He acutely observes a corollary to that interpretation: our author would be saying that a life of hard work could counteract the malign effects of the Scythian climate upon reproduction. In itself, that makes sense enough, though we may wonder why our author does not make the point explicitly here¹¹. But there exists a still better view of the passage, which has been advanced only rarely. The purpose of the present discussion is not only to call greater attention to this minority view, but also to show how and why it is in fact the better one¹².

¹⁰ The Greek αἱ οἰκέτιδες is the routine term for female slaves, evidently here of child-bearing age. They cannot be free servants, unless we suppose that our author is being astonishingly misleading. Accordingly, translators and commentators insist on their slavery. Cf. Darius' οἰκετῆς intriguingly named Sciton (Hdt. III. 130): was he a male Scythian house-slave?

¹¹ Littré *É. Oeuvres complètes d'Hippocrate*. P., 1840. P. 2, 75; Jouanna. Op. cit. P. 238, esp. note 2.

¹² As for the minority view (*Jacoby F. Zu Hippokrates' ΠΕΡΙ ΑΕΙΠΡΩΝ, ΥΔΑΤΩΝ, ΤΟΠΩΝ // Hermes*. 1911. 46. S. 520–521) makes the key observation, but evidently considered the matter so obvious as to need no extended discussion. *West* (Op. cit. P. 25–26) offers valuable discussion on the matter, further suggesting that the work included a contrast between the infertility of Scythians and the fertility of Egyptians.

Crucially, the Greek text remains ambiguous: that is beyond question. Moreover, the orthodox interpretation, since 1840 at least, raises a lot of questions. Who are these slave-girls in Scythia? We do not hear of them elsewhere. And what kind of proof do they provide. Are they themselves Scythian? It is vital that we assume that they are indeed Scythian, because otherwise no proof derived from them would have particular bearing on the Scythians' reproductive nature. However, if they are Scythian slave-girls, as required, why does our author not insist on this vital point rather than leave the ambiguity? Furthermore, why does he not expand on the key point (as it would be for him, on this view) that the hard-work of the slave-girls overcomes not only the effects of idleness but also the broader environmental context of cold, wet Scythia? Finally, how are we to imagine these Scythian slave-girls in Scythia itself? Is it no difficulty that they too are Scythians? Conceivably not: at least we are told that the Royal Scythians to the east of Scythia considered the rest of the Scythians as their slaves (Hdt. IV. 20), though talk of such an attitude is a long way from saying that even Royal Scythians actually had Scythian slave-girls.

Herodotus is sometimes taken to say elsewhere (IV. 72) that Scythians do not have slaves at all. That would make the Hippocratic observation peculiar, but it is not exactly what Herodotus says. He touches the matter in the context of the king's burial. There he is talking specifically about slaves who have been purchased, not slaves in general: his point is that the king has servants (*therapontes*) whom he calls to him from among his people. Herodotus clearly means (at least primarily) males, especially in view of their being mounted (stuffed) around his burial. It is in that context that he observes the absence of slaves who have been *purchased* (strictly, *purchased with silver*, i.e. money): he says nothing of slaves acquired in other ways, most obviously by violence, but also perhaps by barter¹³. That at least is clear. Much less clear, however, is the extent of their absence. The passage is regularly taken to mean that Scythians *in general* do not have purchased slaves. But that is not the only interpretation of the passage and it may not be the best one: translators take it differently¹⁴. For he may mean no more than that the royal household does not contain purchased slaves, affirming his main point about the *therapontes* with whom he is here most concerned. Certainly, if we retain the view that he *does* mean that Scythians in general have no purchased slaves, we must suppose that he has made the curious decision to locate that large and significant point (all the more significant to slave-owning Greek society) in the middle of a rather different kind of description (about royal burial practices), as a very brief aside or even afterthought. Of course, that may indeed be the case, but there is at least room for substantial doubt here¹⁵. In consequence, we may be sure that the passage offers important evidence on the status and background of those who served the kings of Scythia, but we cannot be at all sure that it has anything to tell us about the institution of slavery in Scythia at large. There, as we have seen, slave-selling was certainly practised, so that we are left to wonder what proportion of those sold had been taken by force and what proportion bought or bartered from others in the hinterland.

¹³ On barter in the Scythian economy, see Гаврилюк. Ук. соч. С. 281–283.

¹⁴ In support of the interpretation advanced here, see for example, Grene D. *Herodotus: The History*. Chicago, 1987. P. 306 («he (*sc.* the king) has no purchased slaves») or Selincourt A. *de. Herodotus: The Histories*. Rev. ed. L., 1996. P. 238 («the king has no bought slaves»). The passage recurs in studies of slavery in Scythia, on which see, for example, Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 163–173, surveying the previous scholarship on that subject.

¹⁵ See for example the recent (mis)translation «there are no bought slaves in Scythia»: *Waterfield R. Herodotus: The Histories*. L., 1998, an important publication which – on this point – will mislead many English-speaking readers of Herodotus.

Meanwhile, how would we imagine the lifestyles of the female slaves of the Hippocratic *Air*? Would they not also sit in the wagons: do they only walk? Do we suppose that they are excepted from the general statement of Herodotus that the Scythians blind all their slaves (4.2)? And what is the context for their reproduction with men? If those men were Scythians, then the Scythian fertility problem would presumably have been solved at a stroke, despite the low fertility of Scythian males: hyper-fertile Scythian slave-girls would reproduce well enough, one imagines, even with Scythian men. So where then is the problem of Scythian fertility, about which our author has so much to say? Is the problem only that free Scythian men cannot reproduce well with free Scythian women? Perhaps, but that is not what our author says: it is the Scythian race in general which cannot reproduce in Scythia, according to him.

These and other awkward questions may perhaps be evaded in one way or another, though they are hard to navigate when taken all together. However, they vanish immediately if we interpret the passage differently, as the Greek allows (if it does not actually demand). The point of the passage is not that Scythian slave-girls reproduce well in Scythia, but that Scythian females are very fertile indeed when they are (a) removed from the cold wetness of Scythia, and especially (b) made to work hard. When our author says simply «the slave-girls», he evidently expects his Greek audience to understand something which was obvious to him and to them, namely that there were very many Scythian female slaves in the Greek world. Moreover, author and audience alike also knew something else about which modern scholarship has been rather reluctant to consider enough: Greeks saw an economic advantage (and other practical benefits) in allowing their slaves to reproduce. Xenophon, in whose lifetime the *Airs* was completed, not only assumes the normality of slave-breeding in Greek society (with the male being another slave or the master), but sets out what he considers to be the best practice in managing the process¹⁶. The fertility of the slave-woman mattered to her master.

Accordingly, the slave-girls who provide a «great proof» of the claims in the *Airs* are indeed of Scythian ethnicity (or believed to be so), as the Hippocratic argument requires. But they do not display their fertility in Scythia: they are in the Greek world. There they are in a climate which the Hippocratic writers consider generally balanced and beneficial to health. Moreover, as slaves, they work and they do not get fat like the Scythian females of Scythia itself. Consequently, in Greece they are known to be very fertile.

Yet we must also account for the ambiguity, which has caused such trouble? Surely we can only suppose that our Hippocratic author assumed that his Greek audience would know about the fertility of Scythian slave-girls, for that is why he appeals to the «proof» in the first place. We may recall the Hippocratic use of Scythian milk-processing to explain rheumatology: the Greek audience was expected to be familiar enough with that too, though in that case presumably from the accounts of others (written and oral, including slaves'), not from everyday experience as with the slave-girls. If that is right, we may infer a little more. For, given that slave-breeding was an established practice and that Scythian slave-girls were thought especially fertile, it seems to follow that females from Scythia (or said to come from Scythia) might command a rather better price than some other females on sale from other regions of the ancient world. That in turn raises the familiar question of their numbers, for which our evidence cannot currently provide any kind of satisfactory evidence. Only rarely do we hear of the origin of a slave, such as the Scythian slave-girl who appears in Aristophanes' *Lysistrata* (herself a comic creation perhaps intended to provide a female counterpart to the Scythian archer-police in this

¹⁶ *Xen. Oecon.* 9.5, with *Pomeroy S. Xenophon. Oeconomicus: A Social and Historical Commentary.* Oxf., 1994. P. 297–300.

comedy of sex and gender)¹⁷. Meanwhile, we may suspect that almost any slave from the Black Sea region might be marketed as a «Scythian» if that gave the dealer a better profit: in that sense we are lucky to have an allusion to a Sindian slave-girl in Hipponax. Characteristically (both for Hipponax and for female slavery), that allusion refers to her sexual organs and in that sense to her ability to reproduce¹⁸. In all likelihood we shall never have significant statistics on the origins of slaves even in well-attested Athens (some stunning finds would be needed), but we do at least have Polybius' very clear affirmation (even if one wishes to limit its relevance to the Hellenistic period alone) that the slaves from the Black Sea region are «the most numerous and best». Numerous, certainly: no-one would seriously doubt that a substantial proportion of the slaves of the Greek world came from the Pontic regions. But in what sense also «best»? If the explanation of the Hippocratic passage discussed here is accepted, the concept must include (however unpalatably) «best for use in breeding».

ZEUXIS' SCYTHIAN SLAVE: THE SKINNER OF MARSYAS

The origin of the painter Zeuxis has attracted some scholarly discussion, as has his wide-ranging biography in general. He appears in Athenian contexts by 425 BC, familiar to the circle of Socrates¹⁹. Indeed, his arrival and work in Athens evidently caused a sensation, even against the unpromising background of the Peloponnesian War. We may reasonably wonder whether his arrival contributed to the development of Plato's concern with art: certainly, Plato mentions him often enough²⁰. He is described simply as a Heracleote: it is the number of cities called Heraclea that gives rise to disputes about his place of origin. However, in the absence of other evidence, it is usual enough to take a Heracleote in Athens in this period to be a citizen of Heraclea Pontica. In this case, there is particular reason to do so, since the name Zeuxis seems to fit well with the personal names we know from the south Black Sea and from Megara, whence Heraclea Pontica was founded. While we cannot be completely sure on the matter, it seems reasonable to consider that this was Zeuxis' Heraclea. It is easy enough to suppose that a special figure from Heraclea Pontica came and worked in Athens, particularly in the aftermath of Pericles' Pontic expedition of the earlier 430s BC, which clearly embraced the city in its activities²¹.

¹⁷ *Arr. Lys.* 184; cf. the Scythian female in Alexis, fr. 332 K–A. On the Scythian archers, see *Bäbler B.* *Bobbies or Boobies? The Scythian Police Force in Classical Athens // Scythians and Greeks / Ed. D. Braund. Exeter, 2005 (forthcoming); Ivanchik A.I.* *Who Were the «Scythian» Archers on Archaic Attic Vases? // Ibid.*

¹⁸ *Тохтасьев С.П.* *ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. 2003. Вып. 4. С. 10–32*, who correctly interprets the Greek. Of course, we have no indication whether the (fragmentary) allusion is simply sexual or includes also specific interest in reproduction.

¹⁹ *Aristoph.* *Acham.* 992 supports 425 BC as a *terminus ante quem*; cf. *Olson S.D.* *Aristophanes: Achamians. Oxf., 2002. P. 316.*

²⁰ On the sensation caused by Zeuxis, see e.g. *Dodds E.R.* *Plato: Gordias. Oxf., 1959. P. 204.* For a broad consideration of the artist in the community, see *Tanner J.* *Culture, Social Structure and the Status of Visual Artists in Classical Greece // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1999. 45. P. 136–175*, with some comment on Zeuxis.

²¹ See now *Ameling W.* *Prosopographia Heracleotica // Jones L.* *The Inscriptions of Heraclea Pontica. Bonn, 1994. P. 138*, with bibliography and further detail on citations of Zeuxis (alias Zeuxippus); *Keuls E.* *Plato and Greek Painting. Leiden, 1978. P. 90* observes that, if we press the historical setting of *Protagoras* 318b, we would have Zeuxis (as Zeuxippus) at Athens by around 430 BC. For Pericles' expedition, see *Braund D.* *Pericles, Cleon and the Pontus: the Black Sea in Athens c. 440–421 // Scythians and Greeks... P. 80–100.*

He gained a reputation for – *inter alia* – innovation in the themes he chose for his painting (notably, Lucian. *Zeuxis*. 3–7)²². It is one of those themes that concerns the present discussion, for it seems to entail a Scythian slave. This is the punishment of Marsyas of Phrygia, who had been proud and foolish enough to challenge the god Apollo to a contest in music. Having defeated him, Apollo set about his punishment: Marsyas was bound and hung from a tree, where the skin was cut from his body. The myth was well known: Xenophon, Zeuxis' contemporary (and his acquaintance in the circle of Socrates), expects the audience of the *Anabasis* to know of it²³. However, in choosing to paint Marsyas' punishment, Zeuxis seems to have been innovating not only in theme but also in the persons included in the myth. Of course, caution is necessary; for we know so little about Greek art that there is an immediate risk in exploring any kind of innovation. However, the fact remains that Zeuxis showed not only the key figures of Apollo and Marsyas, but also a third figure: he is taken to be a Scythian slave²⁴.

Subsequently, the figure recurs in the iconography of Marsyas' punishment, sometimes wielding a knife or even whetting it to give it a sharp edge (notably, in the *Imagines* of the younger Philostratus (2.1), where he is simply a «barbarian»). Artistically, the figure had a particular value in drawing attention to the flaying that Marsyas was about to receive. However, he requires explanation nevertheless. Is he indeed a Scythian? Arguably, he might be a Phrygian. For the scene is set in Phrygia, after all, and a Phrygian might help to draw attention to the location. Barbarian representations often give no room for certainty as to the specific ethnic group intended. However, since the figure is not identified as a Phrygian in antiquity (or indeed more recently, it seems), it is hard to suppose that he was introduced precisely to draw attention to his and by extension Marsyas' «Phrygianness». Nor does this kind of activity fit at all well with the stereotypes of Phrygians, who tend more usually to be associated with luxury and what may be considered an excess of culture, as notably in Euripides' *Orestes*.

By contrast, a Scythian works rather better. We may still wonder where he comes from, though it helps a little that Apollo was associated with the Hyperboreans beyond Scythia. Presumably, it is the Scythians' propensity for skinning, mutilation and other butchery which makes this Scythian work in the way that a Phrygian would not. It is sufficient to recall Herodotus' several references to this macabre Scythian tendency in the fourth book of his *Histories*. There mutilation of all kinds is a recurrent theme in the account of Scythian culture: slaves are blinded, captives are dismembered, heads are gathered and scraped for cups, enemy scalps are displayed with pride, humans and horses are disembowelled and stuffed and false soothsayers are torn apart. We should recall also in that regard the Spartan claim (as Herodotus has it) that Cleomenes was driven to skin himself alive as the ultimate outcome of his drinking with Scythians on a mission to Sparta (6.75 with 84). And there is also Herodotus' story of the Scythians who served Cyaxares, until they took such excessive umbrage at his disrespect for them that they chopped up and fed him a young boy who had been (rather unwisely) entrusted to their care (Hdt. I. 73). This was the kind of person needed to flay Marsyas alive.

All this has a considerable relevance to Scythian slaves more generally. Scythians were evidently known as skinners, not least because hides formed such a large part of

²² On Zeuxis' works, see Schörner G. 'Η θηλεία ἱπποκένταυρος des Zeuxis – Familiarisierung des Fremden? // *Boreas*. 2002. 25. S. 97–124, with full bibliography.

²³ *Xen. Anab.* I. 28, on Celaenae where the contest was located and from where the river Marsyas took its name, sprung from his blood.

²⁴ *Weis A.* Marsyas I // *LIMC*. 1992. 6.1. S. 366–378. for a detailed review of the known iconography of Marsyas and Zeuxis' place within that.

their exports, as we have seen in the previous section. In that regard, I have suggested elsewhere even that the regular Athenian jibes at Cleon as a «leather-worker» may have been encouraged by his association with the Black Sea region²⁵. Accordingly, Scythian slaves obtained by the Athenian democratic state in the middle of the fifth century BC had a fearsome reputation for the application of violence, as well as a rather different (though not contradictory) reputation for obedience to law in its various forms²⁶. It was that combination (together, no doubt, with their striking appearance and general otherness) that made Scythians so effective as a means of democratic control that they were retained (and evidently replaced) for almost a century at the expense of the state.

It was suggested some two centuries ago²⁷ that Zeuxis' Scythian might be derived from Athenian drama, notably from Aristophanes' *Thesmophoriazusae*, which was first produced in 411 BC. The suggestion has much to recommend it, for in that play we see a Scythian public slave (as usual under the direction of an officer of the democracy) inflicting punishment on a man who by his presence has violated the female festival of the Thesmophoria. Indeed, although the Scythian there does not skin the criminal, he does (and the point is not always understood by modern scholars) set about the extended process of execution known as *apotumpanismos*, whereby the criminal is effectively crucified on a plank²⁸. There is a broad similarity between the activities of Aristophanes' Scythian and the Scythian of Zeuxis. Both inflict a slow and very painful death on a man strung up for religious violation: in that sense, Marsyas' tree is a more natural form of the Athenian plank. And each slave is acting on the orders of a higher authority, whether Apollo or a magistrate.

And yet there is no reason why we should look for Zeuxis' inspiration only to drama. The action of Aristophanes' play is itself a direct reflection of Athenian practice: we need be in no doubt that Scythians did indeed play a role in executions (though not necessarily all executions) in Athens. That was consistent with their broader role as muscular enforcers of order in the democracy. Although we are not told explicitly, that consistency and the evidence of the play in question are sufficient to suggest that they were the servant not only of the magistrate in this play (a *prytanis*; in *Lysistrata* a *proboulos*) but also of the Eleven, who oversaw executions. Nor need we suppose that this arrangement was peculiar to Athens alone in the later fifth century: there is every reason to believe that at least some of the Athens-sponsored democracies of the empire at large also had Scythian public slaves to perform this kind of grisly task. Elsewhere, it is perhaps worth noting that Cleomenes, who was held in some form of stocks, was guarded there by a kind of slave, helot, whom he manages to intimidate into giving him the knife with which he tries to flay himself (Hdt. VI. 75). While there is no sign that the helot (or anyone else) was to execute Cleomenes, it is at least interesting to observe a certain overlap in practice between the Athenian democracy and the arrangements in Sparta.

Zeuxis had certainly become familiar with Athenian practice. We cannot gauge the extent to which it was known more generally around the Aegean and beyond, but Athens was important enough to attract a lot of attention. Moreover, if it is right that the practice was mirrored elsewhere in the empire, we should be especially confident that Athens' use of Scythian slaves was well-known far afield. In that regard it is worth recalling too the

²⁵ Braund. Pericles... P. 80–100.

²⁶ On the justice of Scythians, see Bähler. Op. cit.

²⁷ See Weiss J. Marsyas (6) // RE. 1930. Bd. 14. 2. S. 1991, citing work more than a century before his own.

²⁸ Olson. Op. cit. P. 294 sees the harsh reality very clearly.

Heraclea Pontica was very much part²⁹ of the Athenian empire in the closing decades of the fifth century, so that Zeuxis himself will have known about Scythians in this role not only in Athens or through a general knowledge, but even through his local knowledge of his own city, if such Heraclea really was. In any event, of course, from a perspective in Heraclea Pontica, Scythians were not so far away, all the more so if we consider Heraclea's foundation in the south-west Crimea, the city of Chersonesus³⁰.

It would be very helpful indeed to know where and for whom Zeuxis painted his Marsyas. The elder Pliny is clear that it came to reside in the temple of Concordia at Rome, but in view of the long history of that temple there are all too many possible contexts for the painting's arrival, doubtless as booty from somewhere³¹. Meanwhile, since the rich anecdotal tradition on Zeuxis has him travelling extensively (no doubt in pursuit of patronage and good commissions), we cannot hope to be clear about the place for which he painted Marsyas. The presence of the Scythian slave could be understood anywhere in the Greek world, as is indicated by the retention of such a figure in later iconography, well after the end of the Scythian force in Athens in the earlier fourth century. Indeed, the Scythian became so familiar a presence in scenes of Marsyas punishment that a second Scythian might sometimes be added³². A striking case is a Roman imperial inscription from Syrian Apamea, where Marsyas had long been important. The inscription shows that there the Scythian was still understood as precisely that – a Scythian, not a Phrygian or a non-specific barbarian – even in the second century AD far away in time and space from classical Athens, for all the classicizing yearnings of the Second Sophistic. Indeed, the Scythian at Apamea, so far from being a triviality or filler, is listed as a principal figure in the composition: he seems to have been accorded, like the other principals, his own bronze statue³³.

However, for all that, our evidence indicates that Zeuxis spent a significant period in Athens, so that we may well wonder (in all caution) whether Athens indeed was the city where Zeuxis painted his *Marsyas* and from which (by whatever route) it had found a new home in Rome's temple of Concordia by the time that Pliny completed his *Natural History* in AD 77. While the Scythian slave could be widely appreciated, it also remains true that he had a strong significance within Athens. Meanwhile, Marsyas himself was welcome enough in Athens: quite apart from red-figure vase-painting, we happen to know that Myron's treatment of him later stood on the Athenian acropolis³⁴. Accordingly, when evidence is collected and discussed for the Scythian force at Athens, it is worth including (however provisionally) the Scythian skinner of Marsyas. Moreover, when we consider the Scythian trade in skins, we must keep in mind the Scythian who cut the skin

²⁹ Braund D. Scythian Archers, Athenian Democracy and a Fragmentary Inscription from Erythrae // *Античный мир, Византия*. Харьков, 1997. С. 48–56: explores possible forces in the eastern Aegean.

³⁰ Cf. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.

³¹ On the significances of Marsyas in Italy and Rome (not least as claimed progenitor of the Marcii), see Wiseman T.P. Satyrs in Rome? The Background to Horace's *Ars Poetica* // *JRS*. 1988. 78. P. 1–14.

³² As for late and different contexts, consider the Scythian on a mosaic in Spain c. AD 400: Weis. Marsyas I. S. 375. For a second Scythian see Weis A. The Hanging Marsyas and Its Copies: Roman Innovations in a Hellenistic Sculptural Tradition. Rome, 1992. P. 93, n. 453; cf. P. 219–221.

³³ Rey-Coquais 1973 publishes the inscription with full discussion; cf. Weis. The Hanging Marsyas... P. 88, n. 423 citing the key clause in Greek, «...after he had dedicated in the same baths bronze statuary: Theseus and Minotaur, and Apollo and Olympus and Scythian and Marsyas». Olympus is an associate or pupil of Marsyas. The juxtaposition of Theseus and the Minotaur (so evocative of Athens) with the Marsyas group may encourage suspicions about the Athenian evocations of the latter too.

³⁴ Weis. Marsyas I. S. 366–378, who collects and discusses the evidence.

off Marsyas. If Zeuxis was indeed the artist who first introduced the Scythian into the story – and if he was from Heraclea Pontica and painted the scene in Athens – that is a matter of some interest, but the main issue remains, however we imagine Zeuxis' role: Scythians were known as skimmers.

READING BLACK SEA NOVELS

We are all in the debt of those who have laboured to read the papyrus-fragments of Greek novels. The present brief discussion is only possible thanks to their efforts. The work continues, as we shall see, and more fragments may be hoped for, but already enough has been done to provide a basis for discussion of these fragments with regard to slavery, shipwreck and the more general image of the Black Sea region in antiquity. Here two particular novels are primarily at issue, *Ninus* and *Kalligone*. Since many readers of VDI will not have ready access to the now-standard collection of Stephens and Winkler, it seems best to present here the text and translations they print, with my own minor changes as indicated below: I include here all *Kalligone* but only the relevant part (Fragment C) of *Ninus*. Their collection is to be consulted for detailed commentary, matters of papyrology and much else besides³⁵.

Meanwhile, there is no reason for surprise that the Black Sea region occurs as a setting for some of the action in novels. Rather the contrary. For travel, under a range of circumstances, is a characteristic and central feature of novels. It is to be expected that novels should include travel in a region renowned for curiosities – peoples, places, climate, myths, dangerous sea, social and political systems and more besides. The Black Sea region was an obvious setting (though not of course the only one) for shipwreck, piracy, conflict and enslavement. All the more so since the region had commanded a place in canonical texts – most notably Herodotus' *Histories* – and in the geographical tradition too. Strabo's citations illustrate the point well enough, for he has a wealth of material to call upon from Homer through Aeschylus, Herodotus and Ephorus and on into a flurry of Hellenistic works of a broadly historical, geographical and philosophical nature. All this, together with its marginality and even strangeness to later Greek sensibilities (as evidenced by Dio Chrys. XXXVI) made the Black Sea region an obvious option for the novelist to choose.

(a) *Ninus*

This is not so much a Black Sea novel as a novel which contained a Black Sea section, whose importance to the work as a whole is hard to gauge on the present evidence. Intriguingly, however, this portion of *Ninus* links with enslavement and the kind of flaying which Marsyas received. For Ninus was king of Assyria in Greek tradition, the husband of Semiramis. He was believed to have mounted a campaign in the Black Sea region, which brought the conquest of Bithynia, Cappadocia and all the barbarian peoples settled on the Black Sea as far as the Tanais (Diod. II. 2. 3): evidently the campaign took in all the south coast and at Colchis in the east continued north along the coast to Maeotis, now the Sea of Azov. This was to complete the conquest of Asia, for which the Tanais marked the great divide from Europe. It is usual to believe that Diodorus has derived his information from Ctesias of Cnidus, who wrote c. 400 BC. Accordingly, we may be confident enough in supposing that tales of Ninus were circulating already by this date, contributing

³⁵ Stephens and Winkler 1995; cf. also the important survey by J.R. Morgan (*Morgan J.R. On the Fringes of the Canon: Work on the Canon of Ancient Greek Fiction (1936–94)* // ANRW. 1998. II. 34. 4. P. 3293 suiv.), which offers a wealth of bibliography and precise information on papyrological matters, in particular. See also Kussl R. *Papyrusfragmente griechischer Romane*. Tübingen, 1991, though he does not include *Kalligone*.

to the development of the novel, with which is usually associated also the *Cyropaedia* of Xenophon, Ctesias' contemporary. After all, Herodotus not only writes of Ninus' successes but also links them with a Scythian tale (Hdt. I. 103–104). For Herodotus relates how Cyaxares (whose unpalatable dealings with Scythians have been mentioned) was well-placed to overcome Ninus when he found himself set upon by an enormous Scythian army under a Scythian King Madyes, which had come down the western shore of the Caspian Sea instead (as Herodotus notes) of taking a route through Colchis, further west. Whether by accident or design, this force saved Ninus from Cyaxares, and proceeded to establish a short-lived domination of Asia. We may conclude that not only Ctesias but also (in a rather different fashion) Herodotus associates Ninus with the Black Sea world. Evidently, the roots of *Ninus* are deep, while the novel itself is regarded as at or near the beginning of the genre proper.

For dating *Ninus* we depend on papyri whose hand may be dated around AD 50–75, which is therefore a firm *terminus ante quem*. Just how early the novel was composed remains much more opaque. There is little enough hard evidence (though much scholarly opinion of various kinds) about the dating of the genre as a whole. The broad continuity of Hellenistic culture well into the Roman period is part of the problem. So too is the scholarly tendency to approach dating of novels *en bloc*, with perhaps overmuch concern for the (dated) position of Petronius within the genre. Finally, of course, the main difficulty: the fragmentary novels, in particular, offer scant indications (at most) of the specific circumstances of their composition. There is much to be said for a sceptical position which avoids close dating entirely³⁶.

The Black Sea campaign formed only a part of the novel which was centred upon Ninus' imagined life. In a single fragment (Fragment C) we find him and his companions shipwrecked off the coast of Colchis³⁷:

-]... δ' ἐπ' ἀκτῆς Ἰππου[ί
 ..] περι[...
 δαστε γύναι μοι καλ[...
 4 .ια, καθάπερ ἔδηλ[...
 ἄνειληφυῖα μετα[...
 ...ετα[.]...τον....[
 τῶνεν[.] ἐπικουρ[...
 8 ναύτου καὶ ἐπιστή[μονος]
 κυβερνήτου. οὐδ[εῖς]
 [γ]ὰρ ἄλλος ἀσφαλές[τε-]
 ρος πρὸ τῆς βορείας[ς]
 12 μεταβολῆς εἰς τὴν [τῆς]
 [Κ]ολχίδος ἀκτῆν ε[...
 [..].....δερ...ο .[
]εκ γαρ...ὦ...[

³⁶ Nevertheless, dating has been a major concern: Swain's admirable survey of the issue seems most to show that *Ninus* (for example) could be dated at any stage within some 300 years or so before AD 75, though he himself would place it close to the *terminus*: *Swain S. A Century and More of the Greek Novel // Oxford Reading in the Greek Novel*. Oxf., 1999. P. 18: «there is no need to date it (sc. *Ninus*) very long before our papyri». True enough, but there is also no need *not* to do so. Meanwhile, G.R. Morgan (Op. cit. P. 3336) is attracted by a date around 50 BC.

³⁷ Which is of course *not* «in Armenia», as Stephens and Winkler assert. They are therefore right (and need not hesitate) to dissociate his Black Sea campaign from his Armenian adventures mentioned elsewhere in the novel.

- 16]ετω...αν κειμενο[...
].....ου μηκ[...
 [ή]ϊών και ἄλσος ὑπὲρ
 [α]ὐτῆς σκιερὸν· οὐ κατ' [αὐ-]
 20 [τὸ] τὸ μέσον εἰς ρεῖθρον
 [έ]παρκοῦσα πηγὴ με-
 [χρι] τῆς κυματωγῆς κα-
 [τε]ρρήγνυτο. τὸ μὲν οὖν
 24 [σ]κάφος, οὐ γὰρ ἀγχιβα-
 θῆς ἦν ἡ ἀκτὴ. πρὸς τ[...
 σιν ὑφάλοις ταινίαις ἐξ...
 κείλαν διε[σ]αλεύετο κα...
 28 δῆλον ἦν [ὡς] ταῖς ἐμβο-
 λαῖς κυ[μάτω]ν ἀπολού-
 μενον· οἱ δ['] ἐξέναινον
 [α]ὐτὸν εἰς ἄκρους μαζοὺς
 32 κλυζόμενοι· καὶ πάντα
 τὰ ἐν τῇ νηὶ διασώσαν-
 τες, ἰδρύθησαν ἐπὶ τῆς
 ἠϊόνος. ἐν μὲν οὖν
 36 τῷ πελάγει πάντ' ἐ[π]ε-
 [ν]όουν ὑπὲρ τῆς σωτηρ[ι-]
 [α]ς, διασωθέντες δ' ἐπ[ε-]
 θύμουν θανάτου. καὶ ο[ί]
 40 μὲν ἄλλοι μετριώτε-
 [ρο]ν τὴν μεταβολὴν
 [έ]φ]ερον. ὁ δὲ Νίνος ἀ-
 [θλ]ίως αὐτῆς ἦσθετο· πρὸ
 44 [...]ων μὲν ἡμερῶν ἡγεμῶν
 [το]σαύτης δυνάμεως
 [...].ἠς ἐπὶ πᾶσαν
 [...].... στρατεῦσαι
 48 [...]. θάλατταν τότε
 [...]. ναυαγὸς
 [...].θείσης δορικτη-

On the shore of the Hippus...

...about(?)...

...woman, to me call(?)...

as...showed...

when she took up...

...

...ally...

of the sailor and skilled

helmsman. For no-one

else was safer

before the northern

shift into the

shore of Colchis...

...
 ...lying...
 ...of the length
 a beach and a grove above
 it, full of shade. Where in the very ...
 midst into a good stream
 broke a spring as far
 as the waves.
 And so the
 vessel – for the seashore was not
 deep close in – was caught
 on underwater strands
 and was tossed about. And
 clearly it would be destroyed
 by the wedges of the waves.
 they got off,
 pounded to the tops of
 their chests. And having
 saved everything on ship,
 they set themselves up on
 the beach. So in the
 open sea they devised
 everything for their safety,
 but, once safe, they formed
 a desire for death. And
 while the rest more moderately
 bore the change of fortune,
 Ninus grievously
 took it to heart. A few(?)
 days before the commander
 of so great a force
 ...over all
 ...to campaign
 ...the sea. Then
 ...shipwrecked
 ...captured in warfare.

(PSI 1305 = *Ninus*, fr.3 = Stephens and Winkler 1995, 64–67, whose translation has been adapted here).

This fragment, found at Oxyrhynchus in 1932, was first published in 1945. It shows an imagined shipwreck off Colchis. The author evidently has some grasp of the geography of the region, for we find a River Hippus, which is real enough (notably attested by Arrian: *Periplus*, 10. 2, east of Dioscurias-Sebastopolis) and a more general awareness of the northward turn in the eastern shore of the Black Sea where Colchis is located. Meanwhile, the description of the shoals of the Colchian coast is so vague as to be beyond serious challenge.

The fragment shows Ninus assailed by a sudden change of fortune such as occurs in Greek novels. The Black Sea and the Colchian shore have conspired to turn him from a

great leader of a mighty force into a victim of shipwreck. This sea was especially known for its perils and the likelihood of wreck, whether (as here) for natural causes or, as could happen elsewhere in the region, through the activities of wreckers, notably the Salmydesians of the south-western Black Sea³⁸. What fate awaited a victim of shipwreck here? Taurians of the Crimea or the Achaei to the north of Colchis were thought to show no mercy³⁹. Ninus' expectations are veiled by the increasingly fragmentary nature of the text until it breaks off completely. However, enslavement was clearly one prospect, if not the main one: he would shift from being a great commander to a shipwreck-victim and on to being «spear-won», i.e. a person enslaved violently⁴⁰.

It is no surprise that Ninus should be so struck by his complete reversal of fortunes. His companions had also suffered, but they at least would not fall from such an exalted height. And yet how far might they fall? For enslavement was by no means the worst option. The Aristotelian tradition (as presented in a fragment of Heraclides Lembus) held that in Ninus' day, well before Greek settlement in the region, at least some of the inhabitants of Colchis in fact skinned those wrecked on their shores. Indeed, there is every possibility that the notion was widespread, at least when Colchis was considered at all. It is worth recalling that Ovid, far across the sea at Tomis, expressed his fears of Colchian raids. Be that as it may, the Aristotelian tradition is still more specific: the skinners are named Heniochi, a people usually located in the north west of Colchis, around the city of Dioscurias (modern Sukhumi). It is at least worth noting that Ninus' shipwreck is located off the River Hippius, which is precisely in that part of Colchis. If Ninus did not anticipate the possibility of being flayed, he evidently should have done⁴¹.

(b) Kalligone

Here we have a novel whose principal focus, and very possibly whose all action, was set in the Black Sea region. The surviving portion consisting of two closely-adjointing fragments, given below, has now been augmented by two further unpublished fragmentary columns, which resist close reading, but which seem to explain something more of the story (these columns form fragment *P. Oxy. ined.* 112 / 130(a))⁴². Here we have another shipwreck, now on the coast of the Amazons: again there may well have been fear of enslavement or worse, but (as also with Ninus, who lives to fight another day) the outcome is much better than that. The heroine, Kalligone, and the ship's crew (on whom, more below) are brought before the Amazon queen, named Themisto. The queen «admires Kalligone for her beauty and stature»: she must have been a striking figure to get such a reaction from an Amazon queen. Kalligone proceeds to recount her lineage to Themisto: she mentions Borysthenes, which gives good reason to suggest that she came from Olbia. As we shall see, she was certainly a Greek. Further, the fragment mentions also the Maeotians, and a people «whom a woman also rules». An impending military expedition is also indicated.

The published fragment (*PSI* 981) certainly comes after the events of the opaque unpublished text, for it contains mention of the Amazon queen Themisto, whom Kalligone

³⁸ *Stronk J.P.* The Ten Thousand in Thrace. Amsterdam, 1995. P. 245–246, commenting also on Pontic shoals.

³⁹ *Asheri D.* The Achaeans and the Heniochi. Reflections on the Origins and History of a Greek Rhetorical Topos // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area (Historia. Einzelschriften, 121)* / Ed. G.R. Tsetschladze. Stuttgart, 1998. P. 265–285.

⁴⁰ The final line of the fragment is often taken to indicate that a female captive is involved: that is by no means a necessary assumption. Ninus is the obvious candidate. Cf. *Kussl.* Op. cit. S. 66–67.

⁴¹ *Braund D.* Georgia in Antiquity. Oxf., 1994.

⁴² I am grateful to Peter Parsons for the (rather disappointing) advice that the text is unlikely to be published fully in the near future, since its reading is so problematic.

first meets in the unpublished fragment. It may very well show a part of the expedition which Kalligone had mentioned to Themisto, a conflict evidently located somewhere in the northern confines of the extended Bosporan kingdom around the upper or eastern parts of the Maeotis (Sea of Azov). We do not have the narrative to explain Kalligone's voyage (but see below). However, we do know that she is consumed with passionate love for a certain Erasinus, evidently a man whom she had first seen at a hunt, presumably in Olbia. He could well be an Olbian too, though we cannot rule out the possibility that he participated in the hunt as a distinguished visitor, for example from the Bosphorus. In either case, he seems to have gone to the Maeotian region. Such a man might well have gone to join in a war there, presumably in support of the Bosporans. That would provide good reason for Kalligone to mention the conflict to Themisto, though we can hardly suppose that such a lady had set off (for all her passion) to pursue her beloved onto the distant battlefield. Meanwhile, it is perhaps worth observing Olbian interest in the region to the north of the Maeotis, for a land-route seems to have offered short passage above the Crimea, an alternative to the circuitous and hazardous route by sea, past the Taurians. It is perhaps unwise to look hard for specific historical realities in the background of fiction, but the existence of a real Olbian concern with the upper Maeotis would help to explain something of the setting of *Kalligone*⁴³.

Kalligone's shipwreck, off the shore of the Amazons, is best located in their traditional home, the region of Themiscyra on the southern shore to the east of Sinope and south across the sea from the Bosphorus. Certainly, it is hard to take the Amazons in *Kalligone* to be located in the region of Maeotis, for the Amazon queen (in the unpublished fragment) seems to know nothing about that region. In particular, those ruled by a woman whom she does mention to Themisto are probably Sauromatians (or possibly a Maeotian people), who were regularly described as «ruled by women»⁴⁴. Kalligone explains them to her in a way which would make no sense at all if these Amazons themselves lived in the region of Maeotis. Therefore, we may be sure enough that these Amazons are at Themiscyra, the principal Amazon land⁴⁵.

The published fragments follow, after events whose nature and duration we cannot know. However, Kalligone has somehow made her way to the war-zone, as it seems. The Amazonian queen presumably assisted her: after all, Kalligone was another woman, so that we may recall the help from Amazons which the female Io was also to receive in *Prometheus Bound*⁴⁶. Much fun could have been had with Themisto's views on Kalligone's devotion to Erasinus, but here we are in the realms of speculation. The published text begins with Kalligone in a very agitated state of mind:

- 1 παντελῶς τὴν γνώμην
 διασεσεισμένη. ἔλθοῦσα
 σὴ ἐπὶ σκηνὴν καὶ ῥίψα-
 4 σα ἑαυτὴν ἐπὶ τῆς στιβάδος

⁴³ Медведев А.П. Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 2. Новочеркасск, 1992. С. 127–137; он же. Ольвийские торговые пути и степень достоверности этногеографических данных Геродота // Археология. 1997. 4. С. 24–287.

⁴⁴ E.g. *Ps.-Scymn.* 878–885, citing Ephorus, on the Iazamatae/Ixomatae, showing that they may be taken to be either Maeotians or Sauromatians.

⁴⁵ Stephens and Winkler. 1995. P. 269–270 are rather confused on these matters.

⁴⁶ *Prom.* 722–727. These Amazons are at Themiscyra, as usual, but the Salmydessian shoals seem to be mislocated there too (not in the south-west Black Sea where they should be). The linkage may have been relevant to our novel's story of shipwreck among the Amazons.

ἄνωλόλυξεν μέγα καὶ διω-
 λύγιον, καὶ δάκρυα ἐξέρ[ρ]εον
 8 ἄθρόα· κατερρηξάτο τε τὸν χι-
 τῶνα. ἐπεμελείτο δὲ ὁ Εὐ-
 βίωτος μηδένα παρῆναι
 ἐν τῇ σκηνῇ, ἀλλ' ἐξήλαυ-
 νεν ἅπαντας ὡς ἂν τινῶν
 12 δυσχερῶν αὐτῇ περὶ Σαυ-
 ροματῶν ἠγγελημένων.
 ἡ δὲ ἄνωλοφύρετο καὶ ἐ-
 κώκυεν καὶ ἐλοιδορεῖτο
 16 μὲν ἐκείνη τῇ ἡμέρῃ,
 ἐν ἧ τὸν Ἑρασεινον εἶδεν
 ἐν τῇ θήρᾳ, ἐλοιδορεῖτο
 δὲ καὶ αὐτῇ τοῖς αὐτῆς ὀ-
 20 φθαλμοῖς· ἐ[μ]έμφετο δὲ
 [κ]αὶ τὴν [᾿Αρ]τεμιν [..].με
 [..].[.....]α
 [.....]υ
 24 [.....]ιρ[.]
 [..]. καὶ ἐν τοιαύτ[αι]ς ξ[υμ-]
 [φο]ραῖς στρεφομένη ἱεῖ
 [τῆ]ν χεῖρα ἐπὶ τὸ ἐγχειρί-
 28 διον· ἐτύγγαεν δὲ αὐτὸ
 [ὄ] Εὐβίωτος ἐ[υθ]ύ κατὰ τὴν
 [ἔφ]οδον σπασάμενος ἐκ
 [το]ῦ κολεοῦ καὶ λαθῶν· ἡ δὲ
 32 [ἐπ]ιβλέψασα πρὸς αὐτὸν
 [λέ]γει· ὦ πάντων ἀνθρώ-
 [πων] κάκιστε, ὅς ἐτλης [ἄ]ψα-
 [σθ]αι τοῦ ἐμοῦ ξίφους· εἰμὶ
 36 [μ]εν γὰρ οὐκ Ἀμαζῶν οὐ-
 [δέ] Θεμιστώ, ἀλλ' Ἑλληνίς
 [καὶ] Καλλιγόνῃ, οὐδεμιᾶς
 [δέ]' Αμαζόνων τὸν θυμὸν
 40 [ἀσ]θeneστέρα. ἴθι μοι τὸ ξί-
 [φο]ς κόμιζε, μὴ [κ]αὶ σε ταῖς
 [χε]ρσὶν ἄγχουσ' ἀποκτει-

...her mind completely
 in upheaval, she went
 to the tent and threw
 herself on the mattress.
 She gave out a loud, piercing
 Wailing and her tears poured forth
 In abundance. She shredded her
 Tunic. But Eubiotus took care
 that no-one stayed
 in the tent: he drove

them all out by claiming
that she had had some bad
news about Sauromatae.
And she was bemoaning and
Bewailing and cursing
That day when
she had seen Erasinus
at the hunt. And she cursed
too her own
eyes. And she blamed
even Artemis...

...

...

...

...amid such disastrous
events distraught, she reached
her hand for the
dagger. But actually
Eubiotus, just as she came in,
Had taken it
From its sheath, unnoticed.
With a glance at him she
Said: «You, of all mankind
The worst, who dared
To touch my sword!
I am no Amazon nor
Themisto, but a Greek,
Kalligone. But my spirit is
No weaker than any Amazon!
Come on, give me my
Sword – or with these bare
Hands I'll throttle you to death...

(*PSI 981 = Kalligone* = Stephens and Winkler. 1995. 272–275, whose translation has been adapted here).

Themisto had admired Kalligone's physique, evidently strong enough to threaten Eubiotus with a throttling. Her status is less clear, but her whole behaviour implies that she came from a leading family, which would suit her name also: that in turn would explain the fact that, in the unpublished fragment, she recounts her lineage to Themisto. Evidently there was something substantial to report, perhaps giving a particular reason for both her status and her stature.

Less clear is the cause of Kalligone's great distress. Clearly, we need not take too seriously Eubiotus' ruse to empty the tent, that bad news had been given our heroine concerning the Sauromatae. However, that is not to say that the Sauromatae were not relevant at all. It is surely apparent that Kalligone has been thrown into a state of violent despair by bad news of Erasinus. She had been told no doubt that he had been lost in battle. That is why her response is attempted suicide: she too seeks to die, as her beloved. But lost in battle against whom? Surely those against whom the campaign had been launched.

But who are they? They can hardly be Bosporans, especially as Eubiotus seems to be a Bosporan (unless we go so far as to imagine a civil war there)⁴⁷. In principle, they might be Sauromatae, for they were substantial enough to be a plausible enemy. But they do not suit the details we have. For Eubiotus clears the tent for Kalligone (evidently disguised) by claiming that she has had bad news about Sauromatae. Since these lines seem to suggest that only she would be sent into despair (or even much interested) by that supposed news⁴⁸, we can hardly imagine that the rest of the force there was at war with this people. It seems much easier to suppose that Kalligone was disguised as someone linked with the Sauromatae, and that they were marginal to the story (at least at this stage of the narrative). Another enemy has to be found: the unpublished fragment gives reason enough to consider the Maeotians.

We may compare not only the various peoples found in Lucian's *Toxaris*, but also the stories collected by his contemporary, Polyaeus in his *Stratagems*. Here we find campaigns in the region which at least shed light on the possible campaign in *Kalligone*. It is encouraging to find Maeotians as principal participants: for Polyaeus recounts the deriding-do of a Maeotian lady named Tirgitao (8. 55). Her novelistic tale, very compressed into a short narrative, culminates with her victory over the neighbouring Sindians and their Bosporan allies. Herself a Maeotian, she orchestrates an army of «warlike peoples of the Maeotis». This kind of Maeotian grouping may well be the enemy envisaged in *Kalligone*. There, of course, the leading lady appears on the other side, allied with the Bosporans against the Maeotians, as it seems.

However, it remains unclear how and why Kalligone is disguised. The nature of the disguise is suggested by the surviving text. For our heroine declares that she is not the Amazon queen Themisto, but the Greek Kalligone. That gives substantial reason to think that she is dressed as an Amazon. In fact, she may very well be posing as Themisto herself. The unpublished fragment may be helpful on this. Evidently, Kalligone had explained the woman-ruled Sauromatae (or perhaps Maeotians) to an ignorant Themisto and had suggested that they had something in common, namely rule by women. Conceivably she had also set out the genealogy found in Herodotus (IV. 110–117), where the Sauromatae are descended from the union of Scythian men and Amazon women. That accounts for Eubiotus' ruse: an Amazon (their queen, indeed) might well be thought to be closely concerned about the Sauromatae, whether simply because they too were women-ruled or also because they were kin. The reader's memory of the real Themisto's ignorance is no obstacle to the ruse: on the contrary, it makes the ruse much more interesting for the reader, who knows more than the minor characters in the story. They are fooled by Eubiotus' ruse, but the reader knows better.

Obviously, Kalligone was not the real Themisto. Had the Amazon queen, very aware of Kalligone's stature, even suggested the pretence? Very possibly, but we need to know more about the transition from the land of the Amazons to the campaign-tent. However, the purpose of that disguise is not far to seek. Eubiotus not only moves freely about, it seems, but holds a position of some authority in the army (for the tent suggests the campaign is under way). Kalligone is disguised, but still apparently among friends. Is she dressed as an Amazon (maybe Themisto) so as to be allowed a place on campaign at all? Certainly, a Greek lady would be much more out-of-place with a Greek army than would an Amazon ally.

⁴⁷ *Luc. Tox.* 51 has a Eubiotus who is the illegitimate son of a Bosporan king: see Stephens and Winkler. 1995. P. 268–269 confident that our Eubiotus is a Bosporan, not unreasonably.

⁴⁸ Stephens and Winkler. 1995. P. 267 see that the news must be important only to Kalligone, but they do not suggest how.

If these ruminations have any value, the outline of the story of *Kalligone* seems to be as follows. Kalligone, a grand young lady of Olbia, falls in love with Erasinus at a hunt. He goes on campaign in the Maeotian region (for reasons unknown). Kalligone finds herself at sea (for reasons unknown) and is shipwrecked off Themiscyra. There the Amazon queen, Themisto, hears her story. Perhaps with Themisto's help, she finds herself with a Bosphoran force, disguised as an Amazon (probably Themisto herself). She hears that Erasinus has died and tries to kill herself. Eubiotus, who knows her secret (how?) and is sympathetic, foils the attempted suicide. Certainly, Erasinus has not in fact died and the two will be united in what follows.

Of course, any detail not explicit in the text is open to challenge. Even so, we may well wonder whether a novel wholly set in the Black Sea region would miss the opportunity to exploit the theme of slavery. I suggest not: indeed, the shipwreck all but shows as much. But even before that, the story as we have it lacks any satisfactory explanation for Kalligone's voyage from Olbia. Conceivably she had set off in pursuit of Erasinus: her story seems to turn into an attempt to join him. However, that would be a curious choice for an Olbian lady, even a passionate one in a novel. It would be much easier to suppose that she had been seized by raiders at some moment of vulnerability outside the city. Piratical seizure is common enough in the novels. If that is right, the shipwreck was not a turn for the worse (as with *Ninus*) but *one for the better*. We may recall Herodotus' story (IV. 116–117) of the captured Amazons who escape from a voyage into subjection or slavery by seizing the ship, which is soon wrecked in the Maeotis, so that they become ancestresses of the Sauromatae (Hdt. IV. 116–117). Moreover, if Kalligone had been seized and saved by the shipwreck, that would give greater point to her description of her lineage before Themisto: she was not just another slave, but an aristocrat.

(c) Roots

The *Kalligone* was first published in 1927. Therefore, in the 1931 German edition of his major survey of the literary and archaeological evidence for the North Black Sea (*Skythien und der Bosphorus*), Rostovtzeff was able to offer an insightful discussion of the adjoining published fragments. Unfortunately, however, the publication in 1927 came too late for the Russian edition: in consequence, his important treatment of the *Kalligone* is easily overlooked⁴⁹. He sees that Kalligone was disguised as Themisto, implying (though he does not labour the point) that she might be using the Amazon queen's name without necessarily presenting herself as the queen herself. That is indeed a possibility. He notes also the link between Amazons and Sauromatians, though he does not develop the point. Moreover, much concerned with Lucian's *Toxaris*, Rostovtzeff insists also that Eubiotus is a royal Bosphoran, which may well be right, even if we hesitate (as we surely should) to hang too much on a name. However, his principal conclusion here is: «I have not the slightest doubt that Lucian read many such romances and used them for his Scythian dialogues. How far back in time the earliest of these romances went is hard to tell. I have already indicated my view that the roots are Hellenistic»⁵⁰. There is every reason for doubt (though we cannot rule out the possibility) that the stories in Lucian are simply culled from earlier accounts, or (a still bolder claim) from local stories known in the Black Sea region. But there is every reason also to accept the accompanying argument that the roots of the novel (including those with Black Sea elements) run deep.

Rostovtzeff could not know the more recent fragment of the novel, which remains unpublished. Nor could he know the fragment of *Ninus*, discussed above. However, we may be sure enough that they contain nothing to change his opinion and, indeed, would proba-

⁴⁹ Rostovtzeff himself notes the inevitable omission from the Russian edition (*Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus*. I. B., 1931. S. 98).

⁵⁰ *Ibid.* S. 99.

bly make his view still firmer. Even with their support, however, his claim of Hellenistic origins is vulnerable for the reason that we do not have the works which he posits. However, it is worth insisting on the point made above that the dating of novels is at best provisional and uncertain. The *Ninus* is taken to be early and to belong to the early Roman empire (or at least the late Republic), but that common view is not to be regarded as fact. Meanwhile, the *Kalligone* has a *terminus ante quem* around AD150, the date of the handwriting on the papyrus, but we do not know when it was written.

There are also other stories which have something of the novel about them, though they are not novels. Some of these entail the Black Sea. We may wonder about the story of Gykia at Crimean Chersonesus, which *inter alia* offers an aetiology for an aspect of the cult of Parthenos in the city⁵¹ and the stories collected by Polyaeus and others. Even the apparently historical material on the Hellenistic North Black Sea can have still more of the novel about it than we might expect in historical writing⁵². And what of the Scythians in Xenophon's *Cyropaedia*, which is often taken to have contributed to the development of the novel? Or indeed the Scythians of Ctesias, who has also been linked with the early stages of the genre?

ὅτι ἐπιτάσσει Δαρείῳ Ἀριαράμνηι τῷ σατράπῃ Καππαδοκίας ἐπὶ Σκύθας διαβῆναι, καὶ ἄνδρας καὶ γυναικας ἀίχμαλωτίσαι· ὁ δὲ διαβὰς πεντηκοντόροις λ, ἡίχμαλώτισε. συνέλαβε δὲ καὶ τὸν ἀδελφὸν τοῦ βασιλέως τῶν Σκυθῶν Μαρσαγέτην, ἐπὶ κακῶσει εὐρών παρὰ τοῦ οἰκείου ἀδελφοῦ δεδεμένον. Σκυθάρβης δὲ ὁ Σκυθῶν βασιλεὺς ὀργισθεὶς, ἔγραψεν ὑβρίζων Δαρείῳ, καὶ ἀντεγράφη αὐτῷ ὁμοίως.

«...that Darius orders Ariaramnes, the satrap of Cappadocia, to cross against the Scythians and to take men and women captive. When he had crossed with 30 penteconters, he took captives. And he even seized the brother of the king of the Scythians, Marsagetes, whom he had found in bonds, mistreated by his own brother. The king of the Scythians, Scytharbes, was enraged and wrote an insulting missive to Darius, who wrote back to him in the same way».

(Ctesias. 688 F. 13. 20)

In Ctesias' version this is the cause of Darius' subsequent invasion of Scythia. Needless to say, this is no novel. Yet the exchange of letters and personal, family disputes combine with the theme of slave-raiding to make this little episode (which we have here only in epitomized form) tend to the fictional. Meanwhile, here again we find Scythian slaves, for whom the satrap of Capadocia goes north to raid, at Darius' command. We may recall Darius' slave, perhaps a Scythian, named Sciton (above n. 9).

Rostovtzeff's strong belief in his hypothesis is entirely understandable. In fact, the more one reflects upon it, the more modest the hypothesis becomes: Lucian surely did have a body of novelistic work at his disposal which had Hellenistic roots, or even earlier ones as with Xenophon and his contemporary Ctesias. The only significant doubt must be the extent to which we can be sure that he read them and consciously took material from them into his dialogues. Rostovtzeff has probably overstated that, as most scholars now seem to believe⁵³.

In that regard, to give a rather different kind of insight into the roots of *Kalligone*, for example, it is worth outlining the similarities between its story (or as much as we have of it) and that of Panthea in Xenophon's *Cyropaedia*, though this is not the place to explore

⁵¹ On Gykia, who survives in a Byzantine context (DAI 53), see Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонс (К достоверности легенды о Гикии) // СА. 1987. № 1. С. 48–57, arguing that the story gives insight into the actual dealings of Bosporan king Asander with the city of Chersonesus.

⁵² For example, *Diod.* XX. 22–26.

⁵³ *Morgan.* Op. cit. P. 350 and the literature he gathers.

the matter in great detail. The two heroines have something in common: both are separated from their men and display their love through their stories. Both are taken captive in their different ways: while Kalligone is brought before a queen, Panthea is brought before a king (Cyrus). They both make a striking impression: Panthea too is remarkable for her stature, nobility and other charms, despite her humble dress (*Cyrop.* V. 1. 5–7). Having been shipwrecked, Kalligone would have been no better attired: the unpublished fragment shows the impact of her stature at least upon the Amazon queen. Panthea too has a guardian, after the manner of Kalligone's Eubiotus. Panthea's finally weakens and wants her for himself: we may wonder whether Eubiotus may have had a similar experience in a lost part of the story (*Cyrop.* VI. 1. 32–34). Both are re-united after adventures. Panthea's tale ends with her husband's death: she commits suicide with a sword after becoming angry with someone close (her nurse) who tries to stop her (*Cyrop.* VII. 3. 14). Again, we may compare Kalligone's suicidal intent and anger at being stopped. We may be sure that she too will be united with her beloved, perhaps more happily. The narratives are of course different, but they also show similarities. The story in Xenophon is firmly pre-Hellenistic, so that the story of *Kalligone* may be claimed as having roots which take it back at least to Xenophon's day and perhaps earlier still. That has no real bearing on the date at which *Kalligone* was written, but it does serve to support much of Rostovtzeff's hypothesis. There is no good reason to doubt that this «Black Sea novel» had roots which reached down across centuries, through the Hellenistic period and beyond. The fact that it also has much in common with other novels in no way detracts from that simple point.

РАБЫ, КОТОРЫМИ ПРЕНЕБРЕГЛИ

Д. Браунд

Статья посвящена анализу сообщений литературных источников о рабском статусе отдельных персоналий, о которых сохранились известия у античных авторов, до сего дня не ставшие объектом внимания ученых. Во-первых, это свидетельство Гиппократ и его комментаторов о воспроизводстве скифских девочек-рабынь; во-вторых, известие о скифском рабе Зевксиса Гераклеяского, о котором легенды повествуют как о человеке, содравшем с Марсия кожу. В-третьих, отрывочные рассказы о кораблекрушениях и рабской доле чудом выживших в этих катастрофах, имена которых сохранились на папирусах, не получивших освещения в современной историографии. Это предания о Нине и Каллигоне.

В статье подробно анализируется трактат псевдо-Гиппократ, особенно те его пассажи, в которых раскрывается влияние климатических условий Скифии на деторождение. Собственно речь идет о девушках-рабынях, способных забеременеть от любой близости с мужчинами. На основании анализа Геродотовой традиции и других авторов, Д. Браунд приходит к выводу, что в Скифии как таковой рабыни не могли быть столь репродуктивны, как в Греции. Так что данный пассаж следует понимать как указание на повсеместное использование скифских рабов в эллинском мире в качестве «лучшего средства для воспроизводства».

Второй источник о рабе-скифе Зевксиса, лишившем Марсия кожи, восходит, по мнению Браунда, к местной понтийской традиции (из Гераклеи Понтийской). Данный рассказ, сохранившийся у Лукиана (*Zeuxis*. 3–7), перекликается с тем, что мы знаем о занятиях скифов скорняжным делом и исполнении ими полицейских функций в Аттике. Таким образом, предание об этом рабе-скифе, связанном с изображением Марсия у Зевксиса, уходит своими корнями в эпоху классических Афин, откуда в дальнейшем попадает в Рим.

Третья часть статьи – анализ преданий о Нине, мифическом ассирийском царе, плавание которого завершилось кораблекрушением у берегов Колхиды, и рассказ о Каллигоне, гречанке, оказавшейся у амазонок также в результате кораблекрушения. Уцелевшие на папирусных фрагментах легенды, восходящие к эллинистическо-римской новеллистической литературе, стали популярными в эпоху ранней Римской империи, находясь в одном ряду с преданиями Лукиана и Полиена – важнейших источников по истории Северного Причерноморья.

В. В. Дементьева

МАГИСТРАТСКАЯ ВЛАСТЬ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ IMPERIUM

Римские республиканские магистраты, будучи носителями делегированного суверенитета общины, переданного им на определенный срок от лица *cives* и *patres*, являлись ее руководителями. По объему полномочий *magistratus*, как известно, делились на *cum imperio* и *sine imperio*. Магистраты с империем республиканской эпохи в нашем перечне суть следующие: ординарные – *praetores* (высшие магистраты до времени децемвирата), *consules* (с 449 г. до н.э.), *praetores* (созданные по реформе Лициния–Секстия); чрезвычайные – *interreges*, *dictatores*, *magistri equitum*, *decemviri legibus scribundis*, *tribuni militum consulari potestate*, *tresviri (triumviri) rei publicae constituendae causa* (члены второго триумвирата).

Лексически слово *imperium* в латинском языке имело много значений, но *imperium* магистратов в научном обиходе – публично-правовое понятие, характеризующее высшую исполнительную власть в римской общине. Империй означал абстрактное «право приказа» и реализовался в конкретных приказах как отдельным гражданам, так и общине в целом.

В исследовательской литературе существительное «империй» употребляется с самыми разнообразными определениями: «военный империй», «консульский империй», «диктаторский империй», «уменьшенный империй», «высший империй» и др. Естественно, что исходными для таких словосочетаний (на всех новых языках) являются латинские термины (*imperium militare*, *imperium consulare*, *imperium dictatorium*, *imminutum imperium*, *summum imperium* и др.). При этом нередко авторы, употребляя эти понятия, считают, что отличался объем власти, заложенной в империи, допустим, у консула и диктатора, или, например, они различают содержательное наполнение (т.е. совокупность прав, вытекавших собственно из империя) «военного империя» (*imperium militiae*) и «империя гражданского» (*imperium domi*). Но так ли это? Или, может быть, речь должна идти не о различии в объеме полномочий, заключенных в понятии «империй», а о чем-то другом?

Проведем анализ трактовок содержательного наполнения понятия *imperium*. Исследователи постоянно пользуются им как важнейшей категорией, без которой невозможно какое бы то ни было теоретическое осмысление устройства и управления римской *civitas*. Концепции перехода от ранней монархии к Республике, характера республиканской политической системы и другие, призванные объяснить принципиальные моменты истории римской государственности, напрямую связаны с понятием «империй». От того же, какое содержание вкладывают в него антиковеды и как понимают изменения этого содержания с течением времени, в немалой степени зависят их теоретические построения, должное восприятие которых невозможно без этого глубинного ключевого момента.

Необходимость обобщающего аналитического представления концепций, сформулированных в мировой историографии по поставленному вопросу, вызвана еще и тем, что отсутствие такого обзора приводит иногда к эклектическому и противоречивому сочетанию положений диаметрально противоположных глобальных теорий империя в работах отечественных специалистов.

Все многообразие исследовательских мнений по данному вопросу может быть – в самом общем виде – сведено к двум гипотезам: Т. Моммзена и А. Хойса.

Первую в своей основательной разработке связанную с именем Т. Моммзена, впоследствии его оппоненты-соотечественники назовут «*die totale Imperiumstheorie*» – «всеохватывающей (тотальной) теорией империя»¹, выражение А. Хойса, подчеркивая, что, по Моммзену, *imperium* с момента своего возникновения, еще при царях, соединял в себе все стороны высшей исполнительной власти². Мы можем назвать ее теорией «изначально полифункционального империя», кажется, так будет точнее. Учение о «цельности империя» Й. Бляйкен небезосновательно считал ядром «Римского государственного права» Т. Моммзена³. Концепция Т. Моммзена в определенной степени была развитием точки зрения Й. Рубино⁴ об исходном единстве властных полномочий по управлению римской общиной. Общую составляющую положений Т. Моммзена и Й. Рубино по названному поводу отметил А. Джованнини⁵. Но мы считаем абсолютно справедливым утверждение Г. Грцивотца, что это представление Т. Моммзена не только перенял у Й. Рубино, но и обнаружил в античных источниках⁶. Империй как обширная должностная власть времен примитивной монархии была, в соответствии со взглядом Т. Моммзена, после изгнания царей унаследована магистратами и стала исходным пунктом существования Республики. По словам Б. Линке, суть республиканской конституции заключалась для Моммзена в принципе, в соответствии с которым высшие должностные лица располагали полным и неограниченным империем⁷. Эта должностная власть – в концепции Моммзена – охватывала как высшее командование войском в случае ведения военных действий, так и возможность проведения в жизнь распоряжений, касающихся других сфер деятельности, включая и уголовную юрисдикцию⁸. Переход к республиканским государственным формам привел только к ряду модификаций: избрание высших должностных лиц стало осуществляться на центуриатных комициях, срок полномочий их был ограничен, был внедрен принцип

¹ Heuß A. Zur Entwicklung des Imperiums der römischen Oberbeamten // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R.A. Weimar, 1944. Bd 64. S. 59–64.

² Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd 1. Lpz, 1952. S. 188–189; *idem*. Abriss des römisches Staatsrecht. Lpz, 1893. S. 85.

³ Bleicken J. Das römische Recht (1994) // Bleicken J. Gesammelte Schriften. Bd 1. Stuttgart, 1998. S. 343.

⁴ Rubino J. Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Cassel, 1839. S. 127 f.

⁵ Giovannini A. Magistratur und Volk: Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Staatsrechts // Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik. Stuttgart, 1990. S. 431–432.

⁶ Grziwotz H. Der moderne Verfassungsbegriff und die «Römische Verfassung» in der deutschen Forschung des 19. und 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main–Bern–New York, 1986. S. 260–261.

⁷ Linke B. Von der Verwandtschaft zum Stadt. Die Entstehung politischer Organisationsformen in der frühromischen Geschichte. Stuttgart, 1995. S. 135.

⁸ Mommsen. Römisches Staatsrecht. 1. S. 22–23, 166, 169.

коллегальности и осуществлен ряд других изменений⁹. Эти изменения привели к «ослаблению империя».

Продолжатели «линии Моммзена» в трактовке содержания магистратского империя и его преемственности от царского будут затем формулировать эту преемственность в несколько иных (казалось бы, не очень отличающихся от Моммзена) выражениях, в действительности трансформировавших представление о ней. Например, У. фон Любтов писал, что империй римских магистратов был смоделирован по образцу древнего империя царя, «только в отличающемся объеме»¹⁰. То есть, если Т. Моммзен вел речь о республиканских «модификациях», связанных с империем (но не писал, что это были модификации самого империя), то в дальнейшем в литературе появилась формулировка об ином объеме (масштабе) собственно *imperium*. Стало употребительным словосочетание «полный империй»¹¹, который противопоставлялся «неполному», как заключавшему в себе меньше властных функций.

С видением Т. Моммзеном сути и преемственности империя связана его теория континуитета между ранней монархией и Республикой, о которой мы уже писали¹², но в данный момент от нее абстрагируемся, ибо нас сейчас интересует именно содержательное наполнение понятия *imperium* в теории великого романиста. Придавая магистратскому империю огромное (вероятно, даже преувеличенное, однако речь сейчас опять-таки не о том) значение в публичной жизни, Т. Моммзен рассматривал *imperium* как олицетворение всей совокупности высшей исполнительной власти в римской общине и применял его в качестве важнейшего государственно-правового понятия.

Последователями Т. Моммзена в толковании магистратского империя были Ф. Ляйфер, О. Тойблер, Г. Зибер, Х. Рудольф, К.-Х. Фогель, Э. Мейер, У. фон Любтов и многие другие видные антиковеды. Ф. Ляйфер, так же, как и Т. Моммзен, рассматривал империй как неограниченную и неделимую по своей природе власть (даже более четко ее акцентируя) и отвергал идею «частичной компетенции» высших римских магистратов¹³.

О. Тойблер, «последний ученик Моммзена» (по словам А. Гребера¹⁴), хотя и критиковал «систему» римского публичного права своего учителя¹⁵ (подчеркивая в статье 1919 г. «*Römisches Staatsrecht und römische Verfassungsgeschichte*», оставшейся нам недоступной, что государственно-правовая систематика в весьма малой степени способна охватить воздействие политического движения на форму государства), в понимании принципиальных механизмов осуществления полномочий в Римской республике разделял его позиции¹⁶. «Континуитет понятия “империй” при переходе от царской власти к республиканским магистратурам

⁹ Ibid. S. 8; см об этом: *Linke*. Von der Verwandtschaft zum Stadt... S. 135.

¹⁰ *Lübnow U. von*. Die römische Diktatur // *Der Staatsnotstand*. B., 1965. S. 118.

¹¹ См., например: *Develin R.* Lex curiata and the Competence of Magistrates // *Mnemosyne*. 1977. Vol. XXX. Fasc. I. P. 58.

¹² *Дементьева В.В.* Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 6; она же. Государственно-правовое устройство античного Рима: Ранняя монархия и республика. Учеб. пособ. Ярославль, 2004. С. 41–43.

¹³ *Leifer F.* Die Einheit des Gewaltgedanken im römischen Staatsrecht. Lpz, 1914. См. об этом: *Staveley E.S.* The Constitution of the Roman Republik // *Historia*. 1956. V. P. 107–108.

¹⁴ *Graeber A.* Auctoritas Senatus und obermagistratische Gewalt // *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft*. 1989. Bd 15. S. 140.

¹⁵ О «системе» Т. Моммзена см. *Дементьева В.В.* Теодор Моммзен: историко-правовое моделирование римской государственности // *ВДИ*. 2005. № 1. С. 180–193.

¹⁶ *Täubler O.* Der römische Staat. Stuttgart, 1985.

всцело в трактовке Моммзена для Тойблера не являлся проблематичным», — отмечал А. Хойс¹⁷.

К сторонникам концепции «тотального империя» ее оппоненты относят и крупного итальянского романиста Ф. де Мартино¹⁸. Его сближает с исследователями, принимавшими моммзеновский взгляд, прежде всего то, что он рассматривал *imperium* как очень древний публично-правовой термин, однако он не наполнял его содержание смыслом «целостная и неделимая власть»¹⁹. Ф. де Мартино полагал к тому же, что при Республике правомерное осуществление магистратского империя зависело от сената. В конце XX в. моммзеновской точки зрения на природу империя римских магистратов как соединившего в себе гражданские и военные полномочия, унаследованные от царей, придерживался Александр Демандт в своей работе общего характера, посвященной римской государственности²⁰.

Концепция, противоположная теории изначально многогранного империя, была разработана в 40-е годы прошлого века А. Хойсом, который считал, что исходно *imperium* — это именно и только высшее военное командование²¹. Он пришел к выводу, что в ходе борьбы сословий власть, составлявшая содержание этого понятия, была расширена путем включения в нее уголовной юрисдикции и ограничена посредством Валериева закона о провокации 300 г. до н.э. В начале же республиканской эпохи, с точки зрения А. Хойса, гражданские функции магистрата в полномочия его империя не включались. Формирование «тотального империя» А. Хойс отнес к поздней фазе развития римской конституции, подчеркнув, что таковой не характерен ни для ранней монархии, ни для Ранней республики, поскольку на этих этапах, согласно его взгляду, отсутствовали гражданские и судебные полномочия высших магистратов. Магистратская власть начала Республики была отождествлена А. Хойсом не с понятием *imperium*, а с понятием *auspicium*²².

Нельзя сказать, что А. Хойс в этом отношении совсем не имел предшественников. Еще в 1937 г. М. Каспари рассматривал *imperium* изначально как власть военного приказа римского царя, отделяя ее от *regia potestas*, хотя он и отталкивался от идеи преемственности между царской и магистратской властью²³. Но А. Хойс предложил иное концептуальное видение всего процесса формирования высшей власти римских республиканских магистратов.

Первым негативно отнесся к теории А. Хойса П. де Франчиши²⁴, который в публикациях конца 40-х — начала 50-х годов XX в. тщательно проанализировал

¹⁷ Heuß A. Eugen Täubler Postumus // Heuß A. Gesammelte Schriften. Stuttgart, 1995. Bd 3. S. 1916.

¹⁸ См., например: Kunkel W. Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik. München, 1995. S. 26.

¹⁹ Martino F. de. Storia della costituzione Romana. Vol. 1. Napoli, 1972. P. 413–416.

²⁰ Demandt A. Antike Staatsformen. Eine vergleichende Verfassungsgechichte der Alten Welt. B., 1995. S. 400–401.

²¹ Heuß A. Zur Entwicklung... S. 57–133; *idem*. Gedanken und Vermutungen zur frühen römischen Regierungsgewalt (Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. 1. Philologisch-Historische Klasse, 1983). Göttingen, 1983. S. 376–454; *idem*. Gesammelte Schriften. Bd 2. Stuttgart, 1995. S. 908–985.

²² *Idem*. Gedanken und Vermutungen... S. 3–7, 44–47, 72–76.

²³ Caspari M.O.B. Souveränitätsbegriff des römischen Rechts // Studi in memoria di Aldo Albertoni. II. 1937. S. 391–392.

²⁴ Francisci P. de. Arcana Imperii. III. 1. Milano, 1948. P. 29–40; *idem*. Intorno alla natura e alla storia dell'auspicium imperiumque // Studi in memoria di E. Albertario. I. Milano, 1953. P. 399–432.

его доводы о нецарском и чисто военном исходном характере магистратской власти. Итальянский исследователь ранее, еще в 1930-е годы, определял *imperium* как воплощение государственного суверенитета, как военную, судебную, административную и религиозную власть одновременно, а в носителях империя видел персонификацию *res publica*²⁵; не изменил он своим взглядам и после публикации работы А. Хойса. П. де Франчиши «справедливо обвинял Хойса, – пишет К. Бреннан, – в игнорировании “харизматического” аспекта *imperium* и *auspicium*, тогда как традиция придает особое значение изначально царской власти как основе республиканской конституции, что глубоко коренится в самосознании римлян: это не просто конструкция времен Поздней республики»²⁶. Однако доводы П. де Франчиши не возымели должного действия, число сторонников теории А. Хойса (особенно в немецком антиковедении) увеличивалось. При этом в историографии сложилась несколько однобокая ситуация. Приверженцы теории исходно военной империя активно выступали с критикой теории изначально полифункционального империя; критика же «обратного характера» была (после публикаций П. де Франчиши) слышна гораздо реже. Так, критическими замечаниями прокомментировал теорию А. Хойса в своем историографическом труде Г. Грцивотц, подчеркнувший, что он не видит необходимости с самого начала ограничивать империй только военной стороной²⁷. Но в целом последователей теории Т. Моммзена в историографии последней трети XX в. было немного: разделять ее, чуть ли не означало быть, если уж и не ретроградным, то явно «отставшим от моды» исследователем. Поэтому указание К. Брэннана на справедливость мнения Т. Моммзена о царском империи как неограниченной и не получившей конкретного определения власти выглядит даже несколько неожиданно²⁸.

На позиции А. Хойса в трактовке содержательного наполнения понятия *imperium* и его эволюции встали известные романисты П. Вочи²⁹, Г. Везенберг³⁰, Й. Бляйкен³¹, В. Кункель³², О. Берендс³³, Б. Санталучия³⁴, Ё. Рюпке³⁵ и ряд других исследователей, которые конкретизировали и дополнили – каждый по-своему – концепцию изначально военной империя. Именно она использована для статьи «*Imperium*» нового немецкого энциклопедического словаря (автор статьи Л. де Либеро)³⁶.

²⁵ *Idem.* *Civiltà Romana*. Roma, 1939. P. 46–47.

²⁶ *Brennan C.* *The Praetorship in the Roman Republic*. Vol. 1. Oxf., 2000. P. 14.

²⁷ *Grziwotz.* *Der moderne Verfassungsbegriff...* S. 263.

²⁸ *Brennan.* *Op. cit.* P. 15.

²⁹ *Voci P.* *Per la definizione dell'imperium* // *Studi in memoria di E. Albertario*. II. Milano, 1953. P. 65–67.

³⁰ *Wesenberg G.* *Zur Frage der Kontinuität zwischen königlicher Gewalt und Beamtengehalt in Rom* // *Zeitschrift der Savigni-Stiftung für Rechtsgeschichte*. R. A. 1953. Bd 70. S. 58–92.

³¹ *Bleicken J.* *Zum Begriff der römischen Amtsgewalt. Auspicium – potestas – imperium*. Göttingen, 1981. S. 21, 23, 41; *idem.* *Die Verfassung der römischen Republik*. 7 Aufl. Paderborn, 1995. S. 83.

³² *Kunkel.* *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 22–27.

³³ *Behrends O.* *Der römische Gesetzesbegriff und das Prinzip der Gewaltenteilung* // *Zum römischen und neuzeitlichen Gesetzesbegriff*. Göttingen, 1987. S. 72–75.

³⁴ *Santalucia B.* *Dalla vendetta alla pene* // *Storia di Roma*. Torino, 1988. Vol. 1. P. 436, 440.

³⁵ *Rüpke J.* *Domo militiae. Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom*. Stuttgart, 1990. S. 41–43.

³⁶ *Liberio L. de.* *Imperium* // *Der neue Pauli*. Bd 5. 2001. Sp. 955–958.

П. Вочи³⁷ и Г. Везенберг³⁸ отрицали преемственность империя республиканских магистратов от *regium imperium* на том основании, что в отличие от царей высшие магистраты были, по их мнению, лишь исполнительным органом сената. О. Берендс рассматривал *imperium* исключительно как правовую конструкцию, которая могла появиться лишь в конце III в. до н.э. Если А. Хойс и многие его последователи сосредоточили внимание в основном на властных полномочиях республиканских магистратов, то поддержка им «с другого фланга» была оказана в труде У. Коли, посвященном ранней монархии римлян³⁹. В нем утверждалось, что власть царей существенно отличалась от *imperium* республиканских магистратов.

Этот вывод У. Коли был воспринят Дж.И. Луццатто, который исключал появление понятия *imperium* ранее оформления республиканской конституции⁴⁰. Дж. Луццатто согласился с выводом о военном происхождении империя, понимая этот тезис как проявление общей тенденции определения характера первых республиканских магистратур в качестве военных. При этом он подчеркивал «двойное качество» власти высших магистратов – и военную, и религиозную ее стороны, вторую представляли *auspicia*⁴¹.

В наиболее завершенном, итоговом виде концепция изначально чисто военного содержания понятия *imperium* представлена в трудах Й. Бляйкена⁴² и В. Кункеля⁴³. Й. Бляйкен рассматривал *imperium* в Ранней республике как составную часть должностной власти магистратов, фигурировавшей тогда, по его мнению, под термином *auspicium*. Затем, с конца IV в. до н.э., военные конфликты римлян с соседями привели к выдвиганию на передний план военной компетенции магистратов, что нашло отражение в формуле *auspicium imperiumque*. Наконец, в Поздней республике понятие *imperium* стало, согласно его точке зрения, означать единство военной и гражданской власти магистратов. Й. Бляйкен полагал, что не только поборники представления об изначально едином и всеохватывающем империи, но и те, кто считают империй порождением этрусской государственной мысли, выводят начало истории римской конституции из недоказанных предпосылок⁴⁴. В. Кункель, также утверждая, что понятие *imperium* появилось первоначально как обозначение военной власти, высшего командования, обосновывал, что всеохватывающее (широкое) значение его возникло, развиваясь «от части к целому», и нет оснований выводить из этого понятия путем дедукции гражданские полномочия высших магистратов⁴⁵.

В. Кункель резко полемизировал со сторонниками теории «тотального империя», особенное его неприятие вызывал их тезис о магистратском империи как государственно-правовом фундаментальном понятии, «которое первоначально означало всеохватывавшую царскую власть и перешло затем к республикан-

³⁷ *Voci*. Op. cit. P. 65–67.

³⁸ *Wesenberg*. Zur Frage der Kontinuität... S. 76, 79, 81; см. также *Luzzato G. Verba praeire delle piu antiche magistrature romano-italiche // Eos. Commentarii societatis Philologiae Polonorum*. 1956. Vol. 48. P. 441.

³⁹ *Coli U. Regnum // Studia et Documenta Historiae et Iuris*. 1951. Vol. 17. P. 1–168.

⁴⁰ *Luzzato G.I. Appunti sulle dittature «imminente iure»*. Spunti critici e ricostruttivi // *Studi in onore di Pietro de Francisci*. III. Milano, 1956. P. 456.

⁴¹ *Ibid.* P. 458.

⁴² *Bleicken*. Zum Begriff...

⁴³ *Kunkel*. Staatsordnung und Staatspraxis...

⁴⁴ *Bleicken*. Zum Begriff... S. 35.

⁴⁵ *Kunkel*. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 26.

ским магистратам как полная власть (только ослабленная путем введения срочности, коллегиальности и института провокации)»⁴⁶. «Это учение, возникшее под влиянием представлений позднереспубликанских авторов, – писал В. Кункель, – есть скорее миф, чем правдоподобная реконструкция реального развития понятия»⁴⁷.

В. Кункель стремился в своей работе преодолеть в целом «систему» государственного права Т. Моммзена. Как отметил в своей рецензии В. Ниппель⁴⁸, основополагающая концепция В. Кункеля заключалась в тезисе: «государственный порядок» развивался из «государственной практики», это означает, что элементы государственно-правовой терминологии, в том числе и *imperium*, не должны пониматься как выражение инвариантных правовых принципов; их соответствующее содержание должно устанавливаться из случаев конкретного применения⁴⁹. Однако так же, как и Т. Моммзен, В. Кункель анализировал римскую государственность, изучая отдельные ее структуры, т.е. понимал, по выражению Й. Бляйкена, «историю конституции как историю институтов»⁵⁰. Требование, постулированное В. Кункелем, чтобы научные категории имели своим содержательным основанием нормы государственной практики – а ее анализ невозможен без учета политических и социальных реалий – безусловно, справедливо. Но в отношении «*Römisches Staatsrecht*» Т. Моммзена также справедливым будет отметить соблюдение во многом этого требования (которое и у самого В. Кункеля далеко не всегда выдерживалось⁵¹, его вообще не так то просто реализовать в исследовании). Другое дело, что у Моммзена полученные на основе обобщения государственной практики Классической и Поздней республики публично-правовые понятия нередко экстраполировались на Раннюю, а проверка источниковым материалом может и не подтвердить их универсальность. В данном же случае – в отношении содержательного наполнения понятия *imperium* (как категории аналитического научного описания) – для царского и раннереспубликанского времени требуется именно такая проверка, а не априорное отметание взглядов Т. Моммзена лишь на том основании, что они являются частью его «системы», дающей иногда «сбой» применительно к римской архаике. При этом «основополагающая опора на источники не исключает, что в определенных случаях нормы, которые не отмечены в традиции, должны быть установлены догадкой»⁵², иначе говоря, логическим рассуждением.

В последовавших за объемным трудом В. Кункеля антиковедческих работах конца XX – начала XXI в. исследователи при изучении близкой к рассматриваемой теме проблематики, разделяя ту или другую теорию магистратского империя, не вели, как правило, выраженной полемики, ограничиваясь констатацией своих позиций по данному вопросу. Позиции эти в основном не были дискуссия-

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Nippel W. [Рец.:] Kunkel W. Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik / Hrsg. und fortgeführt von H. Galsterrer, Ch. Meier, R. Wittmann. 2. Abschnitt: *Die Magistratur*. Von W. Kunkel, R. Wittmann (= Handbuch der Altertumswissenschaften. X, 3, 3, 2). C.H. Beck Verlag, München, 1995 // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1997. Bd 45. Ht 6. S. 548–550.

⁴⁹ Nippel. [Рец.:] Kunkel W. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 549.

⁵⁰ Bleicken J. Im Schatten Mommsens. Gedanken zu Wolfgang Kunkels Buch über die Magistratur in der römischen Republik // *Rechtshistorisches Journal*. 1996. Bd 15. S. 26.

⁵¹ Ibid. S. 5, 12.

⁵² Nippel. [Рец.:] Kunkel W. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 549.

онно заострены, но тяготели более к теории А. Хойса, чем к концепции полифункционального империя. Это проявилось в частности в монографии Э. Линтотта, в которой, как отмечает В. Ниппель, отталкиваясь от структуры рецензируемой работы, «моммзенская теория всеохватывающего единого империя отклоняется»⁵³. Вместе с тем, хотя, судя по всему, Э. Линтотт действительно исходит из теории изначально военного империя⁵⁴, к теоретическим построениям Т. Моммзена он подходит более взвешенно, каждый раз отдельно оговаривая свое согласие или несогласие с великим немецким романистом.

Усматривает в империи изначально высшую власть военного командования Дж. Валдитара⁵⁵, поддерживающий точку зрения об этрусском происхождении империя. Но в отличие от большинства сторонников теории исходно военного империя Дж. Валдитара видит преемственность между царским империем и магистратским эпохи Республики. Разделяет гипотезу «военного» содержания понятия *imperium* в период Ранней республики и Р. Стюарт, находя в нем именно полномочия должностного лица отдавать приказы армии; ратификация этих полномочий осуществлялась куриями⁵⁶. Контрастирует с позицией косвенной поддержки теории чисто военного империя применительно к нескольким векам республиканской эпохи вывод итальянского автора К.М. Дория, считающей «генетическим основанием» судебной власти римских магистратов *cum imperio* их право отдавать приказы, заложенное в империи. Она рассматривает юрисдикцию – в качестве важной составной части *imperium* – как ключ к пониманию наиболее существенных должностных отношений римских высших магистратов⁵⁷. Как отмечает К.М. Дория, наличие *imperium* было достаточным основанием для применения магистратской юрисдикции в отношении граждан, за исключением наделенных «равным или большим» империем⁵⁸.

Мнение о магистратском империи как унаследованной от царей одновременно гражданской и военной власти разделяет К. Бреннан⁵⁹, написавший современный фундаментальный труд о римской претуре. Заметим, что осуществить эту масштабную задачу, находясь на позициях последователей А. Хойса, он бы просто не смог: возникло бы противоречие между конкретным анализом гражданской деятельности претора, базировавшейся именно на его империи, и методологическими установками о сугубо военном характере империя в IV–III вв. до н.э. Вероятно, здесь сам материал диктовал теоретические ориентиры.

В целом же, если схематично определить особенности восприятия различными национальными школами двух теорий магистратского империя в историографии рубежа XX–XXI вв., то нам представляется следующая картина. Очень сильным оказалось воздействие концепции, идущей от А. Хойса (особенно в вариантах Й. Бляйкена и В. Кункеля) на немецкое антиковедение. В англо-американской романистике (вообще, на наш взгляд, менее склонной к глобальным теоретическим построениям) нет выраженного отрицания теории Т. Моммзена, но взгляды исследователей (хотя и не всех) плавно сместились в сторону его оп-

⁵³ *Nippel W.* [Рец.:] *Lintott A.* The Constitution of the Roman Republic. Oxf., 1999 // *Gnomon.* 2002. Bd 74. Ht 1. P. 82.

⁵⁴ *Lintott A.* The Constitution of the Roman Republic. Oxf., 1999. P. 96.

⁵⁵ *Valditara G.* Studi di diritto pubblico romano. Torino, 1999. P. 6.

⁵⁶ *Stewart R.* Public Office in Early Rome. Ritual Procedure and Political Practice. The University of Michigan Press, 2000. P. 34.

⁵⁷ *Doria C.M.* *Spretum imperium.* Napoli, 2000. P. 314.

⁵⁸ *Ibid.* P. 320.

⁵⁹ *Brennan.* *Op. cit.* P. 3.

понентов. При этом специального обсуждения данной проблемы в работах англоязычных авторов мы не находим (за исключением историографических заметок в монографии К. Бреннана⁶⁰), как не находим и стремления четко определить свои позиции в данном отношении. Эти позиции нередко настолько размыты, что трудно понять, какое содержание вкладывается в понятие империй и как трактуется его эволюция, приходится устанавливать это по косвенным наблюдениям. Лишь иногда авторы определенно включают уже для IV в. до н.э. в объем полномочий высших магистратов, наряду с военным командованием, юрисдикцию в гражданской сфере, в том числе право принуждения, как это делает О.Ф. Робинсон⁶¹. В итальянской историографии, хотя в ней и есть определенный скептицизм в отношении государственно-правовой систематизации Т. Моммзена, теория полифункционального империя, предложенная великим немецким ученым, тем не менее не отвергнута совсем как «вчерашний день» романистики.

Назвав имена основателей и продолжателей двух различных гипотез об изначальном содержательном наполнении понятия *imperium* и определив их взгляды на его эволюцию, следует рассмотреть, в чем видят несостоятельность концепции «всеохватывающего империя» ее противники, как они аргументируют свои контрдоводы, считая при этом, что под напором их доказательств она не выдерживает критики. Суммируем (сводя воедино) их опровержения теории изначальности полифункционального империя.

Во-первых, утверждается, что в источниках для характеристики гражданской деятельности магистратов нередко используется понятие *potestas* (чаще, чем *imperium*), а сам термин *imperium* фигурирует у античных авторов для обозначения не только высшей магистратской власти, но и распоряжений сената, а также лексически используется ими вне сферы политической деятельности (например, для обозначения отношений господина и раба).

Во-вторых, подчеркивается, что понятие *imperium* применяется в античной традиции, когда речь идет о военном деле вообще, называются империем в частности функции войсковых офицеров или командующих малыми откомандированными соединениями, а также военного командования не у римлян, а у других народов.

В-третьих, какой бы деятельностью не занимался магистрат с империем, наличие *imperium* потенциально всегда давало ему право осуществлять высшее военное командование, что тоже понимается как аргумент в пользу первоначального чисто военного содержания этого понятия.

В-четвертых, на взгляд сторонников данной теории, признание изначальной многогранности империя неизбежно ведет к констатации ответвления гражданской власти высших магистратов из всеобъемлющего понятия *imperium*, что не соответствует государственно-правовым фактам классического и позднего периода Республики. Упор в аргументации при этом они делают на то, что право применения силы ни в коем случае не давалось только носителям империя, например, им были наделены *tresviri capitales (nocturni)*, члены ординарной коллегии низших магистратов (избиравшиеся в трибутных комициях с 80-х годов III в. до н.э.), которые регулярно выполняли рутинные полицейские функции в го-

⁶⁰ Ibid. P. 12–15.

⁶¹ *Robinson O.F.* The Sources of Roman Law. Problems and Methods for Ancient Historians. L.–N.Y., 1997. P. 5.

родской сфере. Цензоры, плебейские трибуны, курульные эдилы и еще некоторые должностные лица также имели право применения силы.

В-пятых, они указывают, что понятие *iurisdictio* не могло «отпочковаться» от понятия *imperium*, поскольку последнее «охватывает юрисдикцию только тогда, когда оно применяется как собирательное обозначение полномочий высших магистратов»⁶². В связи с этим подчеркивается, что империй как «право приказа» даже противоположен юрисдикции, ибо в сфере *iurisdictio* магистрат не столько приказывал, сколько решал дела в суде.

В-шестых, противники теории «тотального империя» обвиняют ее сторонников в том, что те демонстрируют неоправданное следование римским позднереспубликанским авторам, особенно в использовании понятия *imperium* как конституционно-правового термина. Авторы же I в. до н.э., на их взгляд, ошибочно считали «мыслителей раннего римского времени способными к юридической силе абстракции, которой они сами в конце Республики едва ли смогли достичь»⁶³.

Сделаем несколько ремарок по поводу корректности изложенной контраргументации концепции исходно полифункционального империя. Начнем с последнего: публично-правовая абстракция не могла возникнуть в раннюю архаику, а потому не применима к ней. С чем сразу мы здесь не можем согласиться: *imperium* как полифункциональная власть в трудах антиковедов – категория научной абстракции (результат аналитического историко-правового обобщения). Применение термина *imperium* как публично-правового понятия корнями уходит в произведения авторов Поздней республики. То, что в царский период и Раннюю республику оно не существовало как юридическая абстракция, никоим образом не мешает использовать его по отношению к этим этапам римской истории в качестве элемента категориального аппарата современной романистики. Многих понятий не существовало в ту или иную эпоху, но исследователи их используют как научные абстракции. Например, понятие *magistratura* является новолатинским словообразованием; в античности оно не употреблялось ни для обозначения определенной должности, ни в институциональном смысле⁶⁴, что, однако, не мешает нам его широко использовать. В данном же случае термин *imperium* даже не асинхронен.

Другое дело, что римляне эпохи архаики воспринимали империй «как магическую силу, которая передается специальным *lex curiata de imperio* от богов к вождю... чтобы с ее помощью вести народ к благополучию, а войско к победе»⁶⁵. (Еще И. Ян подчеркивал, что понятие империя изначально относилось к религиозно-магической сфере⁶⁶.) Но исследователи вправе, проведя аналитическое осмысление, рассматривать империй не как магическую силу, а как реальную власть его носителя и определять объем этой власти. Ведь те же римляне

⁶² Kunkel. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 27.

⁶³ Ibid. S. 26.

⁶⁴ Ibid. S. 4; Reiner J.M. Einführung in das römische Staatsrecht: die Anfänge und die Republik. Darmstadt, 1997. S. 41.

⁶⁵ Токмаков В.Н. К вопросу о военных полномочиях консулов в публичном праве архаического Рима // Forum Romanum: Доклады III Международной конференции «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права». Ярославль–Москва, 25–30 июня 2003 г. М., 2003. С. 39; он же. К вопросу о военных полномочиях консулов в публичном праве архаического Рима // IVS ANTI-QVVM. Древнее право. М., 2003. № 2. С. 86.

⁶⁶ Jahn I. Interregnum und Wahldiktatur. Kallmünz, 1970. S. 75–76.

эпохи архаики не описывали в категориях современной науки, например, свою социальную структуру, а мы тем не менее применяем к ней абстрактные социологические и правовые понятия. Или, то, что для римлян было, допустим, священнодействием, для исследователей – проявления сакрального права, понимание которого требует научных абстракций, опирающихся, в том числе, и на терминологию современников изучаемой эпохи.

Что касается других перечисленных доводов против теории «всеохватывающего» империя, то многие из них сами по себе являются вполне верными утверждениями, но дело заключается в том, что из этих положений с необходимостью совсем не следует опровержение тезиса о том, что *imperium* магистратов представлял собой всю совокупность высшей исполнительной власти в римской общине. Использование в античной традиции «бесцветного», по определению В. Кункеля⁶⁷, понятия *potestas* для обозначения должностных полномочий высших магистратов, более широкое (и даже полисемантическое) употребление слова *imperium* – вне контекста магистратской власти, расхождения в смысловом наполнении понятий *imperium* и *iurisdictio*, все это прямо не исключает значения термина *imperium* как верховной многофункциональной власти исполнительного характера. Тезисы о том, что право применения силы давалось не только носителям империя, и об «отпочковании» понятия *iurisdictio* от понятия *imperium* будут рассмотрены нами ниже.

Обратив внимание на заметные слабости «негативной» составляющей (критика оппонентов) теории А. Хойса и его последователей, подчеркнем сильные стороны ее «позитивной» составляющей (положения собственной концепции). Главное, на наш взгляд, это акцентирование, так сказать, «военной доли» содержания понятия *imperium* и ее значения в период римской архаики, которое затуманивается в концепции «тотального империя».

Глагол *imperare* (исходная форма *impreare*, сохранявшаяся еще и во II в. до н.э.⁶⁸ или *inpreare*⁶⁹), от которого происходит существительное *imperium*, имеет значения «приказывать», «повелевать», «властвовать», «господствовать» и ряд других, близких по смыслу. Греческие авторы для перевода термина *imperium* использовали слова *ἀρχή* и *ἐξουσία*, либо же просто транслитерировали – *ἰμπερίον*⁷⁰ (своего, аналогичного римскому понятию у греков не было). Этимология слова *imperium* заставляет согласиться с В. Кункелем, что, естественно, чаще всего *imperium* в значении «приказ» использовался в военной сфере и был тесно с нею связан⁷¹. Согласимся и с тем, что нельзя недооценивать военный фактор в ранней истории Рима, он являлся решающим в поддержании его существования и самосохранении. Подчеркивая важность этого положения, мы тем не менее не можем отрицать правоту тезиса о полифункциональности империя со времен царей. Мы бы только подчеркнули: со времен этрусских царей.

Создание в период реформ Сервия Туллия центуриатной организации поставило знак равенства между военной и общегражданской жизнью римлян. «Применительно к древнейшему периоду римской истории *imperium* понимался как

⁶⁷ Kunkel. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 25.

⁶⁸ Rosenberg A. Imperium // Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1916. Bd IX. 2. Sp. 1201.

⁶⁹ Staveley E.S. The Constitution of the Roman Republik // Historia. 1956. Bd 5. P. 108.

⁷⁰ См. Mason H.J. Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Hakkert Toronto, 1974 (American Studies in Papyrology. Vol. 13). P. 56.

⁷¹ Kunkel. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 23.

царская власть, как совокупность царских полномочий», – пишет И.Л. Маяк⁷². Глубоко проанализировав употребления понятия у Авла Геллия, она пришла к выводу, что он фигурирует у него «в качестве полисемантического термина, обозначающего высшую военную власть, полноту власти правителей (царей, магистратов, промагистратов), наконец – совокупность территорий под властью Рима»⁷³. Содержание термина *imperium* эволюционировало, отмечает И.Л. Маяк, от первого из перечисленных значений до последнего⁷⁴. При этом она обращает внимание, что понятие *imperium* бытовало в Риме с незапамятных времен, а «писатели жившие в эпоху Республики, относят его к правлению Ромула»⁷⁵. Добавим со своей стороны, что чисто военный характер оно могло носить только на стадии «вождества», когда положение царя приближалось к положению греческих басилеев эпохи «темных веков» (т.е. при латино-сабинских царях), в период же правления этрусской династии статус царя существенно меняется: римские цари стали обладать безусловным правом приказа не только в военной, но и мирной (неизбежно военизированной) жизни.

В любом случае, начиная со времени Сервия Туллия, мы не можем ничем существенным подкрепить трактовку *regium imperium* как чисто военной власти. Наоборот, судебные полномочия римских царей, их право законодательной инициативы и законодательная деятельность, сакральные функции подтверждаются новейшими современными исследованиями, в том числе и отечественных романистов⁷⁶. Военные функции, конечно, доминировали, ибо «непрерывность войны» (*assiduitas bellorum* – Cic. De off. II. 21. 74) длительное время была характерной чертой жизни римской общины. «Военным задачам отводилась центральная роль в римском мышлении... можно даже сказать, что римская государственность была организована только для войны, но не для мира»⁷⁷, но это совсем не означает, что в царский империй другие полномочия не входили. Весьма характерно, что Ливий, повествуя о времени изгнания последнего царя, использует выражение *imperium in urbe* (Liv. I. 59)⁷⁸, а Тацит, говоря о царях и магистратах, употребляет выражение *ne urbs sine imperio foret* (Tac. Ann. VI. 11)⁷⁹. Нам кажется весьма верным утверждение В.Н. Токмакова, что «сложился империй... еще в эпоху царей как важнейший элемент сакрально-родового права»⁸⁰. Правомочия высших республиканских магистратов также «имели исток сакральный империй, лежащий в русле божественного права (*fas*)»⁸¹. Подтверждают божественно-правовую природу империя и сакральные функции

⁷² Маяк И.Л. Понятие власти и собственности в сочинении Авла Геллия // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1998. № 1. С. 18–19; см. также она же. Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 114–115.

⁷³ Она же. Понятие власти... С. 25.

⁷⁴ Там же. С. 26.

⁷⁵ Там же. С. 18.

⁷⁶ Кофанов Л.Л. Характер царской власти в Риме VIII–VI вв. до н.э. // Антиковедение и медиевистика. Ярославль, 2001. Вып. № 3. С. 14–24.

⁷⁷ Grziwotz. Der moderne Verfassungsbegriff... S. 264.

⁷⁸ *imperium in urbe* Lucretio, praefecto urbis iam ante ab rege instituto, relinquit.

⁷⁹ *Namque antea profectis domo regibus ac mox magistratibus, ne urbs sine imperio foret in tempus deligebatur qui ius redderet ac subitis mederetur...* («В прошлом цари и позднее магистраты, отлучаясь из Рима, избирали, дабы в городе не было безначалия, своих временных заместителей, которым надлежало вершить правосудие и действовать в зависимости от обстоятельств...») (пер. А.С. Бобовича, ред. Я.М. Боровского).

⁸⁰ Токмаков. К вопросу о военных правомочиях консулов... С. 86.

⁸¹ Там же.

ликторов, его символизировавших, которые проанализировал Б. фон Гладигов⁸².

Ф. Сини подчеркивает тесную взаимосвязь религиозных и правовых норм в Римской республике, взаимную обусловленность религии и всей жизни общины, включая применение империя⁸³. Мы также отмечали, что в реалиях Ранней республики, в практическом применении любых норм и предписаний механизм был единым, «публично-божественно-правовым»⁸⁴. Из сакральных основ империя В.Н. Токмаков выводит право военачальника распорядиться жизнью воинов⁸⁵. «Когда же, напротив, угрожали военные действия непосредственно Городу, тогда и в нем действовало военное право и прекращался *ius*, – замечает О. Берендс, – это и есть *iusticium*, буквально прекращение *ius*»⁸⁶. Иначе говоря, судебные (по природе сакральные) функции носителя империя распространялись – в условиях военного положения в Риме – не только на воинов, но и на других граждан. Единые сакральные основания и военных, и судебных полномочий носителя империя, позволяют говорить об изначальном единстве самих этих полномочий. Поэтому мы не видим оснований для трактовки (свойственной последователям А. Хойса) судебной власти царей как их *potestas*, но не *imperium*. Право уголовного суда, право созыва центуриатных комиций настолько тесно были связаны с военными функциями, что четко провести разграничение между империей как военными полномочиями и гражданской компетенцией магистрата часто вообще не представляется возможным. Это признают и противники теории полифункционального (с ранней монархии) империя. Например, утверждая, что «формально военные – но реально принадлежавшие к гражданской конституционной жизни – функции способствовали распространению понятия империя на политическую и юридическую сферу деятельности»⁸⁷, В. Кункель вплотную подходит к констатации факта, что военные функции были неотделимы от гражданских, правда, собственно «расширение» империя до судебных и административных полномочий он относил уже к Поздней республике⁸⁸.

М. Штеммлер отмечает изначальную идентичность *comitia centuriata* и *exercitus Romanus*, которая прослеживается как на основе сакральных элементов, так и терминологически⁸⁹. «Не только такие обозначения как *equites*, *pedites*, *centuriae*, *classes* фиксируют военное происхождение *comitia centuriata*, но и их созыв называется *exercitus impetare*», – отмечает исследователь, добавляя, что собрания центурий проходили вне померия, на Марсовом поле, что опять-таки свидетельствует о военном характере законодательного и избирательного органа римской общины. В.Н. Токмаков, обобщая историографические наблюдения о

⁸² Gladigow B. von. Die sakrale Funktionen der Lictores. Zum Problem von institutioneller Macht und sakraler Präsentation // ANRW. 1972. 1.2. S. 295–314.

⁸³ Sini F. Dai documenti dei sacerdoti romani: dinamiche dell'universalismo nella religione e nel diritto pubblico di Roma antica // Diritto@Storia. Scienze Giuridiche Tradizione Romana. 2003. № 2. P. 1.

⁸⁴ Дементьева В.В. Римское божественное право: проблема содержания понятия *fas* // Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике. М., 2003. Т. 1. С. 12, 16.

⁸⁵ Токмаков. К вопросу о военных правомочиях консулов... С. 86.

⁸⁶ Behrends. Der römische Gesetzesbegriff... S. 69.

⁸⁷ Kunkel. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 24.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Stemmler M. *Eques Romanus* – Reiter und Ritter. Begriffsgeschichtliche Untersuchungen zu den Entstehungsbedingungen einer römischen Adelskategorie im Heer und in den *comitia centuriata*. Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien, 1997 (Prismata. Beiträge zur Altertumswissenschaft. Bd VIII). S. 159.

сущности центуриатной реформы, пишет, что «центуриатное собрание, будучи собранием войска, объективно заняло место собрания всей цивитас» и «в нем воплотилось военно-политическое единство раннереспубликанской общины»⁹⁰. Это военно-политическое единство проявилось как в деятельности комиций, так и в деятельности созывавших их (и руководивших процедурой голосования в них) магистратов с империем.

Таким образом, взвесив (при опоре на современные достижения конкретно-исторических исследований) аргументацию и контраргументацию сторонников и оппонентов теории «тотального империя», мы приходим к выводу о научной состоятельности вывода о военных истоках империя, олицетворившего высшую исполнительную власть в римской общине. И в этом мы солидарны с приверженцами теории «военного империя». Но мы не можем согласиться с ними в том, что империй должен пониматься как сохранявший сугубо военное содержательное наполнение на всем протяжении Ранней и Классической республики, и только для Поздней республики мы можем использовать понятие *imperium* в значении единства военной, гражданской и судебной власти магистратов. Мы полагаем, что полифункциональность империя явно прослеживается с создания Сервием Туллем центуриатной организации, которая зафиксировала единство военной и гражданской жизни в общине и соответствующих властных полномочий. Многие примеры деятельности раннереспубликанских чрезвычайных магистратов (диктаторов), решавших не только военные задачи, но занимавшихся и вопросами внутривластной жизни, позволяют подкрепить вывод о том, что для Ранней республики может быть констатировано единство военных и гражданских полномочий, заключенных в империи, а также преемственность их от империя царей⁹¹. Это, в свою очередь, означает, что длительной, растянувшейся на пять веков эволюции содержания понятия *imperium* (как высшей магистратской власти), заключавшейся в его расширении на судебную и гражданскую сферы, не было. Эта эволюция в названном принципиальном отношении (от военного содержательного наполнения к полифункциональному) происходила еще в эпоху примитивной монархии, на стадии перехода от вожества к государственности. Поэтому мы согласны со сторонниками теории «всеохватывающего» империя в том, что с перехода Рима к цивилизации (имевшего место, хотя и не по единодушному, но широко признанному мнению исследователей, в VI в. до н.э.), и до конца I в. до н.э., следует применять понятие *imperium* как публично-правовое (добавим, как публично-сакрально-правовое), означающие всю совокупность высшей исполнительной власти.

Разумеется, мы должны использовать в названном значении понятие *imperium* как научную абстракцию, как результат исследовательской аналитической работы, различая наше научное наполнение этого понятия и его римское восприятие. Для самих римлян отвлеченным, абстрагированным понятием оно стало, видимо, только в эпоху Поздней республики, в период же архаики оно было вполне конкретным священным правом приказа, имеющим божественное происхождение и распространявшимся на все сферы их жизни. В полифункциональном содержательном наполнении его употребление корректно по отношению ко всей республиканской истории, с созданием же режима принципата, судя

⁹⁰ Токмаков В.Н. Военная организация Рима Ранней республики (VI–IV вв. до н.э.). М., 1998. С. 129.

⁹¹ См. Дементьева В.В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль, 1996. С. 34–38, 47–48 и др.

по всему, происходит трансформация объема этого понятия. По наблюдениям К.М. Дория, понятия *imperium* и *iurisdictio* разделились в процессе реформ Августа, при этом первое понятие стало означать просто «должность»⁹². В. Кункель, со своей стороны, констатирует: «Только лишь при Империи, когда республиканские магистраты командную власть над войском окончательно передали принцепсу и его легатам, понятие магистратского империя потеряло военный смысл»⁹³.

Признание содержательного наполнения *imperium* как полифункциональной власти уже в VI в. до н.э. заставляет нас считать употребление понятий «военный» и «гражданский» империй корректным только в значении сфер и механизмов его осуществления, но ни в коем случае не различать их по объему полномочий. Словосочетание «военный империй» встречается у античных авторов, кстати, весьма редко⁹⁴, можно привести лишь единичные примеры. При этом используется либо словосочетание *imperium militare* (Ливий), либо *imperium militiae* (Цицерон). Причем употребление *imperium militiae* можно расценить как указание именно на сферу применения, а не на «качество» империя.

Империй – это высшая исполнительная власть и в сфере *domi*, и в сфере *militiae*. При этом мы присоединяемся к мнению А. Джованнини, что следует отказаться от представления о сферах *domi* и *militiae* как внутренней и внешней по отношению к померию; понятие *domi* связано прежде всего с мирным положением государства, а не с конкретным городом и его границами в виде померия⁹⁵.

Империй всегда включал определенный и неизменный набор прав магистрата по отношению к гражданскому коллективу в целом и каждому гражданину в отдельности. *Imperium* давал его носителю следующие права:

1. Общаться с богами от имени общины, проводить *auspicia*. В историографии устойчивым было мнение, что это право давалось магистрату на основе куриатного закона об империи (*lex curiata de imperio*). Но в последнее время А.М. Сморгчевым высказана перспективная в научном отношении мысль, что «право на общественные ауспиции предоставлялось новому магистрату уже на электоральных комициях»⁹⁶.

2. Созывать комиции, вносить в них законодательные предложения (*rogationes*).

3. Созывать сенат, вносить в сенат предложения (*relationes*) и требовать от него заключения по предложенному вопросу.

4. Право высшего военного командования, в том числе набора войск и проведения военных операций в роли главнокомандующего, назначения войсковых командиров и право триумфа в случае крупной победы.

5. Право заключения перемирия (но не мира) с врагом.

6. Право распределения военной добычи (хотя бы ее части).

7. Право высшей административной власти.

8. Право высшей судебной власти, включая право наказания гражданина.

⁹² Doria. Op. cit. P. 307–310.

⁹³ Kunkel. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 24–25.

⁹⁴ См., например: Liv. VIII. 35. 9: *firatumque imperium militare haud minus periculo Q. Fabi quam supplicio miserabili adulescentis Manli uidebatur*; Cic. Catil. 29. 3: *domi militiaeque imperium...*

⁹⁵ Giovannini A. *Consulare imperium*. Basel, 1983 (Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft. Ht 16). S. 1–30.

⁹⁶ Сморгчев А.М. Куриатный закон об империи и ауспиции магистратов // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2003. № 1 (11). С. 37.

9. Право торжественного провозглашения своего преемника в роли держателя империя. «Из империя вытекало право носителя власти провозгласить своего преемника на следующий административный год», – писал У. фон Любтов⁹⁷, но мы скажем шире – любого легитимного магистрата с империем, в том числе и экстраординарного, получавшего империй на короткий срок.

10. Право назначения городского префекта (*praefectus urbi*) на время отсутствия в Риме всех магистратов с империем, полученным на основе закона. Судя по всему, при этом происходило делегирование полномочий, вытекавших из империя, от магистрата городскому префекту.

11. С последней трети IV в. до н.э. право стать (по истечении должностных полномочий) промагистратом на основе пророгации империя. При Сулле всем консулам и преторам было дано право на годичное продление империя. По закону 52 г. до н.э. между консулатом и проконсулатом (так же, как между претурой и пропретурой) должно было пройти пять лет (Dio Cass. 40. 46, 56).

12. Право на инсигнии, символизировавшие империй.

Этот набор правомочий неотъемлемо входил в содержание понятия *imperium*.

По поводу содержания каждого из перечисленных прав и по поводу того, какое из них определяет суть империя, в антиковедении немало было дискуссий. Не имея возможности все их осветить в одной статье, остановимся на праве высшей судебной власти, поскольку вопрос о ней имеет первоочередное принципиальное значение для трактовки содержательного наполнения понятия *imperium*.

Судебная власть римских магистратов с империем – *iurisdictio*; термин происходит от *ius dicere* («оглашать право», т.е. судить, разбирать дело, вершить суд). «*Ius dicere* означает вообще регулировать гражданскую жизнь посредством *imperium*», – справедливо, на наш взгляд, отмечал С.Ю. Седаков⁹⁸. Юрисдикция включала в себя различные полномочия: право быть председателем на судебных заседаниях комиций, а со второй половины II в. до н.э. и председателем постоянных уголовных судов – *quaestiones perpetuae*, право решения юридических споров при отсутствии закона, право дать поручение судье (*iudex, arbiter*) для вынесения вердикта по частно-правовым вопросам. Кроме того, в понятие *iurisdictio* входили и правомочия, связанные с привлечением гражданина к ответственности за нарушение действовавших законов. Рассмотрим, в чем эти правомочия состояли.

Магистраты *cum imperio* имели право вызова провинившегося (*ius vocationis*) и право его задержания (*ius prensionis*). Сочетание *ius vocationis* и *ius prensionis* в руках высшего магистрата существенным образом отличало объем его судебной власти от соответствующей должностной компетенции плебейских трибунов, которые имели только право задержания гражданина (*prensio* или *prehensio*), но не имели права вызова (*vocatio*) его к себе для разбирательства. Подробно об этом отличии нас информирует Авл Геллий (NA. 13. 12. 4–9). Он сообщает, что юрист Марк Антистий Лабейон отказался явиться к плебейскому трибуну, поскольку *quoniam moribus maiorum tribuni plebis prensionem haberent, vocationem non haberent* (NA. 13. 12. 4). Ссылка на обычаи предков (*mores maiorum*) означает республиканский характер данной нормы. Плебейские трибуны должны были сами явиться к гражданину и задержать его, но не требовать явки отсутствующего⁹⁹. В отличие от высших магистратов трибуны не могли послать к

⁹⁷ Lübtow U. von. Das Römische Volk. Frankfurt am Main, 1955. S. 183.

⁹⁸ Седаков С.Ю. Роль квинтского претора в создании норм римского частного права предклассического периода // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 125.

⁹⁹ *posse igitur eos venire et prendi se iubere, sed vocandi absentem ius non habere.*

гражданину *viatores* с соответствующим приказанием¹⁰⁰. Геллий приводит также слова Варрона о том, что только консулы или те, кто имеют империй, обладают полномочиями *vocatio: vocationem, ut consules et ceteri, qui habent imperium* (NA. 13. 12. 6). Магистраты *sine imperio* могли осуществлять лишь *prensio*, как и плебейские трибуны.

Рассматриваемый фрагмент «Аттических ночей» Геллия служит контраргументом тезиса (защитавшегося В. Кункелем и др.), согласно которому отрицается полифункциональное наполнение понятия *imperium* (в течение всей Ранней и Классической республики) на том основании, что право применения силы ни в коем случае не давалось в это время только носителям империя¹⁰¹. Приверженцы такого утверждения подменяют понятия: они пишут о «праве применения силы» вообще, но оно в данном случае имело две составляющие – *ius vocationis* и *ius prensionis*. И только вторая его часть входила в правомочия некоторых низших магистратов и плебейских трибунов. При этом В. Кункель и его последователи, некорректно привлекая «право применения силы», идут дальше и утверждают, что, следовательно, не могла от империя «отпочковаться» юрисдикция, а значит, *imperium* до эпохи Поздней республики не был «всеохватывающим». Порочность аргументации состоит здесь еще и в том, что отрицание утверждения об ответвлении гражданской власти от *imperium* как всеобъемлющей власти (даже если бы это отрицание подкреплялось более надежными доказательствами, чем отсылка на «право применения силы») само по себе никак не ведет к опровержению вывода о многофункциональном империи. Заключенная в империи юрисдикция никогда в течение всей республиканской эпохи, на наш взгляд, от него не отделялась: с одной стороны, *imperium* как был многогранным, так таковым и остался, а с другой стороны, не базировавшаяся на империи судебная власть была иной природы, а не его «осколок».

Авл Геллий дает определение *vocatio: qui vocationem habent idem prendere, tenere, abducere possunt, et haec omnia, sive adsunt, quos vocant, sive acciri iusserunt* (NA. 13. 12. 6). Следовательно, наделенные этим правом должностные лица могли не просто «вызывать» римского гражданина в значении «приглашать для беседы», но и «схватывать», «задерживать» («запирать»), «уводить». Все вызванные граждане должны были повиноваться приказу явиться, за которым реально стояли указанные последствия. Мы усматриваем в этом свидетельстве Авла Геллия подтверждение того, что *ius vocationis* – составная часть права приказа гражданину со стороны магистрата с империем, и этот приказ имел универсальное действие – от приказа на войне до приказа предстать перед магистратом по любому поводу в мирной жизни.

Дефиниция, данная Геллием понятию *vocatio*, привела А. Джованнини к выводу, что именно в этом понятии заключается решающее свойство империя магистрата¹⁰², что, собственно, империй и есть *ius vocationis*. Обсуждая этот тезис А. Джованнини, Э. Бэдиан счел его «слишком узким»¹⁰³. Э. Бэдиан отмечал: «Варрон полагает, что только магистраты с империем обладали *ius vocationis*. Но из этого не следует, что это решающее свойство империя, а также, что именно через него надо дефинировать империй»¹⁰⁴. Принимая во внимание за-

¹⁰⁰ Weinrib E.J. The Prosecution of Roman Magistrates // Phoenix. 1968. Vol. 22. P. 40–41.

¹⁰¹ См. Kunkel. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 26–27.

¹⁰² Giovannini. Magistratur und Volk... S. 433.

¹⁰³ Badian E. Kommentar. Sektion V Magistratur und Volk // Staat und Staatlichkeit...

S. 468–469.

¹⁰⁴ Ibid. S. 468.

мечание Э. Бэдиана, суть которого, на наш взгляд, сводится к тому, что нельзя через частное проявление дефинировать общее понятие – поскольку это проявление может оказаться далеко не главным – мы хотели бы сказать следующее. В данном случае А. Джованнини справедливо усмотрел в *ius vocationis* одну из самых существенных качественных характеристик империя, но *imperium* нельзя свести к *ius vocationis*, он, конечно, шире, – это абстрактное право приказа всем гражданам общины и отдельному ее члену. *Ius vocationis* – это право, было конкретным проявлением тех действий магистрата, которые заключены в глаголе *impeare*: «приказывать», «повелевать», «предписывать», «начальствовать».

Судебная власть магистрата обозначалась термином *iurisdictio*, но одновременно этот термин означал и вообще всю компетенцию должностного лица, круг его полномочий. Эта двойственность лексического значения, весьма вероятно, была связана именно с тем, что судебные правомочия высшего магистрата были имманентны его империи, т.е. всей совокупности его власти, они были, так сказать, «отражением общего в частном». Павел в «Комментариях к Плавцию», сохранившихся в Дигестах (D. 1. 21. 5. 1), утверждает следующее: «*Mandata iurisdictione privato etiam imperium quod non est meum videtur mandari, quia iurisdictione sine modica coercitione nulla est.* – Когда юрисдикция делегируется частному лицу, то, видимо, ему делегируется и высшая власть (*imperium*), за исключением права приговаривать к смерти, поскольку юрисдикция без права налагать умеренные наказания не имеет никакой силы» (пер. А.Л. Смьшляева, И.С. Перетерского). Здесь у римского юриста явно речь идет о делегировании юрисдикции как элемента империя.

Согласно приведенному фрагменту, в понятие *iurisdictio* составной частью входила *coercitio* (*coercio*) – «наказание», «обуздывание», «усмирение»; юрисдикция в толковании римских правоведов не мыслима без права наказания, хотя бы и умеренного, она ничтожна без него.

Ф. Инар определяет *coercitio* как возможность принуждения гражданина высшим магистратом к повиновению посредством государственных норм¹⁰⁵. Как отмечает К.М. Дория, «коэрцитивная возможность» функционально содержалась в *ius vocationis*¹⁰⁶.

Й.М. Райнер, задаваясь вопросом, что было содержанием *coercere*, *coercitio* (*prensio*), о каких мерах идет речь, пишет: под этим в первую очередь понимается арест и взятие под стражу (но не посредством квесторов и эдилов)¹⁰⁷. Здесь Й.М. Райнер отождествляет понятия *coercitio* и *prensio*, что не вполне правомерно, ибо, как мы уже отмечали, *potestas prensionis* входила в компетенцию и низших магистратов, а также плебейских трибунов. Поэтому и пришлось Й.М. Райнеру делать оговорку в сноске, что имеются в виду не эдилы и квесторы¹⁰⁸, иначе говоря, это право следует отнести к высшим магистратам.

Если Й.М. Райнер по существу приравнивает понятия *coercitio* и *prensio*, то в историографии распространен несколько иной взгляд, согласно которому, *prensio* – это составная часть *coercitio*. Так, Г. Зибер делил *coercitio* магистратов на высшую и низшую, относя *prensio* к высшей (наряду со смертной казнью и теле-

¹⁰⁵ *Hinard F. Rome. Des origines a la fin de la Republique // Revue Historique. 1998. Vol. 298/2. P. 426.*

¹⁰⁶ *Doria. Op. cit. P. 302.*

¹⁰⁷ *Reiner. Op. cit. S. 47.*

¹⁰⁸ Кстати, А. Джованнини считает, что квесторы не имели полномочий *prensio*. *Giovannini. Magistratur und Volk... S. 432.*

сными наказаниями)¹⁰⁹. Точка зрения о *prensio* как элементе *coercitio* имела сторонников, которые, однако, могли не ранжировать по шкале «от низших к высшим» права, составлявшие *coercitio*, а просто их перечислять в произвольном порядке¹¹⁰.

На наш взгляд, *ius prensionis* не составная часть собственно *coercitio* высшего магистрата, оно – составная часть его судебных полномочий в целом, его юрисдикции. Это право может быть и составной частью компетенции других органов власти.

Когда речь идет о *prensio*, имеется в виду, по нашему мнению, арест не как вид наказания, т.е. не как один из вариантов *coercitio*, а арест как «схватывание» (именно в этом буквальном значении слова), когда еще не решен вопрос о наказании, как своеобразное «предварительное заключение». Собственно арест как взятие под стражу в качестве наказания (лишение свободы) – это *abductio in vincula* (увод в темницу), который может быть предметом отдельных дискуссий о времени появления и пр.¹¹¹ *Prensio* – это задержание гражданина с целью пресечь какие-либо его действия или с целью последующего разбирательства совершенных им деяний.

Итак, мы понимаем *coercitio* и *prensio* как важные составляющие *iurisdictio* магистрата с империем, но не уподобляем одно другому и не рассматриваем второе как часть первого. К.М. Дория противопоставляет *prensio* праву *vocatio* и отмечает, что *vocatio* имела значение для процесса по частно-правовым разбирательствам, тогда как *prensio*, напротив, использовалась в других целях¹¹². На наш взгляд, *ius vocationis* римского магистрата с империем применялось как при решении вопросов частного права, так и при публично-правовом преследовании (в том числе и уголовно-правовом), ибо источники не дифференцируют эти сферы при применении *vocatio* магистратом. Но *prensio* действительно как задержание «для и до разбирательства», это именно публично-правовой акт.

Coercitio означала возможность для магистрата наложить наказание на гражданина. Содержание этого понятия раскрывается у Цицерона: *Iusta imperia sunt, isque cives modeste ac sine recusatione parento. Magistratus necoboedientem et noxium civem multa, vinculis, verberibusque coercet, ni par maiorue potestas populusque prohibessit, ad quos provocatio esto* (Cic. De leg. III. 6)¹¹³. Здесь прямо перечисляются возможные виды наказаний гражданина со стороны магистрата, наделенного империем: имущественное взыскание – *multa*, лишение свободы – *vinculum*, т.е. оковы или темница, телесные наказания (избиение) – *verberatio*. Несколько далее (De leg. III. 11) Цицерон отмечает, что «о смертной казни и гражданских правах предложение вносят только в «величайшие комиции» (пер. В.О. Горен-

¹⁰⁹ Siber H. *Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung*. Lahr, 1952. S. 81.

¹¹⁰ См. об этом: Gebhardt G. *Prügelstrafe und Züchtigungsrecht im Antiken Rom und in der Gegenwart*. Köln–Weimar–Wien, 1994. S. 35.

¹¹¹ Например, В. Ниппель считает, что заключение в тюрьму – как вид наказания – неизвестно в эпоху Республики. См. Nippel W. *Orgien, Ritualmorde und Verschwörung? Die Bacchanalien-Prozesse des Jahres 186 v. Chr. // Große Prozesse der römischen Antike*. München, 1997. S. 70.

¹¹² Doria. Op. cit. P. 302–303.

¹¹³ «Империй да будет законным; граждане да подчиняются империи покорно и беспрекословно. Магистраты да карают неповинующегося им дурного гражданина пеньей, наложением оков, розгами, – если ни носитель равной или большей власти, ни народ, к которому должна быть совершена провокация, этому не воспротивятся» (пер. В.О. Горенштейна).

штейна). Это свидетельствует о том, что в I в до н.э. без согласия центуриатных собраний магистрат не должен был выносить решения о лишении гражданина жизни. В период Ранней республики магистрат мог не согласовывать такое решение с комициями (но и тогда действовало право обращения за защитой к народу, если наказуемое деяние относилось к сфере *domi*). Что касается *verberatio*, то по *lex Porcia de tergo civium*, принятому в 198 г. до н.э., как известно, запрещалось подвергать наказанию розгами римского гражданина. Но до III в. до н.э. включительно *verberatio* была составной частью магистратской *coercitio*.

Содержательное наполнение понятия *coercitio*, несмотря на достаточную определенность слов Цицерона, нуждается в уточнении, ибо за ним тянется шлейф дискуссионных обсуждений, которые подчас не столько вносили ясность, сколько запутывали и вуалировали существо вопроса.

Т. Моммзен разделял магистратскую *coercitio* и *iudicatio* (термин имеет широкий спектр значений: осуждение, следствие, судебное решение). Точнее сказать, Т. Моммзен выделял два вида *coercitio*. Один вид, против которого была возможна провокация, он называл магистратской юдикацией и связывал ее с официально предписанным процессом, относя к сфере уголовного права. Второй вид, *coercitio* «в узком смысле слова», был для него чисто магистратским правом принуждения, действия в рамках которого не были подвержены праву провокации¹¹⁴. Он заострял внимание на том, против кого была направлена данная *coercitio*, и приходил к выводу, что ее объектом были исключительно и только лица, неповиновавшиеся магистрату, т.е. непослушные граждане, но она ни в коем случае не служила средством преследования криминальных (уголовных) элементов¹¹⁵. В связи с этим Т. Моммзен предлагал в тексте Цицерона считать правильной реконструкцией фразы «*Magistratus necoboedientem et noxium civem multa, vinculis, verberibusque coercet...*», употребление вместо *noxium* (вредный, виновный, достойный наказания) – применительно к гражданину как объекту магистратской *coercitio* – прилагательного *innoxium* (безвредный, неопасный, невиновный). Для него, следовательно, термины *necoboediens* (непослушный, непокорный, неповинующийся, неподчиняющийся) и *noxius* были противоположными.

В отличие от Т. Моммзена не усмотрел в этих терминах противопоставления (вместе с этим не видел оснований для отмеченной реконструкции фразы Цицерона) В. Кункель¹¹⁶. Если у Т. Моммзена акцент был сделан на том, против кого применялась магистратская *coercitio*, то у В. Кункеля – на том, за какие проступки она применялась. В. Кункель понимал *coercitio* магистрата как средство, чтобы покарать неповиновение граждан именно государственной власти. Заметим, что оба момента, подчеркнутые у двух романистов, вполне совместимы, во всяком случае не являются взаимоисключающими.

Согласимся с В. Кункелем, что граждане «неповинующиеся» и граждане «достойные наказания» («вредные») не противопоставлены в источниках друг другу, введение данной антитезы и замена *noxium* на *innoxium* в тексте Цицерона выглядит несколько искусственно. Но отказ от данного противопоставления не ведет автоматически к отрицанию различия между *coercitio* и *iudicatio*, если понимать под последней любое решение о наказании, принятое, например, такой

¹¹⁴ *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. Lpz, 1899. S. 340–342.*

¹¹⁵ *Ibid. S. 30, 56.*

¹¹⁶ *Kunkel W. Quaestio // RE. Bd 24. 1963. Sp. 723. См. об этом: Gebhardt. Op. cit. S. 36–37.*

инстанцией, как комиции, а не только самим магистратом. *Coercitio* – наказание гражданина магистратом на основе его, магистратских, судебных полномочий, само же решение о наказании (вынесенное самим ли магистратом, комициями ли) есть, на наш взгляд, *iudicatio*. Цицерон обычно использует этот термин применительно ко всякому решению о наказании, например, о соответствующем решении цензора он пишет: *Itaque, ut omnis ea iudicatio versatur tantum modo in nomine, animadversio illa ignominia dicta est* (Cic. De rep. IV. 6)¹¹⁷. Поскольку говорится о цензорском замечании, которое вело к «утрате доброго имени», то явно речь (с использованием термина *iudicatio*) идет не об уголовном преступлении, а о проступке, каравшемся в рамках *cura morum*.

Т. Моммзен рассматривал юдикационные полномочия магистрата как судебные, направленные в первую очередь против лиц, совершивших криминальные, уголовно наказуемые действия (в отличие от коэрцитивных полномочий¹¹⁸, направленных, по его мнению, против не преступных, но неповиновавшихся носителям власти граждан), чего мы поддержать не можем, основываясь на употреблении понятия *iudicatio* Цицероном. К тому же следует заметить, что граница между «неповиновением» и «криминалом» может оказаться очень зыбкой: неповиновение магистрату являлось серьезным преступлением, влекшим уголовную ответственность. Вместе с тем нам представляется весьма важным – в принципиальном плане – утверждение Т. Моммзена о смысловом различии *coercitio* и *iudicatio*, хотя мы наполняем это различие иным содержанием.

Однако наблюдение о содержательной нетождественности понятий *coercitio* и *iudicatio*, сделанное Т. Моммзеном, не только не получило дальнейшей разработки и уточнения, но было отвергнуто. Рецензируя сочинение В. Кункеля о развитии римского уголовного процесса, Й. Бляйкен назвал вопрос о соотношении *coercitio* и *iudicatio* «исключительно вопросом терминологии»¹¹⁹; он полагал, что и тем, и другим термином называлось право магистрата наказывать гражданина. Тем самым он отрицал различие между *coercitio* и *iudicatio*, что было воспринято А. Джованнини¹²⁰ и Г. Гебхардтом¹²¹, и формулируется у последнего как не подлежащий сомнению факт. Ф. Бене вообще утверждает, что юдикация не принадлежала к типичным полномочиям должностных лиц и «догматическая классификация Т. Моммзена» не может быть поддержана¹²².

Еще более значительное влияние на последующую историографию оказал тезис В. Кункеля (также сформулированный в русле оппонирования им теории римского публичного права Т. Моммзена) о том, что магистратская *coercitio* служила средством принуждения непослушных граждан, но отнюдь не инструментом осуществления правосудия. В. Кункель усматривал в действиях магистрата, вытекавших из *coercitio*, исключительно политическое содержание и исследовал

¹¹⁷ «Поэтому, коль скоро это решение касается только доброго имени, то наказание и называется “утратой доброго имени”» (пер. В.О. Горенштейна).

¹¹⁸ Под «коэрцитивными полномочиями» мы имеем в виду полномочия в рамках *coercitio*, так же, как вообще используем прилагательное «коэрцитивный» в значении «вытекающий из *coercitio*», «заклученный в *coercitio*».

¹¹⁹ *Bleicken J. Wolfgang Kunkels Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens // Gnomon. 1964. Bd 35. S. 697.*

¹²⁰ *Giovannini A. Volkstribunat und Volksgericht // Chiron. 1983. Bd 13. S. 545, 565.*

¹²¹ *Gebhardt. Op. cit. S. 37.*

¹²² *Behne F. Volkssouveränität und verfassungsrechtliche Systematik. Beobachtungen zur Struktur des Römischen Staatsrechtes von Theodor Mommsen // Res publica reperta. Stuttgart, 2002. S. 133.*

этот акт вне уголовно-процессуальных рамок. Он полностью отказался от использования понятия «юдикация» и считал *coercitio* чисто полицейской властью, не связанной с юстицией.

«Выдающийся, в последние годы жизни преподававший в Мюнхене историк права, – пишет о В. Кункеле (1902–1981) В. Ниппель, – интенсивно занимался с 1950-х годов проблемами истории римской конституции и в 1962 г. предложил новую интерпретацию развития римского уголовного права, которую не только для этой темы, но и одновременно для центральных вопросов конституционного права Республики (таких, как соотношение магистратского империя и права провокации граждан) представил как радикальную альтернативу моммзеновским конструкциям»¹²³.

Т. Моммзен рассматривал римский республиканский уголовный процесс в качестве магистратско-комициального, при котором гражданин мог опротестовать приговор магистрата, как суда первой инстанции, в суде второй инстанции – комициях¹²⁴, магистратская *coercitio* выступала в качестве предпосылки для последующего комициального процесса. «Краеугольным камнем “теории тотального империя”, – писал А. Хойс, – является функция, которую, согласно ей, получает провокация в рамках римского государственного и уголовного права»¹²⁵. Представление о том, что римское уголовное право начинается с закона о *provocatio ad populum*, отмечал он, было по существу заимствовано Т. Моммзеном в римской традиции¹²⁶. Сам же А. Хойс отталкивался от концепции Х. Брехта, сделавшего вывод об одном-единственном комициальном процессе, в котором магистрат выступал с инициативой разбирательства¹²⁷, и – понимая империй в начале Республики как чисто военную власть – не видел необходимости в трактовке права провокации как коррелята безграничному империю¹²⁸.

В. Кункель, восприняв идеи Х. Брехта и А. Хойса, пришел к выводу, что коэрцитивное наказание (с его точки зрения, внесудебное) осуществлял сам магистрат, а комициальный процесс не был составной частью единого с магистратским производства (за отсутствием последнего). «Техническими» выражениями для комициального процесса В. Кункель называл *iudicare (alicui roenam)* и *inrogare (alicui multam)*, в ходе его рассматривалось не магистратское решение, а жалоба гражданина¹²⁹. Иначе говоря, суд комиций выступал, согласно В. Кункелю, не в качестве второй инстанции, а имел сугубо кассационное действие. Право для проведения комициального судебного заседания В. Кункель определял термином, встречающимся в источниках (*Cic. De leg. III. 10, 27* и др.¹³⁰), – *iudicium*

¹²³ *Nippel. Wolfgang Kunkel... S. 548.*

¹²⁴ См. о данной концепции Т. Моммзена: *Дементьева В.В. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н.э.* М., 2003. С. 114–115.

¹²⁵ *Heuß. Zur Entwicklung... S. 104.*

¹²⁶ *Ibid.*

¹²⁷ *Brecht H. Zum römischen Komitialverfahren // Zeitschrift der Savigni-Stiftung für Rechtsgeschichte. 1939. Bd 59. S. 261–314.*

¹²⁸ *Heuß. Zur Entwicklung... S. 104–106.*

¹²⁹ *Kunkel W. Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens in vor-sullanischer Zeit. München, 1962. S. 32.*

¹³⁰ *Cic. De leg. III. 10: Omnes magistratus auspicium iudiciumque habent exque is senatus esto («Все магистраты да обладают правом авспиций и судебной властью, и да составляют они сенат»)* (пер. В.О. Горенштейна); *Cic. De leg. III. 27: Deinceps omnibus magistratibus auspicia et iudicia data sunt; iudicia, ut esset populi potestas ad quam provocaretur...* («Далее, всем магистратам были даны право авспиций и судебные права – с тем, чтобы существовала власть народа, к которой была бы возможна провокация...») (пер. В.О. Горенштейна).

um (употребляющемся в значениях «судопроизводство», «судебная власть», «судебное решение»). Однако отметим, что Цицерон использует термин *iudicium* применительно к магистратам не только с империем, но и без такового (следовательно, не имевшим права быть председателями комиций, в том числе и судебных), например, он относит его к цензорам (*Cic. De rep. IV. 6*).

В целом получается, что разница в подходах Т. Моммзена и В. Кункеля в данном случае состоит в следующем: Т. Моммзен понимал суд комиций как апелляционную инстанцию (в которой заново рассматривается дело, и либо утверждается обжалованное решение, либо выносится новое), а В. Кункель – как кассационную инстанцию (в которой дело не рассматривается по существу, а происходит обжалование действий должностного лица по формальным основаниям, в том числе из-за несоответствия закону).

Эта разница в исследовательских позициях применительно к римским историческим реалиям гораздо меньше, чем кажется на первый взгляд. Т. Моммзен и В. Кункель отталкивались – как профессиональные юристы – от понятийного правоведческого аппарата науки нового и новейшего времени. В республиканском Риме мы не найдем строгой регламентации комициального процесса; обжалование действий магистрата, вытекавших из его *coercitio*, было обращением к народу за защитой (даже просто криком о помощи – *Liv. II. 27. 12; 55. 5–6; III. 56. 5–13*), и в принципе было не важно, имела ли место просьба рассмотреть дело по существу или опротестовывались ошибки магистрата формального характера. Применительно к дискуссионной заостренности формулировок В. Кункеля воистину справедливо известное утверждение – чем ближе позиции спорящих, тем резче полемика.

В последних крупных работах, затрагивающих вопрос о *coercitio* и уголовном процессе, он освещается преимущественно с точки зрения концепции В. Кункеля, что проявилось в монографии Э. Линтотта. Отмечая, что Т. Моммзен возвел *coercitio* в ранг фундаментальной характеристики полномочий римских магистратов¹³¹, английский исследователь указывает: «Нет свидетельств, что консулы бродили по городу и поддерживали порядок при помощи *coercitio*»¹³². Однако специально выискивать тех, кто заслуживал наказания, высшим магистратам и не требовалось. Они использовали свое право *vocatio*. При этом грань между «ослушниками» политической воли и «уголовными преступниками» была размытой: например, гражданин, уклонившийся от воинского набора, совершал уголовно наказуемое преступление.

К.М. Дория, обращая внимание на юрисдикцию магистратов с империем (она это делает вне связи с уголовным процессом), подчеркивает, что *iurisdictio* высшего магистрата не распространялась на других магистратов с равной или большей властью¹³³. Автор анализирует цитаты из сочинений римских юристов: «*Haec clausula ad eos pertinet, quos more maiorum sine fraude in ius vocare non licet, ut consulem praetorem ceterosque, qui imperium potestatemve quam habent*» (*D. 4. 6. 26. 2*)¹³⁴; «*In ius vocari non oportet neque consulem neque praefectum neque praetorem neque proconsulem neque ceteros magistratus, qui imperium habent qui et coercere aliquem pos-*

¹³¹ *Lintott. The Constitution... P. 97.*

¹³² *Ibid. P. 193.*

¹³³ *Doria. Op. cit. P. 304–312.*

¹³⁴ «Этот пункт относится к тем, кого по обычаю предков не разрешается на законном основании вызывать в суд, как, например, консула, претора и прочих, кто имеет высшую власть» (пер. А.Л. Смышляева, И.С. Перетерского).

sunt et iubere in carcerem duci...» (D. 2. 4. 2)¹³⁵ и ряд других (D. 4. 8. 4; 47. 10. 32). В этих фрагментах утверждается, что не подвержены *vocatio* те магистраты, которые наделены империем и могут наказывать (*coercere*) граждан и приказывать подвергнуть их заключению. При этом, как прокомментировала К.М. Дория, перечисление магистратов с империем отражает представления императорской эпохи, поскольку в их число попал *praefectus*, как она считает, имеется в виду *praefectus urbi*¹³⁶. Согласно же республиканским обычаям (*mores maiorum*), носитель империя, стоявший выше в должностной иерархии, мог применять *coercitio* по отношению к ниже стоявшим магистратам, но сам был не подвержен их *vocatio*.

Это наблюдение К.М. Дория мы рассматриваем как аргумент в пользу именно неподсудности магистрата с империем нижестоящему магистрату. Принуждение со стороны магистрата, осуществлявшееся в рамках *coercitio*, было, на наш взгляд (отличающийся от позиции В. Кункеля), все-таки судебным процессом, ибо магистрат принимал решение о наказании и претворял его в жизнь, он судил гражданина, опираясь на делегированную ему от народа и *patres* высшую власть. Но это был предельно упрощенный процесс, в котором порядок рассмотрения дела не регулировался формальными процедурами и допускалась лишь самозащита обвиняемого.

Рассматривать магистратский процесс и комициальный процесс как две составные части единого разбирательства мы можем в том случае, если реализовывалось право провокации к народу; если же оно не осуществлялось (или было вообще невозможным, как в делах о воинских преступлениях), то все могло ограничиться судом магистрата. Комиции выступали как судебная инстанция тогда, когда речь шла о суровом наказании гражданина. Это особенно наглядно видно на примере имущественных наказаний (*multa*), налагавшихся за нарушение законов или неповиновение. В рамках своей *coercitio* римский магистрат мог наложить на гражданина штраф. В VI–V вв. до н.э. были приняты законы (*lex Valeria*, *lex Tarpeia*, *lex Menenia Sestia*, *lex Iulia Papiria*), ограничившие размеры штрафа. Магистрат мог назначить наказание в виде штрафа в определенных пределах; выходящий за них, более высокий штраф устанавливался только комициями (Liv. III. 31. 6; IV. 41. 10; V. 29. 7; 32. 9; Dionys. X. 50. 1–2; Plut. Popl. 11. 3)¹³⁷. На комициальном процессе магистрат выступал в роли обвинителя¹³⁸, для немедленного обеспечения штрафа он мог наложить арест на имущество (*pignoris capio*).

В каких комициях римский гражданин мог опротестовать суровый приговор, вынесенный ему магистратом? Возможно, справедлива точка зрения Т. Моммзена, что если речь шла об уголовном наказании, обращались к центуриатным комициям, если о штрафе – к трибутным. Ф. де Мартино полагал, что после принятия законов XII таблиц это стало законной компетенцией *comitatus maximus*, центуриатного собрания, на котором проходила процедура *creatio* высшего магистрата¹³⁹. Й. Мартин пришел к выводу, что это было *concilium plebis*, соби-

¹³⁵ «Нельзя вызвать в суд ни консула, ни префекта, ни претора, ни проконсула, ни других магистратов, которые обладают империем и могут налагать наказания и приказывать отвести кого-либо в тюрьму...» (пер. А.В. Щеголева, И.С. Перетерского).

¹³⁶ Doria. Op. cit. P. 306.

¹³⁷ См. Кофанов Л.Л. *Lex Valeria de provocatione* 509 г. до н.э. и начало разделения римского права на публичное и частное // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2001. № 1 (8). С. 34.

¹³⁸ Nippel W. *Public order in Ancient Rome*. Camb., 1995. P. 5.

¹³⁹ Martino F. de. *Intorno all'origine della repubblica romana e della magistrature* // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Bd 1. B.–N.Y., 1972. P. 245.

равшееся по трибам¹⁴⁰. Этот автор – один из немногих, кто, не соглашаясь с В. Кункелем, считал, что право провокации было направлено против магистратской *coercitio* (тем самым он не исключал *coercitio* из системы римского правосудия), утверждая, что после окончания сословной борьбы оно (право провокации) осталось в точности таким, каким было при возникновении, а именно инструментом ограничения коэргитивной власти магистрата.

Идущее от В. Кункеля разграничение внесудебного, по его мнению, принуждения со стороны магистрата на основе права *coercitio* и наказания на основе решения уголовного суда (на его взгляд, оно могло быть только немагистратским) привело в историографии к подчас казуистическим рассуждениям о том, что осуществлявшаяся посредством ликторов *verberatio* гражданина была и классическим коэргитивным средством римского магистрата, не относившимся к уголовному правосудию (если была самостоятельным видом наказания), и частью уголовного исполнения наказания (если предваряла смертную казнь)¹⁴¹. Б. фон Гладигов призывал их различать, однако сам же подчеркивал, что «конституционно-правовым образом» обе *verberatio* «базировались на империи магистрата». Аналогично Й.М. Райнер утверждает, что наказанию в соответствии с правом *coercitio* магистрата подлежали «особенно гадкие действия, но без того, чтобы речь шла об уголовно-правовых преступлениях»¹⁴², и ссылается на Валерия Максима (VI. 3. 3), отмечающего наказание за членовредительство с целью избежать воинского набора. Тезис о том, что магистратская *coercitio* служила средством принуждения непослушных граждан, но отнюдь не инструментом осуществления уголовного правосудия при соотнесении его с римской исторической действительностью оказывается отвлеченно-правоведческим. В рамках судебных полномочий, заложенных в империи, высший магистрат мог быть не только председателем судебных комиций, но и единоличным судьей, выносившим решения, в том числе и уголовно-правового характера.

Современные – непредвзятые, свободные от непосредственного влияния теории В. Кункеля – исследования констатируют судебную власть римских магистратов уже с периода Ранней республики. Так, Л.Л. Кофанов указывает на уголовную юрисдикцию римских преторов со времени возникновения их магистратуры в IV в. до н.э., а до ее появления – на таковую у консулов: «...уже в эпоху законов XII таблиц, а тем более в IV в. до н.э., существовал двухфазовый процесс, делившийся на стадии *in iure* и *in iudicio*. На первой стадии процесса – *in iure* – как по частным, так и по публичным делам роль консула или понтифика, а впоследствии претора была ведущей. На то, что претор изначально разбирал на стадии *in iure* не только частные споры между гражданами, но и уголовные и государственные преступления, указывают многие источники»¹⁴³.

Следствием распространенности трактовки В. Кункелем магистратской *coercitio* является и отрицание в историографии для республиканского Рима такого вида наказания как лишение свободы. Слова Цицерона (*De leg.* III. 6) не оставляют сомнений в том, что *vinculum* (наложение оков) входило в полномочия магистратской *coercitio*, но некоторые исследователи, например, В. Ниппель, вероят-

¹⁴⁰ Martin J. Die Provocation in der klassischen und späten Republik // *Hermes*. 1970. Bd 98. S. 86.

¹⁴¹ Gladigow. Die sakrale Funktionen... S. 309.

¹⁴² Reiner. Op. cit. S. 47.

¹⁴³ Кофанов Л.Л. Генезис преторского права в Риме IV в. до н.э. // *IVS ANTIQV-VM*. 2003. № 2. С. 38.

но, под воздействием тезиса о внесудебном характере *coercitio*, считают заключение в тюрьму не наказанием, а только лишь проявлением магистратского принуждения, которое осуществлялось на неопределенный срок, – до отмены по усмотрению магистрата или в результате вмешательства плебейского трибуна¹⁴⁴. Однако возможность прекращения содержания под стражей вследствие действий магистрата или плебейского трибуна совсем не означает, что лишение свободы было результатом внесудебного решения. Освободить из-под стражи гражданина магистрат мог, отменяя свой же судебный приговор или подчиняясь праву интерцессии плебейского трибуна (которое распространялось на различные, в том числе и судебные, действия магистрата).

Право *coercitio* магистрата с империем (а основанием этого права иногда признают *imperium* и те авторы, которые понимают последний как чисто военную власть¹⁴⁵) могло реализоваться не только в сфере *domi*. Этим же термином исследователи вправе называть и его правомочия по поддержанию дисциплины в войске, как это делает, например, А. Демандт¹⁴⁶. С. Стэвели считал, что изначально магистраты довольствовались властью *coercitio* лишь в военной сфере, и только в начале IV в. до н.э. при содействии сената они начали активно употреблять эту власть, задевая и сферу *domi*, против частных граждан – *privati*¹⁴⁷. Он возражал А. Хойсу, считавшему, что *ius coercionis* внутри города не было связано с *imperium*¹⁴⁸. Следовательно, признавая *coercitio* составной частью полномочий, заключенных в империи, изначально военных, известный английский исследователь видел их осуществление в гражданской сфере уже в период Ранней республики, хотя и не с первого века республиканской истории Рима. Мы полагаем, что в данном отношении не должен быть исключен и V в. до н.э., поскольку экстраординарные магистраты с империем, диктаторы, могли применять право принуждения при решении внутренних конфликтов в общине уже в самом начале этого века (*Liv. II. 29. 11*)¹⁴⁹.

В период II–I вв. до н.э. единство военных полномочий и права *coercitio* в отношении не набранных в армию граждан особенно наглядно проявлялось в ситуациях, когда потребности наведения общественного порядка в городе приводили к принятию *senatusconsultum ultimum* (первый случай датируется 121 г. до н.э.). Его принятие вызывало к жизни особый механизм реализации властных полномочий, в том числе право применять ничем не ограниченное принуждение к союзникам и гражданам – *coercere omnibus modis socios atque civis* (*Sallust. Catil. 29. 2–3*)¹⁵⁰. Хотя Саллюстий излагает ситуацию I в. до н.э., он отмечает «рим-

¹⁴⁴ *Nippel. Orgien... S. 70.*

¹⁴⁵ *Santalucia. Dalla vendette... P. 436, 440.*

¹⁴⁶ *Demandt. Antike Staatsformen... S. 401.*

¹⁴⁷ *Stavely. The Constitution... P. 109.*

¹⁴⁸ *Stavely E.S. Provocatio during the Fifth and Forth Centuries B.C. // Historia. 1954/55. Bd 3. P. 416–417.*

¹⁴⁹ См. Деметьева В.В. Магистратура диктатора... С. 47, 109.

¹⁵⁰ *senatus decrevit, darent operam consules, ne quid res publica detrimenti caperet. ea potestas per senatum more Romano magistratui maxuma permittitur: exercitum parare, bellum gerere, coercere omnibus modis socios atque civis, domi militiaeque imperium atque iudicium summum habere; aliter sine populi iussu nullius earum rerum consuli ius est* «...сенат постановил: “Да позаботятся консулы, чтобы государство не понесло ущерба”. Эта наибольшая власть, какую сенат, по римскому обычаю, предоставляет магистрату – право набирать войско, вести войну, применять к союзникам и гражданам всяческие меры принуждения в Городе и за его пределами и в походах обладать не только высшим империем, но и высшей судебной властью; в иных обстоятельствах без повеления народа консул не вправе осуществлять ни одного из этих полномочий» (гер. В.О. Горенштейна).

ский обычай», лежавший в основе такого способа осуществления полномочий высшей магистратской власти. Имеется в виду свойственный всей республиканской истории Рима обычай предоставления империя с экстраординарным механизмом его реализации. Примечательно, что даже В. Кункель вынужден был признать, что меры, которые принимал консул на основе *senatusconsultum ultimum* были одновременно и «коэрцитивной, и военной природы»¹⁵¹. Его слова о том, что «в этом положении едва ли обнаруживается резкая граница между *coercitio* и военным руководством» должны быть отнесены и к консульским чрезвычайным полномочиям (на основе *senatusconsultum ultimum*) II–I вв. до н.э., и к экстраординарным магистратам V–III вв. до н.э., применявшим свой империй и в сфере *domi*, и в сфере *militiae*.

Так почему же все-таки действия магистратов в рамках *coercitio* В. Кункель так упорно не считал элементом их судебных полномочий, выводил за рамки уголовного процесса, называл «принуждением, но не правосудием»? Ведь при этом ему приходилось допускать явные натяжки в аргументации, хотя он был, безусловно, высококвалифицированный и очень талантливый исследователь, заботившийся о доказательности своих положений. Если вдуматься в подоплеку названных утверждений, то становится очевидным, что признание *coercitio* частью судебных функций (*iurisdictio*) высшего магистрата, означало бы признание того, что и в период Ранней, и в период Классической республики его империй не имел чисто военного характера, а включал в себя и судебно-гражданские полномочия. Отстаивая же последовательно концепцию о сугубо военном содержательном наполнении понятия *imperium* на длительном хронологическом отрезке от ранней монархии до Классической республики включительно, В. Кункель вынужден был искать объяснения тем правомочиям, заключенным в империи, которые не сводились к военному командованию. Его попытку отрицать – в качестве составной части компетенции магистратов *cum imperio* – судебно-гражданскую их власть мы удачной признать не можем. В. Кункель стремился доказать, что *coercitio* – это лишь полицейское и политическое действие магистрата. Если стоять на его точке зрения, что империй был только военной (в крайнем случае военно-политической) властью, то руководство магистратом судебными комициями (возможное лишь для магистрата с империем) тоже следует считать актом политическим, не относившимся к уголовному процессу. Получается, что и роль председателя судебного заседания не относится к судебной власти, что уже вообще странно. Но этот абсурд есть ни что иное, как доведенное до логического конца применение теории чисто военного империя, пролонгированной на большую часть республиканской истории Рима.

Итак, на наш взгляд, судебная власть (*iurisdictio*) римских магистратов с империем включала в себя следующие правомочия, связанные с привлечением гражданина к ответственности за нарушение законов: право вызова провинившегося (*ius vocationis*), право задержания (*ius prehensionis*), а также право непосредственного наложения наказания (*ius coercitionis*).

Наши источники (приведенные утверждения Цицерона, Геллия, римских юристов) не оставляют сомнений, что *vocatio* и *coercitio* – правомочия только магистратов с империем. Аргументация того, что это именно судебные полномочия обречена быть в основном логической и косвенной, а потому может не быть воспринята как надежная. Но даже если считать *ius vocationis* и *ius coercitionis* не судебным, а (вслед за В. Кункелем и сторонниками его подхода) поли-

¹⁵¹ Kunkel. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 234.

цейским принуждением, все равно надо признать, что это полномочия не только военные, но – в не меньшей мере – и административно-гражданские. Следовательно, и в этом случае все равно нужно понимать империй как более широкую, чем чисто военные функции власть. Для античных авторов не было сомнения, что вызвать и наказать гражданина (в том числе и не мобилизованного в войско) *magistratus cum imperio* могли уже с самого начала Республики. Поэтому, в конечном счете только возвращаясь на позиции гиперкритики в отношении античной традиции, можно отрицать власть в сфере *domi* как составную часть магистратского империя для Ранней и Классической республики.

Размышляя над двумя глобальными концепциями магистратского империя, мы приходим к выводу, что в каждой из них есть рациональное зерно. В теории Т. Моммзена – то, что республиканские магистраты унаследовали полифункциональный империй (включая судебную-гражданскую власть) от царской архаики, в теории А. Хойса и его последователей – то, что *imperium* исходно – право военного приказа (и акцентирование военно-политического значения многих функций магистратов). По сути дела, оппонентами Т. Моммзена правильно были замечены слабые стороны его концепции, но, выдвигая антитезы положениям его теории, они часто – в пылу полемики – впадали в другую крайность, утверждая, что до конца Классической республики империй был сугубо военной властью, а принуждение со стороны магистрата не предполагает наличия у него судебных полномочий. Если беспристрастно посмотреть со стороны и отказаться от этих крайностей, то ряд важных наблюдений сторонников теории «военного империя» следует принять. Они не опровергают, на наш взгляд, главные положения теории магистратского империя, предложенной Т. Моммзеном, но они ее корректируют. Мы полагаем, что должен быть осуществлен разумный синтез сильных сторон названных теорий, и в то же время преодолены как односторонность подходов, так и подчас эклектическое их перемешивание.

И сторонники теории А. Хойса, и последователи Т. Моммзена в равной мере способствовали распространению тезиса о разном объеме власти, заключенной в империи, у различных его носителей, тезиса, который нам представляется расхожим заблуждением.

Империй республиканских магистратов никогда не был «усеченным» с точки зрения правовых его характеристик. Мы делаем такой вывод, убедившись, что полноценный *imperium* имели даже те из экстраординарных магистратов, для которых он нередко в историографии отрицается или вызывает сомнения – диктаторы *imminuto iure*, интеррексы, военные трибуны с консульской властью¹⁵² (из чрезвычайных магистратов только для диктаторов *optima lege* и *decemviri legibus scribundis* полный империй обычно признается).

Империй в римском понимании был «недробимым», так как у коллегиальных магистратов никогда не было на практике его «кусочка», равного какой-то части *summum imperium*. Механизм реализации империя в республиканское время предусматривал «разделение» его между высшими магистратами только в смысле очередности выполнения (или распределения) тяжелых обязанностей, которые из него вытекали.

Объем полномочий, заложенных в империи, был всегда неизменным.

¹⁵² Дементьева. Магистратура диктатора... С. 49–58; она же. Римское республиканское междоусобие... С. 82–93; она же. Объем полномочий римских консульских военных трибунов // ВДИ. 2000. № 4. С. 41–58; она же. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000. С. 97–121.

Могли быть *разные сферы* (*domi* или *militiae*) применения империя, *различные условия* и – самое главное – зависевшие от сфер и условий деятельности *различные публично-правовые механизмы его реализации*. Эти механизмы либо правовым образом сдерживали в каком-то отношении применение властных полномочий, заложенных в империи, либо, наоборот, развязывали магистрату руки для максимально полного претворения их в жизнь. К числу таких на какой-то момент выключавшихся (с целью «высвободить» весь потенциал *summum imperium*) механизмов относятся:

- 1) право провокации к народу;
- 2) коллегиальной интерцессии (коллегиальность и множественность магистратуры – разные, на наш взгляд, понятия¹⁵³);
- 3) апелляции к другому магистрату;
- 4) интерцессии со стороны плебейских трибунов;
- 5) иерархия магистратов с империем, которая означала не «уменьшенные полномочия», содержащиеся в империи нижестоящего магистрата, а иной правовой механизм его осуществления по сравнению с вышестоящими носителями империя (эта иерархия в военной сфере оборачивалась военной субординацией, в гражданской – неподсудностью вышестоящего магистрата нижестоящему);

б) выделение сферы деятельности – *provincia*.

Каждый из перечисленных публично-правовых механизмов заслуживает специального детального рассмотрения, но сейчас мы лишь обобщенно отметим главное.

Эти особые способы осуществления магистратского империя – когда тот или иной сдерживавший в обычных условиях его реализацию механизм (или несколько в совокупности) выключался – определенным образом расширял возможности его применения. При этом одновременно могли действовать и механизмы, введение которых в чем-то ограничивало властные полномочия, заложенные в империи, например, урезанный – по сравнению с нормальным – срок полномочий. Эти дополнительные механизмы защищали общину от возможной узурпации власти. Они нужны были в первую очередь при введении должностей с чрезвычайными служебными полномочиями. Экстраординарные магистраты – это должностные лица, наделенные таким же (по содержательному наполнению полномочий) империем, как и ординарные, но имевшим особый, неординарный механизм его реализации.

Таким образом, империй был, на наш взгляд, полифункциональным с эпохи реформ Сервия Туллия, заключал в себе определенный набор правомочий, различие у его носителей было не в объеме компетенции, а в способах и методах его осуществления, т.е. в механизме реализации.

MAGISTERIAL POWER IN THE ROMAN REPUBLIC: THE MEANING OF *IMPERIUM*

V. V. Dementyeva

The paper presents an analysis of different interpretations of the term *imperium*, a public and legal category characteristic of the supreme magisterial power in the Roman republic. The author considers Th. Mommsen's hypothesis of originally polyfunctional *imperium*, as well as Heuß' hy-

¹⁵³ Деметтьева. Децемвират.... С. 133–134.

pothesis that *imperium* meant nothing but high military command. She also describes some variants of these concepts developed by their adepts in later times with special attention to the theory of W. Kunkel.

The achievements of modern Roman studies give the author grounds to confirm the idea of military sources of *imperium*. She does not, however, support the view that *imperium* retained its purely military denotation throughout the history of the Early and Classical Republic. She maintains that the polyfunctional character of *imperium* can be traced back to the centuriate organization introduced by Servius Tullius, which fixed the unity of military and civil life in the community and of the relevant power functions. It may be deduced, the author goes on to say, that one cannot speak of a five centuries' long evolution of the concept of *imperium* in the sense of its expansion in the judicial and civic field.

The author concludes that the power implied by *imperium* was always the same (irrelevant of whether the person endowed with it was an ordinary magistrate or an extraordinary one, whether his functions were military or civil or whether his official position was higher or lower). She describes the range of rights implied by *imperium*: 1) the right to communicate with gods on behalf of the community and to conduct *auspicia*; 2) the right to convoke the *comitia* and to introduce bills; 3) the right to convoke the senate, to introduce bills and to demand a resolution considering the proposal; 4) the right to take high military command; 5) the right to conclude a truce (but not to make peace) with the enemy; 6) the right to distribute the loot; 7) the right of the supreme administrative power; 8) the right of the supreme judicial power; 9) the right to appoint solemnly his successor to be invested with *imperium*; 10) the right to appoint the *praefectus Urbi*; 11) from the last third of the 4th c. BC, the right to become a promagistratus after the expiry of his office; 12) the right to have the *insignia*.

Special attention is paid to the supreme judicial power implied by *imperium*, in particular to the meaning of *coercitio*. In the author's opinion, the jurisdiction (*iurisdictio*) of Roman magistrates endowed with *imperium* included the right to summon the offender (*ius vocationis*), to arrest him (*ius prensionis*) and the right to appoint the punishment directly (*ius coercionis*).

The author comes to the conclusion that there could be *different fields* of exercising *imperium*, *different conditions* of it and *different public and legal mechanisms* of its realization. These mechanisms could either restrict the execution of the power implied by *imperium* or, on the contrary, facilitate its fullest possible realization. As examples of such mechanisms which could be provisionally suspended (in order to realize the full potential of the *summum imperium*) she mentions: the right of *provocatio* to the people, collegial intercession, the right to appeal to another magistrate, intercession of plebeian tribunes, hierarchy of the magistrates endowed with *imperium* and specialization (*provincia*).

The author concludes that *imperium* of Roman magistrates was polyfunctional not only in Late Republic, but in Classical and Early Republic as well. The difference between the bearers of *imperium* consisted not in the extent of their power, but in the ways and methods of its realization.

© 2005 г.

В. Ф. Столба

ГРЕЧЕСКОЕ ПИСЬМО С ПОСЕЛЕНИЯ ПАНСКОЕ I (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

Археологические изыскания на поселении Панское I, проводимые Тарханкутской экспедицией ИИМК РАН, дали за последние годы несколько важных для истории Херсонеса и Ольвии IV–III вв. до н.э. эпиграфических документов¹. В 1987 г. при исследовании жилищно-хозяйственного блока, возведенного за стенами монументального комплекса У7 и примыкающего с северо-востока к башне III², была обнаружена еще одна керамическая надпись, заслуживающая, безусловно, особого внимания.

Граффито представляет собой пятистрочную греческую надпись, прочерченную на фрагменте тулова средиземноморской амфоры (рис. 1 а, б). Глина черепка плотная, светло-коричневая. Максимальные размеры: 6.5 × 8.5 см. Шифр: ТЭ–87, П I У7/А–15, оп. 172/155. Хранится в ИИМК РАН.

[- - -]ΑΣΟΚΕΠΕ

[- - -]ΙΝΟΚΕΔΙΔΟ

[- - -]ΡΚΟΤΥΤΙΩΝΟΣ

[- - -]ΡΑΙΣΕΠΘΕ

[- - -]ΥΔΑΡΙΟΝ

Уже беглый анализ надписи и наблюдения над конфигурацией черепка говорят о том, что до нас дошла лишь правая часть документа, содержащая около половины изначального текста. Свободные поля в верхней, правой и нижней частях фрагмента указывают на то, что надпись обломана лишь с левой стороны.

Граффито процарапано большей частью достаточно аккуратно, причем после первой строки режущий инструмент, дававший двойную бороздку, был либо заменен, либо развернут вокруг своей оси. Начиная с третьей строки нажим заметно ослабевает, что объясняется, скорее всего, отсутствием упора для руки при нанесении текста в нижней части фрагмента. Первая строка выписана осо-

¹ Столба В.Ф. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 55–70 (= SEG XXXIX. 703); *Vinogradov Ju.G.* Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 51–64 = *Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 484–492 (далее – PStud). См. публикацию надписей, найденных при раскопках здания Панское I/У6: *Stolba V.F.* Graffiti and Dipinti // *Panskoye I. Vol. 1. The Monumental Building U6* / Ed. L. Hannestad, V.F. Stolba, A.N. Ščeglov. Aarhus, 2002. P. 228–244. Пользуясь случаем, хочу выразить признательность С.Р. Тохтасеву за замечания к рукописи данной статьи.

² Столба В.Ф. Дом IV в. до н.э. на поселении Панское I // КСИА. 1991. 204. С. 78–84.

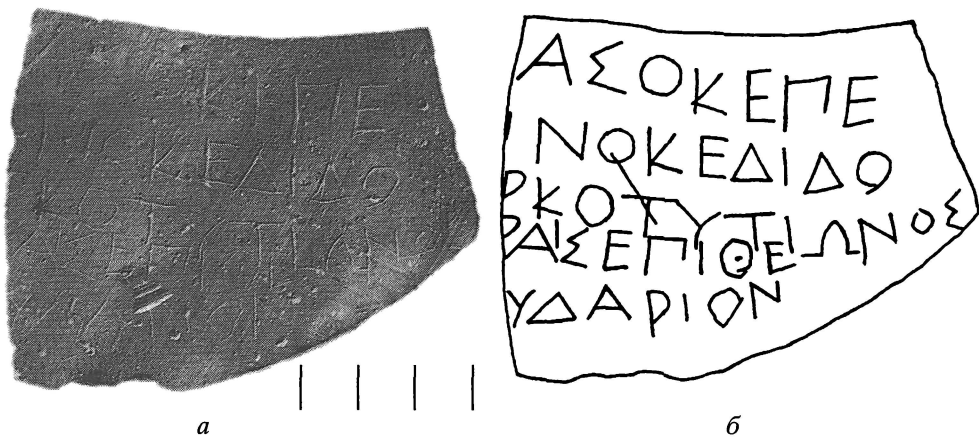

Рис. 1. Поселение Панское I хоры Херсонеса. а – письмо на черепке. Фотография; б – прорисовка

бенно крупно. Высота букв, за исключением *омикрона*, величина которого 0.7 см, составляет 0.9 см. Высота букв второй и третьей строк колеблется от 0.7 до 0.9 см; размеры *омикрона* – 0.5–0.7 см. Следующие строки из-за нехватки места вследствие неверного расчета при распределении текста исполнены менее крупно и аккуратно. Последнее слово стк. 4 приподнято почти на половину интервала и вписано в свободное пространство между буквами предыдущей строки. Высота букв здесь и далее варьирует в пределах 0.5–0.7 см.

Судя по восстанавливаемому в стк. 4 глаголу в *imperat. aor. 2 л. ед. ч.*, перед нами частный документ – письмо. Отсутствие здесь обычного в эпистолярном жанре зачина типа *ὁ δεῖνα τῷ δεῖνι χαίρειν*³ неудивительно, принимая во внимание лаконичность граффито, носящего по существу характер распорядительной записки. Конфигурация черепка – уже под *дельтой* нижний излом его заметно пошел вверх – дает основание предполагать утрату в начале стк. 5 не более пяти или шести букв. Количество утраченных знаков в каждой строке не могло, однако, быть одинаковым, как видно из приводимой ниже длины одного и того же количества букв в разных строках: стк. 1 (7 знаков) – 6.5 см; стк. 2 (7 знаков) – 5.6 см; стк. 3 (7 знаков) – 5.8 см; стк. 4 (7 знаков) – 5.3 см; стк. 5 (7 знаков) – 5.1 см.

- 1 [- - - - -] ας ὁκ ἐπε-
 [- - - - ?πρ]ιν ὁκ' ἐδίδι-
 [- - - - ὑπὲ]ρ Κοτυτίωνος
 [- - - - -] ραις ἐπίθε-
 5 [ς ἐπὶ ψε]υδάριον

Датировка. Археологический контекст. Граффито было найдено за пределами античного дома (площадь А–15) в синхронном последнему слою, довольно узко датирующемся на основании стратиграфии, амфорных клейм Гераклеи, нумизматических и прочих данных. В керамическом комплексе, происходящем

³ Часто также *χαίρειν καὶ ἑρρωσθαί*. См., к примеру: *Epistulae privatae Graecae* / Ed. St. Witkowski. Lipsiae, 1906, passim; *Gerhard G.A. Untersuchungen zur Geschichte des griechischen Briefes*. Ht I, 1. Die Anfangsformel. Diss. Heidelberg–Tübingen, 1903. Нередко, впрочем, глаголы могли опускаться. Ср., например: *Соломоник Э.И. Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. № 3. С. 114 слл.*

из помещений жилища (№ 112–117), преобладают фрагменты гераклейских, синопских и фасосских амфор. Два обломка гераклейских сосудов из пом. 114 имеют клейма ΟΝΑΣΟ⁴ и ΔΑΜΟΦΩΝ | ΜΕΝΟΙΤΙΟΣ с эмблемой «канфар» (II группа по И.Б. Брашинскому или группа MGIVB по новой хронологии В.И. Каца⁵). Среди хиосской тары следует отметить фрагмент нижней части амфоры с «колпачковой» ножкой⁶ (пом. 117). В комплексе представлены и другие группы керамического материала, в том числе сероглиняные сосуды с жидким черным покрытием (чаши, миски, рыбные блюда), обычные для ольвийского керамического комплекса и характеризующие на Панском главным образом слой первой половины – третьей четверти IV в., хотя они встречаются и позднее, в комплексах конца IV – начала III в. до н.э.⁷ Аттический импорт, в котором важно отметить фрагмент сетчатого лекифа (из группы ранних, представленных еще в материалах Олинфа⁸), обнаруженный в пом. 114, также укладывается в хронологические рамки описываемого комплекса⁹.

Дата комплекса контролируется также нумизматическим материалом. Обнаруженная у основания стены при расчистке пола в пом. 112 монета принадлежит довольно редкому типу херсонесской меди: Зограф. XXXV, 11 (диморфный Дионис – лев, терзающий быка)¹⁰. Появившись около середины IV в., эти монеты как младший номинал соответствуют лишь наиболее ранним выпускам Херсонеса типа «квадрига – воин», носящим сокращения ΗΡ, ΛΥ, ΣΑ и имеют, в отличие от остальных «квадриг», обращавшихся на территории хоры до начала III в. до н.э.¹¹, достаточно узкую дату¹². В 1989 г. при выборке хозяйственной ямы в том же пом. 112 были обнаружены еще два аналогичных, практически не обращавшихся экземпляра, а также медная истрийская монетка с надписью ΙΣΤ на

⁴ Из числа наиболее поздних в I группе Брашинского. В.И. Кац также относит его к концу ранней фабриканской группы (EFG), которую он датирует примерно 415–400 гг. до н.э. См. *Каз В.І. A New Chronology for the Ceramic Stamps of Herakleia Pontike // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday / Ed. P. Guldager Bilde, J.M. Højte, V.F. Stolba. Aarhus, 2003. P. 267, 275.* Фрагмент невелик по размеру. Скорее всего, он был использован вторично в кладке стены и попал в помещение при ее разрушении.

⁵ *Каз. Op. cit.* P. 276.

⁶ См. *Stolba V.F. Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC / Ed. V.F. Stolba, L. Hannestad. Aarhus, 2005. P. 159. Fig. 3, 1.* Тип V–B по классификации С.Ю. Монахова. О его хронологии см. *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Москва–Саратов, 2003. С. 20–24.

⁷ См. *Hannestad L., Stolba V.F., Blinkenberg Hastrup H.* Black-glazed, Red-figure, and Grey Ware Pottery // *Panskoye I. Vol. 1. P. 131.*

⁸ *Robinson D.M.* Excavations at Olynthus. V. Mosaics, Vases, and Lamps of Olynthus Found in 1928 and 1931. Baltimore–London–Oxford, 1933. P. 181–185. Pl. 146–147. Cf. *Ivanov T.* La céramique antique de la nécropole d'Apollonia // *Apollonia. Les fouilles dans la nécropole d'Apollonia en 1947–1949 / Ed. I. Venedikov et al. Sofia, 1963. Pl. 53–54.*

⁹ *Столба.* Дом IV в. до н.э. ... С. 83; *Stolba.* Hellenistic Chersonesos... P. 159. Fig. 3, 2–3.

¹⁰ *Столба.* Дом IV в. до н.э. ... С. 80.

¹¹ К специфике денежного обращения на территории «дальней» хоры Херсонеса ср.: *Гилевич А.М.* Херсонес и Северо-Западный Крым по нумизматическим данным // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (К 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа). Тез. докл. конф. Л., 1987. С. 10–11.

¹² *Столба В.Ф.* Монетная чеканка Керкинитиды и некоторые вопросы херсонессо-керкинитидских отношений в IV–III вв. до н.э. // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 145.

лицевой стороне и изображением колеса на обороте¹³. Таким образом, принимая во внимание материал из а) подстилающего дом слоя, б) синхронного слоя, а также из в) перекрывающего здание зольника, археологический контекст публикуемой надписи дает дату в пределах 360-х – первой половины 330-х годов до н.э.¹⁴

Палеография. Из особенностей шрифта можно отметить довольно сильно разведенные гаспы у *сигмы* и *капты*. В последнем случае угол между поперечными составляет не менее 50°. Правая вертикаль у *пи* и *ню* заметно укорочена. Центральная переключина *эпсилона* равна по длине верхней и нижней; *ипсилон* имеет приземистые пропорции с довольно широко разведенными гаспами; воротца *омеги* достаточно широки. Нужно указать также на довольно крупные пропорции *омикрона* и *теты*, которые соответствуют по величине другим буквам.

Отмеченные признаки вполне отвечают датировке фрагмента, основанной на археологическом контексте. Ближайшую аналогию шрифт документа находит в *defixio* против Диокла, сына Пирея, обнаруженной при раскопках афинского Керамика и датированной 360–350 гг. до н.э.¹⁵ Литеры последней имеют те же самые особенности, что и отмеченные выше. Близкие формы букв обнаруживают также наиболее ранние свинцовые таблички из архива афинского всадничества, которые Дж. Кролл относит к середине IV в. до н.э.¹⁶ Здесь же необходимо упомянуть и херсонесское граффито с именем Котитиона, найденное в 1979 г. в слое засыпи в районе античного театра¹⁷. Предложенная Ю.Г. Виноградовым дата надписи – V в. до н.э.¹⁸ – безусловно, занижена. Этому противоречит как ее археологический контекст – керамический материал из этой свалки относится к IV в., не позднее 20-х годов этого столетия¹⁹, так и характер шрифта. Как форма, так и пропорции букв херсонесского граффито аналогичны письму из Панского, что убеждает если не в одновременности обеих надписей, то во

¹³ Гилевич А.М., Столба В.Ф., Щеглов А.Н. Находка монеты Истрии в Северо-Западном Крыму // Древнее Причерноморье II. Тез. докл. конф. Одесса, 1991. С. 22–23. Дата археологического контекста (первая четверть IV в. до н.э.) дана в публикации ошибочно. Как мне кажется, датировка этого типа V–IV вв. до н.э., предложенная К. Преда и поддержанная впоследствии А.Г. Загинайло (см. *Preda C. Monedele histriane cu roata si legenda IST // SCN. 1960. 3. P. 21–38; Загинайло А.Г. Монетные находки на Роксоланском городище (1957–1963 гг.) // МАСП. 1966. 5. С. 108*), слишком широка. Следует думать, производство монет этого сорта едва ли заходило далеко во вторую половину IV в.

¹⁴ Столба. Дом IV в. до н.э. ... С. 78, 83; *Stolba. Hellenistic Chersonesos...* P. 160.

¹⁵ *Willemsen F. Die Fluchtafeln // Kovacsovics W.K. Die Eckterrasse an der Gräberstrasse des Kerameikos // Kerameikos 14. B.–N.Y., 1990. S. 142. Abb. 65.*

¹⁶ *Kroll J.H. An Archive of the Athenian Cavalry // Hesperia. 1977. № 46. P. 100, 107–112. № 7, 10, 13, 17, 22, 24.*

¹⁷ *Соломоник. Два античных письма...* С. 125 слл.

¹⁸ *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997 гг. М., 1999. С. 106. Ср. Яйленко В.П. Дискуссионные вопросы истории и эпиграфики античного Северного Причерноморья (К выходу книги: Ju.G. Vinogradov. Pontische Studien etc.) // PA. 2000. № 3. С. 187.*

¹⁹ О дате этого комплекса см. *Зедгендзе А.А. Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе // КСИА. 1976. 145. С. 33; Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994. С. 70 сл. Учитывая, однако, современное состояние хронологии фасосского амфорного клеймения, верхнюю дату засыпи под херсонесским театром будет, по-видимому, правильнее относить еще к первой половине 30-х годов IV в. до н.э. См. подробнее *Stolba. Hellenistic Chersonesos...* P. 153–177.*

всяком случае в наличии незначительного хронологического промежутка между их появлением. Сравнение шрифта нашей надписи с ольвийскими граффити последней трети IV в., среди которых наиболее характерным является письмо Никофана из Козырки П²⁰, указывает на более раннюю дату нашего документа. Принимая во внимание все сказанное выше, середина – начало третьей четверти IV в. до н.э. представляются наиболее вероятной датой публикуемой здесь надписи.

Комментарий²¹

Стк. 1. [-]ας. Спектр возможных дополнений здесь достаточно велик. Учитывая, однако, отсутствие приветственной формулы и лаконичность самой записки, смысл которой мог быть ясен лишь лицам предварительно знакомым с существом дела, здесь уместно было бы ожидать аог. 1 л. ед. ч. от ὑράφω, отсылающий к предшествующей переписке между ними. Многочисленные примеры подобных зачинов, где ἔγραψας следует непосредственно за приветствием, дают папирусы. См., например, BGU. 417: Χοιρήμων Διοσκόρω τῷ υἱῷ χαίρειν. περὶ ὧν ἔγραψας μελήσει μοι...; BGU. 923: Ἀφροδείσιος Σεμπρωνίῳ... χαίρειν. ἔγραψας μοι περ[ὶ] τοῦ παιδίου...; BGU. 1248, 2002, а также множественные аналогии в документах из архива Зенона (PCair. 59033, 59059, 59075, 59164 и др.). Не исключено, впрочем, опять-таки принимая во внимание лаконичность текста, что ...]ας принадлежит существительному ж. р. мн. ч., с которого непосредственно документ мог начинаться: e.g. ἀπαρχάς, ἀμύρας, Θυσίας и т.п., в зависимости от того, о чем далее шла речь.

ὄκ = οὐκ? Примеры подобной орфографии в лапидарных надписях см.: Meisterhans–Schwyzer. S. 6. Anm. 22, 63; Blass. S. 31, 71; Nachmanson. S. 61. Для папирусов см. Mayser. S. 116; Cronert. P. 129–130; Gignac. P. 212.

ἔτε-. Судя по свободному полю справа, где вполне могла бы уместиться еще одна буква, можно было бы думать, что мы имеем дело с целиком выписанным словом. В этом случае в последних трех буквах стк. 1 можно видеть аорист ἔτε = εἶτε. О ε = ει, в том числе в мегарском диалекте, см., например, Buck. GD 1955. P. 31; Schwyzer. GGr I. S. 94, 102, 192; Bondenson. Mil. P. 13. Случаи подобной монофтонгизации в Ольвии отмечены у Dubois. IGD. P. 184 f.²² Представительная

²⁰ *Виноградов Ю.Г., Головачева Н.В.* Новый источник о походе Зопириона // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 15–30 = PStud. S. 323–335. Taf. 9. Впрочем, В.П. Яйленко склонен относить граффито уже к III в. до н.э. (Дискуссионные вопросы... С. 185).

²¹ В комментарии использованы следующие сокращения: Blass = *Blass F. Über die Aussprache des Griechischen*. 3. Aufl. B., 1888; Bondenson, Mil. = *Bondenson B. De sonis et formis titulorum Milesiorum Didymeorumque*. Lund, 1936; Buck GD = *Buck C.D. The Greek Dialects*. Chicago, 1955; Crönert = *Crönert W. Memoria Graeca Herculanensis*. Lipsiae, 1903 (Nachdruck 1963); Dubois IGD = *Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève, 1996; Gignac = *Gignac F.T. A Grammar of the Greek Papyri of the Roman and Byzantine Periods*. I. Phonology. Milano, 1976; Meisterhans–Schwyzer = *Meisterhans K. Grammatik der attischen Inschriften*. 3. Aufl. / Besorgt von E. Schwyzer. B., 1900; Mayser = *Mayser E. Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Laut- und Wortlehre. Lpz, 1906; PStud = *Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes*. Mainz, 1997; Schwyzer, GGr I = *Schwzyer E. Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik*. I. München, 1959.

²² См. также *Vinogradov Ju.G. The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G.R. Tsetschladze*. Stuttgart, 1998. P. 165 (V в. до н.э.).

выборка материала из дорийского ареала, включая и Херсонес, дана в статье С.Р. Тохтасьева²³. Однако для εἴτε такое написание в классический и эллинистический период, кажется, неизвестно. Два примера, которые мы находим в оракулах из Милета: Θεὸς̄ εἴτεν (IGA. 489 = Didyma. Π. 11; Milet. I. 3, 132a), принадлежат еще архаической эпохе. Кроме того, форма 3 л. ед. ч. предполагала бы восстановление в тексте еще одного личного имени, для которого как в первой, так и во второй строке места, по-видимому, недостаточно.

Ввиду сказанного выше более вероятным кажется все же предположение о наличии здесь переноса слова. Ср., к примеру, аог. 1 л. sg. ἔτεμψα, хотя, учитывая δίδοσι уже в следующей строке, получился бы плеоназм, впрочем не исключенный. В этом случае одним из возможных дополнений стк. 1 могло бы быть: e.g. περὶ ὧν ἔγραψ[α]ς ὅκ̄ ἔτε[μ]ψα. Ср. РОху. 2190: καὶ ὧν ἔγραψας ἔτεμψα ...; REI. 113: περὶ δὲ ὧν μοι ἔγραψας δελενψ[ά]μην. Если же и в первой части письма, как и во второй, речь шла о жертвах и первые две буквы являются остатком θυσί[α]ς, то ЕПЕ могло бы стоять и для ἔτε[τ]ε[ί]ου[ς] в значении «ежегодные», которое как определение к θυσία известно у Геродота: θυσίας μεγάλας ἐτετείους (IV. 26), ἐπτελέοντες θυσίησι ἐτετείησι (IV. 105). В этом случае, однако, трудно объяснить ОК, разделяющее оба слова.

Сткк. 2–3. ὅκ̄. Элидированное дорийское ὅκα (=ὄτε). ὅ как neut. sg. к ὄς + элидированная модальная частица κα = κε(v) здесь маловероятно, так как предполагало бы слишком громоздкую конструкцию, неуместную в такой короткой записке.

ἐδίδο-. Если слово выписано целиком, на что могло бы указывать свободное поле справа, здесь можно видеть 3 л. sg. impf. act. ἐδίδου. В известных пределах для [ō] может служить хронологическим признаком, подтверждающим предложенную выше датировку граффито. Как показывает пример аттических лапидарных документов официального характера, случаи передачи о для ου, обычные в первой половине IV в., начиная с последней четверти столетия становятся крайне редкими. Последняя надежно датируемая надпись, фиксирующая это явление, относится к 302/1 г. до н.э.²⁴ Впрочем, форма 3 л. sg. опять-таки предполагала бы еще одно действующее лицо, для имени которого в тексте места нет. В силу этого здесь, по-видимому, как и в стк. 1, следует предполагать перенос слова.

[ὄτ]ερ Κουτυίωνος. Сочетание ὄτ[ε]ρ с gen. личного имени – довольно обычная формула в посвящениях. Едва ли, однако, Котитион был тем лицом, за которого должно было состояться принесение жертв, так как в дедикациях эта формула используется, как правило, со ссылкой на живых людей²⁵. Учитывая же

²³ Nurbogeu. 1997. 3. С. 398 сл., 401. Прим. 100. Нельзя полностью исключить здесь и простую невнимательность, т.е. автор пропустил одну вертикаль, приняв *iota* за левую мачту следующего *nu*, ср. пропуск буквы в стк. 4.

²⁴ Threatte L. The Grammar of Attic Inscriptions. Vol. 1. Phonology. В., 1980. P. 258 f. (P. 259: «No example of O for OY on a stone texte of the third century is very convincing»); Theodorsson S.-T. The Phonology of Attic in the Hellenistic Period / Studia Graeca et Latina Gothoburgensia. XL. Uppsala, 1978. P. 41, 77. В нумизматике Херсонеса такая орфография магистратских имен, обычная для монет третьей четверти IV в. (см. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. 16. С. 148), за пределы столетия не выходит. Для амфорных клейм Херсонеса последней четверти IV и III в. до н.э. она также не типична. См. Кац. Керамические клейма..., штемпели 1–47–48, 10 и 1–47–48, 20. Вполне вероятно, впрочем, учитывая написание имени этого магистрата в большинстве известных штампов, что последняя буква просто не пропечаталась.

²⁵ Ср. LSJ, s.v.

[ψε]υδάριον в стк. 5, в надписи из Панского речь должна идти об отправлении заупокойного культа. Более приемлемо понимание ὑτέρ здесь в значении «за, от имени». Скорее всего, Котитион, не имея возможности лично присутствовать, воспользовался оказией, чтобы передать все необходимое для церемонии. Вполне возможно здесь, впрочем, также восстановление [πῶ]ρ, апокопированной формы для πῶρᾶ, которое в сочетании с gen. ЛИ дает близкое значение – «от Котитиона».

Κοτυτίων – довольно редкое имя, производное, очевидно, от названия праздника τὰ Κοτύτια²⁶. Это имя вводит нас в круг херсонесской антропонимики, где оно зафиксировано дважды, но впервые упомянуто в надписи на черепке IV в. (Κοτυτίῳ|ου πῶρνας | ἔραται τᾶς| νέας), изданной Э.И. Соломоник²⁷ и атрибуированной позднее Ю.Г. Виноградовым как остракон в юридическом смысле термина²⁸. В конце 80-х–70-х годов III в. это имя с патронимиком Ἀρίστονος зафиксировано на амфорных клеймах Херсонеса группы 2А по классификации В.И. Каца²⁹; кроме того, на надгробии первой половины III в. из Нимфея³⁰, а также в горгиппийском каталоге III в. до н.э. с группой других дорийских, тоже, возможно, херсонесских имен³¹. За пределами данных центров это имя было известно лишь в надписях из Каллатиса, где мы находим также и женскую форму Κοτυτίς³². Среди неопубликованных и хранящихся в ИИМК РАН материалов из раскопок А.Н. Карасева и Е.И. Леви 1968 г. в Ольвии мне удалось обнаружить

²⁶ Об этом имени см. подробнее: *Столба В.Ф.* Несколько личных имен в греческих керамических надписях из Херсонеса // *Археологические вести.* 1993. № 2. С. 109 сл.; *Stolba V.* *Barbaren in der Prosopographie von Chersonesos* (4.–2. Jh. v. Chr.) // *Hellenismus. Beiträge zur Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters.* Tübingen, 1996. S. 451 f. № 20 (= SEG XLVI. 921); *Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья. II. Фракийские имена на Боспоре // *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья.* СПб., 1992. С. 181 сл., 194. Прим. 68; *он же.* К изданию каталога керамических клейм Херсонеса Таврического // *Hyperboreus.* 1997. 3. С. 380 сл.; *Avram A.* *Inscriptions grecques et latines de Scythie Mineure.* III. Callatis et son territoire. Bucarest–Paris, 1999. P. 494–497. № 168, 172.

²⁷ *Соломоник.* Два античных письма... С. 125–131 = SEG XXXVII. 661.

²⁸ *Виноградов, Золотарев.* Херсонес изначальный. С. 113. Табл. II, 4.

²⁹ *Кац В.И.* Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // *ВДИ.* 1985. № 1. С. 105. № 6; *он же.* Керамические клейма... С. 101. № 67.

³⁰ В форме Κοτυτίων: Ἰφαιστίων Κοτυτίωνος χαίρε; см. *Тохтасьев.* К изданию каталога... С. 376, 381; *Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья // *Hyperboreus.* 2000. № 6.1. С. 137. Прим. 60; *Zinko V.N.* Summary of the Results of the Five-Year Rescue Excavations in the European Bosphorus, 1989–1993 // *North Pontic Archaeology: Recent Discoveries and Studies. Colloquia Pontica 6 / Ed. G.R. Tsjetskhladze.* Leiden–Boston–Köln, 2001. P. 310. Fig. 7, 3; *Зинько В.Н., Тохтасьев С.Р.* Стела Гестестиона из Нимфея // *Боспорские исследования.* Симферополь, 2004. Вып. VII. С. 112–122. Скорее всего, данная форма возникла в результате ассимиляции υ > ο под воздействием ο в предшествующем слого.

³¹ *Тохтасьев С.Р.* О дорийском компоненте в составе населения Горгиппии первой половины III в. до н.э. // *Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса.* Тез. докл. конф. Севастополь, 1988. С. 115; ср., однако, *Берзин Э.О.* Горгиппийский агонистический каталог // *СА.* 1961. № 1. С. 121; *Кадеев В.И.* Об этнической принадлежности носителей имени Σκύθας в Херсонесе // *СА.* 1974. № 3. С. 61. Прим. 54.

³² *Avram A., Bărbulescu M.* *Inscipții inedite de la Callatis aflate în colecțiile muzeului de istorie națională și arheologie din Constanța* // *Pontica.* 1992. XXV. P. 185 f. № 9; *Avram A.* // *ISM* III. № 168, 172. Предложенная издателем для № 168 дата – II в. – представляется слишком поздней, на что справедливо указывал уже С.Р. Тохтасьев (К изданию каталога... С. 381. Прим. 36) («скорее конец III в.?»). Судя по шрифту, надпись относится, по-видимому, еще ко второй половине III в. до н.э.

керамический фрагмент со списком имен IV–III вв. до н.э., среди которых выступает и некий ὄδωρος Κοτυτίωνος³³.

Стк. 4. [- -]ραϛ. *Иота* перед конечной *сигмой*, пропущенная сначала, вписана позднее, выступая сверху над строкой. Глагол ἐπιτίθημι в этой же строке, а также вероятное восстановление [ψε]υδάριον в следующей дают определенные основания для дополнения здесь имени божеств, которым должна быть принесена жертва: [ῥαίϛ Μοί]ραϛ. Об эсхатологическом обосновании подобного восстановления см. ниже в тексте. Форма множественного числа практически исключает возможность восстановления здесь данного слова в апеллятивном значении.

Стк. 5. [ἐλί ψε]υδάριον. (дор.) = ψευδήριον. Принимая во внимание непосредственно связанное с ним ἐπιτίθημι, едва ли ψευδάριον в смысле «fallacy» (LSJ s.v.), известное в мн. ч. как название одного из произведений Эвклида (Ψαυδάρια)³⁴. Присутствие артикля после ἐλί, как уже говорилось, маловероятно по соображениям места. Ср., к примеру, δέελον δ' ἐλί σήμά τ' ἔθηκε – П. 10. 466; ἐλί πύργον ἔβη – П. 6. 386. Восстанавливаемая здесь дорийская форма [ψε]υδάριον (обратный словарь Кречмера–Локера дает, кроме того, лишь σουδάριον = lat. sudarium³⁵), пожалуй, наиболее интересная из встреченных в письме лексем, поскольку это πρῶτον εἰρημένον, засвидетельствованное прежде лишь у Ликофрона (Alex. 1048, 1181) в значении κενήριον – «кенотаф»³⁶. В индексе к изданию «Александры» Э. Шеера³⁷ 518 лексем охарактеризованы как ὄπλοξ и 117 как πρῶτον εἰρημένον (включая личные имена). Как отмечал, однако, уже Циглер, число сингуляритетов здесь слишком велико, чтобы признать их все собственным творчеством Ликофрона. Наше граффито, написанное более чем за полвека до того, как была завершена и опубликована «Александра», лишнее тому подтверждение. Большая часть их исходит, очевидно, из глосс, бывших в распоряжении поэта и лишь случайно не дошедших до нас.

Вышесказанное, а также наблюдения относительно предполагаемой длины утраченных строк я старался учесть при реконструкции текста. Одно из возможных его восстановлений представляется мне следующим:

- 1 [Acc. pl. fem.]αϛ ὄκ ἔτε-
[μψα - - - ?πρ]ὶν ὄκ' ἐδίδο-
[υν - - - ὑπὲ]ρ Κοτυτίωνος
[ῥαίϛ? Μοί]ραϛ ἐλίθε-
- 5 [ϛ ἐλί ψε]υδάριον

либо

³³ Stolba V.F. Hellenistic Ostrakon from Olbia // ZPE (в печати).

³⁴ Судя по результатам поиска в TLG, ранее Эвклида (III в. до н.э.) и вне математического контекста это слово, по-видимому, не встречается.

³⁵ Kretschmer P., Locker E. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Sprache. 2. Aufl. / Mit Ergänzungen von G. Kisser. Göttingen, 1963.

³⁶ О лексике Ликофрона см. Konze J. De dictione Lycophronis Alexandrinae aetatis poetae. Monasterii, 1870; Bury J.B. Studia Lycophronica // Hermathena. 1886. № 6. P. 64–75; *Lycophron Alexandra*. Griechisch und Deutsch mit erklärenden Anmerkungen von C. von Holzinger. Lpz, 1895 (Nachdruck Hildesheim–New York, 1973). S. 22 f.; Ciani M.G. Lexikon zu Lycophron. Hildesheim, 1975, а также соответствующий раздел статьи Циглера в энциклопедии Паули–Виссова (Ziegler. *Lycophron* (8) // RE. 1927. 13. Sp. 2343–2347).

³⁷ *Lycophronis Alexandra* / Rec. E. Scheer. Vol. I. B., 1881; Scholienband 1908.

1 [περὶ ὧν ἔγραψ]ας ὄκ ἔπε-
 [μψα - - - ?πρ]ιν ὄκ' ἔδιδο-
 [υν - - - ὑπὲ]ρ Κοτυτίωνος
 [ταῖς? Μοί]ρας ἐπίθε-
 [ς ἐπὶ ψε]υδάριον

Возможен перевод в следующем смысле: «То-то и то-то (vel то, о чем ты написал), я не отправил, то же, что я давал прежде от имени Котитиона, возложи Мойрам (?) на кенотаф».

На дополнении [ταῖς Μοί]ρας в стк. 4, вводящем нас в круг религиозных представлений жителей поселения, следует остановиться подробнее. Публикуемая надпись впервые фиксирует этот культ на территории Херсонеса. Говоря о культе Мойр, важно отметить его распространение начиная с классического времени во многих центрах эгейского мира, в том числе и ряде дорийских городов: Эпидавре (IG IV. 1035), Коринфе (Paus. II. 4. 4), Коце (Syll.³ 1106. 150), Спарте (Paus. II. 11. 4) и др.³⁸.

Греческие колонии Северного Причерноморья не представляли в этой связи исключения. Ряд находок, сделанных на территории Керчи в начале XX в., документируют распространение здесь культа этих божеств, начиная, как минимум, с классической эпохи. Речь идет о двух пантикапейских терракотах конца V – начала IV в. до н.э., демонстрирующих тот же иконографический тип трех сидящих женских фигур, что и истрийский посвященный рельеф ISM I. 114. Это дало М.М. Кобылиной веские основания для атрибуции боспорских статуэток как изображений Мойр³⁹. Она же приводит каменный рельеф II–III вв., найденный при раскопках Тиры 1958 г. и воспроизводящий аналогичный сюжет⁴⁰.

В широких слоях населения древняя богиня (богини) судьбы мыслилась несомненно как богиня смерти, зачастую распоряжавшаяся жизнью людей вопреки их собственной воле⁴¹. Этим объясняется то обстоятельство, что большинство относящихся к Мойрам надписей составляют надписи надгробные⁴². Встречаются, однако, хотя значительно реже, и надписи иного жанра, где Мойры выступают, как, видимо, и в нашем граффито, дружественно в отношении смертных. Это в первую очередь частные документы с посвящениями богиням судьбы, появление которых тесно связано с разрешением личных, жизненно важных проблем конкретных дедикантов. Так, в одном из посвящений, происходящем из Навлоха во Фракии, Мойры выступают как спасительницы: Μοῖρας σωζούσας Πίδων Πάρμει | ὑπ[ε]ρ ἑαυτοῦ καὶ τῶν τέκνων χαριστήριον (IGBulg I². 305 quater; SEG XXIV. 902, римская эпоха). В большинстве же случаев причины посвящений конкретно не названы (см., к примеру: ISM I. 114 = SEG XXIV. 1128, Истрия, III в. до н.э.; IG II. 3 1662, Пирей; IG XIV. 873, Кампана, императорское время, и др.).

³⁸ Более подробную выборку см. Weizsäcker. Moira // RL. 1894–1897. II, 2. Sp. 3084–3102; Eitrem S. Moira // RE. 1932. 15. Sp. 2451 f.; Hamdorf F.W. Griechische Kultpersonifikationen der vorhellenistischen Zeit. Mainz, 1964. S. 33–34.

³⁹ Кобылина М.М. Об изображении мойр в Северном Причерноморье // СА. 1971. № 1. С. 253–256. Рис. 3–4. Ср. Силантьева Л.Ф. Терракоты Пантикапея // Терракоты Северного Причерноморья. III. М., 1974, С. 17. Табл. 5, 2.

⁴⁰ Кобылина. Ук. соч. С. 252–253. См. также Фурманская А.И. Памятники скульптуры из Тиры (по раскопкам 1958 г.) // КСИА АН УССР. 1960. 10. С. 78–83.

⁴¹ Hedén E. Homerische Götterstudien. Uppsala, 1912. S. 145 ff.; Dietrich B.C. Death, Fate and Gods. L., 1965. P. 64, 79, 86.

⁴² Mayer A. Moira in griechischen Inschriften. Diss. Giessen, 1927. S. 31; Eitrem. Op. cit. Sp. 2475.

Что касается официального культа полиса, то здесь, по-видимому, Мойры никогда не играли особой роли, во всяком случае той, которую им отводит Платон («все граждане должны приносить жертву Мойрам так же, как и другим богам» – Legg. 799 B)⁴³.

В связи с контекстом нашей надписи важно обратить внимание еще на один аспект в представлении о Мойрах как хтонических божествах, а именно: в одной смирнейской эпитафии I в. до н.э. Мойра выступает как проводница душ умерших, сводящая их в Аид (Kaibel 238 = Peek GVI. 846):

[Μοῖρα] καὶ Εἰλείθυια καὶ ὠδι[[ν]ες τὸ περισσόν |
Μοισάων μελέδημ' ἄγαγον εἰς Ἄϊδαν, |
γαστρὸς ἀπωσαμέναν | μόρον ἔγκυον· ἅ δὲ νεαῖνίς |
'Ηροῖς εὐτεύκτωι τῶι | δ' ὑπένεστι τάφω.

Можно добавить и надгробную надпись из Мизии (SEG XV. 765(b)₃ sq., Паримум, II в. н.э.):

Ἡλείου τόδε σῆμα, τὸν ἤρπασε νηλεόθυμος
Μοῖρα καὶ εἰς Ἄϊδεω πένψε τάχιστα δόμους.

В связи с этим показателен также тот факт, что обе упомянутые выше пантикапейские терракоты с изображением Мойр происходят с территории городского некрополя.

Из других надписей мы узнаем, что Мойры не только принимают умерших (IG XII. 7. 289), но и погребают их⁴⁴. Учитывая, что по представлениям, господствовавшим у греков и римлян и имевшим глубокие исторические корни, души умерших не имеют покоя⁴⁵, становится понятным, почему в письме из Панского именно на кенотафе предписывается возложить жертвы богиням судьбы. Это намерение было продиктовано беспокойством о посмертной судьбе души утраченного родственника, не вернувшегося из моря или павшего вдали от дома в степях крымской Скифии. Немалую роль, надо думать, играло при этом и беспокойство о собственном благополучии, вытекавшее из широко распространенного представления о способности не нашедших покоя в Аиде душ умерших негативно воздействовать на реальный посюсторонний мир⁴⁶. Именно эти эгоистические чувства, а не пietet, как утверждали Э. Роде и Ф. Пфистер, были первоначально основой культа предков и мертвых⁴⁷.

⁴³ Hamdorf. Op. cit. S. 34.

⁴⁴ Eitrem. Op. cit. Sp. 2476.

⁴⁵ Сооружение кенотафов было всеобщей традицией греков уже с гомеровского времени. См. Andronikos M. Totenkult // Archaeologia Homeric. Die Denkmäler und frühgriechische Epos. Bd 3. Kap. W. Göttingen, 1968. S. 34 (литературные данные), 104–105 (археологические данные). Ср. Xen. Anab. VI. 4. 9. В этой связи см. также Rohde E. Psyche. Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. I. Freiburg, 1898². S. 66. Anm. 87; Stengel P. Die griechischen Kultusaltertümer. München, 1920³. S. 139; Hug. Κενωτάφρον // RE. 1921. 11. Sp. 171 f.

⁴⁶ Stengel. Op. cit. S. 144; Rohde. Op. cit. S. 20 f.; Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. Bd 1. München, 1906. S. 760 ff.; Pfister F. Die Religion der Griechen und Römer. Lpz, 1930. S. 136 ff.; Wilamowitz-Möllendorff U. von. Der Glaube der Hellenen. I. B., 1931. S. 316. Ср. также Schwenn F. Gebet und Opfer. Studien zum griechischen Kultus. Heidelberg, 1927. S. 34.

⁴⁷ Rohde. Op. cit. S. 20 f., 216 f.; Pfister. Op. cit. S. 139. Об эсхатологии периодических посещений могил родственников, см., к примеру: Humphreys S.C. Family Tombs and Tomb-Cult in Ancient Athens // JHS. 1980. 100. P. 96–126 (= Humphreys S.C. The Family, Women and Death. Comparative Studies. London–Boston–Melbourne–Henley, 1983. P. 79–130); Garland R. The Greek Way of Death. L., 1985. P. 118–120.

Судить о характере и сроках жертвоприношений, о которых здесь идет речь, крайне сложно. Совершенно очевидно, впрочем, что подношения Мойрам, судя по глаголу ἐπιτίθημι, не были возлияниями (χοαί) или кровавыми жертвами, обычными для хтонических божеств и в культуре мертвых⁴⁸. Скорее здесь следует думать о всевозможных плодах, зерне или, что более вероятно, особых пирогах, являвшихся в историческое время излюбленным подношением⁴⁹, а также цветах или венках. Так, жертвенные пироги (ἀρεστήρας) Мойрам названы, к примеру, в одной надписи из Пирея (IG II. 3. 1662). О возложении на жертвенник Мойрам цветов вместо венков в Сикионе упоминает и Павсаний (II. 11. 4). Последнее свидетельство тем более интересно, что цветы и венки из мирта, роз, лилий, листьев плюща и аканфа имели огромное значение и в культуре мертвых. Они широко использовались и в украшении надгробных памятников, а также приносились, по обычаю, на могилу на третий и девятый день после смерти⁵⁰. Свидетельство Ксенофонта о возложении венков на кенотаф павших воинов (Anab. VI. 4. 9) прекрасно показывает, что различия между настоящими могилами и символическими здесь не было⁵¹. Это же доказывают и результаты археологических исследований некрополя Панское I, где было открыто, возможно, то самое погребальное сооружение, о котором упоминает публикуемое письмо.

В ходе многолетних раскопок, раскрывших значительную часть могильника Панское I, был открыт лишь один комплекс, который может здесь претендовать на прямое сопоставление. Речь идет о кургане К32, исследованном Тарханкутской экспедицией в 1973–1974 гг.⁵² Центральная могила (M1) кургана представляла собой сырцовый склеп, возведенный на уровне древней дневной поверхности и перекрытый впоследствии насыпью. Погребения в склепе обнаружено не было. Расположение инвентаря, занимавшего третью часть внутреннего пространства камеры и не оставлявшего достаточно места для покойника, ясно говорит о том, что уже изначально данное сооружение не было рассчитано на реальное погребение. Судя по набору вещей, найденных в склепе (фасосская амфора, чернолаковый канфар, стригиль, железный молот-клевец, втулка дротика), перед нами кенотаф молодого мужчины-воина, рядом с которым, в юго-восточном поле кургана во впускной могиле (M2) была некоторое время спустя погребена и молодая вдова. Комплекс кургана К32 датируется 350–325 гг. до н.э.⁵³, что полностью соответствует дате нашей надписи.

⁴⁸ Rohde. Op. cit. S. 242 f.; Stengel. Op. cit. S. 103 f., 124 ff., 144 ff.; Garland. Op. cit. P. 110–115. Жертвы Мойрам, как правило, подобны хтоническим богам (Weizsäcker. Moira. Sp. 3091). В Марафоне во время Таргелиона им жертвовалась свинья (IG II². 1358). Среди подношений Мойрам в Сикионе Павсаний (II. 11. 4) называет овец, а также возлияния воды, но не вина, как на то указывает хиосская надпись: οἶνον μὴ προσφέρειν (SGDI. IV. 2. 53); ср. также Stengel P. Opferbräuche der Griechen. Lpz–B., 1910. S. 129.

⁴⁹ Ziehen L. Opfer // RE. 1939. 18. Sp. 583 f.

⁵⁰ Rohde. Op. cit. S. 220. Anm. 2.

⁵¹ Ср., однако: Hug. Op. cit. Sp. 172.

⁵² Ščeglov A.N. Un établissement rural en Crimée: Panskoje I (fouilles de 1969–1985) // DHA. 1987. 13. P. 246, 265. Fig. 15, 1,4. Полная публикация результатов раскопок некрополя поселения подготовлена Е.Я. Роговым. См. Rogov E.Я., Stolba V.F. Panskoye I. Vol. 2. Necropolis / Ed. V.F. Stolba, A.N. Ščeglov. Aarhus (в печати).

⁵³ Монахов С.Ю., Рогов Е.Я. Керамические комплексы некрополя Панское I // АМА. 1990. 8. С. 136. Табл. 2; они же. Амфоры некрополя Панское I // АМА. 1990. 7. С. 149 сл. Табл. 7, 21, 43. С. 152. Табл. 8; Рогов Е.Я., Тункина И.В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // Археологические вести. 1998. № 5. С. 165 сл. 170. Рис. 6, 10 (канфар № 80). Курган К 2, исследованный на некрополе в 1969 г. и считавшийся кенотафом (см. Щеглов А.Н. Курган-кенотаф близ Ярылгачской бухты // КСИА. 1972. 130. С. 70–76), на самом деле, как показало его исследование, таковым не являлся.

A GREEK PRIVATE LETTER FROM THE SETTLEMENT OF PANSKOYE I
(NORTH-WESTERN CRIMEA)

V. F. Stolba

The article publishes a mid-4th century BC graffito found in 1987 at Panskoye I site on the Chersonesean distant chora in the north-western Crimea. The text, which is scratched in five lines on an amphora sherd and is largely fragmented in the left part, shows distinct dialectal features. The rare personal name Kotytion mentioned in l. 3 recorded on more than one occasion in Chersonesos and Kallatis also the Doric context. The verb ἐπιτίθημι in l. 4 and the last word in l. 5 which can be conjectured as ψε]υδóρτον (known only from Lykophron – Alex. 1048, 1181) indicates to imply the sacrifices made on a symbolic grave – kenotaphion. The burial mound K32, which turns out to be the only grave of that kind excavated in the local necropolis, offers here a direct parallel. In connection with Moirai, conjectured in l. 4 the author draws on the cult and cult representations of these deities in the Black Sea area and beyond.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЕ

Международный «круглый стол» «Hispania в системе древних цивилизаций Средиземноморья»

© 2005 г.

А. Х. Домингес Монедео

ГРЕКИ В ИБЕРИИ И ИХ КОНТАКТЫ С ТУЗЕМНЫМ МИРОМ

На страницах этой статьи я хотел бы поразмышлять по поводу пребывания греков на Иберийском полуострове и их взаимодействия с туземцами; при этом речь ведется не о детальном анализе проблемы, а с точки зрения степени ее изученности в свете новейших открытий и их интерпретаций самого последнего времени.

Прежде всего следует отметить, что на Иберийском полуострове не сложилось такой же ситуации, как в других регионах, к которым греки также проявляли интерес. Имеются в виду Итальянский полуостров и Сицилия, а также побережье Понта. В Иберии практически не было греческих полисов, за исключением Эмпориона (совр. Ампуриас) и Роды (совр. Росас); этим полисным образованиям не была свойственна сколь-либо широкая экспансия, и они не создали пространной хоры или подвластных территорий. С другой стороны, торговая и колониальная деятельность финикийцев на Иберийском полуострове началась рано и была очень интенсивной, и греки, прибыв позже и будучи малочисленными, оказались вынуждены совершенствовать свою стратегию и мастерство для того, чтобы создать альтернативу финикийцам. Нет сомнения, что в своей стратегии они учитывали готовность туземцев к приобретению их импорта и, со своей стороны, стремились к сотрудничеству с ними. Следует иметь в виду и то, что традиционные подходы к оценке большей части архаической истории Средиземноморья как перманентного конфликта между противостоящими друг другу «блоками» должны уступить место другому типу анализа, который принял бы во внимание наличие ряда центров международного значения – эмпориев, как правило (за редким исключением), открытых для торговцев самого разного происхождения.

Таким был тот средиземноморский мир, с которым встретились греки в момент своего появления в Иберии и в котором происходила их деятельность в этом регионе со всеми ее особенностями и отличиями от моделей, характерных для финикийцев (см. карту).

✓ ИСТОКИ ГРЕЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ИБЕРИИ. ПРИЧИНЫ

Прежде всего замечу, что необходимо видеть различия между греческими путешествиями к берегам Иберийского полуострова, вероятно разведывательно-

Карта географических пунктов, упоминаемых в статье

го характера, и продолжительными, систематическими плаваниями, осуществлявшимися с гораздо более прагматичными целями. К числу первых – как об этом говорят литературные источники и особенно Страбон – относятся поездки родосцев, которые должны были иметь место в ранние времена, в любом случае, до второй четверти VIII в. до н.э., поскольку Страбон датирует их временем до возникновения Олимпийских игр. Он упоминает о родосском присутствии на Иберийском полуострове (и в других местах Западного Средиземноморья) в двух пассажах своего труда. В одном из них (III. 4. 8), говоря о происхождении Роды, он высказывает сомнения относительно принадлежности ее основателей к соседнему Эмпориону или к собственно родосцам. В другом отрывке (XIV. 2. 10), давая краткое описание древнейшего этапа истории Роды, предшествующего ее синойкизму конца V в. до н.э., Страбон говорит: «О родосцах рассказывают также следующее: они имели удачу на море не только со времени основания современного города, но даже за много лет до учреждения Олимпийских игр они плавали далеко от родной страны ради обеспечения безопасности своих людей. С этого времени они плавали вплоть до Иберии, где основали Родос, город, который впоследствии завоевали массалиоты» (пер. Г.А. Стратановского).

Вопреки этому сообщению, современные исследователи пересмотрели датировку изложенных событий, и теперь мы видим в Страбонской информации лишь скромный намек на истоки того морского могущества, которого Рода достигла в классическую и эллинистическую эпохи¹. Из-за острого дефицита свидетельств в пользу столь раннего присутствия родосцев в акватории Галльского (Лионского) залива (начало VIII в. до н.э.) можно считать, что мы имеем дело с сообщением более поздних эпох и не соответствующим исторической реальности эпохи архаики.

Возможно, эвбейский «случай» является примером другого типа. Прямых сведений о присутствии эвбейцев на Иберийском полуострове нет, и тем не менее в последнее время серьезным образом переоценивается роль эвбейцев не только в торговом и колониальном освоении Центрального Средиземноморья (сам факт их присутствия здесь не подлежит сомнению), но и обращается внимание на их разведывательные плавания в более западные регионы Средиземноморья²; кстати, в этой связи замечу, что А. Гарсия-и-Бельидо еще в 1948 г. подверг анализу весь набор названий западносредиземноморских островов, которые оканчивались на -oussa или на -oussai; он связал их с родосцами и, что ему казалось более вероятным, с эвбейцами Халкиды и отметил, что эти названия – «веские свидетельства весьма древнего происхождения принесших их мореходов»³.

¹ Domínguez A.J. La ciudad griega de Rhode en Iberia y la cuestión de su vinculación con Rodas // BAEAA. 1990. 28. P. 13–25; Pena M.J. 'EPI SOTERIA TON ANTHROPON'. Encore sur la colonisation rhodienne de Rhodé // ZPE. 2000. 133. P. 109–112.

² Antonelli L. Sulle navi degli Eubei (immaginario mitico e traffici di età arcaica) // Hesperia. 1995. 5. P. 11–24; *idem*. Le localizzazioni della Nekyia di Odisseo. (Un itinerario sulle tracce degli Eubei) // *Ibid.* P. 203–222; *idem*. I Greci oltre Gibilterra. Rappresentazioni mitiche dell'estremo occidente e navigazioni commerciali nello spazio atlantico fra VIII e IV secolo a.C. // Hesperia. 1997. 8. P. 65–72. Из последних работ см. Chiai G.F. Il nome della Sardegna e della Sicilia sulle rotte dei Fenici e dei Greci in età arcaica. Analisi di una tradizione storico-letteraria // RstudFen. 2002. 30. P. 125–146; Domínguez A.J. Fenicios y griegos en Occidente: Modelos de asentamiento e interacción // Contactos en el extremo de la oikoumene. Los griegos en Occidente y sus relaciones con los fenicios. XVII Jornadas de Arqueología Fenicio-Púnica. Ibiza, 2003. P. 19–59.

³ García y Bellido A. Hispania Graeca. Vol. I. Barcelona, 1948. P. 66–78; из последних работ по этому вопросу см. García J.L. Nombres griegos en - OUSSA en el Mediterráneo Occidental. Análisis lingüístico e histórico // Complutum. 1996. 7. P. 105–124.

В любом случае, даже если допустить, что какое-то греческое судно и могло прибыть на Иберийский полуостров в VIII – начале VII в., то непосредственное влияние этого события вряд ли оказалось заметным, поскольку прямой контроль за экономической эксплуатацией Испании этого времени осуществляли финикийцы. Но это не препятствовало (и даже, возможно, наоборот, содействовало) тому, чтобы греки рано приступили к практическому освоению опыта финикийцев и их знаний о богатствах Иберийского полуострова. Этот тип контактов архаической поры, более регулярный, чем многие специалисты готовы допустить, возымел свое значение позже, когда греки решились непосредственным образом включиться в систему тех экономических взаимоотношений, которые существовали в Иберии.

Время и обстоятельства этого включения трудно определить, поскольку наша информация проистекает из Геродотова рассказа, где оно упомянуто лишь как случайный факт. Речь идет об экспедиции самосского моряка Колея, корабль которого был сбит с курса ветром и прибыл в Тартесс, располагавшийся за мифическими Столпами Геракла. Геродот (IV. 152) сообщает следующее: «Однако восточным ветром их отнесло назад, а так как буря не стихала, то они, миновав Геракловы Столпы, с божественной помощью прибыли в Тартесс. Эта торговая гавань была в то время еще неизвестна эллинам. Поэтому из всех эллинов самосцы получили от привезенных товаров по возвращении на родину (насколько у меня есть об этом достоверные сведения) больше всего прибыли, исключая, конечно, Сострата, сына Лаодаманта, эгинца... Самосцы посвятили богам десятую часть своей прибыли – 6 талантов – и велели изготовить медный сосуд вроде арголийского кратера... Этот-то сосуд они принесли в дар в храм Геры» (пер. Г.А. Стратановского).

Хотя античный историк не указывает точной даты, он связывает этот эпизод с эпохой основания Кирены, которой Колей оказал помощь. Это событие соотнесено Ф. Шамо с 631 годом до н.э.⁴, и в общих чертах это вполне приемлемая датировка⁵. Представляет интерес Геродотово указание на пункт назначения, куда стремился прибыть Колей прежде, чем был дважды сбит с курса (по пути в Кирену и Тартесс), – это Египет. Хорошо известно, что в Египте существовал крупный и важный эмпорий, часто посещавшийся греками, – Навкратис, который, как кажется, приобрел официальную известность в эпоху правления фараона Амасиса (568–526) (Herod. II. 178), хотя греческое присутствие в этой зоне документируется уже с конца VII в. до н.э.⁶ Кроме того, Геродот указывает на существование – рядом с общегреческим святилищем, или Панэленионом, – самостоятельных храмов, посвященных Гере (Самосом) и другим божествам – Зевсу (Эгиной) и Аполлону (Милетом).

Предприятия самосцев в конце VII в. до н.э., рассматривавших Египет в качестве центра своих устремлений, познакомили их с торговыми ареалами всего Средиземноморья – главным образом Восточного, но, несомненно, и Западного тоже. В итоге на Самосе появляются изделия самого разного происхождения и среди них – относящиеся к крайнему средиземноморскому Западу, как, например, фрагменты гребней из слоновой кости финикийского типа, изготовленных, видимо, в районе Нижнего Гвадалquivира⁷. Даже если исходить из более

⁴ *Chatoux F.* Cyrène sous la monarchie des Battiades. P., 1953. P. 124.

⁵ *Boardman J.* The Greeks Overseas. Their Early Colonies and Trade. L., 1999⁴. P. 154–155.

⁶ Из последних работ см. *Möller A.* Naukratis. Trade in Archaic Greece. Oxf., 2000. P. 214.

⁷ *Freyer-Schauenburg B.* Kolaios und die westphönizischen Elfenbeine // *MDAI(M)*. 1966. 7. P. 89–108; *Tiverios M.A.* Hallazgos tartésicos en el Hereo de Samos // *Los griegos en España. Tras las huellas de Heracles* / Ed. P. Cabrera, C. Sánchez. Madrid, 1998. P. 66–84.

ранней датировки этих изделий, чем плавание Колея, ясно, что в самосском Герайоне одновременно с ними должна была появиться хотя бы какая-то информация о самых западных землях известного в ту эпоху мира. Это еще более однозначно вписывает плавание Колея в исторический контекст и характеризует разведывательный характер его не как случайный, а как преднамеренный. В храме Геры на Самосе имеются и другие изделия (в частности конская пектораль), относящиеся к последней четверти VII в. до н.э. и содержащие сюжет с таким очевидным западным «привкусом», как битва Геракла с Герионом⁸. Некоторые исследователи даже высказали предположение о том, что флора, изображенная на этой плакетке, корреспондирует с растительным миром, типичным для атлантического побережья Иберийского полуострова⁹. К этим соображениям следует добавить и локализацию в Тартессиде мифа о Геракле и Герионе, упоминаемого в «Герионеиде» поэтом первой половины VI в. до н.э. из Гимеры Стесихором и воспроизведенного Страбоном (Ш. 2. 11)¹⁰.

В качестве «открывателей» Тартесса Геродотом (I. 163) представлены и другие греки – фокейцы. Это следствие использования историком источников различного происхождения, и того, что его труд – в своем завершенном варианте – остался без авторской редакции. Из ранее приведенного пассажа ясно, однако, что когда Колей прибыл в Тартесс, этот рынок был еще не известен фокейцам, и, следовательно, самосское пребывание в Тартессе связано с более глубокой древностью, чем фокейское, и можно думать, что самосским открытием воспользовались моряки Фокеи, корабли которых заходили в Самос в соответствии со своими итинерариями¹¹.

Фокейское присутствие в Иберии, точно так же как и самосское, следует включить в восточносредиземноморский (в частности в восточногреческий) контекст конца VII – начала VI в. до н.э. Открытие египетского рынка (благодаря заинтересованности фараонов XXVI династии), который завершил свою институционализацию, как уже говорилось, в правление Амасиса, явилось таким же мощным очагом притяжения для ионийцев, как и Черное море¹². Обслуживание торговли предметами роскоши, которую вели греческие города типа Фокеи во второй половине VII в.¹³ и которая была одним из стимулов для их торговых контактов с Египтом, требовало запасов металлов и прежде всего серебра, а также источников их пополнения. Уже финикийские плаванья, равно как и древнейшие греческие (в частности самосские), осуществлявшиеся sporadически в Тартесс, должны были убедить Фокею в важности установления прямых кон-

⁸ *Brize P.* Samos und Stesichoros. Zu einem früharchaischen Bronzeblech // *MDAI(K)*. 1985. 100. P. 53–90; о воспроизведении мифа в греческой вазописи см. *Robertson M.* Geryoneis: Stesichorus and the Vase-Painters // *CQ*. 1969. 19. P. 207–221.

⁹ *Corzo R.* El drago de Cádiz en un bronce samio del siglo VII a.C. // *Laboratorio de Arte*. 1998. 11. P. 27–50.

¹⁰ *Page D.* Stesichorus: The Geryoneis // *JHS*. 1973. 93. P. 138–154.

¹¹ *Domínguez A.J.* Samios y foces en los inicios de la colonización griega de Iberia // *Estudios de Historia Medieval en homenaje a Luis Suárez Fernández*. Valladolid, 1991. P. 131–147.

¹² *Tsetskhladze G.R.* Greek Colonisation of the Black Sea Area: Stages, Models, and Native Population // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology* / Ed. G.R. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998. P. 9–68; *idem.* Ionians Abroad // *Greek Settlements in the Eastern Mediterranean and the Black Sea* / Ed. G.R. Tsetskhladze, A.M. Snodgrass. BAR Int. Series 1062. Oxf., 2002. P. 81–96; *Solovyov S.L.* Ancient Berezan // *The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea. Colloquia Pontica*, 4. Leiden, 1999.

¹³ *Ebner P.* Il mercato dei metalli preziosi nel secolo d'oro dei Focci (630–545 a.C.) // *PP*. 1966. 21. P. 111–127.

тактов с тартессийской территорией, изобиловавшей этими металлами. К этому соображению следует добавить и все более усиливавшееся давление на них лидийцев и, возможно, мидийцев, что, видимо, нашло свое отражение в информации Юстина (XLIII. 3. 5–6), уверенного в том, что причиной морской активности фокейцев были бедность и скудость ресурсов их территории.

В любом случае нельзя не видеть связи между началом плаваний фокейцев на Запад и очередной вспышкой интереса их метрополии к торговле с Египтом; этот факт засвидетельствован Геродотом (II. 178), включившим Фокею в круг греческих городов, которые являлись участниками совместного культа в Накратисе и, кроме того, сообща осуществляли администрирование этого эмпо-рия. Все это вместе взятое, а также демографический фактор, обусловленный давлением со стороны восточных государств, должны были благоприятствовать развитию плаваний фокейцев на Запад.

Обратимся вновь к информации Геродота (I. 163): «Жители этой Фокеи первыми среди эллинов пустились в далекие морские путешествия. Они открыли Адриатическое море, Тирсению, Иберию и Тартесс. Они плавали не на “круглых” торговых кораблях, а на 50-весельных судах. В Тартессе они вступили в дружбу с царем той страны по имени Арганфоний. Он царствовал в Тартессе 80 лет, а всего жил 120. Этот человек был так расположен к фокейцам, что сначала даже предложил им покинуть Ионию и поселиться в его стране, где им будет угодно. А затем, когда фокейцы не согласились на это, царь, услышав об усилении могущества лидийского царя, дал им денег на возведение стен в их городе. Дал же он денег, не скупясь, так как окружность стен (Фокеи) составляет немало стадий, а вся стена состоит целиком из огромных, тщательно прилаженных камней» (пер. Г.А. Стратановского).

В свете археологии многие детали этого повествования представляются аутентичными; с одной стороны, строительство в Фокее большой стены (первые десятилетия VI в. до н.э.¹⁴) должно свидетельствовать о концентрации в городе больших материальных средств как следствия отношений «дружбы», установленных с тартессийскими правителями¹⁵; с другой стороны, об этом же говорят и факты как быстрого распространения греческой керамики с конца VII в. до н.э. в целом ряде пунктов Иберийского полуострова, так и ее обмена в первой половине VI в. Один из таких пунктов – это Уэльва, древняя Оноба; в указанный период она вполне могла быть одним из тех ареалов, где тартессийский мир включился во внешнюю торговлю – как с финикийцами, так и с греками. Во время последних раскопок в этом городе были найдены тысячи фрагментов греческой керамики, хотя лишь небольшая часть этих находок опубликована к настоящему времени. В 1989 г. П. Кабрера провела обстоятельный анализ керамики из наиболее важных раскопок территории Уэльвы¹⁶ и на его основании попыталась воссоздать «лицо» фокейской торговли в городе. Несмотря на то что ее выводы с течением времени, делающем панораму изучения этой торговли все

¹⁴ *Ozyigit O.* The City Walls of Phokaia. Fortifications et défense du territoire en Asie Mineure Occidentale et Méridionale // REA. 1994. 96. P. 77–109; *idem.* Les dernières fouilles de Phocée. Phocée et la fondation de Marseille. Marsella, 1995. P. 47–58.

¹⁵ *Domínguez A.J.* Phocaeans and other Ionians in Western Mediterranean // Die Ägäis und das Westliche Mittelmeer. Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. v.Chr. / Ed. F. Krinzinger. Viena, 2000. P. 507–513.

¹⁶ *Cabrera P.* El comercio foceo en Huelva: cronología y fisonomía // Tartessos y Huelva, 3. Huelva Arqueológica. 1988–1989. 10–11. P. 41–100.

более богатой¹⁷, претерпели изменения, остается вне сомнения, что Уэльва являлась привилегированным пунктом торговли туземцев с греками. Более того, открытие культовых мест, посещавшихся греками¹⁸, связывает их деятельность в этом эмпории с другими эмпориальными зонами Средиземноморья¹⁹; находка в зоне Уэльвы греческого граффити, выполненного на греческом же сосуде²⁰ и, видимо, посвященного туземному божеству²¹, – это еще одно свидетельство как присутствия греков в районе Уэльвы, так и отношений дружбы, поддерживавшихся ими с местными властями и жрецами божеств Уэльвы и ее округи.

Хотя трудно рассчитывать, что сообщаемые Геродотом подробности найдут подтверждение в археологических источниках, можно утверждать тем не менее, что оба эти типа сведений отражают интенсивные связи греков и тартессийского мира в эпоху, предшествующую захвату Фокеи персами. Греки считали естественным отождествление этих связей с Аргантонием – персонажем, который оказал им весьма благоприятный прием и образ которого с течением времени принимал все более мифологизированный характер. Доброта и долгожительство тартессийского правителя, ставшие нарицательными еще в Догеродотову эпоху, прочно заняли свое место в поэтической традиции архаической поры, о чем свидетельствует пассаж, который посвятил Аргантонию поэт VI в. до н.э. Анакреонт и который известен благодаря Страбону (III. 2. 14): «Что до меня, то ни Амалфеи / Не пожелал бы рога, / Ни сотни лет и пятьдесят еще / Я над Тартессом царствовать» (пер. Г.А. Стратановского). Этой темы касается и Плиний (Nat. Hist. III. 154, 156). Можно допустить, что Анакреонт из Теоса знал из первых рук ту информацию (пусть преувеличенную и мифологизированную), которую ионийские моряки создали об этом дружелюбном и гостеприимном правителе, принявшем их в Тартессе, оделившем их столь огромным богатством, что его хватило для сооружения городской стены, и даже пригласившем их переселиться в свое царство, чтобы избежать персидского ига.

Кроме этих сведений, в определенной степени легендарных, о первых путешествиях греков к Иберийскому полуострову, есть и другой тип информации, оказавшей, как кажется, большее влияние на формирование греческой традиции об этих плаваниях. Прежде всего, имеются в виду указания (не лишённые правдоподобия) латинского поэта Руфа Феста Авиена, содержащиеся в его вызывающем споры труде «Морское побережье». Идеи относительно главного источника этого автора IV в. н.э. не отличаются разнообразием. С тех пор как А. Шультен отдал предпочтение массалиотскому периплу VI в. до н.э.²², эта точ-

¹⁷ Kerschner M. Phokäische Thalassokratie oder Phantom-Phokäer? Die frühgriechischen Keramikfunde im Süden der Iberischen Halbinsel aus der ägäischen Perspektive // Greek Identity in the Western Mediterranean. Papers in Honour of Brian Shefton / Ed. K. Lomas. Leiden, 2004. P. 116–148.

¹⁸ Osuna M., Bedia J., Domínguez A.M. El santuario protohistórico hallado en la calle Méndez Núñez (Huelva) // Ceràmiques Jònies d'època arcaica: Centres de producció i comercialització al Mediterrani Occidental. Monografies Emporitanes, 11. Barcelona, 2001. P. 177–188.

¹⁹ Domínguez A.J. La religión en el emporion // Gerión. 2001. 19. P. 221–257; *idem*. Archaic Greek Pottery in the Iberian Peninsula. Its Presence in Native Contexts // Griechische Keramik im kulturellen Kontext / Ed. B. Schmalz, M. Söldner. Münster, 2003. P. 201–204.

²⁰ Fernández J., Olmos R. Una inscripción jonia arcaica en Huelva // Lucentum. 1985. 4. P. 107–113.

²¹ Almagro M. Una probable divinidad tartésica identificada: Niethos/Netos // Palaeohispanica. 2002. 2. P. 37–70.

²² Schulten A. Avieno. Ora Maritima // Fontes Hispaniae Antiquae. I / Ed. A. Schulten. Barcelona, 1922. P. 7–11.

ка зрения с теми или иными нюансами принимается во внимание многими специалистами²³. Следует подчеркнуть, что этот перипл отражал знания, которые приобрели греческие мореходы, в VI в. до н.э. бороздившие воды близ побережья Иберийского полуострова в своих плаваниях в Тартесс. Автор перипла мог иметь в своем распоряжении и другие сведения, добытые греками из первых рук или заимствованные из других источников – будь то финикийских, будь то даже туземных. Таким образом, «Ora Maritima» Авиена вполне может содержать сведения о наиболее ранних экспедициях фокейцев и других греков к самым отдаленным уголкам Западного Средиземноморья. Речь идет, как это вообще свойственно периплам, о таких сведениях практического характера, необходимых мореходам, как описание побережья и его географических особенностей, мест, пригодных или неудобных для причаливания, этнонимика и топонимика, отношение туземцев к грекам и т.д.

Наряду с подобного рода практичной информацией о первых греческих плаваниях, нередко сложной для атрибутирования, есть еще одна группа письменных сведений о ранних плаваниях греков на Запад, которые, несмотря на свою фрагментарную сохранность, имеют иную природу. Они содержатся в труде историка Гекатея Милетского «Перизэгезы», созданном на рубеже VI–V вв. до н.э. Это произведение свидетельствует о вполне ясном восприятии архаическими греками той реальности, с которой они привыкли иметь дело в Иберии. В труде Гекатея, как считают исследователи, отражено конкретное знание греками Дальнего Запада, включая Иберийский полуостров, о чем свидетельствуют ссылки и указания на конкретные пункты и регионы Испании²⁴. Знания Гекатея о реалиях полуострова, постепенно отражавшихся в греческой топонимике, воспроизводят процесс конкретного знакомства греков с иберийской географией²⁵.

VI век до н.э. – это начало регулярной греческой деятельности на Иберийском полуострове, сконцентрировавшейся прежде всего на ведении торговли с тартессийским ареалом (см. сообщения Геродота и современные археологические труды). Затронула она и финикийские образования, существовавшие на побережье, о чем свидетельствуют находки греческой керамики VI в., обнаруженные во многих из них – от самого Гадеса до Малаги и Ла Фонтеты, расположенной на юго-востоке Иберийского полуострова вблизи от устья реки Сегуры²⁶. Литературные источники о Майнаке-Менаке (см. Av. O. m. 427–431; Ps.-Scymn.

²³ См., к примеру, *García y Bellido*. Op. cit. Vol. 2. P. 4–5. Not. 3; *Ribeiro J.* Ora Maritima. Avieno. Coimbra, 1985. P. 12–13; *Villalba P.* Periple (Ora Maritima). Ruf Fest Avie. Introducció, text, traducció i notes. Barcelona, 1986; *Avieno*. Ora Maritima. Descriptio Orbis Terrae. Phaenomena // Testimonia Hispaniae Antiqua. I / Ed. J. Mangas, D. Plácido. Madrid, 1994; *González F.J.* Avieno y el Periplo. Ecija, 1995; *Antonelli L.* Il Periplo Nascosto. Lettura stratigrafica e commento storico-archeologico dell'Ora Maritima di Avieno. Padua, 1998.

²⁴ Пассажи из Гекатея, относящиеся к Иберии, соответствующим образом систематизированные, переведенные и прокомментированные, см. *La Península Ibérica en los autores griegos: de Homero a Platón* // Testimonia Hispaniae Antiqua. II A / Ed. J. Mangas, D. Plácido. Madrid, 1998. P. 135–155; *Gangutia E.* Hecateo y las inscripciones griegas más antiguas de la Península Ibérica // AEA. 1999. 72. P. 3–14; *Braun T.* Hecataeus' knowledge of the Western Mediterranean // Greek Identity in the Western Mediterranean. Papers in Honour of Brian Shefton / Ed. K. Lomas. Leiden, 2004. P. 296–313.

²⁵ *Jacob P.* Notes sur la toponimie grecque de la côte méditerranéenne de l'Espagne antique // Ktēma. 1985. 10. P. 247–271.

²⁶ Современную панораму находок керамики архаического и классического периодов из этих регионов см. *Dominguez A.J., Sánchez C.* Greek Pottery from the Iberian Peninsula. Archaic and Classical Periods. Leiden, 2001. P. 18–19, 25–29, 43–44.

146–150; Strabo. III. 4. 2), в которых она квалифицируется как самый западный греческий город из всех существовавших в эпоху архаики, также сохранили упоминания о древнейших плаваниях греков в пригибралтарские земли Иберийского полуострова и об их контактах с туземным населением этих территорий.

О Майнаке существует множество рабочих гипотез, я не буду останавливаться на них; укажу лишь, что тезис о существовании греческого города типа полиса (πόλις) с этим названием на южном побережье Иберийского полуострова сегодня отвергается. Это название греки (фокейцы, по мнению Страбона; масса-лиоты, по Псевдо-Скимну) могли дать какому-либо центру (финикийскому или туземному), который располагался на южном побережье и в котором они пользовались правом ведения торговли. Майнаке могла быть не столько полисом, сколько эмпорием (ἐμπόριον) – одним из тех, которые (наряду с собственно тар-тессийскими) появились в архаическую эпоху.

ПЕРИОД ОБОСНОВАНИЯ ФОКЕЙЦЕВ В ИБЕРИИ: ЭМПОРИОН

Создается впечатление, что фокейская торговля, в которой, не исключено, могли принимать участие и другие греки (видимо, в большинстве это были ионийцы²⁷), развивалась вдоль побережья Иберийского полуострова, используя в качестве основного способа связей с туземцами механизмы эмпория²⁸. Туземные поселения, содержащие греческую керамику VI в., не многочисленны, однако их достаточно для того, чтобы констатировать факт существования в этот период длительных, постоянных контактов греков с наиболее важными зонами иберийского побережья. Главными артефактами, которые удостоверяют это взаимодействие, являются так называемые «ионийские кубки». Этот тип сосуда изготовлялся во многих местах Греции, в том числе и в греческих колониях Италии и Сицилии; он имел широкое хождение в разных уголках греческого мира и не являлся предметом роскоши в собственном смысле этого слова, хотя вполне возможно, что в туземной среде он мог приобрести это значение в силу своей экзотичности²⁹. Трудно сказать, как ввозилась эта керамика: через торговый порт Эмпориона или по иным путям, хотя оба эти варианта одинаково допустимы.

Несмотря на то что характер греческого присутствия менялся с течением времени, очевидно, что на протяжении значительной части VI века использование системы торговых пунктов, или эмпориев, являлось наиболее распространенным. В то же время нельзя сбрасывать со счетов и другие типы взаимодействия (более спорадические и менее институционализированные), которые также могут быть ответственными за распространение ранее упомянутой греческой продукции³⁰. Однако в силу своей природы подобного рода пункты обмена выявля-

²⁷ Tsetschladze. Ionians... P. 81–96; ср. также Gras M. Occidentalia. Le concept d'émigration ionienne // ArchClass. 1991. 43. P. 269–278.

²⁸ Domínguez A.J. Los mecanismos del emporion en la práctica comercial de los focesos y otros griegos del Este // Ceràmiques Jònies d'època arcaica. Centres de producció i comercialització al Mediterrani Occidental. Barcelona, 2001. P. 27–45; *idem*. Archaic Greek... P. 201–204.

²⁹ *Idem*. Ceràmica griega en la ciudad ibérica // Anales de la Universidad de Murcia. Filosofía y Letras. 2001–2002. 16–17. P. 190–191.

³⁰ Domínguez A.J. Los griegos de Occidente y sus diferentes modos de contacto con las poblaciones indígenas. I. Los contactos en los momentos precoloniales (previos a la fundación de colonias o en ausencia de las mismas). Iberos y Griegos: Lecturas desde la diversidad // Huelva Arqueológica. 1994. 13. 1. P. 19–48; Alvar J. Comercio e intercambio en el contexto precolonial // Intercambio y comercio preclásico en el Mediterráneo / Ed. P. Fernández Uriel, C.G. Wagner, F. López Pardo. Madrid, 2000. P. 27–34.

ются с большим трудом, поскольку они не нуждались в постоянной инфраструктуре и, как следствие, оставили едва заметные археологические следы своего существования³¹. И только те, которые насчитывали продолжительную историю и тем более достигли высокого уровня развития, позволяют говорить с той или иной степенью обстоятельности о механизмах греческого проникновения в Иберию. Наиболее репрезентативным воплощением является город Эмпорион, особенно если учесть результаты недавних раскопок, выявивших ту его фазу, которая Страбону была известна как «Старый Город» (παλαιά πόλις) и на протяжении которой к югу от этого пункта возник город, получивший в современных исследованиях название Νεά πόλις (заметим, что этот топоним не засвидетельствован в античных источниках).

Раскопки в 1994–1996 годах, проведенные в Старом Городе (совр. Сан Мартин де Ампуриас), территория которого в древности, видимо, была островком, как это утверждает Страбон (III. 4. 8), показали, что здесь кроме поселения эпохи поздней бронзы имелось очень небольшое поселение I периода эпохи железа, датируемое второй половиной VII – первыми десятилетиями VI в. до н.э. Уже в эту эпоху регистрируется наиболее ранний этрусский и финикийский импорт, а чуть позже и греческий. К середине VI в. он становится более многочисленным и разнообразным. Первое греческое поселение появилось, видимо, во второй четверти VI в.; в середине столетия в той части материка, которая находилась к югу от островка Сан Мартин³², возникло поселение, превратившееся впоследствии в город Эмпорион. Название, которое со временем закрепилось за этим полисом, отражает его происхождение: это торговый центр, в котором на протяжении VI века осуществляли торговую деятельность (с разной степенью интенсивности) наряду с греками финикийцы и этруски. О его существовании, кстати, говорилось еще до археологических открытий самого последнего времени³³. На первом этапе деятельность этого эмпория была ограничена в основном его ближней округой³⁴.

Однако в V в. Эмпорион развил большую торговую активность, затронувшую значительную часть побережья Иберийского полуострова³⁵. Он консоли-

³¹ Domínguez A.J. El Periplo del Pseudo-Escílax y el mecanismo comercial y colonial fenicio en época arcaica // Homenaje al Profesor Presedo. Sevilla, 1994. P. 61–80; López F. Del Mercado invisible (Comercio silencioso) a las Factorías-Fortaleza púnicas en la costa atlántica Africana // Intercambio y comercio preclásico en el Mediterráneo... P. 215–230.

³² Intervencions arqueològiques a Sant Martí d'Empúries (1994-1996). De l'assentament precolonial a l'Empúries actual / Ed. X. Aquilue. Gerona, 1999; о Неаполе см. Marcet R., Sanmartí E. Ampurias. Barcelona, 1990.

³³ Arteaga O., Padró J., Sanmartí E. El factor fenici a les costes catalanes i del Golf de Lió // II Coloqui Internacional d'Arqueologia de Puigcerdà. Puigcerdà, 1978. P. 129–135; *idem*. La expansión fenicia por las costas de Cataluña y del Languedoc // Los fenicios en la Península Ibérica. II / Ed. G. del Olmo, M.E. Aubet. Barcelona, 1986. P. 303–314; Sanmartí E., Castañer P., Tremoleda J., Santos M. La presencia comercial etrusca en la Emporion arcaica, determinada a partir de las ánforas // La presencia de material etrusco en la Península Ibérica. Barcelona, 1991. P. 83–94; Martín M.A. El material etrusco en el mundo indígena del NE. de Cataluña // *Ibid.* P. 95–105.

³⁴ Santos M. Fenicios y griegos en el extremo N.E. peninsular durante la época arcaica y los orígenes del enclave foceo de Emporion // Contactos en el extremo de la oikoumene. Los griegos en Occidente y sus relaciones con los fenicios. XII Jornadas de Arqueología Fenicio-Púnica. Ibiza, 2003. P. 111–112.

³⁵ Pujol A. El comercio de Emporion // *Studia Historica. Historia Antigua*. 1984–1985. 2–3. P. 15–71; Santos. Fenicios y griegos... P. 112–117.

дируется в статус города³⁶ и закрепляет за собой некую территорию, о размерах которой и механизме взаимодействия с ее обитателями в науке существуют многочисленные разногласия³⁷. Чекан собственной монеты (V в. до н.э.) свидетельствует о включении Эмпориона в монетную экономику, развивавшуюся в это время в греческом Средиземноморье³⁸.

В более позднее время в северной оконечности Лионского залива возник еще один греческий город Иберийского полуострова – Рода (совр. Росас). Несмотря на то что в предшествующую эпоху эта зона вполне могла входить в круг интересов Эмпориона (если судить об этом по находкам, пока, правда, редким, архаической керамики³⁹), очевидно, что Рода достаточно поздно (с IV в. до н.э.) приобрела статус города⁴⁰ с собственным чеканом серебряной монеты⁴¹. Взаимоотношения Роды и Эмпориона остаются неясными, в литературных источниках есть лишь противоречивые указания о том, что Рода была собственностью либо Массалии (Strabo. XIV. 2. 10), либо Эмпориона (ibid. III. 4. 8).

С V в. до н.э. город Эмпорион превратился в один из основных торговых центров восточного побережья Иберии; торговые отношения связывают его как с туземцами, так и с финикийцами Ибиссы и Гадира, находившегося далеко от этого острова, уже в Атлантике. Развитие Эмпориона привело его к консолидации городской структуры, степень урбанизма которой, однако, малоизвестна, поскольку сам центр подвергся значительным изменениям в римскую эпоху⁴². Поскольку в данной статье нас более интересует экономическая деятельность Эмпориона в иберийско-туземной округе, то обратимся к этой теме, специально не рассматривая Эмпорион как город в собственном смысле этого понятия.

³⁶ Sanmartí E., Castañer P., Tremoleda J., Barberá J. Las estructuras griegas de los siglos V y IV a. de J.C. halladas en el sector sur de la Neapolis de Ampurias (Campaña de excavaciones del año 1986). Cuadernos de Prehistoria y Arqueología Castellonenses. 1986. 12. P. 141–217; Sanmartí E., Nolla J.M. Informe preliminar sobre l'excavació d'una torre situada a ponent de la ciutat grega d'Empúries // Protohistoria Catalana. VI Coloqui Internacional d'Arqueologia de Puigcerdà. Puigcerdà, 1986. P. 159–191; Sanmartí E., Castañer P., Tremoleda J. La secuencia histórico-topográfica de las murallas del sector meridional de Emporion // MDAI(M). 1988. 29. P. 191–200; idem. Nuevos datos sobre la historia y la topografía de las murallas de Emporion // MDAI(M). 1992. 33. P. 102–112; Sanmartí E. Massalia et Emporion: une origine commune, deux destins différents // Marseille Grecque et la Gaule (Etudes Massaliètes, 3). Aix-en-Provence, 1992. P. 27–41.

³⁷ Plana R. La chora d'Emporion: paysage et structures agraires dans le nord-est catalan à la période pre-romaine. P., 1994; Sanmartí E. Una primera aproximació al coneixement de les pedreres de l'antiga Empúries (L'Escala, Alt Empordà) // AIEG. 1994. 33. P. 139–155; idem. Recent Discoveries at the Harbour of the Greek City of Emporion (L'Escala, Catalonia, Spain) and in its Surrounding Area (Quarries and Iron Workshops). Social Complexity and the Development of Towns in Iberia. From the Copper Age to the Second Century AD. Londres, 1995. P. 157–174.

³⁸ Campo M. Inicios de la amonedación en la Península Ibérica: los griegos en Emporion y Rhode // Griegos en Occidente / Ed. F. Chaves. Sevilla, 1992. P. 195–209; Villaronga L. Monedas de plata emporitanes dels segles V–IV a.C. Barcelona, 1997.

³⁹ Martín M. A. Nieto J., Nolla J.M. Excavaciones en la ciudadela de Rosas (campañas 1976 y 1977). Gerona, 1979. P. 326–327; Vivó D. Rhode: arquitectura i urbanisme del barri hellenístic // Revista d'Arqueologia de Ponent. 1996. 6. P. 112.

⁴⁰ Puig A.M., Carrascal C., Pujol M., Teixidor M., Vieyra G. Resultats de les darreres campanyes d'excavació a la Ciutadella de Roses (Alt Empordà) // Tribuna d'Arqueologia. 1994–1995. P. 123–132.

⁴¹ Campo. Inicios... P. 200.

⁴² Mar R., Ruiz de Arbulo J. Ampurias romana. Historia, Arquitectura y Arqueología. Sabadell, 1993; Kaiser A. The Urban Dialogue. An analysis of the use of space in the Roman city of Empúries, Spain. Oxf., 2000.

Ключом в понимании вопроса о присутствии греков в Иберии являются их взаимоотношения с туземцами; этой теме я имел возможность уделить внимание раньше⁴³. Греки Эмпориона наряду с контактами с населением ближайшей округи (эти контакты детально не изучены, однако можно говорить, что они обнаруживают признаки мирного сосуществования⁴⁴) имели намерение установить торговые связи с гораздо более широким туземным ареалом. Как свидетельствует ранее приведенный пассаж Геродота, они искали дружбы с коренным населением с момента своего появления на полуострове. В VI в., особенно в последнюю треть столетия (и это время частично совпадает с эпохой развития Νεα πόλις) греки в соответствии с глубокими изменениями как своих потребностей, так и запросов туземцев⁴⁵ переносят сферу своих основных интересов в юго-восточный «квадрат» Иберийского полуострова.

До сих пор остаются неизвестными в деталях те механизмы, которые греки использовали в этом взаимодействии, особенно на его начальной стадии. Однако можно допустить, что, направляясь из прибрежных регионов юго-востока в глубь полуострова, они следовали по торговым путям, задолго до них проложенным вплоть до Верхней Андалузии⁴⁶. На побережье греки явно пользовались гостеприимством туземцев. Хотя доказательств такого типа взаимодействия для ранней поры пока что мало, тем не менее к их числу относятся как греческая керамика, повсеместно встречаемая в этом широком ареале, так и следы культурных заимствований туземцев, например, освоение греческой техники ваяния и греческого алфавита, использованного для создания письменности на собственных диалектах⁴⁷. Эти прямые доказательства⁴⁸ отражают тесный характер взаимодействия между греками и туземцами, установившегося в последней трети VI в. и продолжившегося в течение большей части V века до н.э. Отдельно следует сказать о находке свинцовой таблички с письмом, написанном на

⁴³ Domínguez A.J. Hellenisation in Iberia? The reception of Greek products and influences by the Iberians // *Ancient Greeks West and Est. Mnemosyne. Suppl.* 196 / Ed. G.R. Tsetschladze. Leiden, 1999. P. 301–329; *idem.* Greeks in Iberia: Colonialism without Colonization // *The Archaeology of Colonialism* / Ed. C.L. Lyons, J.K. Papadopoulos. Los Angeles, 2002. P. 65–95.

⁴⁴ Как об этом свидетельствует, например, исследование некрополей (как греческих, так и туземных) округи Эмпориона: *Almagro Basch M.* Las necrópolis de Ampurias. I. Introducció n y necrópolis griegas. Barcelona, 1953; *idem.* Las necrópolis de Ampurias. II. Necrópolis romanas y necrópolis indígenas. Barcelona, 1955; *López A.* Distribució n espacial y cronoló gica de las necrópolis ampuritanas // *De les estructures indígenes a l'organització provincial romana de la Hispania Citerior* / Ed. M. Mayer, J. M. Nolla, J. Pardo. Barcelona, 1998. P. 275–298; см. также *Domínguez A.J.* Greek Identity in the Phocaean Colonies // *Greek Identity in the Western Mediterranean...* P. 437–442.

⁴⁵ *Shefton B.B.* Greeks and Greek Imports in the South of the Iberian Peninsula // *The Archaeological Evidence. Phönizier im Westen. Madrider Beiträge.* 1982. 8. P. 337–370; *Domínguez A.J.* Reinterpretació n de los testimonios acerca de la presencia griega en el Sudeste peninsular y Levante en época arcaica // *Homenaje a L. Siret.* Sevilla, 1986. P. 601–611.

⁴⁶ *Domínguez A.* Mecanismos, rutas y agentes comerciales en las relaciones económicas entre griegos e indígenas en el interior peninsular // *Economia i Societat a la Prehistòria i Món Antic. Estudis d'Història Econòmica.* Valencia, 1993. P. 39–74.

⁴⁷ Об этом см. *Domínguez.* Hellenisation... P. 301–329; *idem.* Greeks in Iberia... P. 65–95 (с библиографией).

⁴⁸ *Sanmartí J.* Les relacions comercials en el món ibèric // *Ibers. Agricultors, artesans i comerciants. III Reunió sobre Economia en el Món Ibèric* / Ed. C. Mata Parreño, G. Pérez Jordà. Saguntum, Extra 3. Valencia, 2000. P. 307–328.

греческом языке в его фокейском варианте⁴⁹. Его адресат получает инструкции от своего хозяина для осуществления ряда торговых операций в порту Saiganthe (Сагунт?) с неким туземцем Баспедом, имевшим, по-видимому, важные торговые связи в этой зоне⁵⁰.

Эти обстоятельства и события, проанализированные в совокупности, позволяют предположить, что южная часть современной провинции Аликанте являлась той зоной, где деятельность греков была особенно интенсивной с конца VI и на протяжении V – начала IV в. до н.э. К сожалению, лишь немногие иберийские поселения первой половины V в. археологически хорошо изучены, и тем не менее видно, что наличие греческой керамики в этой (и сопредельной с ней) зоне постепенно превращается в очевидный признак особого статуса нарождающихся иберийских элит⁵¹. К другим видам аккультурации, гораздо более очевидным, относится каменная скульптура, о которой шла речь раньше.

В некоторых некрополях (например в Кабесо Лусеро) расцвет каменной скульптуры эллинизированного стиля в первой половине VI в. совпадает по времени с появлением греческой керамики в составе погребального инвентаря туземных захоронений⁵². Сочетание двух видов заимствований – погребальной скульптуры и керамики (хотя в данном случае скульптура содержит и совершенно очевидные ориентализирующие признаки) – характерно для погребального комплекса Посо Моро (Чинчилья, пров. Альбасете) начала V в. до н.э., поскольку гробнице (поверх которой возвышалось башнеобразное сооружение) соответствуют два аттических керамических артефакта – краснофигурный килик, принадлежащий кисти мастера Пифоса (или Герайона), и чернофигурный лекиф группы «Афина 581». Оба предмета датируются началом V в.⁵³, т.е. временем сооружения погребального памятника Посо Моро, как определяет его дату М. Альмагро Горбеа.

Для более поздней эпохи связь между гробницами со скульптурными надгробиями и греческой керамикой более очевидна в силу гораздо большего количества находок. Однако мы не будем останавливаться на этой теме, поскольку, напомним в очередной раз, основным предметом нашего интереса является механизм взаимодействия греков и иберов в ранний период.

Как видим, в нашем распоряжении имеются свидетельства (прямые и косвенные) существования довольно интенсивных контактов греков и иберов, и этот факт проявляет себя прежде всего в юго-восточной зоне Иберийского полуострова. Однако мы не располагаем какими-либо сведениями о инфраструктурах, которыми могли пользоваться греки для ведения своих торговых операций; остается лишь надеяться, что новые археологические находки прольют свет как на пункты обмена, так и на рычаги этого обмена. Некоторые прибрежные по-

⁴⁹ *Santiago R.A. Epigrafía dialectal emporitana // Dialectologica Graeca. Actas del II Coloquio Internacional de Dialectología Griega. Madrid, 1993. P. 281–294.*

⁵⁰ Публикацию этого письма см. *Sanmartí E., Santiago R.A. Une lettre grecque sur plomb trouvée a Emporion (Fouilles 1985) // ZPE. 1987. 68. P. 119–127; из последних работ см. Santiago R.A. Las láminas de plomo de Ampurias y Pech Maho revisitadas // ZPE. 2003. 144. P. 167–172.*

⁵¹ *Domínguez. Cerámica griega... P. 194–195; cp. idem. Archaic Greek Pottery. P. 201–204.*

⁵² *Aranegui C., Jodín A., Llobregat E., Rouillard P., Uroz J. La necrópolis ibérica de Cabezo Lucero (Guardamar del Segura, Alicante). Madrid–Alicante, 1993; cp. Domínguez. Cerámica griega... P. 196–197.*

⁵³ *Almagro M. Pozo Moro. El monumento orientalizante, su contexto socio-cultural y sus paralelos en la arquitectura funeraria ibérica // MDAI(M). 1983. 24. P. 177–193; Shefton. Op. cit. P. 358.*

селения уже сейчас являются ведущими претендентами на эту роль, однако, не упрежая событий, отметим, что сегодня основные наблюдения о генезисе центров подобного рода связаны со второй половиной V в. до н.э.

Своего рода ключом послужили франко-испанские раскопки в Ла Пикола (Санта Пола). Здесь выявлена часть небольшого поселения с серией прямых улиц и сложно организованной оборонительной системой; схема застройки, равно как и метрологическая система, использованная при ее осуществлении, восходят к греческим прототипам. Однако вряд ли это был греческий центр, хотя, если судить по керамике, греки вполне могли посещать его. Центр функционировал со второй половины V в. до н.э. до середины IV в. (или несколько дольше)⁵⁴ и может быть квалифицирован как одна из структур, предоставленных правителями ведущего торгового центра Илици (Ла Алькудия де Эльче; этот центр располагался в нескольких километрах от побережья) в распоряжение иноземным торговцам (по большей части грекам), которые прибывали в эту зону в поисках продукции, производившейся в округе либо поставлявшейся в Ла Пикола и другие прибрежные центры через сеть туземных торговых пунктов, связанных между собой дорогами. Речь идет, скорее всего, об образованиях типа эмпориев, подконтрольных туземцам, и если судить по археологии, то именно этот тип поселений являлся доминирующим в интересующем нас регионе. Доступ в них для греческих торговцев был открыт. Время существования Ла Пиколы совпадает как с фазой расцвета греческой деятельности на восточном побережье Иберийского полуострова, так и с одной из ключевых эпох в развитии иберийской культуры. Найденные в поселении иберийские амфоры (они составляют значительный процент от всего открытого археологами материала) свидетельствуют о существовании местных производственных центров, один из которых находился в Илици. Амфоры илицитанского типа обнаружены в различных прибрежных пунктах Иберийского полуострова и Лангедоке, и это наводит на мысль о более чем вероятном участии греков Эмпориона в их распространении⁵⁵.

Другим центром эмпориального типа был Ильета дельс Баньетс (Эль Кампельо). Здесь обнаружена серия сооружений, по-разному интерпретируемых археологами, среди которых следует выделить: здание, разделенное на три нефа (святилище? резиденция правителя?), и напротив него, на противоположной стороне одной из продольных улиц – два других здания, одно из которых, как считают археологи, было лавкой, а другое – местом отправления культа⁵⁶. Комплекс датируется началом IV – началом III в. до н.э.⁵⁷ Найденны также остатки мастерской по производству иберийских амфор, и это позволяет предположить, что поселение служило также местом складирования и экспорта сельскохозяйственной и

⁵⁴ *Badie A., Gailledrat E., Moret P., Rouillard P., Sánchez M.J.* Le site antique de La Picola à Santa Pola (Alicante, Espagne). Paris–Madrid, 2000.

⁵⁵ *Gailledrat E., Rouillard P.* Les Amphores Ibériques de La Picola (Santa Pola, Alicante) (V–IVe s. av. J.-C.) // REIb. 2000. 4. P. 233–242; *Gailledrat E.* Les amphores ibériques en Languedoc Occidental (VIe–IIIe s. av. J.-C.) // REIb. 2002. 5. P. 53–60.

⁵⁶ *Llobregat E.A.* L'Illeta dels Banyets (El Campello, Camp d'Alacant) // ¿fou un empòrion? Homenatge a Miquel Tarradell. Barcelona, 1993. P. 421–428.

⁵⁷ *Álvarez A.* El almacén del templo A: aproximación a espacios constructivos especializados y su significación socio-económica // La Illeta dels Banyets (El Campello, Alicante). Estudios de la Edad del Bronce y época Ibérica / Ed. M. Olcina Doménech. Alicante, 1997. P. 133–174; *idem.* Producción de ánforas contestanas: el almacén de El Campello (Alicante) // *Cypsela*. 1998. 12. P. 213–226.

рыболовной продукции, производившейся в ближайшей округе⁵⁸. Амфоры Илеты вполне могли экспортироваться в различные пункты иберийского побережья, включая даже и Ампуриас⁵⁹. Несмотря на то что в коммерции туземных продуктов важную роль могли играть пунийцы Ибиссы⁶⁰, не следует сбрасывать со счетов и возможность греческого участия, особенно если будут приняты во внимание находки следов греческого и греко-иберийского письма из поселения Эль Кампельо.

Из этого поселения происходит интересная коллекция импортной, аттической керамики V и особенно IV в. до н.э., включающей в настоящее время около 1000 (если быть точными, то 986) фрагментов⁶¹. В этом керамическом комплексе следует выделить 20 граффити, выполненных так называемым греко-иберийским письмом, т.е. с использованием ионийского диалекта для записи иберийского языка⁶². Есть греческие и пунийские граффити с торговыми текстами и пометками, а также и другие символы, трудно поддающиеся какой-либо идентификации. Подавляющая часть этих граффити датируется второй четвертью IV в. до н.э.⁶³ – временем наиболее интенсивной деятельности греков в Эль Кампельо.

Существовали и другие пункты, принимавшие греческую торговую продукцию, хотя наша информация о них является далеко не полной. К ним вполне можно отнести поселение Лома де Эскорял (Лос Ньетос, пров. Мурсия), в одном из зданий которого обнаружено восемь краснофигурных аттических кратеров, принадлежащих к группе Художника из Телоса, многочисленные греческие, а также иберийские амфоры⁶⁴. Этот керамический материал связан с содержимым груза корабля из Эль Сека, затонувшего в водах залива Пальмы де Майорки. На корабле была греческая продукция, которую обычно привозили на кораблях в иберийские поселения в первой половине IV в. до н.э.⁶⁵ Этим временем датируется и поселение Эль Эскорял.

⁵⁸ López E. El alfar iérico // La Illeta dels Banyets (El Campello, Alicante)... P. 221–250; *idem*. La producción de ánforas ibéricas en la zona alicantina: los alfares de la Illeta dels Banyets (El Campello) y de La Alcudia (Elche) // REIb. 2000. 4. P. 197–212; *idem*. La alfarería ibérica en Alicante. Los alfares de la Illeta dels Banyets, La Alcudia y el Tossal de Manises // Ibers. Agricultors, artesans i comerciants. III Reunió sobre Economia en el Món Ibèric. Saguntum, Extra 3 / Ed. C. Mata Parreño, G. Pérez Jordà. Valencia, 2000. P. 241–248.

⁵⁹ Sanmartí E. Observaciones acerca de las relaciones económicas entre el mundo foceo del nordeste y el sur peninsulares en los siglos V y IV a.C. R.M.S // Rutas, ciudades y moneda en Hispania / Ed. Centeno, M.P. García-Bellido, G. Mora. Madrid, 1999. P. 170–171.

⁶⁰ Guerrero V.M., Quintana C. Comercio y difusión de ánforas ibéricas en Baleares // REIb. 2002. 5. P. 15–52.

⁶¹ García J.M. La distribución de cerámica griega en la Contestania ibérica: El puerto comercial de La Illeta dels Banyets. Alicante, 2003.

⁶² Hoz de J. La escritura greco-ibérica // Studia Palaëohispanica. Actas del IV Coloquio sobre lenguas y culturas paleohispánicas. Veleia. 2–3. 1985–1986. P. 285–298; Domínguez. Greeks in Iberia... P. 80–83.

⁶³ García. La distribución... P. 111–124.

⁶⁴ García C., García J.M. Cerámica ática del poblado ibérico de La Loma del Escorial (Los Nietos, Cartagena) // AEA. 1992. 65. P. 3–32; García C. El Departamento B de la Loma del Escorial (Los Nietos, Cartagena) // Verdolay. 1995. 7. P. 259–269; Sánchez C. Los pintores del Grupo de Telos. La céramique attique du IVe siècle en Méditerranée occidentale / Ed. B. Sabattini Nàpolis, 2000. P. 35–46.

⁶⁵ Arribas A., Trías M.G., Cerdá D., Hoz de J. El barco de El Sec (Calvià, Mallorca). Estudio de los materiales. Palma de Mallorca, 1987; cp. Sánchez C. El comercio de cerámica ática en las áreas periféricas. Pintores y vasos en el siglo IV a.C. // Una aproximación comparativa entre el entorno pónico y la Península Ibérica. Sexto Congreso Hispano-Ruso de Historia. Madrid, 1994. P. 151–161.

Наибольшее количество греческой керамики датируется концом V – первой половиной IV в. до н.э. Ее особенно много в Андалусии⁶⁶, где известны поселения, в некрополях которых процент ее весьма значителен⁶⁷; в ряде иберийских погребальных комплексов греческие амфоры являются почти незаменимым элементом погребального инвентаря. В некоторых случаях насчитываются даже десятки греческих сосудов – разбитых в ритуальных целях и помещенных в могилы в момент погребения какого-либо известного в иберийском мире лица. Два подобных случая зафиксированы в некрополе Лос Вильярес (Хойа Гонсало, пров. Альбасете)⁶⁸, к ним можно причислить и многочисленные экземпляры из некоторых богатых могил других некрополей (типа, например, так называемых княжеских захоронений из Эль Сигарральехо – Мула, пров. Мурсия⁶⁹).

Однако вне погребальных комплексов, т.е. в собственно поселениях, греческая керамика не так многочисленна. Исключением, возможно, служит поселение Ульястрет, в жилых домах которого обильно представлена аттическая керамика⁷⁰, что, несомненно, является следствием прямого соседства и тесных связей этого центра с греческим городом Эмпорионом. Следует выделить также весьма важную коллекцию из более чем сотни экземпляров греческой керамики, датирующуюся последней четвертью V в. до н.э. и, что важно, происходящую из удаленного от побережья святилища Канчо Роано. Коллекция состоит почти исключительно из питьевых кубков-киликов⁷¹. Значительное количество и однородность импорта свидетельствуют о массовых поставках продуктов культового и символического характера в Канчо Роано – центр, находившийся в глубинной части испанской Экстремадуры, в 200 км от ближайшего морского побережья. Это обстоятельство лишь подчеркивает престижный и ритуальный характер греческого импорта в Канчо Роано. Некоторое время назад ряд исследователей (и я в их числе) высказали идею о существовании дорог, пересекавших весь полуостров, проходивших по глубинной части Иберийского полуострова и соединявших порты юго-востока с северо-западными областями Центральной Испании⁷², а им-

⁶⁶ Rouillard P. Les Grecs et la Péninsule Ibérique du VIIIe au IV siècle avant Jésus-Christ. P., 1991; Sánchez C. El comercio de productos griegos en Andalucía oriental en los siglos V y IV a.C.: estudio tipológico e iconográfico de la cerámica. Madrid, 1992; Domínguez, Sánchez. Op. cit. P. 171–458.

⁶⁷ См. каталог поселений типа Кастуло, Тойа, База или Галера: Domínguez, Sánchez. Op. cit. P. 171–458.

⁶⁸ Blánquez J. El impacto del mundo griego en los pueblos ibéricos de la Meseta. Iberos y Griegos: Lecturas desde la diversidad // Huelva Arqueológica. 1994. 13. 1. P. 319–354; *idem*. El vino en los rituales funerarios ibéricos // Arqueología del Vino. Los orígenes del vino en Occidente. Jerez de la Frontera, 1995. P. 213–240; Roldán L. Choes y Anthesteria. Nuevos ejemplares en la Península Ibérica // Anuario del Departamento de Historia y Teoría del Arte. 1993. 5. P. 9–18.

⁶⁹ Cuadrado E. Tumbas principescas de El Cigarralejo // MDAI(M). 1968. 9. P. 148–186.

⁷⁰ Picasso M. Las cerámicas áticas de Ullastret. Barcelona, 1977; Maluquer de Motes J., Picazo M., Martín A. Corpus Vasorum Antiquorum. Espagne. Musée Monographique d'Ullastret. Fasc. I. Barcelona, 1984.

⁷¹ Gracia F. Las cerámicas áticas del Palacio-Santuario de Cancho Roano // Cancho Roano VIII. Los Materiales Arqueológicos I / Ed. S. Celestino Pérez. Mérida, 2003. P. 23–194.

⁷² Maluquer de Motes J. Comercio continental focense en la Extremadura central // Cerámiques gregues i helenístiques a la Península Ibèrica. Monografies Emporitanes. VII. Barcelona, 1987. P. 19–25; *idem*. En torno al comercio griego terrestre hacia Extremadura // Estudios en Homenaje a D. Claudio Sánchez Albornoz. I. Buenos Aires, 1983. P. 29–36; Domínguez A.J. Algunas observaciones en torno al 'comercio continental griego' en la Meseta meridional // Actas del I Congreso de Historia de Castilla-La Mancha. III. Pueblos y culturas prehistóricas y protohistóricas (2). Ciudad Real, 1988. P. 327–334; *idem*. Mecanismos, rutas... P. 39–74.

портная керамика Канчо Роано и отдельные находки более позднего времени из других придорожных пунктов лишь подтверждают эту идею⁷³.

Бедя разговор о греках как о единственных ответственных за распространение торговой продукции в континентальной Иберии по типу функционирования «капиллярной системы» эмпориев, нельзя исключить (хотя бы как рабочей гипотезы) наличия во внутренних частях страны таких пунктов, которые служили бы торговыми портами или внутренними эмпориями и облегчали бы тем самым торговые предприятия греков. Некоторое время назад я высказал предположение о том, что Кастуло (Линарес, провинция Хаэн) вполне мог осуществлять эту функцию⁷⁴, и современные анализы объема и учет типологического многообразия греческой керамики этого поселения⁷⁵ как будто подтверждают этот тезис. В последнее время благодаря открытию стелы из Ветрена (Болгария) и результатам раскопок этого центра, который большинством исследователей определяется как эмпорий Пистира⁷⁶, можно более уверенно говорить о существовании внутренних эмпориев.

Близкое сходство экономической деятельности Пистира, этого важного эмпория, и греческого города Эмпориона несомненно, даже если принять во внимание, что, как уже отмечалось, в контактах с этим центром на разных фазах его торговой активности могли участвовать самые разные агенты – как финикийцы и пунийцы, так и туземцы. Однако экономический и городской расцвет, который переживает Эмпорион в IV в. до н.э. (он отмечен развитием инфраструктуры и монетного дела, чеканкой серебряной «драхмы»), не может быть ни чем иным, кроме как отражением того важного экономического прогресса, который туземный мир совершил в своем развитии не без очевидных контактов с греками.

Приблизившись к «финишу», я хотел бы особенно подчеркнуть тот факт, что греческое присутствие на Иберийском полуострове (несмотря на недостаточную изученность этой темы) демонстрирует свои различные «границы», находившиеся в прямой зависимости от конкретно-исторической эпохи. Вначале связи с туземцами были более или менее спорадическими (их персонифицирует Колей Самосский), а впоследствии они перерастают в весьма интенсивную торговлю с тартессийским ареалом юго-запада Иберийского полуострова и более всего ассоциируются с деятельностью фокейцев первой половины VI в. до н.э. В этот период греки начали свои исследования побережья Иберии с целью выбора тех наиболее привлекательных пунктов, с населением которых можно было бы установить контакты ради приобретения сырья и иной интересовавшей их торговой продукции.

Вынужденное прекращение торговли с Тартессом (третья четверть VI в. до н.э.) содействовало поиску новых зон, особенно на юго-востоке Иберийского полуострова, а захват Фокеи персами приводит к «оксидентализации» интересов греков, отмеченной расцветом Массалии, а также консолидацией Эмпориона, постепенно перераставшего из эмпория в город. В V в. до н.э. наблюдается рост

⁷³ Quesada F. Un elemento de bocado de caballo de tradición Orientalizante en el Museo Arqueológico de Murcia // Homenaje a la Dra. Dña. Encarnación Ruano. BAEAA. 2002–2003. 42. P. 231–242.

⁷⁴ Domínguez. Algunas observaciones... P. 327–334.

⁷⁵ Sánchez C. Algunas consideraciones sobre el comercio de cerámica ática en Cástulo (Linares, Jaén): siglos V y IV a.C. Grecs et Ibères au IVe siècle avant Jésus-Christ. Commerce et iconographie // REA. 1987. 89. P. 161–168.

⁷⁶ Velkov V., Domaradzka L. Kotys I (383/2–359) et l'emporion de Pistiros en Thrace // BCH. 1994. 118. P. 1–15; о раскопках в Пистире см. Pistiros I. Excavations and studies / Ed. J. Bouzek, M. Domaradzki, Z.H. Archibald. Praga, 1996; Pistiros et Thasos. Structures économiques dans la Péninsule Balkanique aux VIIe–IIe siècles avant J.-C. / Ed. L. Domaradzka, J. Bouzek, J. Rostropowicz. Opole, 2000; Pistiros II. Excavations and Studies / Ed. J. Bouzek, L. Domaradzka, Z.H. Archibald. Praga, 2002.

торговых интересов Эмпориона, начавшего свою собственную торгово-посредническую политику на побережье Иберийского полуострова, нацеленную на поиск контактов с туземцами. Для первой половины столетия прямых свидетельств этого процесса мало, за исключением в целом незначительной по количеству греческой керамики из туземных поселений, хотя в нашем распоряжении имеются такие косвенные доказательства по этому поводу, как, например, эллинизованная по типу изображения туземная скульптура, получавшая все большее распространение именно в это время на юго-востоке Иберии.

Вторая половина V в. до н.э. – это начальная фаза периода зрелости греческой торговой модели в Иберии, отмеченной институционализацией города Эмпориона, что подтверждается как археологией, так и нумизматикой; об этом же свидетельствует начало процесса массовых поставок греческой керамики, которая становится обязательным атрибутом иберийских захоронений и, в меньшей степени, – поселений. В этот период появляются более или менее очевидные признаки функционирования тех структур, которыми пользовались греки для ведения своей торговой деятельности с туземцами. Это эмпориальные образования типа Ла Пикола, Эль Кампельо или Лос Ньетос; греческая торговля наращивает свой потенциал, а жители Эмпориона становятся транспортировщиками, посредниками и прямыми торговцами продукцией сельского хозяйства и рыболовства, производившейся в туземных центрах Иберии и к отдельным видам которой греки имели прямой доступ благодаря морским путям, освоенным ими к тому времени. Последние годы V – первая половина IV в. до н.э. – это «золотой век» в торговой деятельности эмпоританцев, и этот взлет совпадает с экономическим благоденствием и ростом урбанизма. К этому же периоду относится возникновение (на небольшом расстоянии от Эмпориона) другого греческого города Иберии – Роды, воспользовавшегося, безусловно, экономическим благополучием греков на дальнем средиземноморском Западе.

Греки, однако, не были единственными торговыми агентами на Иберийском полуострове; они должны были конкурировать или вступать в партнерские отношения с другими коммерсантами, в частности с финикийцами и пунийцами зоны Гибралтара и Ибиссы.

С середины IV в. до н.э. обстоятельства в Западном Средиземноморье начинают меняться частично потому, что аттическая продукция, доминировавшая ранее, перестает поступать в регион, частично – в силу изменений в динамике западной экономики, происходивших вследствие того, что Карфаген и Рим начинают определять зоны своих экономических приоритетов. Об этом свидетельствует так называемый второй римско-карфагенский договор 348 г. до н.э., последствия которого для Иберийского полуострова продолжают активно обсуждаться в науке (об основаниях для дискуссии см. Polyb. III. 24. 3–13; Liv. VII. 27. 2; Diod. XVI. 69. 1; Oros. III. 7. 1)⁷⁷. И хотя скудость аттического керамического

⁷⁷ О римско-карфагенских договорах см. Scardigli B. I trattati Romano-Cartaginese. Pisa, 1991; об общих подходах к вопросу о значении второго договора для Иберии см. Barcelo P.A. Karthago und die Iberische Halbinsel vor den Barkiden. Studien zur karthagischen Präsenz in westlichen Mittelmeerraum von der Gründung von Ebusus (VII. Jh. v.Chr.) bis zum Übergang Hamilkars nach Hispanien (237 v.Chr.). Bonn, 1988. P. 133–143. О последствиях договора для торговли и границ см. Wagner C.G. El comercio púnico en el Mediterráneo a la luz de una nueva interpretación de los tratados concluidos entre Cartago y Roma // МНА. 1985. 6. P. 211–224; Barzano A. Il confine romano-cartaginese in Spagna dal 348 varr. al 218 a.C. Il confine nel mondo classico // CISA. 1987. 13. P. 178–199; о новых взглядах и интерпретации см. Díaz A. Polibio 3. 24. 1. El Segundo Tratado entre Roma y Cartago. Problemas de interpretación y textuales // XAIRE. II Reunión de Historiadores del Mundo Griego antiguo. Homenaje al Profesor Fernando Gascó / Ed. F.J. Presedo et al. Sevilla, 1997. P. 261–268; Moret P. Mastia Tarseion y el problema geográfico del segundo tratado entre Cartago y Roma. Colonizadores e indígenas en la Península Ibérica // Mainake. 2002. 24. P. 257–276.

импорта конца IV в. до н.э.⁷⁸ отчасти была возмещена собственным производством Эмпориона и Роды⁷⁹, а также других центров по изготовлению чернолаковой керамики, имитировавших в течение длительного времени аттические формы (как это имело место в случае с самим Карфагеном⁸⁰ или в более близкой к Иберии Ибиссе⁸¹, или начиная с III в. на обоих берегах Гибралтарского пролива, где получила развитие керамика типа Kouass⁸²). Все более возрастающая конкуренция молодых и алчных пунийских центров и изменения, происходившие в Западном Средиземноморье и собственно в Иберии, сужали зону интересов греков, постепенно сводя ее к Эмпориону и его округе. Тем не менее еще в конце III в. до н.э., в преддверии II Пунической войны, в туземных центрах продолжали постоянно проживать группы или общины греков (как это могло иметь место в Сагунте – см. App. Iber. 7), которые представляли интересы своих родных полисов⁸³. Как свидетельствует Тит Ливий, еще в 195 г. до н.э. тесные контакты греков Ампуриаса и ближней округи этого города сохраняли свое значение и состояли в обмене продуктов питания на различный импорт. Ливий (XXXIV. 9. 9) говорит: «Через ворота, которые вели в испанский город, греки [Эмпориона] ходили... потому, что испанцы, мало сведущие в мореплавании, и с охотой покупали привозимое на чужих кораблях, и рады были продавать плоды своих полей. Ради этой выгоды испанцы и открыли грекам вход в свой город» (пер. Г.С. Кнабе).

Обретение иберийской культурой своей зрелости – это следствие необратимого прогресса отношений греков с туземцами; пример их столь благоприятного взаимодействия был воспринят другими торговыми агентами, из числа которых наиболее предприимчивыми и успешными оказались римляне и италийцы⁸⁴, наследники греков в Иберии*.

⁷⁸ *Adroher A.M.* Cerámica de barniz negro en el Sureste: bases para un análisis geoeconómico // Cuadernos de Prehistoria. Universidad de Granada. 1987–1988. 12–13. P. 185–194; *Adroher A.M., López A.* Las cerámicas de barniz negro. I. Cerámicas áticas y protocampanienses // Florentia Iiberritana. 1995. 6. P. 11–53.

⁷⁹ *Sanmartí E.* La cerámica campaniense de Emporion y Rhode. I y II // Monografies Emporitanes. IV. Barcelona, 1978; *idem.* Las cerámicas de barniz negro y su función delimitadora de los horizontes ibéricos tardíos (siglos III–I a.C.) // La Baja Epoca de la Cultura Ibérica. Madrid, 1981. P. 163–179.

⁸⁰ *Morel J.P.* La céramique a vernis noir de Carthage, sa diffusion, son influence // CEA. 1986. 18. P. 25–68; *Chelbi F.* Céramique a vernis noir de Carthage. Túnez, 1992.

⁸¹ *Amo del M.* Cerámica campaniense de importación y las imitaciones campanienses de Ibiza // TP. 1970. 27. P. 201–244.

⁸² *Ponsich M.* Les céramiques d'imitation: la campanienne de Kouass. Region d'Arcila-Maroc // AEA. 1969. 42. P. 56–80; *Niveau de Villedary A.M.* La cerámica 'tipo Kuass'. Avance a la sistematización del taller gaditano // Spal. 1999. 8. P. 115–134; *idem.* Las cerámicas barnizadas gaditanas de «Tipo Kuass»: Tipología, producción y distribución (Tesis Doctoral). Cádiz, 2001.

⁸³ Тезис о вероятности греческого присутствия в Сагунте защищался еще А. Гарсия-и-Бельидо (*García y Bellido A.* Hispania Graeca. Vol. II. Barcelona, 1948. P. 61–65); о новых перспективах изучения темы, открытых находкой свинцовой таблички в Эмпорионе, см. *Santiago R.A.* En torno a los nombres antiguos de Sagunto // Saguntum. 1990. 23. P. 123–140 (Более критический обзор см. *Aranegui C.* Algunes qüestions entorn de la història de Sagunt // Fonaments. 1988. 7. P. 57–66). Раскопки в порту Сагунта (Грау Вель) выявили, однако, доказательства того, что город был открыт для средиземноморской торговли с V в. до н.э. (см. *idem.* Puerto de Arse-Saguntum. Saguntum y el Mar. Valencia, 1991. P. 57–60); из последних работ см. *idem.* Ob restitutam Saguntum Bello Punico Secundo. Valencia y las primeras ciudades romanas de Hispania / Ed. J.L. Jiménez Salvador, A. Ribera. Valencia, 2002. P. 245–254.

⁸⁴ Из последних работ см. *Molina J.* La dinámica comercial romana entre Italia e Hispania Citerior. Alicante, 1997.

* Перевод В.И. Козловской.

THE GREEKS IN IBERIA AND THEIR CONNECTIONS WITH THE NATIVE POPULATION

A. J. Domínguez Monedero

Greek activity on the Pyrenean Peninsula in the archaic period was different from the Italo-Sicilian and Pontic variants. In the 7th c. BC the Greeks (from Samos, Aegina, and West-Ionian islands) joined the Phoenicians and the Etruscans in the economic and commercial development of the South and the East of the peninsula and, using their experience, established mutually beneficial relations with the Tartessians, Iberians and other peoples, less numerous but quite successful in mining raw material and bringing it to emporia. This kind of contacts, organized on the principle of «capillary system», led the Greeks to the idea of creating on the Pyrenean Peninsula not colonial poleis (as they did in the Central Mediterranean), but a dense network of emporia, both on the seashore and on rivers, purely Greek and mixed, situated on the ways already used before, with stable roles of leading (Emporion, Huelva), regional and local ones, which could often be native centers with Greek blocks. Centers of this kind were the most numerous among those created by the Greeks in the archaic period.

Such reconstruction of the system of contacts between the Greeks and the native population of the Pyrenean Peninsula is possible thanks to discoveries of modern archaeology and their interpretations in the light of the written tradition.

© 2005 г.

А. А. Немировский

«ДА БУДЕТ ЭТО ВЕДОМО БОГАМ»: ЕА 43 И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АМАРНСКОГО ВРЕМЕНИ

Целью настоящей работы является реинтерпретация одного из царских писем Амарнского архива – ЕА 43. Как давно установлено, оно было послано в Египет великим царем Хатти¹. По содержанию ЕА 43 практически сводится к сообщению о некоем династическом конфликте (в какой стране он произошел, в уцелевшей части письма не говорится), который сопровождался убийством и как-то вовлекал хеттского царя. К сожалению, левая сторона таблички не сохранилась, так что в каждой строке письма отсутствует начальная часть – от трети до половины строки. Тем не менее и дошедший до нас текст позволяет довольно уверенно определять общую тематику письма и ставить вопрос о ее исторической идентификации. Большинство ученых считает, что речь в ЕА 43 идет о событиях в соседней великой державе – Митанни, а именно об убийстве Тушратты, царя Митанни, и бегстве его сына Саттивассы в Хатти, под покровительство Суппилулиумаса² (эти события хорошо известны по хеттским источ-

¹ Именование адресата и отправителя полностью отбито, и Й. Кнудтзон в своем издании Амарнского корпуса гипотетически счел отправителем «какого-то северосирийского царя» (ЕАТ. S. 304; не критически воспроизведено С. Мерсером, ThEAT. P. 213). Напомним, однако, что когда Кнудтзон впервые выработывал это определение, само Хатти рассматривалось еще как северосирийское или околосеверосирийское царство, так что сегодня определение Кнудтзона надо было бы понимать как «сиро-анатолийский царь»; особенности хеттской клинописи были тогда также неизвестны. С тех пор по палеографическим особенностям ЕА 43 было уверенно определено как новохеттское, см. Les Lettres D'El Amarna / Trad. W.L. Moran et al. P., 1987. P. 214. Not. 1; Artzi P. EA 43, An (Almost) Forgotten Amarna Letter // Kinattütü ša dārāti. Raphael Kutscher Memoriae Volume. Tel Aviv, 1993. P. 7. Not. 1. По обращению «брат» в стк. 29 и общему характеру финала, сткк. 28–32, отправитель однозначно оказывается одним из тех «великих царей», с которыми фараоны при переписке взаимно титулуют друг друга «братьями», т.е. правителями в общем равными друг другу по их великоцарскому рангу. Это само по себе позволило бы методом исключения идентифицировать автора ЕА 43 именно как великохеттского царя: дело в том, что «великими царями», «братьями» фараона в Амарнской переписке являются лишь хеттский, митаннийский и вавилонский правители (уже царь могущественной западноанатолийской Арцавы не считается в переписке с фараоном его «братом», ЕА 31–32), а в то же время митаннийские и вавилонские письма Амарнского архива отличаются от нашего ЕА 43 палеографически.

² О. Вебер (ЕАТ. S. 1094 f.), а также следующие ему С. Мерсер (ThEAT. P. 211), Н. Наман (*Na'aman N. Tushratta's Murder in Shuppiluliuma's Letter to Akhenaten (EA 43) // Abri-Nahrain. 1995. 33. P. 116–118*) и Ж. Фрей, автор последнего специального исследования по истории Митанни (*Freu J. Histoire du Mitanni. P., 2003. P. 135–137*; отметим, что этот автор по ошибке приписал ту же интерпретацию П. Арци, который ее как раз отрицает, см. прим. 3).

никам, прежде всего по PDK 2 – договору Саттивассы с Суппилулиумасом, и по PDK 1 – чуть более позднему договору Суппилулиумаса с Саттивассой). Согласно альтернативному предложению П. Арци, в EA 43 хеттский царь излагает и оправдывает какие-то шаги, предпринятые им в одном из его собственных вассальных царств³ (обе эти гипотезы будут рассмотрены и отклонены ниже). По нашему мнению, привлечение данных PDK 1 и наблюдений, сделанных нами раньше относительно режима соправительства, существовавшего в Митанни в начальные годы правления Тушраты⁴, позволяет по-новому поставить вопрос о содержании EA 43 и решить его на более надежной основе.

Приведем прежде всего транслитерацию и перевод сохранившейся части EA 43⁵:

(1) [...] ku a-na muhhi-[ka...]	(1) ...для (должно следовать имя адресата)...
(2) [...t]a ₅ an-ni-tù/ta ₅ mâr(DUMU) [...]	(2) ...это (им. пад. или вин. пад.) сын (падеж неизв.)...
(3) [...ip-p]u-ša-âš-šú i-na k[...]	(3) ...он / я сделал ему / совершил по отношению к нему...
(4) [...] amēlūte(LU.MEŠ) ša-ab-ru-ti	(4) ...злоумышленники (падеж неизв.)
(5) [...] an-ni-tù/ta ₅ ša it-ti-šú	(5) ...это (им. пад. или вин. пад.) (то), что по отношению к нему
(6) [...ik-šu]-du-šu ù i-du-ku-šu	(6) ...[схва]тил(и) его и убил(и) его
(7) [...] i-di a-na pa-ni ilāni(DINGIR.MEŠ)	(7) ... (да будет?) это ведомо богам (досл. «перед лицом богов»)
(8) [...] te-di ki abu-šu	(8) ...ты знаешь, как / что его отец
(9) [...] ip-pu-uš ki-ma a-bu-šu	(9) ...он поступал / поступает / будет поступать как его отец
(10) [...] it-ta-la-ak	(10) ...пошел / отошел (к своей судьбе = умер?) ⁶
(11) [...] a-na-aš-ša-ar-šu-nu-ma	(11) ...я охраняю (покровительствую) / наст., буд. или пр. время / им, и

³ Artzi. Op. cit. P. 7, фактически без всякой аргументации (см. прим. 19).

⁴ Немировский А.А. Соправительство наследников Суттарны II в Митанни (к реинтерпретации некоторых писем Амарны) // ВДИ. 2001. № 2. С. 3–16.

⁵ См. транслитерации и комментарии к ним: EAT. S. 304–307; Artzi. Op. cit. P. 8 f.; Na'aman. Op. cit. P. 117 f. Слева отсутствует от трети до половины строки; справа иногда бывает побито несколько знаков (примерно 1–3). Недостигающие знаки, которые можно с известными основаниями домыслить по смыслу, выделены курсивом; полуотбитые знаки и сохранившиеся знаки – прямым шрифтом. П. Арци и Н. Нааман предлагают полную гипотетическую реконструкцию текста (каждый свою, loc. cit.), однако, поскольку любые конкретные восстановления полностью отбитых мест носят совершенно условный и произвольный характер, самостоятельной ценности такие реконструкции не имеют.

⁶ Таково понимание Й. Кнудтсона – С. Мерсера. Сткк. 9–10 могут восстанавливаться и по-иному. Н. Нааман предлагает реконструировать их следующим образом: «(8)... ты знаешь, что его отец (9) [со мной дружественно] поступал, (и) так как его отец (10) [к своей судьбе] отошел (11)... то теперь я покровительствую» и т.д. (Op. cit. P. 118). У П. Арци: «(8)... ты знаешь, что его отец (9) [со мной дружественно] поступал, как и (возможно и “так как”. – А.Н.) его отец (10) [вместе со мной] шел (11)... то теперь я покровительствую» и т.д. (Op. cit. P. 8). Однако в любом случае поведение отца здесь может упоминаться лишь как некий прецедент, которому следует сын (или, точнее, заявляется, что отношение Суппилулиумаса к сыну воспроизводится по модели его отношения к отцу), что по смыслу мало отличается от перевода Й. Кнудтсона.

(12) [... <i>ip?ep?</i>]-pa-šu-nu ù
mar(DUMU)-šu rabù (GAL)	(12) ...я / он делает / делал им, и сын
его старший по наследию ⁷
(13) [...]ti ša a-bi-šu	(13)... отца его (род. пад.)
(14) [...] dam-qi-iš ki e[p]/i[p]-pu-ša-as-šu	(14) хорошо; как я / он делаю / сделал /
сделаю ему
(15) [...] at]-ta la-a te-di-i	(15) ...ты не знаешь / (разве) ты не зна-
ешь?!
(16) [...] at-ta la-a te-di-i	(16)... ты не знаешь / (разве) ты не зна-
ешь?!
(17) [...]]-ma ma-am-ma la-a [...]	(17) ...никто...
(18) [...] ù šú-ú [...]	(18) ..и оный...
(19–26) [...(сохранилось лишь несколько
отдельных знаков)]	(19–26) ...
(27) [...] ^{aban} uknu i-n[a] [...]	(27) ...кусочек лазурита...
(28) [...] ^{aban} uknu rabītu damiqtu [...]	(28) ...большой прекрасный кусочек лазури-
та...
(29) [...] ša ahi-ia ha-ših	(29) ...как пожелает мой брат
(30) [...] a-na-ku	(30) ...(именно) я
(31) [...] šu	(31) ...
(32) [...a-na šu]-ul-m[a-ni-ka...]	(32) ...в качестве подарка тебе (?)...
(33–35) [...]	(33–35)...

Нет сомнения, что хеттский царь сообщает в Египет о династическом конфликте, разразившемся в каком-то ином правящем доме⁸. Кто-то был схвачен и убит заговорщиками-«злоумышленниками» (сткк. 4–6); в связи с этим хеттский царь считает нужным представить фараону некоего «первого (по наследию) сына» и подчеркнуть, что фараон хорошо знал, как поступал отец этого «сына», а сын поступает так же (сткк. 8–9, которым едва ли можно приписать иной смысл, ср. прим. 6); кроме того, хеттский царь принимает в данных обстоятельствах кого-то под покровительство и, опять же, считает нужным сообщить об этом фараону (стк. 11).

О. Вебер, первым комментировавший ЕА 43, вывел отсюда, что речь идет об убийстве какого-то царя; хеттский царь берет под покровительство его сына-наследника и рекомендует последнего фараону в качестве своего протеже; сткк. 8 слл., подчеркивающие некое преемственное сходство сына с отцом (по крайней мере по их отношениям к стороне отправителя, а возможно, и к стороне адресата), по мысли П. Арци и Н. Наамана, должны служить положительной рекомендацией перед лицом фараона (и подразумевают тем самым, что отец был известен фараону и/или хеттскому царю с хорошей стороны)⁹.

⁷ *mâr-šu rabù* «сын его великий» могло бы переводиться и как «старший» сын, но социально-потестарная семантика термина *рабу* («большой», «великий» в титулатурах, «вельможа») показывает, что речь здесь идет в первую очередь о старшинстве в наследии (определялось ли оно возрастным старшинством или нет), а не просто о старшинстве в годах; в последнем случае стояло бы *махру* «первый, старший». Это подтверждается параллелями из той же Амарнской переписки: ср. «великая (*rabītu*) жена» применительно к Тэйе, царице (старшей жене) Аменхотепа III, и прямо удостоверяющее нашу интерпретацию определение Аменхотепа IV именно как «великого сына», *mâr-šu rabù* Аменхотепа III от его «великой жены» в ЕА 29: 61–62.

⁸ Так как иначе употреблялось бы гораздо более широко первое лицо, и какие-то следы этого сохранились бы, письмо же носит явный характер отчета о деятельности прежде всего третьих лиц.

⁹ См. выше прим. 6. с гипотетическими реконструкциями ЕА 43 у этих авторов, согласно которым «отец» рассматривался в письме как государь, дружественный хеттскому царю – отправителю письма.

По нашему мнению, реконструировать содержание письма именно таким образом означало бы брать на себя слишком большую ответственность. Неясно, кому именно покровительствует хеттский царь – «сыну» или, напротив, его врагам. Ни из чего не видно, что убит был именно «отец»: он упоминается лишь как человек, поведение которого будет воспроизводиться его сыном. Сама эта характеристика – «поступает как его отец» – отнюдь не обязательно носит позитивный характер: это зависит как раз от того, покровительствует ли хеттский царь именно «сыну» или, наоборот, его противникам (в последнем случае хетт имел бы в виду, что и «отец», и продолжающий его линию поведения «сын» должны вызывать враждебную реакцию).

Однако едва ли может быть оспорено, что после убийства «сын» пришел в некое состояние, требующее от хетта впервые (или заново) дать ему общую характеристику (в том числе по сравнению с его отцом) перед лицом иностранного (египетского) двора. Значит, скорее всего, «сын» только что пришел к власти или претендует на нее. Убийство, таким образом, непосредственно связано с преемством власти, т.е. носит династический характер. Также ясно из стк. 11, что это убийство инициировало некий династический конфликт или смуту, в которую вмешался хеттский царь, взяв одну из конфликтующих сторон под покровительство. Само письмо EA 43 является попыткой хетта оправдать эту свою позицию в названном конфликте перед лицом египетского царя (и, возможно, добиться от него ее одобрения и поддержки). Непонятно лишь, кто именно был убит, и выступает ли хеттский царь на стороне «сына» или наоборот.

Здесь необходимо подчеркнуть, что в Амарнской переписке «великих царей» нет простых «информационных сообщений». Письма касаются обычно вопросов непосредственных взаимоотношений адресата и отправителя, и если уж, в виде исключения, отправитель сообщает адресату о своих взаимоотношениях с третьей стороной, то лишь постольку, поскольку эти взаимоотношения входят в круг очевидных внешнеполитических интересов адресата¹⁰ или прямо касаются общих дел адресата и отправителя. Если, на этом фоне, один «великий царь» – царь Хатти – отправил другому «великому царю» – царю Египта – специальное послание, извещающее фараона о некоем династическом конфликте в третьей стране и объясняющее ему роль самого хеттского царя в этом конфликте, то, значит, названный конфликт был достаточно важен в рамках отношений ближневосточных «великих держав» в целом и очевидным образом затрагивал интересы как хеттов, так и Египта (причем первые вовлеклись в него прямо, EA 43:11). По обстановке того времени таким условиям удовлетворял бы только один из династических конфликтов в Митанни¹¹ (схема).

Митаннийская история амарнской эпохи насчитывает не один династический конфликт, сопровождавшийся убийством. Мы не знаем точно, как проходила

¹⁰ Так, Тушратта Митаннийский сообщает фараону о своей победе над хеттами (EA 17: 30–35); хетто-митаннийские войны и их результат, разумеется, непосредственно затрагивали интересы фараона, определяя положение на его северных границах; к тому же Тушратта был заинтересован в том, чтобы Египет оказывал ему в случае нужды поддержку против хеттов. Бурнабуриаш, царь Вавилона, сообщает фараону о своих взаимоотношениях с Ашшуром лишь для того, чтобы здесь же потребовать от фараона негативного отношения к ашшурским послан (EA 9:31 ff.).

¹¹ Это соображение заставляет решительно отвести гипотезу П. Арци, по которому EA 43 говорит о каких-то действиях хеттского царя по отношению к одному из его вассалов. «Великий царь» Суппилулиумас никогда не стал бы отчитываться перед фараоном в своих внутренних делах, в том числе в своих взаимоотношениях с вассалами.

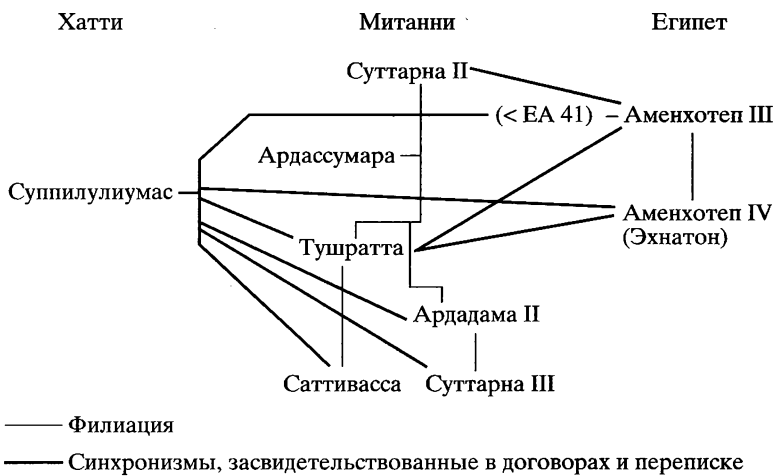

Схема. Ближневосточные правители амарнской эпохи

смена власти Суттарны II властью его наследников (это произошло около начала хронологического диапазона Амарнской переписки). Как сообщает ЕА 17:11–20, приход к власти Тушратты, сына Суттарны II, сопровождался как минимум двумя последовательными вспышками внутрисполитической борьбы, связанными с убийствами: сначала вельможей Утхе был убит брат Тушратты Ардассумара (упомянутый в другом документе¹² как «царь Митанни»), потом Тушратта убил самого Утхе и достиг тем самым реальной власти¹³. По вопросу

¹² Контракт Интарутти из Телль-Брака (*Finkel I. Inscription from Tell Braq 1984 // Iraq. 1985. 47. P. 191–194*).

¹³ ЕА 17:11–20 (Тушратта – Аменхотепу III): «После того, как я взошел на престол своего отца и был (еще) юн, Утхе сотворил злое и убил своего господина (Ардассумару), и поэтому он не давал мне поддерживать дружбу с тем, кто любит меня (сторонниками Тушратты в Митанни? адресатом-фараоном? – А.Н.). А я, в особенности относительно тех злых дел, которые делались (им) в моей стране, не оказался небрежен, и убийц Ардассумары, моего брата, вместе со всем их (людом) я убил» (комментарии к переводу см. *Немировский. Ук. соч. С. 3 сл.*). Насколько мы можем доверять тону этого пассажа? ЕА 17 – первое письмо Тушратты в Египет, в котором он старается отрекомендовать себя фараону и установить с ним дружбу. При этом Тушратта вводит специальный пассаж о злодеяниях Утхе, в котором, как видели, предельно дистанцируется от него, но тем не менее одновременно признает, что какое-то время после убийства Ардассумары Утхе пользовался при нем могуществом временщика, не претендуя ни на что иное и никак не посягая на самого Тушратту (если бы Утхе проявлял и такие поползновения, то в ЕА 17, специально описывая его злодеяния в сткк. 11 слл., Тушратта, конечно, не пропустил бы их; однако в ЕА 17 говорится только, что Утхе пытался распоряжаться при Тушратте как временщик). Такое положение дел, естественно, ставит вопрос о том, насколько в действительности Тушратта был дистанцирован от Утхе (объективно расчищавшего ему убийством Ардассумары дорогу к полновластию, которого Тушратта и достиг, устранив на следующем этапе самого Утхе). Не был ли Тушратта скорее связан с Утхе во время убийства Ардассумары? В самом деле, ситуация, в которой вельможа убивает одного из братьев-династов, но даже не пытается при этом тронуть второго, а занимает при нем в результате этого убийства положение временщика, наводит на подозрение, что убийца и был в сговоре с этим вторым братом-династом (особенно, если учесть, что на деле речь здесь идет не просто о братьях, а о братьях-соправителях, см. ниже).

Заметим, что и сам данный в ЕА 17 отчет о событиях, связанных с Утхе, и особенно вводящая этот отчет фраза («Когда я взошел на престол отца и был еще юн») могут

о том, когда Тушратта формально взошел на престол, у исследователей единства нет; мы в своем месте показали, что Ардассумара, «царь Митанни», был не предшественником¹⁴, а соправителем Тушратты, причем всего соправителей (считая Тушратту) было четверо¹⁵ (два оставшихся соправителя по именам неизвестны); по-видимому, такая сложная конструкция власти была установлена в силу чрезмерной молодости законного престолонаследника – Тушратты – в момент смерти его отца.

В начале правления Тушратты Суппилиумас поддержал против него какого-то другого члена митаннийской династии, Ардадаму, «царя страны Хурри», заключив с ним какой-то «договор», что привело к ожесточенной вражде между Суппилиумасом и Тушраттой; эта вражда как вся суть их взаимоотношений была потом специально заявлена в договоре Суппилиумаса с сыном Тушратты, Саттивассой¹⁶. Указанный договор говорит об интересующем нас эпизо-

иметь лишь один смысл: Тушратта оправдывается перед фараоном (своей юностью при воцарении) за то, что до поры допускал и терпел «злые» дела Утхе и не отомстил ему сразу за убийство Ардассумары. Если Тушратта стал в первом же письме в Египет (причем сразу после приветствий, с самого начала содержательной части этого письма) специально объяснять фараону в такой манере обстоятельности начала своего царствования, связанные с деятельностью Утхе, то, как видно, ему было тут в чем оправдываться, или во всяком случае по поводу его роли в убийстве Ардассумары и делах Утхе существовали серьезные подозрения (причем распространившиеся так широко, что Тушратта ожидал их даже от египтян и считал нужным начать свою переписку с фараоном с объяснений, предупреждающих или отводящих такие подозрения).

¹⁴ Как считают практически все исследователи (окончательно эта точка зрения вообладала после публикации только что упомянутого контракта из Телль-Брака), в том числе Ж. Фрей (*Freu. Op. cit. P. 88 f.*).

¹⁵ Немировский. Ук. соч. С. 5–9, 15.

¹⁶ Остановиться на этом вопросе нужно подробно, так как недавно Ж. Фрей предположил (без доказательств, в качестве условного допущения, см. ниже в прим. 20), что после своей последней из описанных в PDK 1 войн с Тушраттой (так называемой «одногодичной войны») Суппилиумас примирился с Тушраттой, и это состояние их отношений не прерывалось до самой смерти Тушратты (*Freu. Op. cit. P. 136*). На самом деле допускать такой ход событий невозможно. Историческая преамбула к позднему договору Суппилиумаса с Саттивассой, сыном Тушратты, (PDK 1) пространно описывает отношения Суппилиумаса и Тушратты (PDK 1: Obv. 1–47), и это описание не включает ничего кроме их вражды и войн. В другом месте того же договора сказано: «Великий царь, царь страны Хатти, захватил (некогда) страны, принадлежавшие стране Митанни. Во время Саттивассы, сына царя, он их не захватил, во время Тушратты он их захватил!» (PDK 1: Rev. 14 ff.). В этой фразе явно проводится прямое противопоставление времени Тушратты и времени Саттивассы как, соответственно, периода вражды хеттов с Митанни, когда хетты отнимали митаннийские земли, и мирного периода, когда этого не происходило.

То самое завершение правления Тушратты после «одногодичной войны», на которое Ж. Фрей помещает предполагаемое им хетто-митаннийское примирение, в PDK 1 отражается так: «Из-за надменности Тушратты-царя за один год все эти страны (= области Митаннийской Сирии, которые Суппилиумас за упомянутый “один год” завоевал у Митанни; эта “одногодичная война” описывается в предшествующих строках) захватил и к стране Хатти присоединил. До гор Ниблани (Ливана), до того берега Пуратту (Евфрата) обратил я их (эти страны) в свои пределы. /Здесь в оригинале следует разделительная линия между параграфами/. Тогда (спита) сын его (Тушратты) с челядью своей сговорился и убил отца своего, Тушратту-царя» (PDK 1: Obv. 45–48). Ясно, что если бы между «одногодичной войной» и смертью Тушратты Суппилиумас успел примириться с ним, то исчерпал весь соответствующий отрезок правления Тушратты в приведенных выражениях, да еще в договоре о покровительстве и союзе, которые Суппилиумас оказывает сыну Тушратты, было бы невозможно: примирение с Тушраттой обязательно было бы здесь отражено. Кроме того, констатируя смерть Тушратты в следующем

де так: «(1–4) Когда с Солнцем Суппилиумасом, великим царем, героем, царем страны Хатти, любимцем Тессоба, Ардадама, царь страны Хурри, между собой договор заключили, тогда Тушратта, царь страны Митанни, против царя [великого], царя страны Хатти, героя, воздвигся (u-na'-ad). Я (же), царь великий, герой, царь страны Хатти, в свою очередь против Тушратты, царя страны Митанни, воздвигся, и страны, что по эту сторону (Евфрата), повоёвал и горы Ниблани (Ливан) сделал своей границей».

После достаточно долгого правления Тушратта был убит своим сыном (PDK 1:48), после чего трон Митанни захватил, наконец, Ардадама (PDK 1:49; несомненно, речь идет о том же Ардадаме, с которым Суппилиумас когда-то заключал вышеозначенный договор¹⁷ согласно PDK 1:1–4), а сын Тушратты, Саттивасса, бежал в Хатти и был принят под покровительство Суппилиумасом.

же предложении после описания его поражения и потерь в «одногодичной войне» и не упоминая при этом никаких промежуточных событий, Суппилиумас тем самым изображает (с очевидным удовлетворением) убийство Тушратты как закономерный финал всего его правления, всей его вражды с хеттами, описанной ранее, причём финал, непосредственно приуготованный именно его поражением в «одногодичной войне». Составитель договора дополнительно подчеркивает этот смысл, вводя само сообщение об убийстве Тушратты словом *enuša*, «тогда», прямо отсылающим к предыдущей фразе, подытоживающей «одногодичную войну»: «Все эти страны я захватил и присоединил... обратил эти страны в свои пределы. Тогда сын его (Тушратты)... убил Тушратту». Гибель Тушратты предстает здесь как событие, прямо вытекающее из его поражения в «одногодичной войне», венчающей всю его вражду с Суппилиумасом, т.е. очередная и последняя из кар судьбы, которые он навлек на свою голову, начав некогда эту вражду (сткк. 1–4) по своей «надменности» (стк. 45). Рисовать подобным образом смерть Тушратты в PDK 1 можно было лишь в том случае, если он так и погиб старым врагом Суппилиумаса, в состоянии, продолжающем события «одногодичной войны» (и предшествующих конфликтов) с ним, без всякого примирения.

Наконец, зададимся вопросом: для чего вообще Суппилиумас посвящает почти всю историческую преамбулу своего договора с Саттивассой пространному описанию своей вражды и войн с уже погибшим отцом своего контрагента? Смысл у этого приема мог быть только один: как можно ярче и масштабнее задать контраст между длительной непрестанной враждой Суппилиумаса с Тушраттой (в PDK 1 не упоминается никаких других эпизодов их отношений кроме враждебных столкновений) и благожелательством, с которым Суппилиумас отнесся к его сыну Саттивассе. Задавать же в договоре такой контраст нужно было единственно для того, чтобы тем ярче и исключительнее на его фоне предстало благодеяние, оказанное Суппилиумасом Саттивассе, его контрагенту по договору: хотя отец Саттивассы долго и ожесточенно враждовал с Суппилиумасом, тот принял Саттивассу под защиту при первой же просьбе! Если бы Суппилиумас успел установить с самим Тушраттой мирные отношения, не прерывавшиеся до смерти последнего, извлекать из истории их бывшей вражды вышеописанный эффект было бы невозможно, а тогда незачем было бы и вообще касаться ее в договоре с Саттивассой. Итак, Тушратта сошел со сцены, оставаясь многолетним врагом Суппилиумаса, и именно это делало историю их враждебных отношений подходящей для того, чтобы излагать ее в договоре с Саттивассой.

¹⁷ Преамбула к договору Суппилиумаса–Саттивассы сначала говорит о том, как Суппилиумас заключил вызвавший гнев Тушратты договор с «Ардадамой, царем страны Хурри» (PDK 1:1–4), а позднее – что по смерти Тушратты престол Митанни достался Ардадаме (PDK 1:48–49), не сопровождая здесь это имя никакими пояснениями и титулованиями, но зато говоря об этом Ардадаме как об общеизвестном протагонисте уже когда-то разразившегося династического конфликта: «И когда Тушратта-царь погиб, Бог Бури решил дело Ардадамы и сына своего Ардадаму (словно) из мертвых оживил» (стк. 49; «сын Бога Бури» – стандартный эпитет царей Хурри-Митанни). Такой способ выражений однозначно доказывает, что речь идет о том самом Ардадаме, что был упомянут ранее, т.е. в сткк. 1 ff. того же PDK 1; будь это какой-то иной Ардадама, в стк. 49 его надо было бы специально представить и определить.

Суппилулиумас даже организовал хеттскую интервенцию в Митанни с участием Саттивассы, имевшую целью привести Саттивассу на митанийский престол. Сама эта интервенция, как хорошо известно по хеттским источникам, имела место во время так называемой «шестилетней» войны, начавшейся на исходе правления египетского царя, именуемого у хеттов «Нибхуруриясом», т.е. Тутанхамона¹⁸. Однако насколько отстояли во времени от этой интервенции предшествующие события (убийство Тушратты и бегство Саттивассы в Хатти под защиту хеттского царя), по текстам неизвестно; та более или менее общепринятая реконструкция, что все эти события: убийство Тушратты, бегство его сына Саттивассы в Хатти и хеттская интервенция в Митанни в защиту прав Саттивассы – происходили непосредственно вслед друг другу и были звеньями одной и той же смуты в Митанни, является не более, чем удобным условным допущением, ни из чего не следующим. Специально этот вопрос будет освещен ниже, в Приложении 1.

С каким из всех этих конфликтов надо соотносить ЕА 43? О. Вебер (Op. cit.) поторопился заключить, что убитым там оказывается именно «отец» «сына», описываемого в ЕА 43; тогда, учитывая все сказанное выше, этим «отцом» может быть лишь Тушратта (домышлять еще и убийство Сутгарны II, как справедливо отмечает О. Вебер, нет никаких оснований), а «сыном» тогда оказывается Саттивасса, действительно принятый под покровительство Суппилулиумасом (ср. с ЕА 43:11, где хеттский царь заявляет о своем покровительстве в адрес одной из сторон конфликта). К этой интерпретации и примкнули позднейшие исследователи¹⁹.

При всех удобствах этой интерпретации (и убийство, и покровительство, упомянутые в ЕА 43, находят здесь свои корреляты) она вызывает два возражения, требующие, по нашему мнению, полностью отвергнуть ее.

Во-первых, как примирить с обсуждаемой интерпретацией то непосредственное указание сткк. 9–11, что Суппилулиумас строит свои отношения с «сыном» в прямой преемственной связи с отношениями, которые с хеттской стороны ранее поддерживал «отец» (в зависимости от нюансов перевода либо Суппилулиумас считает нужным указать, что сын поступает так, как поступал его отец, либо Суппилулиумас оказывает покровительство сыну потому, что с хеттами поддерживал хорошие отношения отец, см. выше прим. б)? Как мог бы в подобном

¹⁸ Очерк общего хода событий см. *Goetze A. The Struggle for the Domination of Syria (1400–1300 B.C.)* // *САН. 2ed. Vol. 2. Pt 2. 1975. P. 3 ff.*; о несомненном (хотя иногда его пытаются безрезультатно оспаривать) тождестве «Нибхурурияса» с Тутанхамоном см. *Kitchen K.A. Supplementary Notes on «The Basics of Egyptian Chronology»* // *High, Middle or Low? Acts of an International Colloquium on absolute Chronology Held at the University of Gothenburg. II. Gothenburg, 1987. P. 156–157*; *Murnane W.J. The Road to Kadesh. Chicago, 1990. App. 7. P. 115–137*; *Bryce T.R. The Death of Nibhurriya and Its Aftermath* // *JEA. 1990. 76. P. 97–105.*

¹⁹ П. Арци, правда, заявил (Op. cit. P. 7. Not. 2), что такой взгляд несовместим с новыми реконструкциями обстоятельств смерти Тушратты и приема Саттивассы в Хатти, а именно с реконструкцией Г. Вильгельма, не оговорив, впрочем, чем же они несовместимы. Однако это явное недоразумение: в действительности реконструкция Г. Вильгельма вполне совместима с интерпретацией Вебера, да и не отличается в соответствующих отношениях от предшествующих реконструкций: согласно Вильгельму, после гибели Тушратты и захвата власти Ардадамой II и его сыном, Сутгарной III, Саттивасса бежал от них сначала в Вавилонию, а потом к хеттам (*Вильгельм Г. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 70 сл.*). Все это – простая, предельно краткая передача соответствующих пассажей PDK 1 и PDK 2 (а не какая-то особая реконструкция), и подобный ход событий принимают, на основании этих пассажей, все без исключения исследователи.

смысле Суппилулиумас говорить о Тушратте-«отце» и Саттивассе-«сыне»? Ведь в договоре с самим Саттивассой Суппилулиумас подчеркнуто изображает дело так, что Тушратта был его постоянным врагом, и с ним он воевал, а Саттивассу, наоборот, поддерживает (см. выше прим. 16, PDK 1: Rev.14 ff.)! О том, что правление Тушратты было временем непримиримой вражды и больших войн с хеттами, прекрасно знали повсюду, в том числе и в Египте. В такой ситуации Суппилулиумас никак не мог бы, говоря о своем покровительстве «сыну»-Саттивассе в письме египетскому фараону, вводить «отца»-Тушратту в качестве образца тех отношений и поведения, которому следует теперь Саттивасса и/или Суппилулиумас (по отношению к Саттивассе). А между тем именно эту роль играют отсылки к образу «отца» в EA 43: 8–10/11, как ни реконструирую эти строки²⁰.

Во-вторых, хронологические рамки Амарнского архива заведомо не простираются далее первых лет правления Тутанхамона (до его переезда из Ахетатона на 3–4-м году правления), а вернее всего, завершаются еще за несколько лет до конца правления Эхнатона²¹. Между тем Суппилулиумас принял Саттивассу под покровительство, по всей видимости, на фоне уже идущей «шестилетней» войны (см. Приложение 1), начавшейся, как известно по «Деяниям Суппилулиумаса», на исходе правления Тутанхамона. Таким образом, письмо, в котором хет-

²⁰ Это затруднение заметил и попытался снять Ж. Фрей. Принимая тот взгляд О. Вебера и др., что «отец» – это именно Тушратта, Фрей справедливо указывает, что для удержания этого взгляда придется предположить следующее: после своей последней войны с Тушраттой («одногодичной войны»), в конце правления последнего, Суппилулиумас успел прекратить вражду с этим царем и установить с ним относительно дружественные отношения, так что смерть застала Тушратту уже не врагом, а добрым соседом хеттского царя, по крайней мере формально (*Freu. Op. cit. P. 136*). Только тогда Суппилулиумас в EA 43 мог бы сослаться на свои отношения с Тушраттой как на некий образец или прецедент для своего покровительства Саттивассе (как получается при идентификации «отца» с Тушраттой). Однако это объяснение в корне неприемлемо: из договора Суппилулиумаса с Саттивассой видно, что Тушратта погиб в состоянии многолетней вражды с хеттами (см. выше прим. 16); Суппилулиумас рисует свои отношения с отцом-Тушраттой как сплошную вражду и прямо противопоставляет их в этом качестве своим отношениям с его сыном – Саттивассой (PDK 1: Rev.14 ff.), а автор EA 43, напротив, дает понять, что рассматривает упомянутого в этом EA «сына» как продолжателя «отца» и относится к ним примерно одинаковым образом (EA 43: 8–10/11).

²¹ После переезда Тутанхамона из Ахетатона письма из Передней Азии, естественно, шли в его новую столицу и архивировались именно там, а не в покинутом царском дворе Ахетатоне (независимо от того, был ли он при этом полностью заброшен или, как сейчас выясняется, нет). Этот переезд и считается обычно *terminus* ante *quem* для писем Амарнского архива (*Kitchen K. Suppiluliuma and the Amarna Pharaohs. Liverpool, 1962. P. 47*). Но к этому общепринятому соображению надлежит прибавить еще одно: как известно, Эхнатон перевел свой двор (и архив) в Ахетатон лишь после 6-го года правления, однако тем не менее Амарнский архив охватывает не только время пребывания там Эхнатона, но и предшествующие, начальные годы его правления, и финальную часть правления Аменхотепа III, т.е. еще более ранние времена. Иными словами, переезд в новую столицу, царь перевозил туда и архив международной корреспонденции с Передней Азией за последние несколько лет (в случае с Эхнатомом – как минимум за 10 лет, включая корреспонденцию своего отца за финальную часть его правления). Удивляться тут нечему: это было только естественно и необходимо для нормального ведения внешней политики из нового центра. Точно так же должен был поступить и Тутанхамон, переезжая из Ахетатона в свою новую столицу. Иными словами, с его переездом из Ахетатона не только должна была оборваться присылка в Амарну писем из Азии, но и архивные тексты за последние годы Эхнатона и далее должны были быть изъяты из Амарнского архива и вывезены вслед за царем. Таким образом, письма от финала правления Эхнатона и первых лет правления Тутанхамона могли остаться в Амарнском архиве разве что по недосмотру, а позднейшие письма вообще не могли туда попасть.

тский царь извещал бы фараона об этом покровительстве, вообще не могло попасть в Амарнский архив.

Учитывая это, для соотнесения с содержанием ЕА 43 нам остаются только перевороты начальной фазы правления Тушратты, о которых нам сообщает ЕА 17. Подходящий убитый здесь немедленно находится – это «царь Митанни» Ардассумара, брат Тушратты (как мы упоминали выше, скорее его соправитель, чем предшественник). Находится здесь и покровительствуемый хеттами митаннийский царевич, подходящий на роль «сына» из ЕА 43 – это Ардадама, «царь страны Хурри», с которым Суппилулиумас заключил союз на той же начальной фазе правления Тушратты (РДК 1:1–4). «Отцом» из ЕА 43 в этом случае окажется отец Тушратты, Ардассумары и, по-видимому, Ардадамы – Суттарна II (о династическом месте Ардадамы см. подробно Приложение 2)²². Об этом Суттарне действительно известно, что он был в тесной дружбе с фараоном (ЕА 17:24–29, ЕА 19:10–11, ЕА 24: iii 55–57), а с другой стороны, в сохранившихся источниках не упоминаются какие-либо войны Митанни с хеттами, которые нужно было бы относить к его правлению. Таким образом, его Суппилулиумас действительно мог приводить фараону в качестве положительного (для обеих сторон, адресата и отправителя) примера.

С соответствующими событиями, по нашему мнению, и связано ЕА 43. В свою очередь, такое соотнесение позволит уточнить сами эти события. Во-первых, оценим значение странного титула *mar-šu rabû*, досл. «великий сын» вместо просто «сын»; очевидно, единственной мотивацией такого определения будет необходимость отличить этого экстраординарного («великий», т.е. не просто царевич) «сына» от другой категории сыновей. Между тем Ардадама действительно был, судя по всему, старшим сыном Суттарны II (см. Приложение 2 и прим. 37). Далее, судя по ЕА 43, сткк. 6–9 и особенно 14, если мы в данном случае правильно соотносим их с остальным текстом, автор в общем оценивает «великого сына» положительно (и в глазах самого отправителя, и в глазах корреспондента), в том числе как истинного продолжателя своего отца. На это впечатление было бы опасно полагаться при изначальной реконструкции содержания письма, но коль скоро по независимым причинам ЕА 43 надо соотносить с выступлением Суппилулиумаса в поддержку Ардадамы, сына Суттарны II – т.е. «сын» в ЕА 43 действительно оказывается именно протеже хеттов, а не их противником – то вышеуказанное впечатление положительного отношения хеттов к «сыну» получает полное подтверждение. Все письмо тогда является попыткой хеттов обеспечить своему протеже поддержку фараона (и совершенно изолировать Митанни, где правил Тушратта), ссылаясь на то, что он «поступает как его

²² В этом случае «отец», упоминаемый в ЕА 43, не тождествен жертве описанного в нем убийства; но, как мы помим, их тождество и было в свое время произвольно предположено О. Вебером, а из самого ЕА 43 не следует. Отметим, что предложенная нами идентификация «отца» и убитого в ЕА 43 с Суттарной и Ардассумарой сама по себе не требует однозначно отождествлять упоминаемого там «сына» с Ардадамой: таким «сыном» можно было бы теоретически считать и Тушратту. Однако тот факт, что на начальный отрезок правления Тушратты, когда был убит Ардассумара (по ЕА 17), падают в то же время дружба Суппилулиумаса с Ардадамой и вражда с Тушраттой (РДК 1:1–4), позволяет нам пренебречь указанной возможностью и на роль протежируемого Суппилулиумасом в ЕА 43 митаннийского царевича-«сына» выдвигать лишь Ардадаму (зафиксированного именно в такой роли независимым источником – РДК 1), а не Тушратту (для которого тот же РДК 1 приводит лишь эпизоды непрерывной вражды с Суппилулиумасом).

отец», т.е. в частности будет активно дружен к Египту – по контрасту с независимо известным нам свертыванием митанно-египетских отношений при Ардассумаре (об этом свертывании достаточно явно говорит ЕА 17, сткк. 14–16, 21 сл., согласно которым Тушратта смог завязать дружбу с Египтом только после устранения Утхе и достижения фактического полновластия).

Наконец, при предложенной интерпретации ЕА 43 убийство Ардассумары, брата-соправителя Тушратты (известное прежде лишь по ЕА 17), оказывается тесно связанным с покровительством Суппилулиумаса другому брату Тушратты, а именно с договором, заключенным между Суппилулиумасом и Ардадамой против Тушратты, согласно PDK 1:1–4 (отражения этих событий – убийства Ардассумары и союза с Ардадамой – мы опознаем соответственно в ЕА 43:4–6 и ЕА 43: 8 ff.). При этом и сам Тушратта, и Ардадама в сообщении PDK 1 об этом договоре вводятся как лица, одновременно выступающие (друг против друга!) под титулами царей Хурри-Митанни (Ардадама – с титулом «царь страны Хурри», Тушратта – с титулом «царь страны Митанни»). Как будет продемонстрировано ниже, в Приложении 2, это место PDK 1 можно понимать лишь так, что Ардадама действительно был в описываемый момент (= на время заключения договора) «царем Хурри/Митанни», т.е. правителем, не только признанным в этом качестве хеттами, но и успевшим законно стать таковым в самом Митанни наряду с самим Тушраттой (претендентов хетты не признавали царями, пока они не успевали реально занять престол, см. Приложение 2). Тогда одновременные действия Ардадамы, царя Хурри-Митанни, заключившего «договор» с хеттами, и Тушратты, также царя Хурри-Митанни, оказывающего из-за этого вражду хеттам (причем царями Хурри-Митанни их называет один и тот же пассаж хеттского текста применительно к одному и тому же моменту – начальному моменту исторической преамбулы PDK 1), могут означать лишь одно – такой раздел власти, когда оба оказывались царями Митанни, причем хетты не могли или не хотели счесть одного из них более законным царем, чем другого²³ (т.е. в частности не считали никого из них узурпатором или претендентом). Проще всего интерпретировать подобную картину так, что Ардадама и Тушратта были соправителями, и после какого-то конфликта один из этих соправителей – Ардадама – попытался опереться на помощь хеттов против другого. Это полностью согласуется с независимо проведенной нами по другим источникам реконструкцией соправительства в начале правления Тушратты. В самом деле, соправителей у Тушратты было, как следует из ЕА 54 и ЕА 56, минимум трое²⁴, и если Ардассумара был одним из них, то Ардадама вполне мог быть другим. Союз Ардадамы с хеттами, вызвавший ярость Тушратты, будет в этом случае проявлением смут эпохи соправительства, независимый и яркий пример которых дает нам убийство Ардассумары. В свою очередь, определение Ардадамы как одного из соправителей Тушратты наряду с Ардассумарой легко объяснит, почему гибель Ардассумары оказывается связана в ЕА 43 (где она была, согласно нашей реконструкции, отражена в сткк. 4–6) с обращением Ардадамы за покровительством к хеттам (это покровительство, согласно нашей реконструкции,

²³ В противном случае в PDK 1:1–4 (т.е. применительно к моменту заключения раннего договора с Ардадамой против Тушратты) они титуловали бы «царем Хурри/Митанни» только одного из них.

²⁴ *Немировский*. Ук. соч. С. 15.

отражено в ЕА 43 в сткк. 9–11): речь идет о соправителях, чьи судьбы как раз и должны были тесно переплетаться друг с другом²⁵.

Сведем теперь воедино все, что нам известно о смутах эпохи соправительства. Как было показано нами ранее, режим соправительства в Митанни перестал существовать именно в связи с гибелью Ардассумары от руки вельможи Утхе²⁶; позднее, устранив и самого Утхе (не претендовавшего ни на что, кроме роли временщика), Тушратта достиг полновластия на престоле, который с ним к этому времени уже никто не разделял. Теперь, в связи с реинтерпретацией ЕА 43 (позволившей, в свою очередь, соотнести его с сообщением PDK 1:1–4 об Ардадаме), оказывается, что в связи с убийством Ардассумары и другой соправитель, Ардадама, оказался отлучен от правящего митаннийского режима и стал хеттским протее и врагом Тушратты! Это, с одной стороны, подтверждает наш прежний вывод о том, что соправительство было ликвидировано именно тогда, когда был убит Ардассумара, а с другой – позволяет понять, как именно оно было ликвидировано, поскольку создает картину удара, нанесенного в этот момент по соправителям вообще: один из них был убит, другой вынужден был обратиться за помощью к Суппилиумасу. Тушратта же в результате остался без соправителей, а устранив через некоторое время Утхе, убийцу Ардассумары, достиг и реального полновластия. Не был ли он, в таком случае, связан и с предыдущим государственным переворотом, т.е. с самим Утхе? Во всяком случае, именно Тушратта оказался единственным настоящим узурпатором этого переворота.

Что же касается договора Суппилиумаса – Ардадамы, то он, скорее всего, заключался в том, что хетты признавали Ардадаму уже не соправителем, а единственным законным царем Митанни вместо Тушратты²⁷; потому-то он и вызвал такую острую реакцию со стороны этого последнего, какая описана в PDK 1:1 ff.

²⁵ Добавим, что в рамках гипотезы о соправительстве автоматически разрешается и усматривавшееся ранее «противоречие» между явствующими из источника примерно синхронными (= относящимися к началу правления Тушратты) правами Ардадамы и Ардассумары на митаннийский престол, в противном случае, по оценке М. Майрхофера, трудноустранимое (*Mayrhofer M. Die Indo-Arier im alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966. S. 35*). Ж. Фрей, тоже не учитывающий факт соправительства в Митанни по смерти Сутгарны, допускает, что после убийства Ардассумары престол должен был бы перейти к Ардадаме, но Утхе, убив Ардассумару, разом отстранил Ардадаму от наследования и возвел на престол «юного» Тушратту (которым, в силу его «юности, рассчитывал невозбранно манипулировать), *Freu. Op. cit. P. 89 f., 121*.

²⁶ *Немировский. Ук. соч. С.15 сл.*

²⁷ В самом деле, о чем еще они могли договариваться друг с другом и что еще могло вызвать ответную вражду Тушратты по PDK 1:1–4? Далее, выражения PDK 1:49, где Ардадама именуется «сыном Бога Бури», чье «судебное дело» этот бог решает, возводя его на престол после смерти Тушратты, требуют считать, что хетты действительно еще при жизни Тушратты считали легитимным государем Митанни не его, а Ардадаму. Противопоставление Ардадамы в PDK 1:1–4 именно Тушратте также позволяет думать, что хетты намерены были обеспечить Ардадаме престол единоличного царя Митанни вместо Тушратты; действительно, восстанавливать Ардадаму только в статусе соправителя вообще не имело бы для хеттов никакого смысла. Наконец, плодом разрешения Богом Бури «тяжбы» («судебного дела», *dīnu*) Ардадамы – несомненно, его «тяжбы» с Тушраттой, по контексту PDK 1 отвечающей разве что конфликту, описанному в его сткк. 1 ff. – является именно единоличный престол «великого царя» Митанни (PDK 1:49); очевидно, из-за него и шла «тяжба» с самого начала конфликта между Ардадамой и Тушраттой.

Приложение 1. Время бегства Саттивассы, сына Тушратты, в Хатти, и его приема Суппилулиумасом

Как правило, бегство Саттивассы в Хатти считается непосредственным следствием гибели Тушратты²⁸. Обращение к договору Саттивассы с Суппилулиумасом (PDK 2) позволяет с уверенностью установить, что это не так. Историческая преамбула PDK 2 начинается словами: (сткк. 2 слл.) «Прежде, чем Суттарна, сын Ардадамы, [царя страны Хурри, положе]ние страны Митанни изменил (к худшему), Ардадама-царь, его отец, (уже) не по-хорошему поступал». Далее описываются злодеяния сначала Ардадамы, а затем его престолонаследника Суттарны, и, наконец, сообщается о бегстве от них вельможи Агиттессоба, вместе с которым, как выясняется из полного обиняков изложения, из Митанни бежал и Саттивасса. Таким образом, Агиттессоб (вместе с Саттивассой) покинул Митанни не сразу после гибели Тушратты и не в условиях переворота, приведшего «из мертвых» (PDK 1:49) к власти Ардадаму II, а существенно позже, после того, как Ардадаму, на протяжении какого-то времени уже поступавшего «не по-хорошему», превзошел в этом отношении его сын. Ясно, что Саттивасса в PDK 2 не стал бы выделять ранние единоличные прегрешения Ардадамы в отдельный этап, если бы соответствующий отрезок времени не занимал хотя бы нескольких лет. Бегство Саттивассы, по изложению PDK 2, имело место только на втором из названных «этапов»²⁹.

Наконец, есть известные основания хронологически связывать бегство Саттивассы в Хатти с последней, «шестилетней» войной Суппилулиумаса против Митанни, в рамках которой и была организована хеттская интервенция в Митанни, вернувшая туда Саттивассу. Напомним, что Суппилулиумас, согласно данным договоров PDK 1–2 и «Деяний Суппилулиумаса», провел против Тушратты известную «одногодичную войну», после которой Тушратта был убит, а на престол взошел Ардадама, опиравшийся прежде всего на своего сына-престолонаследника Суттарну; от них к Суппилулиумасу и бежал в какой-то момент Саттивасса. Между тем попытка режима Ардадамы, ориентировавшегося на Ашшур, взбунтовать против хеттов Сирию (отнятую ими ранее у Тушратты) привела к новой, последней войне Суппилулиумаса с Митанни, так называемой «шестилетней» войне, начало которой, как следует из «Деяний Суппилулиумаса», падает на последние годы правления египетского царя «Нибхурурияса», т.е. Ту-

²⁸ Kitchen. Suppiluliuma and Amarna Pharaohs. P. 48; Cornelius F. Geschichte der Hethiter. Darmstadt, 1973. S. 163 f.; Аветисян Г.М. Государство Митанни. Ереван, 1984. С. 85–86; Вильгельм. Ук. соч. С. 70.

²⁹ О том же, по сути, говорит о тех же событиях от лица Суппилулиумаса PDK 1 (позднейший договор Суппилулиумаса с Саттивассой), сткк. 53–55: «Но сыновья Хурри друг против друга пришли в волнения. Сутта(да)рна с людьми марьянне искал смерти Саттивассы, сына царя, (но) он убежал и к Солнцу Суппилулиумасу, царю страны Хатти, герою, любимцу Тессоба, он пришел». Как видим, здесь в происках против Саттивассы обвиняется именно Суттарна, а не Ардадама, что можно соотносить только со второй из отмеченных выше фаз, описанных в PDK 2, – фазы, когда на первый план выдвинулся именно Суттарна, чтобы творить еще большее зло, чем раньше творил Ардадама. Поскольку этот второй этап также приходится на время правления Ардадамы (тот оставался в живых на момент составления самого PDK 2, см. Приложение 2, о том, что уже бежав из Митанни, Саттивасса говорит об Ардадаме как о продолжающем править царе, которого он даже не собирается смещать с престола, ограничиваясь намерением занять при нем место престолонаследника вместо Суттарны, PDK 2: 28 f.), естественно считать, что Суттарна в какой-то момент резко увеличил свое влияние на государственных дела в связи с состоянием отца; в самом деле, к этому времени Ардадама II должен был быть довольно стар (ср. Вильгельм. Ук. соч. С. 70).

танхамона. Что же случилось раньше, бегство Саттивассы в Хатти или начало «шестилетней» войны? При ответе на этот вопрос имеем:

1. Уже при первой встрече с Саттивассой Суппилулиумас обещает посадить его на престол Митанни, «если он (Суппилулиумас! По тексту это устанавливается однозначно. – А.Н.) захватит Суттарну и страну Митанни», а Саттивасса уславливается с ним о конкретном характере этой процедуры (PDK 2:21–30); на наш взгляд, и такое обещание, и выражения, в которых оно было дано, подразумевают уже идущую хетто-митаннийскую войну (т.е. разве что «шестилетнюю» войну, см. выше общую последовательность событий).

2. Вообще, при каких обстоятельствах Саттивассе имело смысл бежать к хеттам по собственной инициативе? На наш взгляд, наилучшим фоном для такого поступка как раз и служила бы хетто-митаннийская война; именно ее обстановка очевидным образом обеспечивала сопернику правящего в Митанни царя сесть на митаннийский трон с хеттской помощью.

Таким образом, когда бы ни произошло убийство Тушратты, прием Саттивассы хеттами надо хронологически отрывать от этого убийства и датировать временем после начала «шестилетней» войны.

Приложение 2. Личность и статус Ардадамы (II), «царя страны Хурри» ❦

При идентификации Ардадамы, «царя страны Хурри» начального пассажа PDK 1, впоследствии преемника Тушратты в Митанни, мы должны прежде всего привести в расширенном виде соображения тех специалистов, которые указывают на тождество терминов «страна Хурри» и «страна Митанни» в интересующий нас период. Надо сказать, что если бы не упомянутый нами только что пассаж PDK 1, где одновременно действуют царь «Хурри» и царь «Митанни», в исследовательской среде вообще едва ли возникла бы сама мысль о существовании в XV–XIV вв. какой-либо «страны Хурри», отличной от Митанни. «Людьми Хурри» и «сыновьями Хурри» называется население Митанни в хетто-митаннийских договорах и хеттских анналах; договор Саттивассы с Суппилулиумасом (PDK 2:37 ff.) прямо описывает Митаннийское государство как совокупность «царя страны Митанни» и «сыновей страны Хурри» (!). В своем письме в Египет, написанном по-хурритски, Тушратта, царь Митанни, именуется собственное царство «Хуррийской страной, Hurrohe omine, KUR Hurrohe» (EA 24: i 11, iii 6, iv 127 etc.); существование особой «страны Хурри», отличной от Митанни, не видно ни из каких источников и для такой страны едва ли можно приискать место на карте Передней Азии этого времени, достаточно хорошо освещенной хеттскими и месопотамскими памятниками. Сам термин «Хурри» носит первично этнический характер и никаким специальным территориальным содержанием не наполнен, так что его в любом случае применяли по отношению к стране, которая сама по себе называлась по-другому (тогда единственным претендентом на это название оказывается по источникам Митанни). Хеттские источники употребляют термин «страна Хурри» вперебой со «страной Митанни» для обозначения последней (как в одном тексте Арнувандаса II³⁰) или последовательно применяют термин «страна Хурри» в несомненном значении Митанни (например, именно «страна Хурри» ведет сирийскую войну с Суппилулиумасом, именно у «царя страны Хурри» Суппилулиумас еще ранее отнимает Кадеш, и «колес-

³⁰ Houwink Ten Cate Ph.H.J. The Records of the Early Hittite Empire. Istanbul, 1970. P. 63. Not. 36.

ницы Хурри» противостоят Суппилулиумасу в «стране Митанни»³¹). Все это значит, что «страной Хурри» в Передней Азии, во всяком случае у хеттов и самих митаннийцев, именовалось в XV–XIV вв. именно государство Митанни³².

Цитированный выше начальный пассаж PDK 1, давший в свое время повод А. Гетце и др. в противовес этим несомненным данным предполагать наличие особой «страны Хурри»³³, действительно может создать впечатление, согласно которому страны Хатти, Хурри и Митанни сосуществуют друг с другом. На деле, однако, сосуществуют только цари, которым приписаны соответствующие титулы, – Суппилулиумас, Тушратта и Ардадама. Что же нам известно об Ардадаме? PDK 1 именует его «царем страны Хурри» (стк. 2) и сыном Бога Бури (стк. 49)³⁴. По времени действия это современник Тушратты (PDK 1:1–4). Он садится на престол Митанни по смерти Тушратты, причем характер выражений, в которых хетты сообщают об этом в PDK 1: «(49) Тессоб решил судебное дело (dīnu) Ардадамы, и своего сына, Ардадаму из мертвых оживил (сделал царем)», – не оставляет сомнений, что по мнению хеттов (а стало быть, и самого Ардадамы) он, а не Тушратта, был с самого начала истинным наследником трона, если не царем Митанни, и именно поэтому его вступление на престол оказывается результатом божьего суда. Индоарийское имя обличает в нем экстраординарного члена митаннийской династии (престолонаследника или царя³⁵). Распространенное на древнем Востоке совпадение начальных слогов в именах братьев позволяет считать его братом Ардассумары. К этому надо прибавить совпадение последовательностей имен Ардадамы I – Суттарны II и Ардадамы II – Суттарны III. И. Гельб, впервые обративший на него внимание³⁶, убедительно расценивает его как указание на то, что Ардадама II был первородным сыном Суттарны II; тогда указанное совпадение объяснялось бы проще всего, а именно тем, что внуков называли именами дедов (Суттарну III по Суттарне II, Ардадаму II по Ардадаме I) – обычай, распространенный на западе Передней Азии³⁷.

Три важных факта замыкают эту цепь соображений. Во-первых, как известно по PDK 2: Obv. 28–29, Саттивасса, бежав к Суппилулиумасу и будучи обнадежен им касательно хеттской помощи, просил хеттского царя сохранить престол

³¹ *Guterbock H.G. The Deeds of Suppiluliuma as Told by His Son, Mursili II // JCS. 1956. 10. P. 93, 97, 113.*

³² О полном тождестве терминов «страна Хурри» (в ед. ч.) и «страна Митанни» в XV–XIV вв., включая амарнскую эпоху, см. в целом и в деталях: *Gelb I.J. Hurrians and Subarians. Chicago, 1944. P. 70–75; Liverani M. Hurri e Mitanni // Oriens Antiquus. 1. 1962. P. 253–257; Helck W. Die Beziehungen Agyptens zu Vorderasien im 3 und 2 Jahrtausend V. Chr. Wiesbaden, 1962. S. 78–79; Imparati F. I Hurriti. Firenze, 1964. P. 37; Houwink Ten Cate. Op. cit.; ср. полную сводку данных: *Kammenhuber A. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968. S. 74–76.**

³³ *Goetze. The Struggle... P. 3.*

³⁴ Заметим, что именем «Сына Бога Бури (Тессоба)» правители верхнемесопотамских хурритов титуловались еще в домитаннийские времена, см. ЛУСН. С. 91, 93.

³⁵ Напомним, что этнически митаннийские цари этого времени, судя по одиночному именованию Саттивассы Келитессобом в PDK 2 и хурритским именам митаннийских царев амарнского времени, были хурритами и носили личные хурритские имена; это значит, что кроме царя или престолонаследника (статус, в хетто-хурритском мире приближающийся к соправительскому), индоарийских («тронных») имен в митаннийском царском роду никто бы не носил.

³⁶ *Gelb. Op. cit. P. 79. Not. 239.*

³⁷ Заметим, что ценность этого соображения не уменьшится, если считать, что «Ардадама» не был назван так отцом, а сам принял это имя как тронное при своем воцарении.

Ардадаме, не желая свергнуть его, но требовал, чтобы ему передали ранг престолонаследника Ардадамы от родного сына последнего, Суттарны (III): «Пусть (...) царь страны Хатти (...) Ардадаму-царя с престола его царствования не сменяет. Я же на тарденнство (должность главнокомандующего-престолонаследника, см. прим. 47. – А.Н.) при нем да сяду и страной Митанни да буду управлять!³⁸». Итак, Саттивасса-победитель уважал право на престол Ардадамы, но не его сына Суттарны, что, в свою очередь, мыслимо только в том случае, если Ардадама принадлежал к старшему поколению митаннийской династии, и в то же время в Митанни сохраняло актуальность нечто вроде лестнично-родовой психологии, признающей преимущества членов старших поколений, но отказывающей в них членам поколения собственного и младших. Тогда Суттарна III должен быть двоюродным братом, а Ардадама – дядей Саттивассы, сыном Суттарны II и (старшим?) братом Тушратты и Ардассумары, как и предполагали издавна³⁹.

Во-вторых, как сообщает PDK 2:1–7, Саттивасса, описывая ущерб, который при Ардадаме как царе Митанни потерпела митаннийская государственность, укоряет Ардадаму в том, что он унижался перед ашшурцем, «рабом его (Ардадамы) отца» (стк. 6); таким образом, отец Ардадамы был царем Митанни. (Заметим, что по историко-хронологическим соображениям последним мог быть только тот же Суттарна II.)

В-третьих, Саттивасса здесь же упрекает Ардадаму в том, что тот ничего не дал каким-то людям (может быть, родичам) «своего отца и брата» (PDK 2:5–6). Этот упрек уместен, только если Саттивасса принадлежал к тому же роду, что и Ардадама, и в любом случае, очевидно, подразумевает, что Ардадама сменил на престоле своего отца и брата. Но тогда он брат Тушратты и сын Суттарны II.

Итак, Ардадама принадлежит митаннийской истории и митаннийской династии, что при прочих равных лишь удостоверяло бы тождество «Хурри» в его титуле по PDK 1 с Митанни. Проблему, однако, создает статус Ардадамы на момент того раннего договора с Суппилиумасом, с которого начинается свое изложение событий PDK 1. Сам по себе разницей в титулатуре («царь страны Митанни» для Тушратты, «царь страны Хурри» для Ардадамы) никаких затруднений не вызывает: в силу многообразия названий своего государства митаннийские цари могли выбирать (и выбирали) для включения в титул любое из них, руководствуясь лишь собственным вкусом. Так, Парраттарна именовался «царем воинов Хурри» (т.е. приблизительно «царем хурритов») (AT 1:43–45), Сауссататар – то «царем воинов Хурри», то «царем Ханигальбата», то «царем Митанни» (AT 2:73–74; AT 13; HSS IX:1), а Тушратта как раз – только «царем

³⁸ Жертва, которую тем самым готов был принести Саттивасса, не так велика, как кажется. Как мы помним (см. начало Приложения 1 и прим. 29), в начальном пассаже PDK 2 Саттивасса подчеркнуто возлагает ответственность за дела, творившиеся митаннийской властью на первой фазе после воцарения Ардадамы, на самого Ардадаму, а за дела, творившиеся на следующей фазе царствования того же Ардадамы (накануне бегства Саттивассы) – уже не на него самого, а только на его престолонаследника-тарденнэ Суттарну; как видно, Ардадама, к этому времени весьма старый, уже не мог осуществлять реальное управление страной, и оно перешло ко второму после царя лицу – тарденнэ. В этих условиях уже и ранг тарденнэ при Ардадаме давал бы Саттивассе фактическое полномочие в стране (аналогичное тому, какое уже осуществлял при Ардадаме его действующий престолонаследник Суттарна), так что особой надобности отбирать у Ардадамы его царский титул Саттивасса не имел.

³⁹ Liverani. Op. cit. P. 255 ff.

Митанни», как в PDK 1 и EA 17–29. Другой хеттский договор (PDK 6) удостоверяет и ярко отражает эту особенность митаннийских титулатур, называя правителя/правителей Митанни, соперничавших с хеттами за Халап, сначала «царем страны Ханигальбат» (Obv. 15–19), а затем «царем страны Митанни» (Obv. 20–36). Таким образом, из разницы титулов (на фоне независимо установленного соотношения терминов «Хурри» и «Митанни» и митаннийской династической принадлежности самого Ардадамы) можно вывести лишь то, что Ардадама и Тушратта по обычному митаннийскому порядку включали в свою титулатуру правителей одного и того же государства разные его наименования, причем эпитет «Хурри» был излюбленным для Ардадамы, а «Митанни» – для Тушратты.

Затруднения создаются только тем фактом, что «царь страны Хурри» и «царь страны Митанни» действуют в начале PDK 1 одновременно. Это и побудило в свое время А. Гетце идентифицировать Ардадаму как правителя отдельного от Митанни государства «Хурри», расположенного где-то на севере или востоке от Верхней Месопотамии. В других случаях Ардадаму (по состоянию на момент его раннего договора с Суппилиумасом) считают царем некоей области «Хурри», выделенной ему или временно захваченной им в Митанни⁴⁰, или, наконец, «безземельным» претендентом на престол (принявшим, может быть, царский титул), законным наследником Суттарны II⁴¹, заключившим союз с хеттами ради осуществления своих притязаний. В последнем случае титул «царя Хурри» в договоре оказывается приписан Ардадаме либо просто из-за хеттского признания законности этих притязаний⁴², либо задним числом, поскольку впоследствии, в промежутке между гибелью Тушратты и заключением самого PDK 1, Ардадама действительно успел побывать царем Митанни (т.е. «Хурри»)⁴³. Кроме того, надо учитывать еще и ту не рассматривавшуюся в литературе возможность, что Ардадама, безотносительно значения своего титула в PDK 1, уже на момент заключения договора мог побывать царем или соправителем царя Митанни⁴⁴.

⁴⁰ Otten H. Hethither, Hurriter und Mitanni // Fischer Weltgeschichte III. Frankfurt am Main, 1966. S. 130 ff.; Kammenhuber. Die Arier im Vorderen Orient. S. 73; Вильгельм. Ук. соч. С. 60–61. Ж. Фрей не считает возможным судить об этом с уверенностью, но полагает, что в пользу существования у Ардадамы особого удела говорит следующее соображение: если бы дело шло о безземельном беглеце, отправившемся искать помощи Суппилиумаса, то тот, раз заключив с ним договор, попытался бы посадить его на престол Митанни, когда предпринимал свое хорошо известное вторжение в эту страну в ходе «одногодичной войны» (тогда Суппилиумас победоносно прошел центральные районы Митанни, однако не закрепился там и ушел в сирийские владения этой державы, которые и завоевал); однако хеттские источники ничего не говорят о такой попытке (Freu. Op. cit. P. 121 f.). Логика этого рассуждения неосновательна: во-первых, даже если бы на момент заключения своего пресловутого договора с хеттами Ардадама был изгнанником, принятым Суппилиумасом, то к моменту «одногодичной войны» тот давно мог расстаться с ним; во-вторых, в ходе этой войны Суппилиумас в любом случае не смог удержаться в центральных районах Митанни, так что если он и делал в то время попытку посадить кого-то на митаннийский престол, эта попытка оказалась совершенно бесплодной, а раз так, то и хеттским источникам незачем было бы о ней упоминать.

⁴¹ Так полагает большинство исследователей. См. Gelb. Op. cit. P. 78–79; Mayrhofer. Op. cit. S. 35; Helck. Op. cit. S. 176; Аветисян. Ук. соч. С. 85.

⁴² Gelb. Op. cit. P. 79; Kühne C. Die Chronologie der internationalen Korrespondenz von El-Amarna. Münster, 1973. S. 19. Anm. 82; Harrak A. Assyria and Hanigalbat. L., 1987. P. 19.

⁴³ Аветисян. Ук. соч.

⁴⁴ Особо следует говорить и, по нашему мнению, отклонить альтернативное предложение Г. Вильгельма, согласно которому Ардадама вообще никогда не царствовал собственно в Митанни, а стал после смерти Тушратты верховным правителем всех «стран Хурри» (которым хетты признали его еще при жизни Тушратты, откуда и его

Разберем суммарно все описанные варианты.

1. Связь терминов «Хурри» и «Митанни» (см. выше) и митаннийская династическая принадлежность Ардадамы требуют определенно отвести гипотезу о существовании особого «Ардадамова Хурри» вне Митанни.

2. Термин «Хурри» в своем общем, исходном, т.е. этнотерриториальном значении (в котором он реализуется в частности при применении во мн. ч., в составе термина «страны Хурри») шире любого территориально-государственного термина, в том числе термина «Митанни (ср. употребление хеттами выражения «страны (во мн.ч.!) Хурри» уже после гибели Митанни, для обозначения совокупности хурритских земель этого времени⁴⁵). Подобное имя могло бы принять целое государство (как это и делало Митанни), но уж никак не одна из его административных областей. Далее, если уж Митанни называло термином «Хурри» самое себя, то едва ли такое же наименование могла иметь его собственная область. Более того, действительные области Митанни, как и следовало ожидать, именуются в аккадоязычных источниках (в том числе в PDK 1) «округами города такого-то» (hal-su URU N.), а не «странами», как владение Ардадамы – mât (KUR) Hurri в PDK 1:1. Наконец, ассирийские и хеттские источники, описывая те или иные действия в Верхней Месопотамии, никогда не упоминают особой области с названием «Хурри», хотя историческая география региона восстанавливается по ним весьма подробно⁴⁶, и, кстати, не дают ни намека на существование каких-либо «уделов» внутри Митанни. Значение термина mât Hurri (KUR Hurri,

титул в PDK 1), а Митанни являлось лишь одной, хотя и важнейшей из этих «стран», и ее царь считался вассалом «царя стран Хурри». Царями же в самом Митанни были по смерти Тушратты сначала сын Ардадамы Суттарна (III), а потом Саттивасса. См. *Вильгельм. Ук. соч. С. 70-72; Wilhelm G. The Hurrians. Warminster, 1989. P. 38.* Нам эта гипотеза представляется совершенно неприемлемой во всех своих частях. Во-первых, источники, освещающие историю Митанни, не дают ни единого намека на сложную конструкцию власти, постулируемую Г. Вильгельмом («царь стран Хурри» над «царем Митанни» и прочими странами), хотя, существуя она, мы должны были бы систематически сталкиваться в источниках с обоими этими государями (в том числе как государями разных территорий и разных рангов). «Царь страны Митанни»/«царь страны Ханигальбат», будь то сам Тушратта по своим ЕА, или его предки, оказывается единовластным правителем Верхней Месопотамии, не имеющим над собой никакого верховного царя, и сам осуществляет верховную власть над прочими «странами», в том числе хурритскими (ср. в частности соответствующую роль царя Митанни/Ханигальбата в PDK 6 и ЕА). В самом деле, «страны Хурри» – это этногеографический, а не политический термин, и мы не располагаем ни одним примером титулования кого-либо «царем стран Хурри», т.е. «всехурритским царем». Во-вторых, интерпретация Г. Вильгельма неудобна сама по себе, так как делает гипотетического «царя стран Хурри» (в частности Ардадаму) царем без царства: он осуществляет верховную власть над другими царями, но ни над одним царством непосредственно. Существование подобной фигуры беспрецедентно и достаточно невероятно. В-третьих, в PDK 1:1-2 Ардадама титулуется царем определенной «страны (а не «стран»!) Хурри», «страны Хурри» в ед. ч., т.е. самого Митанни. Наконец, в PDK 2 Саттивасса именуется не «царем» Митанни, как следовало бы в рамках изложенной выше концепции, а только «царевичем», и говорит, что, сев на «тарденнцию» Ардадамы, он будет лишь «управлять» (lu-me-hi-ir от mûru, см. PDK 2. S. 42. Ann. 4) Митанни, вместо того, чтобы употребить стандартное выражение «сесть на царство (Митанни)»; точно так же ни один документ не именует «царем» Суттарну (III), которого Саттивасса хочет заместить и в итоге замещает.

⁴⁵ Singer I. The Battle of Nihriya and the End of Hittite Empire // ZA. 1985. 75. P. 110.

⁴⁶ Существует лишь мелкий верхнемесопотамский город (не страна!), чье название пишется Ura, Ugra, Hur и Hurra (см. *Roellig W. Hurra, Ura I // RLA. Bd 4. 1972-1975. S. 505-506*). Ни по названию (с придыхательным *h-*, явствующим из чередования *h- // ø-*, и окончанием на *-a*), ни по статусу этот город не может быть соотнесен с предполагаемой «страной» (KUR) Hurri PDK 1:1.

KUR.URU Hurri) как «Митанни» в хеттских документах этого времени, показанное выше, также мешает приписать этому термину новое, «удельное» значение. Ко всему прочему, никакой удел в составе собственно Митанни не мог бы сам по себе обеспечить Ардадаме статус хеттского партнера по международным договорам (см. ниже). Все это, на наш взгляд, исключает гипотезу об Ардадаме – царьке некоего «удельного Хурри» внутри Митанни.

3. Думать, что хетты в пассаже PDK 1:1–4 именовали Ардадаму на момент заключения договора с ним «царем Хурри» только потому, что он воцарился в Хурри-Митанни впоследствии, кажется нам необоснованной натяжкой. Согласться же с тем, что и самого по себе статуса царя (неважно, какой страны) на момент этого заключения Ардадама не имел, и PDK 1 называет его в рассматриваемом пассаже «царем» задним числом, невозможно вообще, поскольку совершенно немыслим договор царя хеттов с частным человеком какого бы то ни было должностного ранга, будь то даже законный претендент на престол, до фактического осуществления им своей экстраординарной власти. Хеттские договоры заключались только с утвердившими свою власть царями / соправителями (или с общинными коллективами – т.е. в обоих случаях с людьми, представляющими вершину властной иерархии данного общества, а не частными лицами). Так, оба договора с Саттивассой – и как с престолонаследником *тарденнэ*⁴⁷ (PDK 2), и как с царем (более поздний PDK 1) – заключались уже после его победы в Митанни, после фактического овладения им большей частью этой страны⁴⁸, хотя законность его претензий на власть в Митанни Суппилулиумас признал гораздо раньше – в тот самый момент, когда Саттивасса явился к нему в Хатти. Из всего сказанного следует, что в момент заключения пресловутого договора Ардадамы с Суппилулиумасом хетты уже должны были считать Ардадаму действительным царем какого-то государства⁴⁹.

Но если лицо, титулуемое в некоторый момент «царем Хурри», действительно было в этот момент царем (некоей страны вообще), то само собой напрашивается, что именно в стране «Хурри» он тогда царем и был (как, собственно, и

⁴⁷ Статус престолонаследника-тарденнэ был и сам по себе в Митанни экстраординарным и приближающимся к статусу царя-соправителя (ср.: в Митанни тарденнэ и царь – и только они – одинаково принимали в дополнение к личным хурритским именам «тронные» индоарийские), а Саттивасса на момент заключения с ним PDK 2 занимал положение еще более экстраординарное: к этому времени он не только провозглашал себя митаннийским тарденнэ, но реально контролировал большую часть Митанни и, титулуясь лишь престолонаследником, не имел при этом над собой никакого царя (как мы помним, титул царя Саттивасса оставлял Ардадаме, а сам принял ранг престолонаследника, дающий ему фактическую власть в стране, см. прим. 38. Однако, как видно из PDK 2, к моменту его составления Ардадама еще не признал Саттивассу своим престолонаследником и пребывал вне пределов его досягаемости; очевидно, он оставался при своем сыне Суттарне (III), продолжавшем борьбу с Саттивассой. Таким образом, Саттивасса был не только реально, но и формально самой высокой властной инстанцией на занятых им территориях Митанни). Иными словами, к моменту составления PDK 2 Саттивасса был не просто митаннийским тарденнэ, а верховным правителем подконтрольного ему царства Митанни, регентом в ранге тарденнэ. Тот факт, что хетты заключили договор с лицом такого статуса, разумеется, никак не противоречит указанному нами принципу их дипломатической практики – заключать договоры только с состоявшимися и облеченными соответствующими титулами или должностями верховными правителями страны, – а вполне вписывается в этот принцип.

⁴⁸ Как следует из того, что уже PDK 2: 48 ff. описывает эту победу.

⁴⁹ Конкретный титул «царь страны Хурри» PDK 1 при этом может теоретически считаться приданным задним числом; обязательности изначальных царских полномочий Ардадамы это не уменьшает. Тот факт, что на момент заключения договора Ардадама был «великим царем», считал совершенно очевидным по контексту PDK 1 и А. Гетце (Op. cit. P. 7).

получается при естественном восприятии PDK 1). К тому же в противном случае получится, что хетты, говоря о некоем договоре, почему-то назвали своего контрагента не тем царским титулом, которым он действительно располагал во время заключения этого договора, а тем, что он получил много лет спустя. Придание Ардадаме титула «царя Хурри» задним числом надо тем самым считать маловероятным.

Взятое вместе, все вышесказанное означает, что к моменту своего договора с хеттами Ардадама носил титул «царя Хурри» (т.е. за отсутствием других «Хурри», именно Хурри-Митанни) и в самом деле успел законно побывать таким царем (напомним, что с претендентами хетты договоров не заключают)⁵⁰.

Принадлежность Ардадамы к царской митаннийской династии и его дальнейшая судьба, целиком связанная с законными претензиями на митаннийский престол, уважаемыми даже потомством Тушратты, только подкрепляет этот вывод, указывая на то, что независимым царем, способным вступать в договоры с хеттами, Ардадама мог быть только в качестве (великого) царя самого Митанни. Все это никак не мешает тому вероятному факту, что пресловутый договор с Суппилулиумасом Ардадама заключил, уже бежав из Митанни⁵¹.

«LET THE GODS KNOW IT!»: EA 43 AND POLITICAL HISTORY OF AMARNA AGE

A. A. Nemirovsky

The article explores one of Amarna letters, EA 43, where a Hittite king informs his Egyptian counterpart about some dynastic tumult which involved a murder of uncertain person, some «son» resembling his father from the Hittite and, presumably, Egyptian point of view, and the aid of Hittite King to one of the struggling factions. Analysis of this obscure content compared to the known facts of political history of Amarna Age leads author to conclude, contrary to the former scholars, that the «son» mentioned in EA 43 is Ardadama (II) of Mitanni, ally of Hittites and the rival of his brother, Mitannian king Tushratta; the «father» is the late Suttarna II; the person who was murdered is Ardassumara, brother and coregent of Ardassumara and Tushratta; and the moment when EA 43 was sent is this very moment mentioned in PDK 1:1–4 when Suppilluliuma concluded a treaty of alliance with Ardadama against Tushratta at the early phase of the latter's reign.

⁵⁰ К тому же они не стали бы одинаково именовать царями Хурри/Митанни в одной и той же строке PDK 1 и Тушратту, и Ардадаму, если бы их царские титулы были в принципе несовместимы и взаимоисключающи (т.е. если бы один из них короновался как раз в борьбе против другого). Если хетты, поддерживая Ардадаму как «царя страны Хурри (= Митанни)» против Тушратты в событиях, описанных в пассаже PDK 1:1–4, в том же пассаже именуют «царем Митанни» и самого Тушратту, значит, с их точки зрения оба эти титула были на тот момент равно законны и бесспорны, т.е. в частности не исключали друг друга.

⁵¹ Тот факт, что описывая утверждение Ардадамы на престоле Митанни по смерти Тушратты, PDK 1 употребляет выражение «Бог Бури... своего сына Ардадаму из мертвых оживил» (стк. 49), означает, что Ардадама к моменту гибели Тушратты давно был «политическим трупом», и его возникновение на историческом горизонте Митанни оказалось для всех совершенной неожиданностью. Тем самым реконструкция, согласно которой Ардадама на протяжении всего времени царствования Тушратты сидел в каком-то особом собственном царстве, полностью отпадает. Далее: если бы Ардадама после заключения договора с хеттами был изгнан Тушраттой из своего предполагаемого удельного царства, можно не сомневаться, что PDK 1 упомянул бы это преступление Тушратты, поскольку речь шла бы о прямом нападении на союзника хеттов. Поскольку подобных преступлений PDK 1 Тушратте не приписывает, остается считать, что по заключении договора Тушратта прямо против Ардадамы ничего не предпринимал. Учитывая дальнейшую судьбу Ардадамы, это означает, что своей власти на митаннийской территории он был лишен уже на момент договора и заключал его как беглец или изгнанник, а не владетель какой бы то ни было части страны. Эти соображения действуют независимо от предыдущих наших рассуждений.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ХРОНОЛОГИИ И ДИНАСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПОНТИЙСКОГО ЦАРСТВА*

История династии понтийских царей продолжает оставаться крайне дискуссионной – и это несмотря на то что сообщаемая античными авторами информация о происхождении Митридатидов и утверждении их у власти в целом намного более содержательна, нежели сведения о правящих домах других эллинистических монархий Малой Азии. Внимание исторической традиции к понтийскому царскому дому вполне понятно как исходя из значительной длительности периода активной государственной деятельности династии Митридатидов (что ярко отличает их, к примеру, от пергамских Атталидов), так и в силу особо важной исторической роли Понтийского царства при Митридате VI Евпаторе. Именно последнее обстоятельство существенно затрудняет работу с данными античных авторов, поскольку они, нередко связанные с лояльной в отношении Митридатидов традицией, несут на себе следы пропагандистской обработки, призванной возвысить понтийскую династию, удревнить ее происхождение и т.д. Эпиграфические и нумизматические материалы лишь отчасти способны помочь в разрешении возникающих противоречий, а чаще, напротив, порождают все новые и новые вопросы.

Список работ, в которых так или иначе затрагиваются и с различной степенью глубины и обстоятельности анализируются вопросы, являющиеся предметом данного исследования, весьма представительен¹, а круг упоминаемых в них

* Статья подготовлена и публикуется в рамках проекта РГНФ «Институты монархии в эллинистическом мире (V–I вв. до н.э.): Эволюция, региональные особенности, атрибутика» (№ проекта 05-01-01225а). Выражаю искреннюю признательность своим коллегам: А.А. Завойкину, в дискуссиях и совместной работе с которым оформились многие идеи, составившие основу данной статьи, а также А.С. Балахванцеву, С.И. Болдыреву, М.Ф. Высокому, В.И. Кацу, И.А. Ладынину, С.Ю. Сапрыкину за ценные консультации. Я глубоко благодарен В.В. Крапивинной (Киев), любезно ознакомившей меня с содержанием вновь обнаруженной надписи из Ольвии до ее публикации и высказавшей ряд полезных замечаний относительно основных положений данной статьи, и Я.-М. Хейте (Орхус), позволившему ознакомиться с текстом его доклада «The Date of the Alliance between Chersonesos and Pharnakes (IOSPE I², 402) and its Implications», также еще не опубликованного, где были высказаны идеи, во многом совпадающие с изложенными в настоящей работе.

¹ См. основные исследования по этому вопросу: Meyer Ed. *Geschichte des Königreichs Pontos*. Lpz, 1879. S. 31–38; Reinach Th. *Mithridate Eupator, roi de Pont*. P., 1890. P. 29–32; Geyer F. *Mithridates* // RE. Bd XV. Hbd. 30. 1932. Sp. 2158–2159; Magie D. *Roman Rule in Asia Minor*. Vol. II. Princeton, 1950. P. 1087–1088; Olshausen E. *Pontos* // RE. Splbd. XV. 1978. Sp. 398–404; Burstein S.M. *The Aftermath of the Peace of Apameia. Rome and the Pontic War* // AJAH. 1980. Vol. 5. P. 1–12; Die Inschriften von Kios // IK. Bd 31 / Hrg. von Th. Corsten. Bonn, 1985. S. 26–30; McGing B.C. *The Kings of Pontus: Some Problems of Identity and Date* // RhM. 1986. Bd 129. Ht 3–4. P. 248–259; *idem*. *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden, 1986. P. 13–15; Panitschek P. *Zu den genealogischen Konstruktionen der Dynastien von Pontus und Kappadokien* // RSA. 1987–1988. Vol. XVII–XVIII. S. 73–95; Leschhorn W. *Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in Kleinasien nördlich des Tauros*. Stuttgart, 1993. S. 74–95; Ballesteros Pastor L. *Mitridates Eupátor, rey del Ponto*. Granada, 1996. P. 23–26; Billows R.A. *Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Impe-*

проблем настолько обширен, что даже исследованию частных деталей сообщений источников и нюансам аргументации тех или иных положений в работах современных историков можно было бы посвятить отдельную работу. Тем не менее у нас имеется возможность высказаться и по кардинальным вопросам хронологии и генеалогии Митридатидов, которые раньше внимания исследователей почти не привлекали. При этом необходимо сразу же оговориться, что состояние источников не позволяет рассчитывать на окончательное разрешение всех проблем, связанных с теми или иными аспектами истории Понта. Цель данной работы состоит скорее в том, чтобы привлечь внимание специалистов к недостаточно изученным вопросам эллинистической истории, рассматривая их не изолированно, а в тесной взаимной связи, и, с другой стороны, критически осмыслить некоторые устоявшиеся в историографии положения.

Автор настоящей статьи при изложении и аргументации своих построений исходит из нескольких кажущихся принципиально важными тезисов, которые он будет стараться проиллюстрировать конкретными примерами.

1. В оформлении системы власти в новых государствах, возникших на территории Переднего Востока после распада империи Александра Великого, особо важную роль играли следующие политико-правовые акции: а) фактический приход к власти какого-либо правителя в домене, ставшем впоследствии ядром будущей державы; б) официальное провозглашение того или иного властителя царем; в) учреждение царской эры, связанной с каким-либо важным событием в истории династии, трактуемым как «начало» правления данного царского дома. При этом династические эры должны были строиться (с теми или иными вариациями) по определенным образцам, выработавшимся преимущественно в период диadoхов, и значительное отклонение от этих норм было едва ли возможным. Поэтому при «реконструировании» тех или иных систем летоисчисления, по которым могли бы датироваться какие-либо источники, необходимо максимально широко использовать аналогии из истории других эллинистических государств.

2. Вышеназванные акции отнюдь не всегда были синхронными, в частности провозглашение царем часто происходило позже, чем фактическое начало пребывания у власти того или иного правителя, а учреждение эр нередко проводилось только после принятия царского титула, которое имело место позже, нежели точка отсчета эры. Яркий пример тому – введение эры Селевкидов².

3. Провозглашение царем или повышение властного статуса конкретного династа могло быть предпринято в результате различных мер. «В идеале» такого рода действия должны были осуществляться после победы над противником –

rialism. Leiden–New York–Köln, 1995. P. 105–106; Kobes J. «Kleine Könige». Untersuchungen zu den Lokaldynasten im hellenistischen Kleinasien (323–188 v. Chr). St. Katharinen, 1996. S. 118–121; Лепер Р.Х. Греческая надпись из Инеболи // ИРАИК. 1902. Т. 8. Вып. 1/2. С. 158–164; он же. Херсонесские надписи // ИАК. 1912. Вып. 45. С. 23–39; Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 39–69; Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. С. 13–33; Молев Е.А. К вопросу о происхождении династии понтийских Митридатидов // ВДИ. 1983. № 4. С. 131–139; он же. Митридат Ктист – правитель Понта // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо – 1982. Тбилиси, 1985. С. 581–589; наиболее подробно многие важные проблемы рассматриваются в монографии: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 17–38.

² Бикерман Э. Хронология древнего мира. Сретенск, 2000. С. 66–67; Mehl A. Seleukos Nikator und sein Reich. Lovanii, 1986. S. 138–147.

носителем царского титула; однако на практике поводом для принятия титула βασιλεύς могли послужить и иные события и основания (к примеру, победа над каким-либо другим врагом, династический брак с «вышестоящим» царским домом или даже просто соображения династического престижа – стремление не уступить в статусе своим соседям и соперникам)³.

4. Для эллинистических монархий смена царской эры была событием, по своему политическому значению сопоставимым с переменной герба, флага и гимна в современных государствах, и потому не могла происходить слишком часто⁴. Строго говоря, в эллинистическом мире известен лишь единственный (!) совершенно бесспорный пример перехода с одной такой системы летосчисления на другую⁵, имевший место именно в истории Понта в какой-то момент между временем заключения понтийско-херсонесского договора и введением в царстве Митридатидов вифинско-понтийской эры⁶ (подробнее об этом см. далее). Поэтому кажется разумным исходить при рассмотрении вопроса о династическом летосчислении из «принципа Оккама», предполагая минимально частую смену

³ «Это (провозглашение диадохов царями. – О.Г.) феномен социального порядка, пример “закона подражания”» (Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 14). Нет оснований сомневаться в том, что подобный же «закон подражания» должен был действовать и в отношениях между малоазиатскими династиями.

Весьма показателен также пассаж Плутарха: «Тогда (после принятия царского титула Антигоном Монофталмом и Деметрием. – О.Г.) Египет поднес царский титул Птолемею, – чтобы никто не подумал, будто побежденные лишились мужества и впали в отчаяние, – а дух соперничества (курсив мой. – О.Г.; τῷ ζήλῳ) заставил последовать этому примеру и остальных преемников Александра. Стал носить диадему Лисимах, надевал ее теперь при встречах с греками Селевк, который, ведя дела с варварами, и прежде именовал себя царским титулом» (Dem. 18; пер. С.П. Маркиша). Несмотря на то что эту информацию не следует воспринимать чересчур буквально (см. Кошеленко Г.А. Государство Селевкидов и Пергамское царство // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 103), необходимо обратить внимание на последнюю фразу, где четко прослеживается различие в восприятии власти новых монархов греко-македонянами, с одной стороны, и представителями восточных народов – с другой (Журавлева Н.В. Предпосылки создания царского культа в государстве Селевкидов // ДВАМ. 2003. Вып. 6. С. 39).

⁴ В отношении греческих полисов ситуация складывалась иначе, чем с крупными монархиями: они, с одной стороны, были вполне свободны в выборе собственных систем летосчисления, связанных с какими-то локальными, но важными для полиса событиями (Leschhorn. Op. cit. S. 419). С другой стороны, при переходе городов из одного царства в другое в них следовало бы ожидать и смену эр в зависимости от политической конъюнктуры, что часто и происходило.

⁵ Имеется в виду перемена эр в государстве, сохранявшем непрерывность этнополитической и династической традиции. Использование так называемой «эры Евкратиды» (в сущности, просто датировки по годам его правления) в Греко-Бактрии, где она, очевидно, пришла на смену эре Селевкидов (Rapin C. Les inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d’Ai Khanoum (Afghanistan) // BCH. 1983. T. 107. № 1. P. 369–370; Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. С. 270–271) или функционирование в некоторых греческих городах Парфянского царства наряду с эрой Аршакидов «старого стиля» – селевкидской эры (ὡς δὲ πρότερον) (Бикерман. Хронология древнего мира. С. 66–67) – явления иного порядка, суть которых самоочевидна. См. также об использовании эры Селевкидов Тиграном II Армянским (прим. 113).

⁶ Я исхожу из того, что следует различать собственно «вифинскую эру», введенную в 297 г. Зипойтом после победы над Лисимахом и введением царского титула, и эру «совместную» – вифинско-понтийскую, т.е. ту, которая стала употребляться в Понте, по моему мнению, с 96/95 г., а впоследствии была распространена на Боспоре. Такая трактовка подразумевает, что нет оснований говорить об эре, функционировавшей в Понте непосредственно с 297 г. Аргументация будет представлена ниже.

различных эр и уделяя особое критическое внимание определению и трактовке тех событий, которые могли быть ее причиной.

5. Следует проводить различие между статусом правителей македонского и местного происхождения. Представители восточной знати, многое заимствуя из политического опыта диадохов, во-первых, все же первоначально не могли считать себя равнозначными им политическими фигурами, а во-вторых, не хотели полностью перенимать греко-македонские государственные институты в ущерб политическим традициям своих стран и народов⁷. В частности, если для македонских властителей приоритетным должно было быть признание «права копья»⁸, закрепляющее господство над той или иной территорией, то для малоазийских правителей определяющей была возможность апеллировать к своим исконным (иранским, фрако-анатолийским и пр.) государственно-правовым устоям. Представляется возможным говорить о «двуедином» отношении анатолийских династов к политической практике македонян, включавшем в себя элементы как заимствования, так и отрицания. Здесь наблюдается частный случай важной закономерности, проявлявшейся в тех регионах эллинистического мира, которые не были непосредственно завоеваны Александром и диадохами: восприятие греческого языка, культуры, институтов в них носило активный, но избирательный характер⁹, регулируясь в первую очередь политикой правящего дома.

6. Автором данной статьи уже было сформулировано применительно к раннеэллинистической Малой Азии понятие «анатолийское этнополитическое койне», которое объединяло многих местных династов; существенно важным элементом его следует считать «общее политико-правовое пространство»¹⁰.

⁷ Диадохи существенно реже использовали в своей пропаганде мотивы, почерпнутые из политической практики населения «своей» страны (речь идет, разумеется, о тех сатрапиях империи Александра, где каждый из них обосновался). См. исчерпывающий анализ самого показательного памятника: *Ладынин И.А.* К датировке и исторической интерпретации первой части «Стелы сатрапа» (Urk. II. 12. 12–15. 16) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. I. Казань, 2000. С. 178–200. Ср.: «В клинописных документах царь (Антиох I. – *О.Г.*) именуется себя “царь Вавилона”» (*Бикерман*. Государство Селевкидов. С. 8). Более подробно о «вавилонской составляющей» в государственной идеологии Селевкидов: *Scharrer U.* Seleukos I und das babylonische Königtum // Zwischen West und Ost. Studien zur Geschichte des Seleukidenreichs / Hrsg. von K. Brodersen. Hamburg, 1999. S. 95–128. Вместе с тем восточный элемент в структуре эллинистической монархии нередко вообще игнорируется, примером чего могут служить некоторые работы такого авторитетнейшего ученого, как Н.Дж.Л. Хэммонд; см., например: *Hammond N.G.L.* The Continuity of Macedonian Institution and Macedonian Kingdoms of the Hellenistic Era // *Historia*. 2000. Bd XLIX. Ht 2. S. 141–160. Как крайность, впрочем, должна расцениваться и тенденция считать эллинистическую βασιλεία прямым «продолжением» восточной царской власти (*McEvan C.W.* The Oriental Origin of Hellenistic Kingship. Chicago, 1934).

⁸ Об этой политико-правовой категории см. *Müller O.* Antigonos Monophthalmos und «Das Jahr der Könige». Bonn, 1973. S. 108–121; *Mehl A.* «Δορίκτητος χώρα» Kritische Bemerkungen zum «Speererwerb» in Politik und Völkerrecht der hellenistischen Epoche // *AncSoc*. 1981. Vol. 11/12. S. 173–212; *Walbank F.W.* Monarchy and Monarchic Ideas // *САН*². Vol. VII. Pt I. 1984. P. 66; *Самохина Г.С.* Развитие представления о χώρα δορίκτητος в эпоху эллинизма // *Античный полис*. Л., 1979. С. 92–101.

⁹ *Саркисян Г.Х.* Эллинизм в Вавилонии и Армении // Второй Всесоюзный симпозиум по проблеме эллинистической культуры на Востоке. М., 1994. С. 60–62.

¹⁰ См. *Габелко О.Л.* Царская власть в раннеэллинистической Малой Азии: истоки, сущность, правовое обоснование // *Античность в современном измерении. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию научного кружка «Античный понеделник»*. Казань, 2001. С. 33–36.

Именно поэтому я намереваюсь рассматривать спорные моменты хронологии и династической истории Митридатидов в тесной связи с событиями, происходившими в конце IV – начале III в.¹¹ в сопредельных районах Малой Азии: деятельность правителей Великой Каппадокии, Вифинии, Пергама имела немало общих черт с политикой понтийской династии и потому позволяет лучше понять ее.

7. Реальная политическая действительность эпохи эллинизма была чрезвычайно сложной и могла порождать ситуации, не укладывавшиеся в приведенную здесь схему. Поэтому надеяться на получение исчерпывающих ответов на все вопросы, связанные с династической историей, генеалогией и пропагандой понтийских царей (равно как и других эллинистических династий), пока не приходится.

Отправным пунктом для выдвигания и обоснования идеи, излагаемой далее, является крайне интересная статья австралийских ученых А.Б. Босворта и П. Уитли¹², оставшаяся, к сожалению, малозамеченной другими историками¹³. Имеет смысл кратко воспроизвести здесь некоторые положения этой работы, имеющие принципиальное значение для формулирования предлагаемой далее гипотезы.

Исследователи доказывают, что родовым доменом Митридатидов являлись не Киос и еще какой-то город «Аррина», название которого искажено в рукописной традиции (вместо этого предлагались названия других малоазийских полисов – Мирлеи, Мирины, Карины, что, впрочем, оставляет много нерешенных вопросов), в данном случае владения этого знатного рода были бы чересчур незначительными¹⁴, а Мисия в целом, тогда конструкция фразы Диодора *ὄνειρέθη περὶ Κίον τῆς Μυσίας, ἄρξας αὐτῆς* (XX. 111. 4) приобретает именно такой смысл, если соотносить местоимение *αὐτῆς* с названием страны, а не города¹⁵. Другой частью владений Митридатидов была располагающаяся на восток от Мисии и Вифинии Мариандиния, именно это название австралийские ученые предлагают восстановить вместо испорченного «Аррина»¹⁶. Таким образом, родовая вотчина Митридатидов включала в себя весьма обширные, стратегически и экономически важные территории с многочисленным населением.

А.Б. Босворт и П. Уитли уточняют генеалогию Митридатидов¹⁷. Для рассматриваемых здесь сюжетов важно то, что Митридатом Ктисом, основателем династии, по их мнению, должен считаться Митридат, сын Ариобарзана (Plut. Dem. 4), а не Митридат, управлявший Мисией (Киосом, как считалось раньше) и убитый в 302 г. по приказу Антигона (Diod. XX. 111. 4). Митридат – правитель Мисии соответственно приходился Ктису дядей¹⁸.

¹¹ Здесь и далее все даты – до н.э.

¹² *Bosworth P.B., Wheatley P.V. The Origins of the Pontic House // JHS. 1998. 118. P. 155–164.*

¹³ В упоминавшейся работе Я.-М. Хейте основные положения этой статьи рассматриваются и прямо не отвергаются, но определенного отношения к ним не высказано.

¹⁴ Другой важный аргумент – отсутствие свидетельств подчинения города персидским династиям в двух сохранившихся киосских декретах IV в., в отличие, например, от находившихся под властью Гекатомнидов карийских полисов (*Bosworth, Wheatley. Op. cit. P. 156*).

¹⁵ *Ibid. P. 156–157.*

¹⁶ *Ibid. P. 157–159.*

¹⁷ Оставляю в стороне оригинальную трактовку авторами возможных связей понтийской династии с Ахеменидами (*Ibid. P. 159–160*).

¹⁸ *Ibid. P. 160–162* и генеалогическая таблица (p. 162).

И наконец, самое главное. По мнению исследователей, бегство Митридата от Антигона Одноглазого состоялось не в 302 г., как считают практически все исследователи¹⁹, а в 315/314 г. или около того²⁰. Основаниями для такого вывода служат, во-первых, совершенно недвусмысленное указание Плутарха на то, что Деметрий в это время был еще молод и потому вынужденно подчинился отцу (чего не могло быть в 302 г., когда он уже был вполне самостоятельной политической фигурой); во-вторых, наблюдение авторов, что после кампании 315–314 гг. по осаде Тира²¹ Антигон и Деметрий довольно редко действовали совместно, а в 302 г. они наверняка не находились вместе²².

На мой взгляд, А.Б. Босворту и П. Уитли удалось создать целостную и в общем непротиворечивую картину событий истории Митридатидов в IV – начале III в. с точки зрения хронологии, исторической географии и генеалогии. Кажется логичным применить полученные исследователями результаты при рассмотрении еще одной сферы династической истории понтийского царского дома, а именно: введении собственной династической эры. *Основной идеей данной работы является предположение о функционировании в Понтийском царстве на протяжении III – начала I в. системы летосчисления, восходящей приблизительно к 315 г. и условно называемой мною «эрой Кимиатены».* Приведу основные аргументы в пользу ее существования.

А рίοίι принятие за начало отсчета по понтийской царской эре прихода Митридата Ктιστα к власти в Кимиатене выглядит весьма вероятным, так как в точности следует той же логике, что и учреждение эры Селевкидов: утверждение власти родоначальника династии в «коренных» владениях правящего дома (и при этом βασιλεία понтийских царей оказывалась даже немного старше селев-

¹⁹ Обычно рассказ Плутарха о бегстве Митридата с помощью Деметрия ставится в зависимость от сообщения Диодора об убийстве Митридата – «правителя Киоса» (т.е., как было указано, выше Мисии).

²⁰ Датировка появления Митридата Ктιστα в Пафлагонии не 302-м, а 315-м годом изредка появлялась в науке и ранее, к примеру, ее придерживался Е.А. Молев (К вопросу... С. 137), хотя целиком его аргументацию я принять не могу. В частности, крайне сомнительными кажутся принимаемая им вслед за Р.Х. Лепером конъектура περί Κιτίατο вместо περί Κίον и делаемый на ее основе вывод о том, что Митридат Ктист был убит уже в Кимиатене (там же). В этом случае, если, по мнению исследователя, «Антигон имел полную возможность расправиться с изменником», становится непонятным, зачем вообще Митридату нужно было бегство в Пафлагонию, коль скоро он не обеспечил с его помощью собственной безопасности. В более поздней работе Е.А. Молев (Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995. С. 9–10) не уделяет хронологии событий специального внимания. Упоминает мельком возможность того, что «отправной точкой эры надо бы считать 315 или 302 г.» (правда, полемизируя с этой мыслью) и С.Ю. Сапрыкин (Ук. соч. С. 27).

²¹ Симптоматично, что к осаде Тира, судя по всему, могли быть привлечены силы и других малоазийских правителей, например, тирана Гераклеи Понтийской Дионисия (Memn. FGtH 434, F 4. 7).

²² Bosworth, Wheatley. Op. cit. P. 162–164. Авторы оставили без внимания, пожалуй, лишь один аспект реконструируемых ими событий: бежать в Пафлагонию из-под Тира Митридату было бы несравненно сложнее, чем из Киоса, так как ему пришлось бы проделать примерно в три раза больший путь. Это возражение серьезное, но непреодолимых проблем оно, кажется, все же не создает. Митридату и его спутникам было необходимо достичь Тарса в Киликии (это относительно недалеко от Тира), откуда шла кратчайшая прямая дорога в Пафлагонию и Понтийскую Каппадокию. Геродот сообщает даже, будто бы пеший путь от Иского залива до Амиса занимает всего 5 дней (I. 72); однако эта информация недостоверна (Максимова М.И. Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунт. М.–Л., 1956. С. 14–15).

кидской и вифинской, что, без сомнения, должно было значительно повысить авторитет Митридатидов в масштабах Малой Азии и эллинистической ойкумены в целом). На особое значение бегства Митридата в пафлагонские владения для истории понтийской династии косвенно указывает и то обстоятельство, что именно это событие является чуть ли не единственным эпизодом долгой политической карьеры Митридата Ктиста, получившим достаточно подробное освещение в античной традиции²³, причем с четко выраженными пропагандистскими «оттенками»²⁴. Если же возводить начало понтийского летосчисления либо к приходу к власти в Киосе отца Митридата Ктиста, либо к воцарению Дария III в державе Ахеменидов (об этом см. далее), то окажется нарушенным один из основополагающих принципов учреждения царских эр эпохи эллинизма, связывающих начало отсчета с деятельностью именно того правителя, который принял царский титул (что, как кажется, может быть прослежено на примере Селевкидов: см. выше, Птолемеев²⁵, Вифинии²⁶ и отчасти Парфии²⁷).

²³ Митридат I, кроме этого, упоминается в античной традиции лишь дважды и очень кратко: к нему в 280 г. обратились гераклеоты, намереваясь создать коалицию против Селевка (*Memn. FGhN 434, F. 7. 2*), а несколькими годами позже он совместно с сыном-соправителем Ариобарзаном и галатами разгромил птолемеевский десант (*Steph. Byz., s.v. (Ἀ)ῤυρρα = Apollod. Aphrod. FGhN 740 F. 14*).

²⁴ Сообщение о том, что Антигон Монофталм якобы увидел сон, предвещающий будущее величие Митридата (*Plut. Dem. 4; App. Mithr. 9*) – очевидное *vaticinatio post eventum* (*Bosworth, Wheatley. Op. cit. P. 163*). Весьма показательно, что и Селевк I будто бы тоже получал знамения о своем будущем царском достоинстве накануне прихода к власти в Вавилонии (*Diod. XIX. 90. 3–5*); см. об этом подробнее: *Mehl. Seleukos Nikator... S. 95–103*. Следование понтийских правителей селевкидской пропагандистской схеме выглядит, таким образом, весьма недвусмысленным и в этом аспекте. Возможно даже, что оба эти топоса восходят к одному и тому же автору – Гиерониму из Кардии (*Hadley R.A. Hieronymus of Cardia and Early Seleucid Mythology // Historia. 1969. Bd XVIII. Ht 1. P. 142–152; idem. Royal Propaganda of Seleucus I and Lysimachus // JHS. 1974. 94. P. 50–65; особ. 56–57, 64*).

²⁵ «Эра Птолемеев», отсчет лет по которой появляется эпизодически на птолемеевских монетах III–II вв., восходит к 311/310 г. и связана со становлением «Египта как независимого государства в рамках восходящей к деятельности Александра Великого политической традиции» (*Ладьянин. Ук. соч. С. 198. Прим. 48* – с критически осмысленной литературой). Очевидно, она была введена уже после того, как Птолемеи I Сотер провозгласил себя царем.

²⁶ Строго говоря, нет полной уверенности в том, что сам Зипойт одновременно с принятием титула царя в 297 г. учредил «вифинскую» царскую эру: теоретически это ретроспективно мог сделать кто-то из его преемников, так как первая надпись, датированная по ней, декрет в честь царского эпистата из Прусы Олимпийской, появляется лишь в начале II в. Однако первый вариант выглядит все же более вероятным.

²⁷ Относительно эры Аршакидов можно заметить, что впервые датировка по ней (125 г.) появляется на монетах Артабана I (*Sellwood D.G. An Introduction in the Coinage of Parthia. L., 1980. P. 62*). Эта система летосчисления, судя по всему, была введена «задним числом» кем-то из парфянских царей, а ее началом, вероятно, следует считать приход к власти в Парфии (правда, номинальный) Аршака I (247 г.). О сомнениях принял ли сам Аршак царский титул, см. *Балаханцев А.С. Селевк II и Парфия // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Учебно-методический комплекс. Ч. I. Казань, 2000. С. 208–211*. Необходимо, однако, отметить, что становление парфянской государственности происходило много позже, чем образование монархий Малой Азии, в другом регионе и в условиях иного социально-экономического уклада – кочевого (хотя также в основном в рамках иранской традиции, отчасти прижившейся и в некоторых областях Анатолии), чем и могут объясняться некоторые его специфические черты. Помимо этого, я не уверен, что возможна ситуация, когда наследник умершего правителя (в данном случае Митридат I Парфянский) на своих монетах помещал бы легенду, содержащую царский титул и имя предшественника, если бы в реальности тот этим титулом не обладал (Там же. С. 208). Возможно, «царские» монеты самого Аршака еще не обнаружены.

Далее: при локализации наследственного домена Митридатидов в Мариандии становятся вполне понятными и те основания, которые позволили Митридату Ктисту провозгласить себя царем одновременно с Зипойтом Вифинским в 297 г.²⁸: этому способствовала естественная географическая близость владений

²⁸ Этой датировки придерживаются: *Meyer Ed. Op. cit. S. 39; Ломоури. Ук. соч. С. 31–33; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 43; Kobes. Op. cit. S. 119.* Развернутому доказательству того, что принятие царского титула Митридатом I (а возможно, и Спартоком III Боспорским) могло произойти сразу вслед за аналогичной акцией Зипойта, посвящена специальная работа: *Габелко О.Л., Завойкин А.А.* Еще раз о вифинско-понтийско-боспорской эре // Боспорский феномен: Проблемы датировки и хронологии памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2004. С. 74–81. Альтернативная точка зрения – датировка официального воцарения Митридата 281/280 г. (*Reinach Th. Numismatique ancienne: Trois royaumes de l'Asie Mineure. P., 1888. P. 95, 131–133; Magie. Op. cit. II. P. 1087; Olshausen. Op. cit. Sp. 403; McGing. The Foreign Policy... P. 19; Billows. Op. cit. P. 106; Перл. Ук. соч. С. 65–67*) основана на «препарировании» данных «Хронографии» Синкелла. Критика этого взгляда: *Ломоури. Ук. соч. С. 28–31; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 43;* наиболее подробно: *Габелко О.Л.* Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Синкелла // ААе. 2004. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. С. 86–106. К чисто хронологическим соображениям может быть добавлено и то, что смерть Лисимаха, с которой предлагается связывать провозглашение Митридата I царем, вряд ли имела для Понта столь важное значение: притязания Лисимаха в форме конкретной военно-политической экспансии едва ли простирались сколько-нибудь далее на восток от Гераклеи (*Макгинг Б.* На рубеже. Культура и история Понтийского царства // ВДИ. 1998. № 3. С. 99) (точнее, до Амастрии), а в виде намерений – самое большее до Синопы (*Виноградов Ю.Г.* Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы Международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху: экономика, политика, культура». Севастополь, 1992. Севастополь, 1995. С. 26). На внутренние регионы Пафлагонии и Понтийской Каппадокии Лисимах никак не претендовал, и интересы Митридата его действиями ни в какой мере не затрагивались. Это отмечает в частности Г. Перл, хотя он и говорит о воцарении Митридата в 281/280 г. (*Ук. соч. С. 67. Прим. 130*).

Что же касается предположения, будто Митридат провозгласил себя царем в знак избавления от селевкидского контроля (см., например: *Meyer Ern. Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien. Zurich-Leipzig, 1925. S. 116; Hind J.G.F. Mithridates // САН². Vol. IX. 1994. P. 131*), то оно тоже неубедительно. Победу над полководцем Селевка Никатора Диодором в Каппадокии (*Trog. Proleg. 17*) мог одержать не Митридат (такое мнение абсолютно преобладает: *Magie. Op. cit. II. P. 1087. Not. 6; Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhundert v. Chr. Wiesbaden, 1972. S. 38–40; не столь определенно: McGing. The Foreign Policy... P. 17. Not. 27*), а скорее Ариарат II Каппадокийский. Он с помощью армянского царя одержал победу над стратегом Селевка Аминтой, изгнав македонян из страны (*Diod. XXXI. 19. 5*), как показал М. Шоттки, ок. 281 г. (*Schottky M. Media Atropatena und Gross-Armenien in hellenistischer Zeit. Bonn, 1989. S. 93–94*), и поход Диодора мог быть попыткой Никатора вернуть утраченное. Поскольку Трог помещает экспедицию Диодора после гибели Лисимаха, то сложно представить, как Селевк сумел бы предпринять военную акцию в Понте, уже лишившись хотя бы относительно надежного плацдарма в Великой Каппадокии. Стоит заметить, что ни Юстин, ни автор «Прологов» к труду Трога нигде не употребляют название «Каппадокия» применительно к Понту. Наконец, поводом к принятию царского титула Митридатом Ктистом вряд ли могла стать и смерть Селевка I, так как Митридат, разумеется, никак не был к ней причастен. То, что на монетах Митридата I изображена Ника, отнюдь не обязательно должно расцениваться как символ какой-то военной победы (так считают, например: *McGing. The Foreign Policy... P. 19; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 48*), поскольку подобное изображение широко известно еще со времени Александра Великого и могло быть заимствовано понтийским правителем. Едва ли возможно, что и Зипойт, и Митридат одержали в одном и том же 297 г. победы над кем-то из диадохов.

вифинских правителей и будущей понтийской династии²⁹. Вообще же кажется резонным предполагать, что «эра Кимиатены» была введена самим Митридатом Ктисом именно вместе с принятием им царского титула вслед за Зипойтом Вифинским³⁰, т.е. понтийский правитель «творчески усвоил» и реализовал в этой акции опыт как македонских владык, так и своего малоазийского соседа. Важно, опять же, подчеркнуть, что понтийский царь стал отсчитывать собственную эру от даты, на 17 или 16 лет более ранней, нежели начальный год «вифинской» царской эры: пропагандистский смысл этой акции вполне очевиден.

Можно также предположить некоторую общность политических интересов понтийского и вифинского правителей, связанную прежде всего с борьбой против Гераклеи Понтийской³¹, что могло отчасти породить и сходство политико-правовых институтов в двух молодых монархиях. К тому же Кимиатена была расположена относительно неподалеку от Мариандинии³², тогда как бегство Митридата в эту область из Киоса оставляет неясным, почему его мог привлечь именно этот довольно удаленный и незначительный в экономическом и политическом отношении район. Более закономерным выглядит и процесс усиления Митридата и расширения его владений (Diod. XX. 111. 4; App. Mithr. 9; Strabo. XII. 3. 42), коль скоро он занял значительный промежуток времени – ок. 20 лет (с момента бегства в Кимиатену до провозглашения царем в 297 г.), а не вчетверо меньший срок (302–297 гг.).

Наконец, при рассмотрении вопроса о воцарении Митридата Ктиста исследователи абсолютно единодушны в том, что 36-летний период его правления (Diod. XX. 111. 4) следует отсчитывать от 302 г. Понятно, что, придерживаясь предлагаемого здесь варианта развития событий, эту уверенность сложно разделить, хотя такой точки зрения придерживаются также А.Б. Босворт и П. Уитли³³. Они исходят из предположения о том, что легитимации власти Ктиста способствовало оказание им помощи и установление дружественных отношений с Лиси-

²⁹ Вифиния и Мариандиния имели достаточно протяженную общую границу. См. подробнее: *Габелко О.Л.* Гераклея Понтийская и Вифиния в раннеэллинистический период: политико-географический аспект // ВДИ. 1999. № 2. С. 118–123. Данный фактор едва ли мог проявиться в том случае, если Митридатиды действительно правили только в Киосе: владения Зипойта в конце IV в. еще не примыкали к этому городу.

³⁰ Исследователи, придерживающиеся традиционного мнения о начале «эры Фарнака» или «эры Отанидов» в 336 г. (см. далее), не могут дать убедительного ответа на вопрос, кем именно из понтийских царей, когда и по какому конкретному поводу данное летосчисление было введено. Предлагаемая здесь гипотеза эту проблему полностью снимает.

³¹ Вифиния оставалась противником гераклеотов вплоть до воцарения Никомеда I в 280/279 г. (см. *Габелко.* Гераклея Понтийская... С. 114–124). Что же до Митридата, то в конфликт с Гераклеей вступил уже его одноименный прадед (*Just.* XVI. 4. 7; *Suda.* s.v. Κλέαρχος) видимо, владевший Мариандинией, а самому ему было необходимо добиться возвращения наследственного домена (см. прим. 32). О борьбе гераклеотов с соседями в конце IV в. могут свидетельствовать нумизматические материалы (*Burstein S.M.* *Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea.* Berkeley, 1976. P. 84, 142. Not. 29). Наконец, очень показательна передача города Амастрии ее правителем Эвменом в 279 г. Ариобарзану Понтийскому, а не гераклеотам (*Memn.* FGhN 434, F 9. 4), явно в ущерб интересам последних.

³² Попытки Митридата закрепиться в самой Мариандинии были, очевидно, обречены на неудачу, так как в это время данная область (вероятно, в полном объеме) находилась под контролем союзника Антигона тирана Гераклеи Понтийской Дионисия, чья держава продолжала расширяться и усиливаться (*Memn.* FGhN 434, F 4. 4–5). См. *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 115–120; *Burstein.* *Outpost...* P. 72–80, 137–141.

³³ *Bosworth, Wheatley.* *Op. cit.* P. 164.

махом во время пребывания войск последнего в 302 г. на Салонийской равнине – в относительной близости от Кимиатены, а также из замечания Диодора о том, что Митридат Ктист унаследовал власть (*δυναστεῖαν διαδεξόμενος*) у Митридата, убитого Антигоном, опять-таки благодаря Лисимаху, от которого он будто бы получил во владение западные районы наследственного домена. Такая точка зрения, наверное, имеет право на существование, но у нее есть и слабые места. Во-первых, сложно представить, что Митридат Ктист мог, пребывая уже 12 или 13 лет в Кимиатене, в полном смысле слова «наследовать» своему дядюшке (не отцу!), убитому у Киоса; возможно, Диодор в указанном пассаже просто имеет в виду очередность пребывания у власти старших представителей династии. Во-вторых, нарисованная австралийскими историками поистине идиллическая картина взаимоотношений Лисимаха и Митридата совершенно не подтверждена данными источников, в которых на сей счет вообще нет никакой информации; тем более сомнительно, что уже в том же в 302 г. царь Фракии сумел бы осуществить территориальные дарения Митридату, ведь этому мог пока еще воспрепятствовать Антигон Одноглазый. Поэтому следует попробовать определить иной хронологический рубеж, который мог бы считаться началом правления Митридата I.

Отсчитывать 36 лет от 315 или 314 г., однако, оказывается едва ли возможным: при этом получается, что Ктист, проживший 84 года (*Luc. Масгов. 13* – со ссылкой на Гиеронима из Кардии), должен был бы родиться много раньше, чем предполагалось ранее – ок. 367 г., а это делает слишком большой разницу в возрасте между ним и Деметрием, тогда как Плутарх называет их сверстниками (*ἡταῖρος ἦν αὐτοῦ καθ' ἡλικίαν καὶ συνήτης*) (*Dem. 4*). Эта информация довольно противоречива³⁴, но едва ли возможно ее совсем игнорировать³⁵. Думается, правильнее было бы предложить считать годы правления Ктиста от момента принятия им царского титула, что, как я пытался обосновать выше, произошло в 297/6 г.³⁶ В таком случае смерть Митридата I и воцарение Ариобарзана придутся примерно на 261 г., что не противоречит данным наших источников³⁷. Тем

³⁴ См. попытки разобраться в сообщении Плутарха: *Ibid.* P. 163.

³⁵ Как поступает, например, Э. Ольсхаузен, следуя предположению Эд. Мейера (*Mey-er Ed. Op. cit. S. 36*) о том, что в пассаже *Plut. Dem. 4* перепутаны между собой два Митридата – дядя и племянник (*Op. cit. Sp. 402*).

³⁶ «Статус» 302 г. вообще выглядит чрезвычайно неопределенным, так как он по всем данным не связывается ни с учреждением царской эры, ни с принятием титула царя Митридатом Ктистом. Аналогия со «знаковыми» датами из истории вифинской династии при ближайшем рассмотрении оказывается лишь внешней. Мемнон, говоря о Зипойте Вифинском, указывает, что он жил 76 лет, из которых обладал властью 48, тем самым подразумевается отсчет непосредственно от 328/327 г., когда Зипойт наследовал своему отцу Басу (*F. 12. 5*), а не от принятия им царского титула в 297 г. Однако в правовом положении вифинского и понтийского правителей имелись некоторые различия. Первый из них обрел власть на территории, где наследственное правление его предков не прерывалось, как минимум, на протяжении более чем ста лет, так что после победы над Лисимахом произошло только «повышение статуса» Зипойта. Перипетии начала политической карьеры Ктиста, несмотря на высокое положение его предков, естественно, не давали столь определенных хронологических ориентиров, которые, видимо, были выработаны им только в 297/296 г., когда его держава уже значительно укрепилась.

³⁷ Если доверять переданному Лукианом сообщению Агатархида о том, что историк из Кардии прожил 104 года и до конца жизни «сохранил остроту всех чувств и безукоризненное здоровье» (*Luc. Масгов. 22*), то можно допустить, что его труд, вопреки распространенному мнению (см., например: *Кошеленко Г.А. Греция и Македония эллинистической эпохи // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). С. 68*) не прервался на описании смерти Пирра в 272 г. и охватывал период 260-х годов до н.э. Это верно, кстати, даже при традиционной датировке смерти Ктиста 266 г.

самым несколько ослабляется указанное выше противоречие: получается, что Ктист родился в 345 г., и разница в возрасте между ним и Деметрием Полиоркетом (род. в 337/336 г.) оказывается уже не столь значительной³⁸.

Итак, принимая за начало фактического существования независимого государственного объединения в Пафлагонии и Каппадокии Понтийской в правление Митридата I Ктиста и считая важным средством легитимации власти последнего введение им собственной эры с 315 или 314 г., необходимо попытаться найти подтверждение этому в эпиграфических источниках. Датированных надписей, связанных с историей Понта до эпохи Митридата VI, на сегодняшний день известно совсем немного, но интерпретация их до сих пор порождает множество вопросов³⁹.

Первый из названных памятников – знаменитый договор Фарнака I Понтийского с Херсонесом (IOSPE. I². 402), опубликованный Р.Х. Лепером⁴⁰. В нем содержатся сразу две датировки. Первая относит составление документа к пятнадцатому дню месяца Гераклия по принятому в Херсонесе мегарскому календарю (стк. 7). Вторая дата – месяц Даисий сто пятьдесят седьмого года, «как считает царь Фарнак» (ἐν τῷ ἑβδόμῳ καὶ πεντηκοστῷ καὶ ἑκατοστῷ ἔτει, μὴνὸς Δαίσιου, καθὼς βασιλεὺς Φαρνάκης ἄγει) (сткк. 29–32). Известно, что месяц Даисий македонского календаря соответствует маю–июню, но точное определение года заключения договора и эры, которой пользовался Фарнак⁴¹, представляет собой непростую задачу.

До сих пор наиболее авторитетной (особенно в отечественном антиковедении) остается трактовка надписи, предложенная ее издателем Р.Х. Лепером и предлагающая отсчитывать 157 лет от 336 г., относя тем самым заключение договора к 179 году – году завершения войны Фарнака против коалиции малоазиатских царей, возглавляемой Эвменом II Пергамским (так называемая Понтийская война). Литература об этом конфликте и завершившем его договоре весьма обширна⁴², однако ввиду ограниченного круга источников, повествуя-

³⁸ Более того, становится оправданным применение к 30-летнему Митридату Плутархом термина νεογένητος: так он называет Пизона Лициниана, который был годом старше к моменту его убийства (*Galb.* 19, 27) (*Bosworth, Wheatley.* Op. cit. P. 163. Not. 88).

³⁹ Необходимо сделать одно замечание методического порядка: при обращении к данным эпиграфики чаще всего встречается ситуация, когда тот или иной исследователь, блестяще проведя анализ какого-либо «отдельно взятого» памятника, к сожалению, пренебрегает целенаправленным сопоставлением его с иными эпиграфическими материалами и, тем более, с источниками других категорий. Хочу надеяться, что в данной работе мною представлена именно попытка комплексного подхода.

⁴⁰ *Лепер.* Херсонесские надписи. С. 23–39.

⁴¹ Говоря далее об «эре Фарнака», я лишь следую словоупотреблению херсонесско-понтийского договора и ни в коей мере не хочу вкладывать в данное словосочетание смысл, будто бы именно этот царь ввел указанную систему летосчисления.

⁴² Перечислю лишь наиболее важные работы: *Колобова К.М.* Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1949. № 3. С. 27–35; *Блаватская Т.В.* Западнопонтийские города в VII–I вв. до н.э. М., 1952. С. 158–160; *Сапрыкин.* Гераклея Понтийская... С. 186–199; *он же.* Понтийское царство. С. 71–82; *Виноградов.* Понт Евксинский... С. 36–37; *Молев.* Властитель Понта. С. 14–18; *Hopp J.* Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977. S. 44–48; *Will Éd.* Histoire politique du monde hellénistique. T. II. Nancy, 1982. P. 244–245; *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybios. Vol. III. Oxf., 1979. P. 271–274; *Sherwin-White A.N.* Roman Foreign Policy in the East. 168 BC to AD I. L., 1984. P. 42–43; *Gruen E.S.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. II. Berkeley–Los Angeles–London, 1984. P. 553–554; *McGing.* The Foreign Policy... P. 25–31; *Habicht Ch.* The Seleucids and Their Rivals // САН². Vol. VIII. 1989. P. 328–330.

щих об этих событиях⁴³, прийти к бесспорным выводам исследователям пока не удалось. Для цели данного исследования важно остановиться на отношениях Фарнака с херсонеситами, которые, очевидно, нужно рассматривать в контексте связей Понта с другими черноморскими полисами, только в этом случае можно прийти к какому-либо выводу относительно обстоятельств и времени заключения понтийско-херсонесского союза и соответственно начальной даты «Фарнакова летосчисления». Для этого придется более или менее подробно проанализировать некоторые дипломатические аспекты Понтийской войны⁴⁴.

Следует отметить крайнюю осторожность в высказываниях Р.Х. Лепера, отнюдь не настаивавшего на абсолютной верности своих предположений⁴⁵, которые обрели, однако, впоследствии в трудах других ученых статус почти что непреложных истин⁴⁶. Это прежде всего относится к датировке херсонесско-понтийского договора тем же 179 г., когда завершилась война Фарнака I против коалиции малоазийских царей. Между тем при ближайшем рассмотрении ответ на вопрос о времени создания этого документа выглядит далеко не столь однозначным.

Главное возражение против датировки договора маем–июнем 179 г. состоит в том, что она в сущности была предложена и укоренилась в историографии исходя из заманчивой возможности «привязать» заключение соглашения к конкретному событию – Понтийской войне, причем таким образом, чтобы в качестве начала отсчета по «эре Фарнака» фигурировал бы 337/6 г., когда, согласно Диодору (XVI. 90. 2), Ариобарзану, в Киосе, как считалось раньше, наследовал Митридат. Против той устоявшейся датировки можно выдвинуть несколько важных

⁴³ Это рассказ Полибия, фрагмент Диодора (XXIX. 23), два кратких сообщения Ливия (XL. 2. 6; 20. 1) и два эпиграфических документа – договор с Херсонесом и сходное, но, к сожалению, гораздо менее информативное ввиду плохой сохранности соглашение с Одессом (IGB I². 40). Остается непонятным мнение С. Трейси, полагающего со ссылкой на Bull. epigr. 1944. № 131, что последний договор следует относить к тому времени, когда Фарнак еще не был царем (*Tracy S.V. Inscriptiones Deliacae: IG XI 713 and IG XI 1056: The Date of IG XI 1056 and Pharnakes I's of Pontos // MDAI(A). 1992. 107. P. 307. Отс. 15*). Ввиду фрагментарности текста надписи подобный вывод, основанный на отсутствии царского титула перед именем Фарнака в стк. 5, кажется малообоснованным.

⁴⁴ См. краткое резюме: *Габелко О.Л. Договор Фарнака Понтийского с Херсонесом: обстоятельства заключения и датировка (взгляд со стороны) // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы V Международной конференции, посвященной 350-летию г. Харькова и 200-летию Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Харьков, 2004. С. 54–55.*

⁴⁵ «Наш договор подходит к событиям войны 183/182–180/179 гг. и, если не представляет из себя части договора, заключенного между воевавшими сторонами непосредственно после войны, то является договором, заключенным позднее в развитие условий мира 180/79 года (курсив мой. – О.Г.)» (*Лепер. Херсонесские надписи. С. 32*). К сожалению, исследователь в дальнейшем эту перспективную мысль никак не развивает. Возможность более позднего заключения договора допускал и Г. Перл, отмечая при этом смещение начала «эры Фарнака» (*Перл. Ук. соч. С. 45. Прим. 33*). Ср. отчасти сходное замечание: договор был заключен «скорее всего, вслед за общим соглашением; возможно (курсив мой. – О.Г.) еще в том же 179 г.» (*Доманский Я.В., Фролов Э.Д. Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII–I вв. до н.э.) // Античные полисы и местное население Причерноморья... С. 91*). Уточнить хронологический аспект событий, к сожалению, не удается, поскольку неизвестно, когда именно был заключен мир между Фарнаком и его противниками; Х. Хабихт полагает, что это произошло осенью 180 г. или весной 179 г. (*Habicht. The Seleucids... P. 329*).

⁴⁶ Эту точку зрения категорически отвергал Н.Ю. Ломоури (*Ук. соч. С. 16–18*), не предложивший, впрочем, собственного решения проблемы.

аргументов. Во-первых, едва ли Фарнак, только что потерпевший поражение в войне против Эвмена и его союзников, выплативший контрибуцию в 1200 талантов⁴⁷ и понесший другие потери (Polyb. XXV. 2. 3–15), был в состоянии активно вмешаться в состояние дел в Крыму и оградить Херсонес от натиска варваров. Это создало бы ему не меньше проблем, чем «война на два фронта», которую он был бы вынужден вести в случае существования более раннего союзного договора между Понтом и Херсонесом во время борьбы с Эвменом и его союзниками⁴⁸. В какой-то степени гарантом интересов граждан Херсонеса можно было бы считать только сарматского царя Гатала, также включенного в мирный договор 179 г. (Polyb. XXV. 2. 13) и наверняка дружественного Фарнаку⁴⁹, однако сам понтийский монарх вряд ли мог привлекать херсонеситов как правитель, способный выполнить эту функцию (хотя пункты договора, в которых говорится о взаимопомощи, носят весьма отвлеченный характер).

Относительно позиции включенных в договор 179 г. других греческих полисов – Гераклеи Понтийской, Месембрии и Кизика – тоже трудно высказаться с полной уверенностью. Распространенное мнение, будто бы все они пребывали на стороне Фарнака⁵⁰, как кажется, недостаточно обоснованно. Едва ли стоит сомневаться, что на стороне Эвмена выступил Кизик – наиболее верный и по-

⁴⁷ По итогам Второй Вифинской войны в 154 г. Прусий II был обязан заплатить Аталу II 500 талантов контрибуции в рассрочку на двадцать лет (Polyb. XXXIII. 13. 6; App. Mithr. 3), но в дальнейшем пытался избежать уплаты всей суммы (App. Mithr. 4), возмужно, ссылаясь на финансовые трудности. Фарнак, как кажется, обязан был рассчитаться с Эвменом II, Ариаратом IV и Морзием Пафлагонским сразу же, что должно было бы поставить его в весьма непростую ситуацию – даже в том случае, если финансовые ресурсы его царства превышали вифинские.

⁴⁸ Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 190–191. Мнение о том, будто «археологические материалы показывают, что союз, заключенный с Фарнаком автономными полисами, привел к желаемым для них результатам: во второй четверти II в. агрессивности скифов был поставлен надежный заслон, и экономика Херсонеса стабилизировалась» (Виноградов. Понт Евксинский... С. 37 со ссылкой на: Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 131), представляет собой, очевидно, плод недоразумения: не только археологические материалы не дают основания для подобного вывода, но и в указанном месте монографии А.Н. Щеглова ничего подобного не говорится. У нас имеется достаточно оснований, чтобы усомниться в возможности сколько-нибудь активных действий Фарнака в Крыму и тем более в «экспансии его интересов в Северное Причерноморье, прослеживаемой в договоре с Херсонесом... которая могла быть расценена последующими римскими историками как настоящая аннексия Боспора Киммерийского...» (Ballesteros-Pastor L. Pharnaces I of Pontus and the Kingdom of Pergamum // Talanta. 2002–2001. Vol. 32–33. P. 64). Керкинитида и Калос Лимен, были утрачены херсонеситами только во второй половине II в. (Кутайсов В.А. Керкинитида и Херсонес в IV–II вв. до н.э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 82–83), так что «подвластная страна» могла сохраняться за ними вплоть до этого времени, что не исключает предлагаемой далее датировки договора 158 или 157 г.

⁴⁹ Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970. P. 19; Виноградов. Понт Евксинский... С. 37; о Гатале см. McGing. The Foreign Policy... P. 30; Molev E.A. Bosphoros and Chersonesos in the 4th–2nd Centuries BC // The Cauldron of Ariantas. Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday / Ed. P.G. Bilde, J.M. Nøjte, V.F. Stolba. Aarhus, 2003. P. 213. Противоположное мнение, будто бы Гатал совершал нападения на Херсонес, будучи союзником Фарнака (см., например: Will. Op. cit. II. P. 243), совершенно не убедительно.

⁵⁰ Таков итоговый вывод статьи К.М. Колобовой (Ук. соч. С. 35); категоричная оценка о нейтралитете понтийских полисов в ходе войны дана С.Ю. Сапрыкиным (Понтийское царство. С. 78–79).

следовательный союзник Атталидов в первой половине II в.⁵¹ Гераклея Понтийская, хотя и могла иметь определенные противоречия с Пергамом и Вифинией из-за Тиоса⁵², разумеется, должна была опасаться понтийского царя, захватившего Синопу, Тиос и постепенно продвигающегося на запад⁵³. Хотя Фарнак имел дружественные отношения с Одессом, это отнюдь не гарантирует того, что его связи с расположенной неподалеку Месембрией имели аналогичный характер. Между полисами западного побережья Понта на протяжении III–II вв. происходило немало конфликтов⁵⁴, и участвующие в них стороны нередко стремились заручиться для борьбы с соседями поддержкой извне. При такой оценке союза между Одессом и Понтом категорично настаивать на существовании дружбы между Месембрией и Фарнаком к 179 г. едва ли возможно. Таким образом, предполагаемые позиции включенных в договор трех греческих полисов, видимо, не позволяют с уверенностью считать херсонеситов сторонниками Фарнака в 179 г., что будто бы и нашло свое выражение в заключении в этом же году союзного договора.

Другое обстоятельство, ставящее под сомнение отнесение договора Фарнака с херсонеситами непосредственно к моменту окончания Понтийской войны, связано с упоминанием в тексте дружбы с римлянами и обязательства ничего не принимать против них в качестве неперемного условия, налагаемого как на граждан Херсонеса (сткк. 3–5), так и на Фарнака (сткк. 26–27). Позиция Рима во время конфликта остается не вполне ясной. В целом дипломатическая деятельность сената, выразившаяся в отправке в Азию трех дипломатических миссий для выяснения положения дел и последующего урегулирования конфликта, мало чем отличалась от действий Рима в ходе только что завершившейся Первой Вифинской войны, направленных на поддержание в Анатолии равновесия политических сил⁵⁵. Исходя из этого, трудно представить, что в конце Понтийской войны сенат повел бы себя иначе, более или менее определенно встав на сторону одного из противников. Тем не менее в историографии (особенно отечественной) такие оценки не редкость⁵⁶.

Существуют, однако, и другие взгляды. Особенно привлекательно выглядит мысль Х. Хабихта, убедительно объясняющего, почему Синопа осталась за

⁵¹ *Thornton J.* Una città e due regine. *Eleutheria* e lotta politica a Cizico fra gli Attalidi e I Giulio Claudi // *MedAnt.* 1999. Vol. II. Fasc. 2. P. 497–538. Кизик поддерживал Аттала II во Второй Вифинской войне (*Polyb.* XXXIII. 13. 1), а также, вероятно, Эвмена I в ходе Первой Вифинской войны (XXII. 20. 8).

⁵² *Burstein.* The Aftermath... P. 9. Not. 12.

⁵³ *McGing.* The Foreign Policy... P. 29.

⁵⁴ См., например: *Блаватская.* Ук. соч. С. 107–116, 143–150; *Виноградов Ю.Г.* Военные конфликты на Понте с участием эллинистических греческих полисов из-за монопольных и территориальных притязаний // *Боспор и античный мир.* Нижний Новгород, 1997. С. 214–223.

⁵⁵ См. подробнее: *Габелко О.Л.* Последствия Апамейского мира: Рим и Первая Вифинская война // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности.* Ч. 1. Казань, 2000. С. 226–248. Ср. с замечанием Э. Грюена относительно хода Понтийской войны: «(Римские) послы настаивали на удалении войск царя (Эвмена. – О.Г.) со спорной территории – не для того, чтобы принудить Эвмена, а с целью создания атмосферы, подходящей для ведения переговоров» (*Gruen.* Op. cit. II. P. 554. Not. 108).

⁵⁶ См., например: *Сапрыкин.* Понтийское царство. С. 76: «Мы вряд ли ошибемся, если охарактеризуем позиции Фарнака и Рима в означенной войне как проявление политического двурушничества или “негласный союз”». Как кажется, вероятность такой ошибки все же довольно велика.

Фарнаком: «Как кажется, Эвмен, поскольку его отношения с Родосом стали натянутыми⁵⁷, остался равнодушным к судьбе города, столь тесно связанного с родосцами»⁵⁸. Предполагать поэтому, будто Фарнак сумел сохранить господство над Синопой благодаря дипломатическому содействию Рима, едва ли оправданно. Быть может, не столь уж неправ А. Шервин-Уайт, несколько категорично считающий, что «заключительное соглашение, по которому Фарнак лишился всех своих завоеваний за исключением Синопы, было заключено без какого-либо вмешательства римлян»⁵⁹. Соответственно говорить об установлении «дружбы» между римлянами и Фарнаком сразу к моменту заключения мира было бы явно преждевременным; скорее это могло произойти значительно позднее, когда Фарнак, отойдя от прежней агрессивной политики, сумел доказать сенату свою лояльность⁶⁰. Это выглядит вполне понятным, если учесть резкую перемену в отношении Рима к малоазийским государствам и стремление сената жестко контролировать положение дел в Азии после победы в Третьей Македонской войне⁶¹.

Кроме того, сторонники датировки договора 179-м годом и соответственно начала «эры Фарнака» в 336 г. склонны попросту игнорировать возражения тех исследователей, которые указывали на еще одно серьезное противоречие в системе их взглядов. Действительно, если учитывать несоответствие между нача-

⁵⁷ Это произошло из-за попытки Эвмена установить морскую блокаду Геллеспонта, нанесшей ущерб торговым интересам родосцев (*Polyb.* XXVII. 7. 5).

⁵⁸ *Habicht. The Seleucids...* P. 329. Показательно также, что родосцы не участвовали в заключении мирного договора (*Gruen. Op. cit.* II. P. 554. Not. 109), вероятно, именно из-за трений с Эвменом. Совершенно неверно передает дипломатические детали конфликта Дж. Хайнд: «(Римские. – О.Г.) послы заботились о том, чтобы удалить влияние Фарнака из западной Малой Азии, выдворив его из маленького городка Тиоса, но они пренебрегли более удаленной Синопой» (*Hind. Op. cit.* P. 131). Во-первых, нет ровным счетом никаких данных о том, что римляне занимались выработкой таких деталей договора, более того, поскольку Тиос после войны перешел к Эвмену, можно предположить, что именно пергамский царь и решил вопрос с этим городом в свою пользу. Во-вторых, расстояние от Тиоса до Синопы не так уж велико, а значение этих городов несравнимо, так что фактор удаленности не мог сыграть здесь никакой роли: независимость Синопы стала жертвой «большой политики», но Рим едва ли имел к этому прямое касательство.

⁵⁹ *Sherwin-White. Op. cit.* P. 42.

⁶⁰ Дипломатические отношения между Римом и Фарнаком были установлены только в 183 г. Едва ли возможно предположить, что понтийский царь сразу же сумел заручиться поддержкой сената (хотя бы и хитро замаскированной) в ущерб интересам вполне надежного на тот момент римского союзника Эвмена.

⁶¹ Уместно провести аналогию с другими хронологически и типологически близкими событиями – Первой и Второй Вифинскими войнами. В конфликте между Пруссией I и Эвменом I (186–183) римляне предъявили виновному в развязывании войны вифинскому царю требование о выдаче Ганнибала, но нет свидетельств того, что они определяли детальные условия мирного договора (см. подробнее: *Габелко. Последствия Апамейского мира...* С. 237–243). В произошедшей спустя 30 лет войне Пруссия II против Аттала II развязка была иной: Полибий (XXXIII. 13. 4–10) и Аппиан (*Mithr.* 3) совершенно недвусмысленно указывают, что условия мира были продиктованы римскими послами. Этому существует и эпиграфическое подтверждение: в надписи OGIS 327 Аттал II обвиняет Пруссию в нарушении договора, заключенного при содействии римлян (διὰ Ῥωμαίων γενομένης συνθήκης) (стк. 5). См. об этой войне: *Габелко О.Л.* Монархии, полисы, племена: международные отношения в эллинистической Малой Азии // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 2. Хрестоматия. С. 163–167. Очевидно, в таком контексте упоминание дружбы с римлянами в херсонесско-понтийском договоре лучше соответствует более позднему времени, чем 179 г., и 158 или 157 гг. в этом отношении выглядят вполне приемлемыми.

лом года по аттическому и македонскому календарям, то «аттический 337/6 и понтийский 336/5 годы не будут перекрываться. Таким образом, если приход к власти в Киосе Митридата II маркирует начало «эры Фарнака», то эта эра должна начинаться в 337/6 г., относя тем самым договор с Херсонесом на май 180 г., когда война с участием Фарнака еще продолжалась – маловероятное, если не невозможное время»⁶².

Приведя возражения против традиционной трактовки договора, в той или иной степени сходные с только что изложенными⁶³, американский историк С. Берстейн в 1980 г. предложил датировать документ по эре Селевкидов⁶⁴. В таком случае договор был заключен весной 155 г.

Мнение об использовании Фарнаком селевкидской эры постепенно становится преобладающим в западной историографии⁶⁵, но, к сожалению, отечественная наука до сих пор не предоставила сколько-нибудь эффективной его критики. Отмечу, что возражения, представленные против этой гипотезы С.Ю. Сапрыкиным⁶⁶, выглядят абсолютно неудовлетворительными: указанные авторы

⁶² *McGing. The Kings of Pontus...* P. 252. Е.А. Молев, впрочем, считает, что «предварительный» договор между Фарнаком и Херсонесом мог быть заключен еще до окончания войны, ок. 180 г., когда ход конфликта был для него достаточно успешным (*Молев. Властитель Понта. С. 15–17; Molev. Bosporos and Chersonesos...* P. 213). Однако и в это время Фарнак не достиг никаких серьезных успехов.

⁶³ В рукописи доклада Я.-М. Хейте содержится еще один пункт возражения против датировки договора 179 годом – хронология амфорных клейм, обнаруженных на территории херсонесской хоры. Его подробный разбор я оставляю в стороне, не будучи специалистом в этом вопросе; замечу только, что эти данные, при всей их несомненной важности, носят, на мой взгляд, все же вспомогательный характер. Кроме того, должна приниматься во внимание схема хронологии амфорных клейм самого Херсонеса Таврического, согласно которой прекращение производства клейменной керамической тары в городе относится примерно к 185 г. (*Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. С. 69–77*), что свидетельствует о потере к этому времени практически всей хоры. Однако «бесспорная» датировка договора с Фарнаком именно 179 г. является одним из краеугольных камней всех построений В.И. Каца, при «изъятии» которого окажутся неизбежными кардинальные коррективы. Этот же принцип срабатывает и при определении времени чеканки херсонесских монет с именами магистратов Аполлодора и Гераклия (такие же имена встречаются в тексте договора – сткк. 8 и 11 соответственно, хотя это, разумеется, могут быть и омонимы): их выпуск В.А. Анохин относит примерно к 180-м–170-м годам (*Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 145. № 159–160*). В целом же необходимо констатировать, что локальные херсонесские материалы должны учитываться и анализироваться более целенаправленно и активно, чем это делается сейчас противниками датировки договора 179 г. Проведение такой работы должно стать одной из перспективных задач будущих исследований.

⁶⁴ *Burstein. The Aftermath...* P. 6–8.

⁶⁵ *Leschhorn. Op. cit. S. 78–82; Gruen. Op. cit. I. P. 90. Not. 205; McGing. The Kings of Pontus...* P. 253–254; *idem. The Foreign Policy...* P. 30.

⁶⁶ *Сапрыкин С.Ю. [Рец.]: McGing B.C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986 // ВДИ. 1990. № 2. С. 204–209; он же. Понтийское царство. С. 25–26. Весьма странно выглядит, к примеру, такой пассаж: «Часть ученых считает, что эта война (между Атталом II и Прусием II; несколькими строками выше автор почему-то приводит в качестве начального года этого конфликта 159 г. до н.э., что не находит никакой опоры ни в источниках, ни в научной литературе. Вероятно, автор ориентируется здесь... на явную опечатку в книге Э. Виля: *Op. cit. II. P. 381. – О.Г.*) началась в 156 г. до н.э. ... Если это так, то Фарнак I никак не мог заключить договор с Херсонесом весной 155 г. до н.э.» (? – *О.Г.*). В действительности же никакой связи между этими событиями не существует; Понт в лице Митридата вмешался в ход Второй Вифинской войны только зимой 155/154 г., так что Фарнак вполне мог править и заключать договоры весной 155 г., после чего его сменил на престоле Митридат IV.*

не хуже него знают, что зимой 155/154 г. Фарнака уже не было на понтийском троне, однако это ничуть не мешает предположению о том, что семью-восьмью месяцами ранее он еще оставался царем и мог заключать договоры⁶⁷.

К этой критике присоединился также Ю.Г. Виноградов⁶⁸. Его аргументы более весомы и сводятся к тому, что со столь кратким периодом правления Митридата IV, который охватывает время ок. 155–152 гг.⁶⁹, трудно увязать монетную политику этого царя, выпускавшего монеты различных типов как от своего имени, так и совместно с сестрой Лаодикой. Кроме того, по мнению исследователя, в этот интервал должен укладываться и чекан Лаодики, осуществлявшийся после смерти ее брата-мужа и соправителя. Это мнение выглядит вполне резонным, его необходимо принимать в расчет также в случае предлагаемой мною датировки и херсонесско-понтийского договора, и декрета из Абонутейха по одной и той же системе отсчета – «эре Кимиатены», что также предполагает довольно краткий период правления Митридата IV. Однако считать это возражение решающим едва ли возможно⁷⁰.

Рассмотрим подробнее данные о чекане Митридата IV. Прежде всего необходимо отметить, что на фоне до сих пор необъясненной скудости чекана Митридата V Эвергета он выглядит достаточно активным. На данный момент известны уникальный золотой статер с легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ | ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ⁷¹, три экземпляра тетрадрахм с портретом Митридата и Лаодики и легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ | ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ ΚΑΙ || ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΛΑΟΔΙΚΗΣ | ΦΙΛΑΔΕΛΦΩΝ⁷² восемь серебряных тетрадрахм с легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ | ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ || ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ | ΚΑΙ ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ⁷³. Представляется, что ситуация с эмиссиями разнообразных монет Митридатом IV и Лаодикой может быть объяснена крайне сложным положением в Понте после смерти Фарнака, когда брат умершего царя занял престол в обход его сына. О конкретных деталях этих событий, равно как и об их юридической стороне, мы, к сожалению, ввиду отсутствия других источников можем лишь догадываться. Но не подлежит сомнению, что Митридат IV остро нуждался в легализации собственного воцарения. Если типы его монет входили в обращение именно в таком порядке, как они перечислены выше⁷⁴, то золотой статер может рассматриваться как донативное средство, выпущенное сразу же по воцарении Митридата IV после смерти брата⁷⁵. Затем, стремясь уп-

⁶⁷ См. аргументацию: *McGing*. The Kings of Pontus... P. 253–254.

⁶⁸ Bull. epigr. 1990. № 559. P. 548–549. Ср. также *Callatay F. de*. L'Histoire des guerres Mithridatiques vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve, 1997. P. 70. Not. 12.

⁶⁹ Верхняя хронологическая граница получена при датировке по селевкидской эре надписи из Абонутейха, относящейся уже к правлению Митридата V. Подробнее об этом см. далее.

⁷⁰ См., в частности, осторожное возражение Б. Макгинга (Ук. соч. С. 109. Прим. 68). Аналогичное мнение высказано и в работе Я.-М. Хейте.

⁷¹ SNG. Deutschlands. Sammlung v. Aulock. H. I. Taf. I, 4.

⁷² WBR. I². F. 1. P. 13. № 8. Pl. I, 14. Кроме того, недавно Г. Маттингли атрибутировал Митридату IV три тетрадрахмы, которые раньше приписывались Митридату III (*Mattingly H.B.* The Coinage of Mithridates III, Pharnakes and Mithridates IV of Pontus // *Studies in Greek Numismatics in Memory of Martin Jessop Price* / Ed. R. Ashton, S. Hunter. L., 1998).

⁷³ WBR. I². F. 1. P. 13. № 8. Pl. I, 11–12; Pl. Suppl. A, 7.

⁷⁴ *Mattingly*. Op. cit. P. 255–256.

⁷⁵ Г. Кляйнер считал этот выпуск посмертным, выпущенным Лаодикой в честь памяти покойного брата (*Kleiner G.* Pontische Reichsmünzen // *IstMitt.* 1955. Bd VI. S. 14. Taf. 11, 12), однако Г. Маттингли отвергает эту точку зрения (*Mattingly*. Op. cit. P. 255). Возможно, что выпуску статера предшествовала чеканка тетрадрахм, по-новому интерпретированных исследователем.

рочить свою власть и демонстрируя лояльность памяти умершего Фарнака, он принял тронное имя Филадельф, после чего (с той же целью) женился на собственной сестре, и, наконец, присвоил еще один почетный эпитет – Филопатор⁷⁶. Такой характер чекана Митридата IV позволяет расценивать его как единый комплекс экономических и пропагандистских мероприятий, осуществлявшихся для легитимизации собственного правления, видимо, в течение весьма непродолжительного времени.

Что касается тетрадрахм, чеканенных от имени одной «царицы Лаодики», то они вряд ли могут расцениваться как показатель регентства таковой над Митридатом V: после смерти отца и дяди он едва ли был столь молод, чтобы не править самостоятельно⁷⁷. Последнее обстоятельство делает более обоснованной точку зрения, согласно которой монеты с легендой «царицы Лаодики» чеканились не сестрой Фарнака и Митридата IV в течение какого-то времени до прихода к власти Митридата V Эвергета, а спустя более чем тридцать лет вдовой последнего, фактически управлявшей страной после его убийства в 121 г.⁷⁸ В пользу этого мнения свидетельствует то, что вряд ли Лаодика Филадельфа могла отказаться от тронного имени, появляющегося на тетрадрахмах, чеканенных ею совместно с Митридатом IV, а также и весьма отдаленное сходство женских лиц на этих монетах и на тетрадрахмах «царицы Лаодики»⁷⁹. Следовательно, чекан Лаодики, как мы полагаем, не может относиться к 150-м годам, а активную монетную политику Митридата IV⁸⁰ следует объяснять непростой династической ситуацией, сложившейся в Понте после смерти Фарнака.

⁷⁶ Быть может, последовательный переход от «супружеских» тетрадрахм к монетам Митридата с двойным титулом вызван тем, что его сестра и соправительница ко времени выпуска последних уже умерла? При таком допущении вопрос о регентстве Лаодики над Митридатом IV, разумеется, целиком и полностью снимается.

⁷⁷ В надписи ID 1555 Лаодика названа сестрой царя Фарнака и Митридата, т.е. о притязаниях ее на власть (по крайней мере к моменту создания ее статуи на Делосе) говорить не приходится. Видимо, Фарнак в это время еще был жив. Г. Маттингли датирует эту надпись временем после передачи Делоса Афинам в 167 г. (*Mattingly*. Op. cit. P. 256). Если брак между Фарнаком и Нисой, упоминаемый в делосском декрете, был заключен до 195 г. до н.э., как это доказывает С. Трейси (см. далее), то крайне маловероятно, что их сын Митридат был еще юным спустя примерно 40 лет.

⁷⁸ *Reinach*. Mithridate Eurator... P. 478. См. обзор мнений: *Сапрыкин*. Понтийское царство. С. 90; аргументы в пользу Лаодики – матери Митридата Евпатора: *Callataj*. L'histoire des guerres Mithridatiques... P. 240. Как символ вдовства можно расценивать платок, полностью скрывающий прическу царицы (в отличие от изображения на «супружеской» тетрадрахме). Акцентирование этой детали могло быть предпринято Лаодикой с целью отведения подозрений в причастности к убийству Митридата Эвергета (см. далее).

⁷⁹ Единственный аргумент в пользу идентификации этой «царицы Лаодики» с сестрой Фарнака и Митридата является сходство фигуры Геры на реверсе ее монеты с аналогичной фигурой на «супружеской» тетрадрахме (*Сапрыкин*. Понтийское царство. С. 90). Однако воспроизведение этой фигуры Лаодикой – вдовой Митридата V – могло быть вполне оправданным исходя из общего селевкидского происхождения одноименных царей.

⁸⁰ Понтийский чекан вообще мог приобретать очень динамичный характер, приспосабливаясь к конкретным политическим обстоятельствам. Так, сын Митридата VI Митридат, правивший в Колхиде всего лишь в течение четырех лет (83–80) (*Дундуа Г.Ф.* Монетные клады Грузии. Тбилиси, 1979. С. 117), успел наладить выпуск собственной монеты как медной, так и серебряной. См. об этих монетах: Там же. С. 110–122; *Шамба С.М.* Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н.э. – XIII в. н.э.). Тбилиси, 1987. С. 35–38.

Нужно отметить, что в случае принятия мнения об использовании Фарнаком эры Селевкидов мы столкнемся с довольно странной ситуацией. Получится, что Понтийское царство на всем протяжении своей истории вообще не имело собственной, «автохтонной» царской эры, поскольку его цари сначала вели счет лет по селевкидской, а затем – по вифинской системе! Едва ли такое положение дел могло удовлетворить гордых Митридатидов – представителей рода, восходящего к Ахеменидам, подчеркивавших иранские корни своей династии и властвовавших над обширными территориями в Малой Азии на протяжении многих поколений. К тому же принятие эры Селевкидов оправданно было бы связать с установлением брачно-династических связей между двумя царскими домами, которое имело место ок. 240/239 г., поскольку до того отношения между Понтом и Селевкидами, хотя и обнаруживали тенденцию к улучшению⁸¹, не были особо тесными. К этому времени становление Понтийского царства как независимого государства уже давно состоялось, и столь позднее обретение царской эры (пусть даже заимствованной) выглядит не слишком понятным. Наконец, использование селевкидской эры в Понте в течение более чем 90 лет после упадка военно-политической мощи Сирийского царства (если отсчитывать от Апамейского мира 188 г.) также не могло служить вящей славе Митридатидов.

Не принимая ни поддерживаемой большинством отечественных специалистов идеи Р.Х. Лепера, ни мнения об использовании в Понте селевкидской эры, С.Ю. Сапрыкин в своей капитальной монографии развил концепцию относительно существования так называемой «эры Отанидов», по которой будто бы и датирован понтийско-херсонесский договор. Начало отсчета по ней он связал с воцарением на персидском престоле в том же 336 г. Дария III, потомка одного из «семи персов», к которому якобы возводили свою родословную Митридатиды⁸². «Эра Отанидов», по мнению ученого, являлась важным пропагандистским средством, позволяющим понтийским царям рассчитывать на возвращение своих «исконных» владений в Мисии, Малой и Великой Фригии военным либо дипломатическим путем – в зависимости от ситуации. Однако уязвимые места ее очевидны.

Во-первых, Дарий III едва ли мог быть столь популярной фигурой, чтобы связывать с его приходом к власти начало отсчета лет правления понтийской династии⁸³, тем более, что именно с его именем связывается крушение ахеменидской государственности, которое должно было еще восприниматься представителями персидской знати в конце IV – начале III в. как болезненный факт относительно недалекого прошлого. Во-вторых, само родство Митридатидов с Дарием III не может считаться надежно доказанным⁸⁴; рассуждения автора о генеалогии предков понтийских царей и других малоазийских сатрапов вообще довольно произвольны⁸⁵. Гипотезы С.Ю. Сапрыкина о «более агрессивной» и «менее аг-

⁸¹ McGing. The Foreign Policy...

⁸² Сапрыкин. Понтийское царство. С. 29–34.

⁸³ Молев. Властитель Понта. С. 17.

⁸⁴ Он же. [Рец.]: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996 // ВДИ. 1998. № 4. С. 209.

⁸⁵ Один пример: исследователь подчеркивает, что он ни в коем случае не считает «бесспорным предлагаемое... родство Митридата, правителя Киоса и Аррины в 337–302 гг. с царем Дарием III благодаря браку с дочерью последнего» (Сапрыкин. Понтийское царство. С. 29–34, 38). Однако именно это «небесспорное» допущение является одним из краеугольных камней в его гипотезе об «эре Отанидов». См. также генеалогическое древо Ахеменидов, Отанидов и Митридатидов (Там же. С. 37), восстановленное с исчерпывающей подробностью, но едва ли достоверное во всех деталях.

рессивной» эрах⁸⁶ отдадут явной модернизацией; наконец, и это, пожалуй, самое главное, С.Ю. Сапрыкин с уверенностью констатирует, что Дарий III Кодоманн взшел на престол в 336 г., полностью игнорируя ту дискуссию, которая велась в науке по этому поводу уже более ста лет назад⁸⁷ и ныне не может быть не принята в расчет. Так, в наиболее основательном на сегодняшний день исследовании по истории Ахеменидов воцарение Дария III отнесено к концу 336 г.⁸⁸, т.е., видимо, уже не к 337/336, а к следующему 336/335 г. по македонскому календарю, в результате чего предлагаемая С.Ю. Сапрыкиным хронология рушится. В любом случае, этот вопрос требует специального рассмотрения, без которого гипотеза о существовании «эры Отанидов» не может считаться достаточно фундированной.

Все вышесказанное заставляет признать, что ни одна из существующих на сегодня трактовок договора Фарнака с Херсонесом не может считаться надежной основой ни для его точной датировки, ни для выяснения того, по какой именно эре «считает царь Фарнак». Очевидно, при анализе этого документа необходимы кардинально новые подходы. Именно такие возможности, как кажется, открываются при допущении, что в договоре задействована «эра Кимиамены». В этом случае его заключение приходится на 158 или 157 г., что, как кажется, ни в чем не противоречит сложившейся на тот момент в малоазийско-причерноморском регионе политической обстановке.

Другое важное эпиграфическое свидетельство – надпись из Абонутейха⁸⁹, небольшого городка на пафлагонском побережье⁹⁰. Это декрет в честь стратега Алкима, сына Менофила, принятый членами фратрии. Он датируется временем

⁸⁶ Там же. С. 35, 104. Здесь, кстати, присутствует прямая логическая неувязка: Митридат V, будто бы отказавшийся от «агрессивной эры Отанидов», совершает тем не менее «вторжение в Каппадокию, как будто это была чужая земля» (*App. Mithr.* 10), что завершается фактическим подчинением соседней страны; то обстоятельство, что Митридат V решил оставить Ариаратидов «в качестве своих ставленников» (по мнению С.Ю. Сапрыкина), принципиально ничего не меняет. Более того, факт незначительности монетного чекана Митридата V автор объясняет тем, что «выпуск монеты мог стать в глазах соседей и Рима символом притязаний на соседние территории» (! – *О.Г.*) (с. 104). Означает ли это, что каких-то земель в Малой Азии в это же время непременно домогались вифинские, пергамские и каппадокийские соседи и современники понтийского царя, которые ничуть не пренебрегали выпуском собственной полноценной монеты?! Для более раннего времени «агрессивному» Фарнаку С.Ю. Сапрыкиным приписывается желание – не больше и не меньше – свергнуть Ариаратидов (с. 101) в ходе войны 182–179 гг.; между тем Полибий и остальные источники ничего об этом не говорят, а само вторжение в Каппадокию, судя по всему, было осуществлено Фарнаком лишь на второй год войны (XXIV. 8. 2). Исследователь и сам отмечает это на с. 72: «Вряд ли следует согласиться с утверждениями, будто война началась с захвата Фарнаком Каппадокии».

Единственным примером использования царской эры для обоснования собственных экспансионистских планов следует считать, на мой взгляд, применение «вифинской эры» Митридатом Евпатором (см. далее), но С.Ю. Сапрыкин придерживается принципиально иного взгляда на эту акцию, считая, что «Митридат VI только воспринял эру, которая была введена до его прихода к власти» (Там же. С. 35).

⁸⁷ См. хотя бы: *Seeck. Dareios* (3) // *RE. Bd IV.* 1901. Sp. 2205–2206.

⁸⁸ *Briant P. Histoire de l'Empire Perse de Cyrus à Alexandre.* P., 1996. P. 1060.

⁸⁹ *Ленер. Греческая надпись...; Reinach Th. A Stele from Abonuteichos* // *NC.* 1905. Vol. 5. 4-th ser. P. 113–119; *Максимова. Ук. соч.* С. 197–199; *Leschhorn. Op. cit.* S. 78, 82; *Сапрыкин. Понтийское царство.* С. 207–211.

⁹⁰ Он был подчинен Понтийским царством, скорее всего, во время правления Фарнака (*Виноградов. Понт Евксинский...* С. 36).

правления Митридата Эвергета и месяцем Дием 161 г. некоей эры⁹¹ (βασιλεύοντος Μιθραδάτου Εβεργέτου ἔτους ἀξ' μηνὸς Δίου) (сткк. 1–3). Относительно интерпретации этого памятника преобладает мнение, что надпись датирована по «вифинской эре» и относится к октябрю 136 г.⁹² Тем не менее и здесь далеко не все ясно.

Убедительного объяснения того, по каким причинам кто-либо из понтийских монархов, правивших до 136 г. (сам Фарнак I, Митридат IV Филопатор Филадельф или Митридат V Эвергет), мог перейти с «эры Фарнака» на «вифинскую эру», никто из исследователей до настоящего времени так и не представил⁹³. Политические контакты между Понтом и Вифинией на протяжении II в. (за исключением последнего десятилетия) были не слишком интенсивными, так что они едва ли могли предоставить какую-либо базу для использования «вифинской эры» понтийскими монархами⁹⁴. Экономические же мотивы – будто бы имевшее место желание Митридата V, по мнению Г. Перла, следовать «примеру экономически сильного, известного в греческом мире своим финансовым могуществом»⁹⁵ вифинского соседа, с тем чтобы единством летосчисления содействовать экономическим сношениям⁹⁶, о которых считают возможным говорить некоторые исследователи, и вовсе представляют собой явление другого порядка: введение царских эр в эллинистическом мире всегда было мерой государственно-политического, а не хозяйственного плана. Строго говоря, вообще неизвестны надежные примеры добровольного «заимствования» каким-либо эллинистическим монархом эры у более высокого по рангу соседа: это автоматически ставило бы первого в несколько приниженное положение. Уже, исходя из этого, логично связывать введение новой эры в Понте именно с деятельностью Мит-

⁹¹ Поскольку надежно доказано, что Алким был магистратом, назначенным царем (*Сапрыкин*. Понтийское царство. С. 210 с литературой), то эта надпись может считаться близкой по содержанию и оформлению декрету в честь царского эпистата из вифинского города Прусы (*Robert L. Etudes anatoliennes*. P., 1937. P. 228–235; *Die Inschriften von Prusa ad Olympum* / IK. Bd 39. T. 1 / Hrsg. von Th. Corsten. Bonn, 1991. № 1. S. 7–10). Следовательно, появляется еще один аргумент в пользу того, что вифинская надпись датирована по царской, а не по «городской» эре. См. о сути этой проблемы: *Габелко О.Л.* «Проконсульская эра» и положение полисов Вифинии в эллинистический и римский периоды // *Studia historica*. II. М., 2002. С. 102–104.

⁹² Этого мнения придерживается большинство исследователей вслед за издателем надписи Р.Х. Лепером (см. прим. 89 – за исключением работы В. Лешхорна). Кроме того, появление «вифинской эры» обычно обнаруживают на тетрадрахме Митридата V, датированной 173 г. (*Robert L. Monnaies et texts grecques*. II: Deux tetradrachmes de Mithridate V Évergète, roi de Pont // *JS*. 1978. July / Sept. P. 160–163).

⁹³ См., например, критику этого мнения Б. Макгингом и В. Лешхорном (*McGing*. *The Kings of Pontus...* 257–259; *Leschhorn*. *Op. cit.* P. 84–85).

⁹⁴ См. прим. 93.

⁹⁵ О «финансовом могуществе», с точки зрения автора говорит, вероятно, способность Никомеда оплатить долги княдям в обмен на знаменитую статую Афродиты (*Plin*. NH. VIII. 12; XXXVI. 21). Однако сейчас доказано, что эту информацию следует относить к Никомеду I (*Corso A. Nicomede I, Dedalsa e le Afroditi nude al bagno* // *Numismatica e Antichita classiche. Quaderni ticinesi*. 1990. T. XIX. P. 135–160), что существенно снижает надежность выводов Г. Перла.

⁹⁶ *Перл*. Ук. соч. С. 68. В другом месте своей работы исследователь резонно замечает, что «цели такого мероприятия (введения “вифинской” царской эры. – О.Г.) для Евпатора еще очевиднее, чем для Эвергета» (Там же. С. 42. Прим. 10). Точка зрения об «экономической подоснове» заимствования Митридатом V «вифинской эры» высказывалась и раньше: *Reinach*. *Numismatique ancienne...* P. 133; *Bennet W.H.* *The Death of Sertorius and the Coin* // *Historia*. 1961. Bd X. Ht 4. P. 461. См. также *Olshausen*. *Op. cit.* Sp. 403.

ридата Евпатора, ознаменовавшей новый этап в истории Понтийского царства в целом (об этом подробнее см. далее).

Может ли служить аналогией, в какой-либо мере доказывающей возможность использования селевкидской эры в Понте, ее применение в Пергаме, зафиксированное лишь единожды – в договоре Эвмена I с наемниками, где упоминается освобождение воинов от налогов, «как в 44-м году» (OGIS 266, сткк. 10–11)? Если считать от 312 г., это событие должно быть отнесено к 269/268 г., т.е. ко времени правления Филетера. Его статус по отношению к Селевкидам в тот момент определить затруднительно, однако наиболее вероятным кажется существование формальной зависимости Пергама от Селевка Никатора и Антиоха I на протяжении всего периода 283–263 гг.⁹⁷ Такое предположение позволяет думать, что селевкидское летосчисление было в Пергаме в ходу только при Филетере, во время сохранения номинального подчинения Пергама сирийским владыкам, тогда как Эвмен I, одержавший победу над Антиохом Сотером (Strabo. XII. 4. 2) и обеспечивший фактическую самостоятельность своего государства, от него отказался: сам договор никак не датирован, а 44-й год упоминается лишь ретроспективно. В дальнейшем пергамские цари практиковали обычную систему датировки по годам правления того или иного монарха (см., например: OGIS 268, сткк. 1–2; 325, сткк. 1–2). В этом случае употребление селевкидской эры малоазийским правителем должно расцениваться именно как средство и показатель контроля Селевкидов над зависимым династом⁹⁸. Это соответственно резко снижает вероятность применения данной системы летосчисления в независимом Понтийском царстве.

Налицо противоположная практика, например, случай «навязывания» собственной эры, имевший место и во взаимоотношениях между вифинскими полисами, когда принятая в Никее система летосчисления, берущая начало в 282/281 г., была распространена и на другие города⁹⁹, хотя эта аналогия, конечно, весьма относительна. Наиболее же показательный пример – введение вифино-понтий-

⁹⁷ См. обзор литературы и аргументацию: *Kobes*. Op. cit. S. 133–134; *Габелко*. Династическая история...

⁹⁸ Сошлось на мнение известного специалиста по истории Селевкидов проф. А. Мелля (Галле), высказанное в частном письме ко мне: «Селевкидская эра использовалась только в Селевкидской империи. Существует лишь одно исключение: селевкидская эра задействовалась также в отдельных регионах, которые в течение определенного времени принадлежали Селевкидам, а потом стали независимыми или вошли в состав других государств и империй... В понтийском регионе Малой Азии Селевкиды (Селевк I в последние месяцы своего правления и Антиох I в первые годы) никогда не имели прочных позиций, и поэтому, я полагаю, нет надежных оснований считать, что селевкидская эра когда-либо применялась в этом регионе». Это целиком подтверждается итоговыми данными по употреблению селевкидской эры в Анатолии (*Leshhorn*. Op. cit. S. 336–338); серьезные сомнения вызывают включение в этот ряд Понта (договор с Херсонесом и надпись из Абонутейха), как у В. Лешхорна, и перечисление здесь надписей из округа Триглия/Мирлеи/Апамеи (Вифиния) (см. *Die Inschriften von Apameia (Bithynien) und Pylai / IK*. Bd 32 / Hrsg. von Th. Corsten. Bonn, 1987. № 33–35. S. 52; *Corsten Th. Über die Schwierigkeit, Reliefs nach Inschriften zu datieren // IstMitt*. 1987. Bd 37. S. 192–193), что очень слабо согласуется с исторической ситуацией III–II вв.: в этом районе Селевкиды никогда не имели никакого политического влияния. Датировка этих рельефов по «вифинской» царской эре представляется гораздо более вероятной. См. об этом: *Габелко*. «Проконсульская» эра... С. 101–102.

⁹⁹ Там же. С. 97–107.

ской («совместной» к тому времени!) эры Митридатом VI на Боспоре, уже вошедшем к тому времени в состав державы Евпатора¹⁰⁰.

Вернемся к надписи из Абонутейха. Б. Макгинг, следуя М.И. Ростовцеву¹⁰¹, предложил датировать ее, равно как и монету Митридата V, по эре Селевкидов¹⁰². Это, кажется, не создает никаких натяжек с точки зрения фактологии и хронологии, хотя возражения, высказанные выше относительно хождения селевкидской системы летосчисления в Понтийском царстве, по-прежнему остаются действительными. Тем не менее попытки датировать обе надписи по одной эре выглядят вполне оправданными с методической точки зрения, поскольку диктуются стремлением не усложнять и без того запутанную ситуацию с многочисленными «понтийскими эрами»¹⁰³. Если исходить из этой логики и датировать декрет из Абонутейха также по «эре Кимиатены», то он должен быть отнесен к октябрю 154 г. или 153 г., а тетрадрахма Митридата Эвергета – к 142 или 141 г.¹⁰⁴ Все эти даты выглядят вполне возможными.

Наконец, крайне важным и специфическим видом надписей, вносящим дополнительную (крайне противоречивую!) информацию в вопрос о понтийском летосчислении, являются синопские датированные амфорные клейма. На сегодняшний день обнаружено семь таких штампов: три с датой Θ καὶ Ρ (109), один – ΒΙΡ (112), два – ΓΙΡ (113), один – ВКР (122)¹⁰⁵. Впервые, насколько известно, к их рассмотрению обратился Б.Н. Граков, предложивший датировать их по вифино-понтийской эре¹⁰⁶. Впоследствии в работе В.И. Цехмистренко было высказано положение о связи прекращения магистратского клеймения в Синопе с захватом города Фарнаком I, который он, как и другие исследователи, отнес к 183 г. Поскольку ряд клейм керамевсов давал при таком допущении более ранние даты, он высказал предположение о функционировании в полисе некоей ближе нам неизвестной местной эры¹⁰⁷. Ныне В.И. Кац предлагает относить

¹⁰⁰ *Виноградов Ю.Г.* Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 14–33. Декрет в честь наемников из Фанагории автор датирует 210 г. вифино-понтийско-боспорской эры (88/87 г.). Введение данной системы летосчисления на Боспоре Митридатом было облегчено тем, что принятие царского титула правителями Вифинии, Понта и Боспора произошло, вероятно, в одном и том же 297 г., а сам Митридат был законным преемником последнего Спартокида (*Габелко, Завойкин*. Ук. соч. С. 79–80). При этом необходимо отметить, что весьма интересные возможности открываются и при проверке версии об использовании «эры Кимиатены» в фанагорийском декрете, но это – сюжет отдельной работы, подготавливаемой к печати.

¹⁰¹ *Rostovtzeff M.I., Ormerod H.A.* Pontus and its Neighbours: the First Mithridatic War // САН1. Vol. IX. 193². P. 217–218.

¹⁰² *McGing*. The Kings of Pontus... P. 255–259. Ср. *Strobel K.* Mithridates VI Eupator von Pontos. Politisches Denken in hellenistischer Tradition versus römische Macht. Gedanken zur Geschichtlichen Stellung und zum Scheitern des letzten großen Monarchen der hellenistischen Welt // *Orbis Terrarum*. 1996. Bd 2. S. 152. Anm. 37 – здесь датировка надписи по селевкидской эре принимается как доказанный факт.

¹⁰³ Г. Перл отмечал, возражая М.И. Ростовцеву, что ситуация, в которой Фарнак использовал бы эру с началом в 336/335 г., Митридат V – селевкидскую, а Митридат VI – вифинскую, выглядит крайне странно (*Перл*. Ук. соч. С. 40–41. Прим. 10).

¹⁰⁴ Остается неясным, что именно побудило Митридата V указать датировку на монетах этого года.

¹⁰⁵ См. полную информацию: *Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф.* Клейма Синопы с датами // РА. 1992. № 2. С. 136. Рис. 1 и табл. на с. 138.

¹⁰⁶ *Граков Б.Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. Л., 1928. С. 154. К сожалению, никаких аргументов в пользу такой возможности ни Б.Н. Граков, ни его последователи не привели.

¹⁰⁷ *Цехмистренко В.И.* Из истории изучения синопских керамических клейм // Уч. зап. Марийского ГПИ. Йошкар-Ола, 1967. С. 264.

клейма с датами к периоду 189–183 гг., пересматривая традиционный момент подчинения Синопы Понту¹⁰⁸. Последнее предположение выглядит довольно интересным, но крайне уязвимым, поскольку требует допущения, что в Понтийском царстве в первой половине II в. наряду с «эрой Фарнака» (или вместо нее?) использовалась и «вифино-понтийская» система летосчисления, от которой Фарнак впоследствии отказался (о чем свидетельствует договор с Херсонесом, как бы его ни датировать). Разумеется, можно предположить, что Митридат I Ктист ввел эру, синхронную с вифинской, в том же 297 г., когда принял царский титул (см. прим. 28), хотя не может быть полной уверенности в возможности учреждения царской эры по тем же соображениям «династического престижа», что и принятие царского титула, как правило, начало эры связывалось все же с конкретным событием. Но весьма странной кажется возможность того, что тот же Фарнак спустя какое-то время сменил эту систему летосчисления на иную, задействованную в договоре с херсонеситами, после чего он либо кто-то из его преемников вернулся к прежней эре¹⁰⁹, хотя, если вдуматься, использование в Понте эры, восходящей к 336 г. в свете всего вышесказанного выглядит ничуть не более вероятным.

Иной взгляд на эту проблему был предложен С.Ю. Сапрыкиным и Н.Ф. Федосеевым. По их мнению, начало датировки клейм было положено захватом понтийцами синопской хоры, где находились керамические мастерские, что повлекло за собой перемены в гончарном производстве полиса: появление дат и отказ от указания на клеймах имени астиномов. Эра, которая фигурирует на этих клеймах, по их мнению, селевкидская, соответственно клейма с датами относятся к периоду от 203/202 до 190/189 г.¹¹⁰

Как видно из приведенного здесь краткого обзора, разброс мнений относительно природы синопской эры чрезвычайно велик. Представляется, что пока ни одна из предложенных гипотез не может считаться предпочтительной. Важ-

¹⁰⁸ Кац В.И. Современное состояние хронологии синопских амфорных клейм // Боспорский феномен: Проблемы датировки и хронологии памятников. Ч. 2. СПб., 2004. С. 37–38. Кажется необходимым подчеркнуть, что, говоря словами этого исследователя, «разобраться, насколько реален 183 г. как дата захвата этого города (Синопы. – О.Г.) Фарнаком» (с. 37) должны все же не только специалисты по керамической эпиграфике, как призывает В.И. Кац, но и историки. А в этой перспективе значительно более ранний, чем считалось, момент подчинения Синопы Понту пока что выглядит очень спорным. Исходя из сложившейся в Малой Азии международной ситуации, можно было бы допустить завоевание Синопы Фарнаком за год–два до начала Понтийской войны, но шестилетний разрыв между этими событиями кажется чрезмерным. Полибий (XXIII. 9. 3) и Ливий (XL. 2. 6) совершенно недвусмысленно свидетельствуют, что родосские послы жаловались в сенате в 182 г. на «несчастье синопцев», имевшее место, судя по контексту, совсем незадолго до этого визита. Более раннее родосское посольство посетило Рим в 189 г. (Polyb. XXI. 17. 12; 18), т.е. вроде бы уже после предполагаемого В.И. Кацем подчинения Синопы Фарнаком, но единственной целью этого визита Полибий обозначает поздравление по поводу победы над Антиохом III: вопрос о Синопе в это время не поднимался. Ни сам В.И. Кац, ни румынский исследователь Н. Коновичи, на работу которого он ссылается (Conovici N. Problemes de la chronologie des timbres sinopceens // Pontika. 1997. T. XXX. P. 154), никаких убедительных аргументов в пользу этого не представили. Возражения против концепции В.И. Каца: Федосеев Н.Ф. К дискуссии о хронологии синопских керамических клейм // Боспорский феномен... Ч. 2. С. 40–51. В этих же статьях приведена полная историография вопроса.

¹⁰⁹ Следует отметить, однако, что в чисто исторических работах такой вариант вовсе не рассматривался, и потому изыскания специалистов по керамической эпиграфике следует только приветствовать.

¹¹⁰ Сапрыкин, Федосеев. Ук. соч. С. 137–141.

но, однако, подчеркнуть, что данная система летосчисления вряд ли может быть связана с какой бы то ни было эрой, имевшей хождение в Понтийском царстве: скорее всего, в период появления датированных клейм Синопа все еще сохраняла независимость, и соответственно синопская эра к рассматриваемому здесь предмету непосредственного отношения не имеет. Это, возможно, заставляет с большим вниманием отнестись к старой гипотезе В.И. Цехмистренко.

Завершая рассмотрение вопроса о смене эр в истории Понтийского царства, необходимо выяснить причины, которые могли бы заставить Митридатидов перейти на использование «вифинской» царской эры. Отсчет лет по ней появился на монетах Митридата VI Евпатора: самые ранние из его тетрадрахм датируются 202 г., самые поздние – 231 г.; известны также датированные драхмы и золотые статеры¹¹¹. Переход на эру соседнего государства состоялся, таким образом, в 96/95 г., и это нельзя признать случайным. К данному времени союз между Митридатом и Никомедом III Вифинским, заключенный в последнее десятилетие II в.¹¹², уже был разорван, и Понт с Вифинией вступили в полосу ожесточенного соперничества. Поэтому принятие «вифинской эры» Митридатом расценивалось как акция, однозначно враждебная Вифинии и знаменующая масштабные территориальные притязания Евпатора в Азии¹¹³. Этот в сущности простой вывод отчетливо сформулирован не так давно¹¹⁴, поскольку специалисты оказались вынуждены частично скорректировать собственную точку зрения: ведь, согласно их взглядам, ранее в Понте использовалась селевкидская эра, что было показателем существования хороших отношений между двумя государствами! Действительно, использование представителями одной и той же династии «чужой» системы летосчисления вначале как проявление дружбы (с Селевкидами), а затем как знак агрессивных притязаний (на Вифинию) вызывает определенное недоумение, но, если считать, что «вифинская эра» в Понте в связи с необходимостью акцентировать смену политических приоритетов пришла на смену не заимствованной селевкидской, а исконно понтийской «эре Киаматены», то никаких противоречий не возникает.

Конкретным поводом, побудившим Митридата Евпатора перейти на «вифинскую эру», иногда называют воцарение в Армении Тиграна II, с которым понтийский властитель заключил династический и военно-политический союз, направленный против Вифинии и Каппадокии¹¹⁵. Это не лишено смысла. Однако

¹¹¹ См. наиболее полную сводку информации: *Callataÿ. L'Histoire des guerres Mithridatiques...* P. 4-51.

¹¹² Литература об этих событиях поистине необъятна, ограничусь ссылкой на одну из наиболее обстоятельных работ: *Strobel. Mithridates VI Eupator...* S. 160-171.

¹¹³ Показательную аналогию, остававшуюся до сих пор почти без внимания, представляют монеты Тиграна II Армянского: выпуски его тетрадрахм в 72/71-70/69 гг. датируются по селевкидской эре, поскольку именно в эти годы он вел кампании по завоеванию коренных владений сирийских царей (*Callataÿ. L'Histoire des guerres Mithridatiques...* P. 226; об этих событиях в целом см. подробнее: *Манасерян П.Л. Процесс образования державы Тиграна II // ВДИ. 1982. № 2. С. 122-140*). Возможно, армянский монарх следовал в этом отношении Митридату VI, своему родственнику и союзнику.

¹¹⁴ Впервые такое мнение высказано Ф. Поллак (*Pollak Ph. A Bithynian Hoard of the First Century B.C. // ANSMN. 1970. Vol. 16. P. 52*), но воспринято оно было далеко не сразу. Наиболее подробно его аргументируют Б. Макгинг и В. Лешхорн (*McGing. The Kings of Pontus...* P. 259; *Leschhorn. Op. cit. S. 85-86*).

¹¹⁵ *Glew D.G. Mithridates Eupator and Rome: A Study of the Background of the First Mithridatic War // Athenaeum. 1977. Vol. LV. P. 390; McGing. The Foreign Policy...* P. 76-77; *Leschhorn. Op. cit. S. 85*.

не так давно были получены нумизматические свидетельства, позволяющие теснее увязать перемену в монетном деле Понта с событиями в самой Вифинии. Изменение в монограммах и стиле исполнения вифинских тетрадрахм в 202 г. виф. э. (= 96/95 г.) бельгийский исследователь Ф. де Каллатай предложил объяснить смертью Никомеда III Эвергета¹¹⁶, которую ранее обычно датировали годом позже (без надежных, впрочем, оснований). Тем самым Митридат недвусмысленно заявил о своем намерении добиться подчинения Вифинии, чего он вскоре практически и достиг, изгнав нового царя Никомеда IV Филопатора и возведя на престол его сводного брата, своего ставленника Сократа Хреста (Gran. Lic. XXXV. 29–30. Ed. Flemisch; Just. XXXVIII. 3. 4; 5. 8; App. Mithr. 10; Memn. FGrH 434, F 22. 5).

Принятие «вифинской» царской эры стало отнюдь не единственным нововведением Евпатора в этой области: при нем зафиксирована также эра, связанная с захватом римской провинции Азия¹¹⁷; счет по новой системе летосчисления появляется и на афинских тетрадрахмах «нового стиля» во время пребывания Афин в подчинении у понтийского царя¹¹⁸. Наконец, особо должно быть отмечено первое свидетельство такого рода – практически необъясненный до сих пор факт единичного появления датировки монет не по годам правления, а по некоей эре на монетах каппадокийского царя Ариарата IX Евсевия Филопатора¹¹⁹. Некоторые из чеканенных от его имени драхм и тетрадрахм датированы 200-м годом (Σ), что, если предполагать использование здесь «вифинской эры», дает 98/97 г., т.е., вне всякого сомнения, 3-й год его правления¹²⁰. Ни до, ни после такая система летосчисления в Каппадокии не действовалась: все остальные монеты Ариарата IX Евсевия датированы по годам его правления. Это заставляет связать применение «вифинской эры» в данном случае с каким-то значительным событием. Разумеется, введение этой датировки на каппадокийских монетах никак не может быть связано с собственно вифинской политической традицией, и это побуждает искать причины ее введения в истории понтийской династии, представителем которой Ариарат IX Евсевий фактически являлся. Ответ, пожалуй, лежит на поверхности: эти монеты, скорее всего, представляют собой своего рода «юбилейный выпуск», приуроченный к 200-летию провозглашения царем Митридата Ктиста!¹²¹ Тем самым данные нумизматические материалы косвенно (но, как представляется, довольно надежно) подтверждают предлагаемую выше (см. прим. 28) датировку воцарения Митридата I. Они также демонстрируют, что введение новой системы летосчисления в самом Понте было Евпатором хорошо продумано и подготовлено. Так что использование эры вифинских царей стало первым его шагом по реформированию летосчис-

¹¹⁶ Callataÿ. Les derniers rois de Bithynie: problemes de chronologie // RBN. 1986. T. CXXXII. P. 22; *idem*. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 80.

¹¹⁷ О ней см. Leschhorn. Op. cit. S. 91–94; Callataÿ. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 23, 40, 286.

¹¹⁸ Callataÿ. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 303–313.

¹¹⁹ Напомним, что он являлся сыном Митридата Евпатора и был возведен им на каппадокийский престол ок. 100 г. до н.э. в восьмилетнем возрасте, так что его монетное дело, разумеется, первоначально полностью контролировалось отцом.

¹²⁰ О монетах Ариарата IX в целом см. Callataÿ. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 200–209; конкретно о названных типах. P. 202, 272.

¹²¹ Быть может, не случайно, что, начиная со следующего, 4-го года правления, монеты Ариарата Евсевия меняют стилистику изображения, ориентируясь на собственно понтийские образцы (Callataÿ. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 272).

ления в собственно Понте и во вновь завоеванных государствах, что следует расценивать как показатель резкой активизации политической жизни царства и как энергично эксплуатируемый Митридатом элемент его пропаганды. И сам факт смены эр в истории Понтийского царства должен быть связан именно с деятельностью энергичного реформатора Митридата VI Евпатора, а не его отца, в этом качестве себя никак не проявившего.

Теперь необходимо вернуться назад и решить последнюю задачу: высказать-ся относительно времени правления Фарнака I, Митридата IV Филопатора Филладельфа и Митридата V Эвергета и детально выяснить, не вступают ли в противоречие предложенные здесь построения с теми хронологическими реперами, которые фиксируются в их царствования. Точнее нужно определить *termini post quem et ante quem* пребывания на престоле Митридата IV. О правлении этого царя вообще известно крайне мало: достаточно сказать, что мы не располагаем ни одним сообщением письменной традиции, которое могло бы быть надежно связано с ним (о нумизматических данных уже было сказано выше). Исходя из предлагаемой здесь трактовки эпиграфических памятников, период царствования Митридата IV укладывается в промежуток между 161 и 157 годами «эры Кимиатены», что должно примерно соответствовать периоду после мая 158 или 157 г. по октябрь 154 или 153 г. Это те границы, за которые правление Филопатора выходить не может; но нельзя исключить, что оно занимает не весь указанный хронологический интервал.

Последним обстоятельством нельзя пренебрегать. В одной из недавних работ правление Митридата IV датируется периодом 159–150 гг.¹²², с чем, однако, трудно согласиться. Последним памятником, документирующим правление Фарнака, долгое время считался афинский декрет с Делоса в его честь, датированный 160/159 г. (ID 1497b = IG XI. 1056 = OGIS 771), а первое упоминание о правлении Митридата Эвергета связано с отправкой им вспомогательных сил на помощь римлянам в начавшейся Третьей Пунической войне (App. Mithr. 10). Но отсюда отнюдь не следует, что Фарнак умер именно в год принятия афинского декрета и не позже, а Митридат V Эвергет поддержал Рим непосредственно в год своего воцарения¹²³. Единственный эпиграфический источник, связанный с правлением Митридата IV, – посвящение им в храм Юпитера на Капитолии в Риме (CIL I². 730 = CIL VI. 30922a = IG XIV. Add. 986a = IGUR I. 9 = OGIS 375), выполненное, согласно данным наиболее авторитетных исследований, в 160–155 г.¹²⁴ И этот не слишком четкий временной интервал при ближайшем рассмотрении оказывается *единственной* хронологической привязкой, впрочем, тоже не слишком надежной. В любом случае, период царствования Митридата IV оказывается довольно коротковременным.

Относительно конечной даты правления Фарнака выдвигались следующие предложения¹²⁵: 170/169 г., на основании фрагмента Полибия (XXVII. 17) – ха-

¹²² Сапрыкин. Понтийское царство. С. 36. В других местах монографии исследователь высказывается не столь категорично (с. 86, 92).

¹²³ Ср. Там же. С. 104: «... деятельность Эвергета ранее 149 г. не зафиксирована». Однако этот год, разумеется, не может считаться надежным *terminus post quem* для правления Митридата V: гораздо важнее знать верхний временной предел правления его предшественника, а такой информацией мы, к сожалению, не располагаем.

¹²⁴ Larsen J.A.O. The Araxa Inscription and the Lycian Confederacy // CPh. 1956. Vol. 51. № 3. P. 157–159; Robert J., Robert L. Bull. epigr. 1958. Vol. 71. № 550. P. 355–356; Mellor R. The Dedication on the Capitoline Hill // Chiron. 1978. Bd 8. P. 319–330; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 88.

¹²⁵ См., например: Tracy. Op. cit. P. 307. Not. 19.

рактеристики понтийского монарха как незаконнейшего из царей («Ἐπι Φαρνάκης πάντων τῶν πρὸ τοῦ βασιλέων ἐγένετο παρανομώτατος»), где подводится итог его политической деятельности и жизни¹²⁶; после 160/159 г., исходя из оставшейся на протяжении многих лет общепринятой датировки упоминавшегося выше делосского декрета¹²⁷; ок. 162 г., по нумизматическим данным¹²⁸; весна 155 г., базируясь на датировке понтийско-херсонесского договора, предложенной С. Берстайном и Б. Макгингом. Вторая и четвертая даты являются «открытыми», поскольку не указывают на смерть царя, но фиксируют только последний известный хронологический пункт его правления. Рассмотрим более подробно каждую из этих гипотез.

Первая из них, самая старая, не может считаться надежной, так как имеется немало других близких по форме высказываний Полибия, отнюдь не связанных хронологически со смертью тех исторических лиц, которым они были посвящены¹²⁹. Относительно недавно к ней вернулся английский эпиграфист С. Трейси¹³⁰, проведший тонкий эпиграфический анализ делосского декрета в честь Фарнака и его жены Нисы и выдвинувший целый ряд аргументов в пользу датировки надписи 196/5 г. Тем самым позиция второй версии существенно поколебалась, а сама эта надпись оказывается не самым поздним, а, наоборот, самым ранним свидетельством о царствовании Фарнака! Взгляд исследователя на эту проблему весьма любопытен, но нельзя не отметить неодинаковость внимания (и соответственно уровня доказательности), уделяемого им данному памятнику в сравнении с другими датирующими документами, имеющими самое непосредственное отношение к разбираемым здесь вопросам¹³¹. Тем более, что сам С. Трейси, как было сказано ранее, придерживается мало обоснованного мнения о смерти Фарнака в 170/169 г. Это, на мой взгляд, по-прежнему оставляет проблему верхнего предела правления Фарнака нерешенной.

Гипотеза известного нумизмата Г. Маттингли основана на изучении селевкидского клада монет, где обнаружены три экземпляра редких монет Митридата IV первых выпусков. Исследователь предположил, что они могли входить в состав имущества вдовы Фарнака I, Нисы, которая, потеряв мужа, вернулась в Сирийское царство, где в это время правил Деметрий I. Надежная датировка клада концом 160-х годов позволяет Г. Маттингли отнести смерть Фарнака I примерно к 162 г.¹³²

Этому взгляду нельзя отказать в оригинальности, но он основан на трудно доказуемом положении, будто после смерти царей каких-либо эллинистических государств их жены, если они имели селевкидское происхождение, должны были возвращаться «домой»¹³³. Самый показательный пример противоположного свойства – активная политическая деятельность в Понте царицы Лаодики, доче-

¹²⁶ Meyer Ed. Op. cit. S. 81; Reinach. Mithridate Eupator... P. 34.

¹²⁷ Например: Сапрыкин. Понтийское царство. С. 86.

¹²⁸ Mattingly. Op. cit.

¹²⁹ См. список таких примеров: Ibid. P. 256. Not. 10. К тому же эта характеристика слишком краткая и, ввиду отсутствия контекста, не может считаться типичным laudatio.

¹³⁰ Tracy. Op. cit.

¹³¹ Так, критическому разбору прежних датировок посвящения Митридата IV Филопатора Филадельфа в Рим уделяется один абзац из нескольких строк и два небольших примечания (Ibid. P. 309; Not. 31–32), а договору Фарнака с Херсонесом и вовсе одна фраза, завершающаяся категоричным и ничем не аргументированным замечанием, что предлагаемая С. Берстайном поздняя датировка не может быть правильной (Ibid. P. 306. Not. 15). Едва ли такой лаконизм уместен в данном случае.

¹³² Mattingly. Op. cit. P. 257–258.

¹³³ Не вполне понятно, считает ли Г. Маттингли такую практику общепринятой.

ри Антиоха IV Эпифана и жены Митридата V, после убийства ее мужа. Конечно, этот случай довольно необычен¹³⁴, но и эпизоды, предлагаемые Г. Маттингли в качестве иллюстраций, не вполне убедительны. Понятно, что после гибели Персея и крушения Македонского царства овдовевшей Лаодике не было никакого резона оставаться в Македонии. Что же касается Антиохиды из Каппадокии, то, памятуя характеристику, данную ей Диодором (πονοῦργον μόλιστα – XXXI. 19. 7) и все предпринимаемые ею дворцовые интриги (ibid.), не будет слишком большой натяжкой предположить, что она была вынуждена вернуться на родину, оказавшись явной *persona non grata* из-за чересчур активного стремления играть особую роль при каппадокийском дворе¹³⁵. Отъезд Нисы из Понта после смерти мужа выглядит только предположением, и соответственно датировка смерти Фарнака, предлагаемая Г. Маттингли, не кажется надежной. О мнении С. Берстайна и его сторонников уже неоднократно говорилось выше, и главным возражением против него кажется крайне небольшая вероятность использования селевкидской эры в Понте вообще.

Таким образом, имеющаяся в нашем распоряжении информация не позволяет прийти к однозначному выводу относительно года смерти Фарнака I Понтийского. Для цели данного исследования, однако, существенно, что нет надежных оснований к тому, чтобы оспаривать предлагаемую дату его соглашения с Херсонесом по «эре Кимиатены» – май 158 г. или 157 г. В это время Фарнак еще вполне мог быть жив; посвящение же на Капитолий было совершено его братом вскоре после его смерти, что вполне соответствует распространенной в эллинистическом мире практике подтверждения или возобновления наиболее значимых межгосударственных соглашений непосредственно сразу по восшествии на престол нового правителя¹³⁶.

Единственным репером правления Митридата IV, отмеченным в нарративных источниках, считают обычно зиму 155/154 г., когда, согласно Полибию, в войну между Прусием II Вифинским и Атталом II Пергамским вступили также «Ариарат и Митридат, как союзники его (Аттала. – О.Г.)», которые «доставили конное и пешее войско под начальством Деметрия¹³⁷, сына Ариарата» (XXXIII.

¹³⁴ Имя матери Евпатора иногда оспаривается, но ее принадлежность к Селевкидам сомнений не вызывает. Не исключено, что она сама была причастна к организации заговора против своего мужа, чем и объясняются ее ведущая роль в управлении государством после его гибели в том числе, как обосновывалось выше, и самостоятельный монетный чекан. См. Сапрыкин. Понтийское царство. С. 121–122 с библиографией.

¹³⁵ См. подробнее о ситуации при каппадокийском дворе в это время: Günther L.-M. *Kappadokien, die seleukidische Heiratspolitik und die Rolle der Antiochis, Tochter Antiochos' I* // *AMSt. Bd 16. Studien zum antiken Kleinasien III*. Bonn, 1995. S. 53–55 (в заголовке статьи допущена опечатка: должно быть – Antiochos' III).

¹³⁶ Вопрос о том, кто же именно из понтийских царей первым стал римским союзником, остается открытым. В пользу Фарнака свидетельствует фраза о дружбе с римлянами из его договора с Херсонесом. С.Ю. Сапрыкин полагает, что «уже Фарнак I установил дружественные связи с Римской республикой... но в союз с нею не вступил» (Понтийское царство. С. 88). О значении терминов φίλος/*amicitia* см. Смыков Е.В. Рим и Парфия: первые контакты (к вопросу о договорах Суллы и Лукулла с парфянами) // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Ч. 1. 2000. С. 324–327 (с литературой). В любом случае, Аппиан, судя по всему, не точен, когда говорит, что первым из понтийских царей в дружбу с римлянами вступил Митридат V (Mithr. 10).

¹³⁷ Этот персонаж тоже заслуживает отдельного внимания. Обычно его считают сыном тогдашнего царя Ариарата V; см., например: *Habicht Ch. Über die Kriege zwischen Pergamon und Bithynien* // *Hermes*. 1956. Bd 84. S. 107. Однако Й. Хопф убедительно показал, что тот был еще слишком молод, чтобы иметь сына, способного руководить войсками. Поэтому Деметрия следует считать сыном Ариарата IV, возможно, от другого брака (*Норр. Op. cit. S. 77. Anm. 102*).

12. 1). Не исключено, что это и так; однако у нас не может быть абсолютной уверенности в том, что упомянутый Митридат – именно Филадельф, а не Эвергет, на что обращал внимание уже Р.Х. Лепер¹³⁸.

Таким образом, проведенный анализ позволяет предположить, что на протяжении III–II вв. в Понтийском царстве счет лет велся по «эре Кимиатены», начало которой приходилось на 315 или 314 г. и было связано с утверждением политического господства Митридата I Ктиста в Пафлагонии. Только в 96/95 г. эта система летосчисления была заменена Митридатом VI Евпатором на «вифинскую» царскую эру. Соответственно появляется возможность уточнить время жизни и правления четырех царей Понта: Митридат I Ктист умер в 261 г., Фарнак I – приблизительно после 158–157 гг., Митридат IV Филопатор Филадельф правил ок. 158–157 – 154–153 гг., Митридат V Эвергет уже был на престоле осенью 154 г. или 153 г. Все эти реконструкции, разумеется, носят предположительный характер и не могут считаться надежно доказанными до обнаружения новых свидетельств; однако они снимают ряд противоречий, содержащихся в более ранних концепциях и могут рассматриваться по крайней мере как некий «параллельный вариант» уже установленным в науке взглядом, который, надеюсь, способен привлечь внимание специалистов. Во всяком случае, можно рассчитывать, что в последующих исследованиях словосочетание «эра Кимиатены» будет уже употребляться без вычек либо станет именоваться просто понтийской царской эрой.

CRITICAL NOTES ON THE CHRONOLOGY AND DYNASTIC HISTORY OF THE KINGDOM OF PONTUS

O. L. Gabelko

The question of the system of chronology used in Pontus in the 3rd–1st cc. BC is still under discussion, the data of the sources being very contradictory. The author of the paper puts forward a hypothesis that originally in the Kingdom of Pontus they used a «royal era» made after the Seleucids' model; it began in 314 or 313 BC and was connected with the flight of Mithridates I Ctistes, son of Ariobarzanes, to Paphlagonia, when Pontus began its *de facto* independent existence. The system seems to have been created by Mithridates I in 297/296 BC when he assumed the royal title following the example of Zipoites of Bithynia. This may be proved by the Cappadocian coins dated with the year 200 and minted in the third year (98/97 BC) of the rule of Ariarthes IX Eusebius, Son of Mithridates Eupator; the coins must have been issued in commemoration of the bicentenary of Mithridates Ctistes' coronation. Obviously, Ctistes' 36-year reign must have begun in 297/296 BC; in which case his death followed in 261.

Two well-known epigraphic monuments seem to be dated according to the «era of Kimiathena»: a treaty between Pharnaces and Chersonesus (IOSPE I² 402) and a decree from Abonutichos in honour of Alkimos (under Mithridates V Euergetes). Their dates based on this system (158–157 and 154–153 BC) are quite plausible, while other dates (according to some era beginning in 336 BC and to the Bithynian royal era respectively) do not look convincing. The author rejects the widespread opinion of western scholars that in these monuments the Seleucid era was used. Analysing various narrative, epigraphic and numismatic sources, he comes to the conclusion that Mithridates IV Philopator Philadelphus was ruling within three or four years and should be fitted into the period mentioned above.

It was not until 96/95 BC that the Bithynian royal era began to be used in Pontus. Coins with dates according to this era appeared under Mithridates VI Eupator, which was connected with the death of the Bithynian king Nicomedes III Euergetes and was meant to show Eupator's political claims for submitting the neighbouring state.

¹³⁸ Лепер. Херсонесские надписи. С. 30. В указателе к изданию Полибия Ф.Г. Мищенко этот царь также фигурирует под порядковым номером V (*Полибий*. Всеобщая история в сорока книгах. Т. III. СПб., 1995. С. 296). Из современных ученых такую возможность допускают А. Шервин-Уайт и В. Лешхорн, не делая, впрочем, из нее никаких выводов (*Sherwin-White*. Op. cit. P. 43. Not. 90; *Leschhorn*. Op. cit. S. 79).

А. С. Степанова

ПОЛИБИЙ И СТОИКИ

(К вопросу о некоторых концептуально-терминологических параллелях)

Сам по себе факт зарождения исторического мышления в эпоху античности заслуживает внимания. Античные историки продемонстрировали примеры духовного подвижничества – обстоятельство немаловажное, особенно, если учесть общие интеллектуальные тенденции, в условиях которых возник исторический метод. По этому поводу Р.Дж. Коллингвуд писал, что в античную эпоху возобладала антиисторическая по своей сути линия Парменида – Платона. Вместе с тем он справедливо указал на присутствие и другой, противоположной тенденции, наиболее ярко, по его мнению, проявившейся в творчестве Геродота. Таким образом, классическая эпоха дала две крупных фигуры – философа Платона и историка Геродота, выступивших с диаметрально противоположных позиций. Коллингвуд так оценил смысл происшедшего: «Достижения Геродота настолько резко противоречили всему потоку греческой мысли, что они ненадолго пережили их создателя»¹. Но это слишком категоричное утверждение. Хотя метаморфозы античной философии и сыграли немаловажную роль в общей тенденции развития исторического мышления, следует предостеречь от односторонней трактовки этого мышления и попыток установления его прямой зависимости от философии. Коль скоро греками была открыта новая сфера знания, Геродот не мог не иметь преемников. Исторический пафос сочинения Геродота заключался в том, что его интересовали события.

В самом деле, доминировавшая долгое время философская мысль о том, что познать можно только неизменное, возможно и способствовала появлению труда такого историка как Фукидид, в связи с субстанциальной точкой зрения, господствовавшей в сознании греков его эпохи, апеллировавшем к изучению законов, по которым события якобы происходят. Но творчество Фукидида показывает, что в сознании греков присутствовала не только идея субстанции, но и закономерности, и пафос поиска законов, по которым функционирует такой новый объект исследований, как история, был вполне оправдан.

Можно предположить, что определяющую роль в различных направлениях исторического поиска играли не те или иные научно-философские концепции сами по себе, а исторические условия осуществления поиска, особенности мировосприятия, свойственные той или иной эпохе, а также индивидуальные особенности историков, писавших свои истории. Путь истории как нового вида интеллектуального творчества был вполне автономен. В связи с вышесказанным изучение творческой доминанты «Истории» Полибия представляет особый интерес, так как позволяет выявить те концепты, которые оказались востребованными в современную ему эпоху и дополняют наши представления о культуре в целом, в том числе проливают свет и на определяющие черты философской парадигмы эллинистическо-римской эпохи. То есть здесь существует обратная

¹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М., 1980. С. 30.

связь: изучение исторических повествований может служить методологической основой для понимания философской мысли.

Уже на первый взгляд некоторые общие интонации повествования Полибия кажутся знакомыми. Так, если обратить внимание на эмоциональный настрой сочинения историка, выражающий особенность его принципиальной позиции, то бросается в глаза, что даже общий пафос негативного отношения Полибия к «страстям», которые деформируют естественный ход исторических событий, – стоический по преимуществу (VI. 6. 4). Кроме того, Полибий подчеркивает разумный характер действий человека, отличающий его от поведения животных, что сразу определяет разум как доминанту не только человеческих поступков, но и исторических предприятий. Также Полибий отмечает умение человека «сохранить самообладание и благородство души среди всесокрушающих превратностей судьбы» (VI. 1. 6)². Понятие долга он связывает с одобрением, выказываемым лицам достойного поведения; отмечает, что достойным свойственно избирать справедливое и избегать неблагоприятных поступков (VI. 6, 8–9)³. Наконец, он отдает предпочтение смешанной форме государственного устройства (VI. 3. 7–8). Все эти положения напоминают стоические, но, скорее всего, лишь отражают общие идеи римской эпохи, отвечают рационалистическому способу мышления и не могут быть признаны всецело детерминированными стоическими идеями. Выражаясь словами Полибия, они подсказаны самим историческим опытом (VI. 3. 8).

Вместе с тем, памятуя о доминирующем значении стоицизма в интеллектуальной жизни той эпохи, предпримем попытку выявить и некоторые, не столь заметные на первый взгляд, общие для Стои и Полибия мировоззренческие парадигмы. Для этого следует обратить внимание на могущие иметь место аналогии, свидетельствующие об общей интенции мысли Полибия и стоиков, преимущественно на те моменты, которые получили концептуально-терминологическое оформление. Вникая в смысл изложения Полибия, не следует забывать о самостоятельности его суждений и акцентировании им внимания на принципиальном значении собственного исследовательского опыта историка или читателя (III. 9. 5).

У Полибия отчетливо просматривается упор на понимание – не на достоверность события (например, свидетельство современника и участника событий историка Фабия), а суждение о нем самого читателя. То есть, выражаясь словами Р. Коллингвуда, «мысль историка о событиях» интересует Полибия в большей степени, чем свидетельство очевидцев.

История Полибия – это заявка на изображение портрета новой эпохи. В его исторической концепции присутствуют черты, запечатлевшие своеобразие самого исторического развития переломного эллинистическо-римского периода, сказавшиеся и на специфике эллинистической философии, прежде всего стоической. Поскольку у Полибия предмет исследования – история – представлена как всеобщая, то и историография выступает в качестве особой универсальной формы мысли. Его труд как раз демонстрирует ту «форму интеллектуальной

² Здесь и далее цитаты приведены в пер. Ф.Г. Мищенко.

³ Понятия «одобрение» (συγκατάθεσις) и «долг» (καθήκον) – стоические. Первое было применено ранними стоиками в теории познания, второе – в этике. Полибий использует их в своей исторической концепции, проецируя человеческую активность на область истории и создавая тем самым теорию исторического поступка.

активности», которая, по мнению Х. Уайта, свойственна историческому сознанию⁴.

Рассуждая по поводу отношения греков к понятию «природа», М. Хайдеггер отмечал: «То, что противостоит физическому, есть историческое, есть область сущего, которую греки, однако, понимают, толкуя как развитие изначальной φύσις»⁵. В понимании греков эллинистической эпохи «природное» тождественно «универсальному». Полибий, задавшись целью написать универсальную историю, по существу включает в смысловое поле понятия «φύσις» и историю. В самом деле, он подобно стоикам широко оперирует понятием «природный» и выражением «по природе» (κατὰ φύσιν).

Вместе с тем «природный» в его представлении – «законосообразный», и эта ссылка на природный закон (νόμος) весьма существенна постольку, поскольку речь идет об исторических событиях. Так, Полибий говорит об управлении государством или о «порядке природы» (φύσεως οἰκονομία), в соответствии с которым происходят изменения и совершается взаимный переход форм правления (VI. 9. 10). При этом «природное» как качественная особенность субъектов истории играет у Полибия существенную роль. Так, у истоков государственности пребывает природная слабость самих людей, вообще он отмечает свойства человеческой природы и условия, при которых они могут быть потеряны, например, неправильное воспитание (I. 81. 10), – все это чрезвычайно важно для концепции в целом. Семья как ячейка государства также возникает естественным образом – κατὰ φύσιν (по природе). Наконец, смена трех лучших форм государства тремя худшими тоже происходит в соответствии с природой. Поэтому Полибий не столько расширяет сферу применения понятия «φύσις», механически распространяя его на историю, но скорее «φύσις» у него оказывается включенным в концепцию истории. Общий смысл используемого здесь понятия «природный», по-видимому, означает не просто генетическое свойство, но «целесообразный», исторически обусловленный характер природы как воплощения принципа всеобщности. Безусловно, этот целесообразный характер самой природы проявляется в разумной деятельности человека. Так, поведение кинефян изменилось вследствие пренебрежения «установлением предков, прекрасно задуманным и верно рассчитанным на природные свойства всех жителей Аркадии» (IV. 20. 4). Здесь мысли Полибия несомненно перекликаются с рассуждениями стоиков о жизни, согласной как с общей природой, так и с природой человека. В понимании Полибия-историка важнейшей ипостасью общей природы является климат. Так возникает идея географического детерминизма: природные свойства народов зависят от климата (IV. 21. 2)⁶.

Сам Полибий обращает внимание на то обстоятельство, что впервые в поле зрения историка попадает всеобщая история. Задачи самой исторической прагматики требовали обобщений, и, по словам Полибия, он решил писать о всеобщей истории (I. 4. 6). Историк активно использует идею всеобщности, передавая ее с помощью понятия «общий» (κοινός), применяя его при обозначении способа поведения прежде всего в условиях военных действий, например κοινολογία (совместные действия). Естественно, что его интересуют прежде всего общегосударственные дела (κοινὰ πολιτεία). Наряду с этим используются и термины

⁴ Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века // Studia humanitatis. Екатеринбург. 2002. Т. 8. С. 21.

⁵ Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб., 1997. С. 101.

⁶ О влиянии климата на способности человека подробно писал еще Аристотель.

κοινοβούλιον (общее собрание), κοινодίκαιον (общий суд), κοινωνικός (общительный). Он говорит и о здравом смысле как общем понимании (κοινή ἔννοια)⁷.

Идея всеобщности была актуальной интеллектуальной парадигмой эллинистическо-римской эпохи. Уже эллинизм дает яркое ее воплощение на примере κοινή (общего наречия). Его дополняют κοινή εἰρήνη (всеобщий мир), κοινολογία (совместная беседа). Значительные перемены в интеллектуальной сфере отражены в терминах, активно используемых стоиками, например, κοινή ἔννοια (общее понятие), κοινὸς λόγος (общий логос), κοινή ποιότης (общее свойство), κοινωνικὸν ζῷον (общественное животное, или человек). Здесь сказались новые тенденции, которые привели к выдвиганию на первый план не «номоса» (по меткому определению М.К. Петрова, «остановленной в письменности речи»), а «логоса», ставшего выразителем всеобщности – символа мира общения, перешедшего границы гражданского (в рамках полиса) общения. Не случайно «интерес к речи-логосу, к форме и содержанию логоса в значительной степени сместился к форме...»⁸. Для Полибия важно повествование о людях и событиях, вовлеченных в общий исторический процесс. При этом его интересуют отдельные исторические действия в их совокупности, собственно событийное поле как особое пространство исторического бытия. Традиционный аналогический метод в своем повествовании он пытается дополнить логическим, и в этом он следует канонам Стои. Это особенно заметно там, где Полибий говорит о причинной (внутренне обусловленной) связи событий (συμπλοκή, букв.: сцепление). Таким образом, дедуктивная парадигма и доктрина исторической причинности у Полибия присутствуют в неразрывном единстве, будучи сориентированы на коренной концепт «всеобщего».

Отметим и принципиальное значение того обстоятельства, что понятие «всеобщего» соотносится у Полибия с понятием «система». Данное утверждение подкрепляется терминологически. Как известно, стоики впервые применили термин σύστημα для обозначения космоса. Полибий называет термином σύστημα государство римлян (VII. 10. 14). Человеческие же сообщества как олицетворение Целого он обозначает с помощью формы множественного числа: συστήματα (VI. 5. 10). Само понятие системы, закрепленное терминологически, будучи примененным к истории имеет огромное значение, поскольку выражает идею «целостности». Если Полибий объективно и выступал как идеолог римского государства, якобы выполнявшего историческую миссию объединителя других народов, то вместе с тем он и искренне верил в идею Целого.

Когда Полибий говорит о том, что с определенного события (κρίσις) (т.е. победы над Карфагеном) римская история становится как бы одним целым, для обозначения этого вновь возникшего качества истории «быть всеобщей, целостной» он употребляет термин σωματοεἰδής (телообразный). История становится зримой, обретает вид «тела». Так в неожиданном соотношении выступают понятия «целостность», «всеобщность» и «телесность», адресуя нас к понятию «телесности» в концепции стоиков (I. 3. 4)⁹. Подход Полибия, создававшего

⁷ Термин ввели ранние стоики для обозначения рациональных форм мысли как результата обобщения чувственного опыта, высшего уровня идеализации.

⁸ Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 55.

⁹ Понятия, связанные с «телесностью» (термин σωματότης) обычны для эллинистической философии. По-видимому, существовала проблема восприятия телесности. Так, Секст Эмпирик утверждал: «Зрение не может схватить телесную массу. Ибо оно видит только акциденции массы» (Против ученых. VII. 294). Стоики утверждали, что «границы тел существуют лишь в понятии» (SVF. II. 488). Интеллигибельный характер подобного существования они описывали с помощью глагола ὑφίστημι.

обобщенный образ исторического мира как сложной системы, будучи по существу своему философским, действительно напоминал стоический. Р. Коллингвуд по этому поводу писал: «Идея всего мира как единого исторического целого представляет собой типично стоическую идею, а стоицизм – типичный продукт эллинистического периода»¹⁰. Вместе с тем точно так же можно сказать, что это типичная идея Полибия. Он создавал концепцию всеобщей истории (представшей зримо взору историка) как живого воплощения этой идеи Целого параллельно со стоиками, которые разрабатывали философские основания этой идеи, соответствовавшей самой духовной атмосфере времени. И концепцию естественно обусловленного исторического цикла следует рассматривать как выражение новой парадигмы мышления, исторической по существу и противостоящей мифологической.

Поэтому представляет интерес сопоставление исторической мысли Полибия с парадигмой мифологического мышления. Для мифологического мировосприятия характерна циклическая модель, предполагающая движение по кругу, отличительная черта которого – замкнутость, т.е. отсутствие начала и конца. «Движение по кругу не допускает изменения направления. Эта модель ограничивает временную перспективу. Ей не свойственны понятия истории и прогресса. В ней ослаблено “чувство нового”, но усилено “чувство тождества”, придающее существованию стабильность. На фоне такого мироощущения концепт цели не может обрести основополагающий для деятельности человека статус: мотив, действие и цель образуют нерасчлененный комплекс»¹¹. М. Элиаде также отмечает: «В проявлениях своего сознательного поведения “первобытный” архаический человек не знает действия, которое не было бы произведено и пережито ранее кем-то другим, и притом не человеком... Его жизнь – непрерывное повторение действий, открытых другими»¹².

Каков ход мысли Полибия? Отмечая порядок истории, ориентированный на циклическую смену государственных устройств, Полибий вводит термин *ἀνακύκλωσις*, семантика которого не ограничивается словом «круговорот». Это подтверждается значениями слова *κύκλωσις* (окружение, колонна, совершающая обходной маневр). Характерно, что термин употребляли Ксенофонт и Фукидид при описании военных действий. Данный термин, будучи *poen actionis*, фиксирует, во-первых, смысловые моменты, связанные с движением в пространстве, «маневр, передвижение, изменение направления», а во-вторых, содержит смысл «приложения усилий», т.е. сознательного изменения чего-либо¹³. Таким образом, термин *ἀνακύκλωσις* у Полибия имеет смысл более широкий, нежели просто «круговорот как возвращение к исходной точке», он приобретает исторический смысл, означая круговорот государственных образований либо государственный переворот (*ἀνακύκλωσις πολιτείων*). Цикл исторического развития, по Полибию, – это своеобразное двоякое изменение, движимое причинами либо внутреннего характера, либо внешнего (VI. 10. 2–4). Схема исторического цикла, представленная Полибием, передает своеобразное представление историка о циклизме: происхождение и становление (*ἀρχαὶ καὶ γενέσεις*), рост (*αὐξήσις*), расцвет (*ἀκμή*), изменение (*μεταβολή*), исход (*τέλος*). Полибий здесь

¹⁰ Коллингвуд. Ук. соч. С. 34.

¹¹ Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 17.

¹² Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 33.

¹³ Ср. значение глагола *κύκλω* («обводить, вводить, ввинчивать»), которое предполагает наличие субъекта действия.

использует термин *τέλος* (обычное значение которого «цель») для обозначения завершения исторического процесса. Вместе с тем для передачи смысла, выражающего окончание, завершение чего-либо, в своем сочинении он неоднократно использует другой термин – *συντέλεια*, который одновременно означает у него и «политическое объединение» (III. 1. 9). Почему он использует именно термин *τέλος*? Представляется, что здесь можно прибегнуть к следующему объяснению, которое подсказывает нам специфика этической концепции стоиков. Так, последние целью (*τέλος*) называли исполнение, осуществление мудрости, делая акцент на процессе реализации и даже на принципе поведения. Поэтому последнюю стадию цикла в схеме Полибия наилучшим образом можно передать словом «осуществление», чтобы подчеркнуть процессуальный характер изучаемого объекта – истории, когда последняя стадия является не просто окончанием, а логическим продолжением и завершением моментов, фиксируемых предыдущими стадиями развития. Одновременно *τέλος* – не просто конечный пункт, но и принцип данного движения, точнее, его цель. Одним словом, схема Полибия достаточно сложна, чтобы отождествлять ее с традиционным образом мифологического круга, движение по которому происходит по заранее известному сценарию. Она отражает процесс, в нее включен момент изменения (действия), смысл которого разъясняет Полибий. От природы государственным формам свойственно извращение (VI. 10. 4)¹⁴. Кроме того, сам механизм исторических перемен предполагает наличие противоположностей, из учета этих взаимных противодействий и следует исходить при учреждении форм правления, как и поступил Ликург (VI. 10). Так и римское государство, сложившись естественным образом, должно перейти к противоположному устройству.

Любопытны эти рассуждения Полибия, поскольку речь на самом деле идет о понятиях тождества и различия применительно к государственным формам. Он по существу отрицает их абсолютный смысл, говоря об относительности сходства и различия, что подтверждается его мыслью о наличии промежуточных политических форм (VI. 9. 10). Когда историк говорит, что «изобретая много нового, судьба никогда еще не совершала ничего подобного», он отрицает тем самым тождественность начала и конца (I. 4. 5). Сам Полибий задачей исторически мыслящей личности признает знание начала и конца. Сама эта постановка вопроса предполагает их отличие. Любопытно, что об этом же говорит и Марк Аврелий, указывая на отличительное свойство образованного человека, долженствующего знать начало и конец (V. 32). Говоря так, Марк Аврелий также подразумевает цель (*τέλος*), но цель там, где существует сознательное действие человека, ибо в категории цели наиболее ярко выразилась человеческая активность.

Поэтому, хотя он и остается в своем времени, не освобождаясь окончательно от идеи цикла (закон возрастания через изменение ведет к упадку и завершению), Полибий демонстрирует стиль мышления, ориентированный не на миф, а

¹⁴ Приводится пример со ржавчиной на железе; ср. мнение стоиков о порче воды и превращении ее в болото. Хрисипп, которому приписывается это мнение, высказывает мысль о внезапном изменении или даже о внешнем воздействии (SVF. II. 592). Полибий же говорит о другом, о существовании определенной закономерности в самой природе форм, в результате которой государственные формы переходят одна в другую. Идею подобного перехода можно встретить в разделе стоической физики, где речь идет не только о превращении и изменении элементов, но и об их переходе одного в другой, а также о проникновении тел друг в друга (SVF. II. 592, 602) или о переходе одушевленных частей мира в неодушевленные и обратно (SVF. II. 605).

на историю. Более того, циклическая модель истории Полибия, ориентированная на нестабильность исторического бытия, подверженность мира обновлению, предполагает поступательное движение. И уж совершенно определенно Полибий, опираясь на открытый им закон, мыслит возможность предсказывать будущее и осуществлять какой-либо замысел (VI. 9. 12). Смысл самой идеи смешанных политических форм заключается в признании возможности вырваться из предназначенного круга, обрести хотя бы временную стабильность (VI. 10. 6–8). Доминирующее значение при таком подходе получает понятие времени. Все происходящее в истории соотнобразуется со временем. Изменения государственных форм происходят с течением времени. Время рассматривается не просто как необходимое условие правдоподобного рассмотрения событий, высказывается убеждение в существовании внутренней связи предмета рассмотрения со временем (VI. 11. 10)¹⁵.

Лейтмотив сочинения Полибия, особенно в той его части, которая касается смешанных государственных форм, сводится к убеждению в необратимой направленности римской истории, а это уже манифестация чисто исторического взгляда. Вместе с тем историк нередко выдает желаемое за действительное, впадая в противоречие. Безусловно, как прагматик, создающий рационалистическую доктрину и, наконец, как истинный ученый, Полибий не может не быть последовательным в своих взглядах (следуя предлагаемому им стадийному закону), поэтому он вынужден признать общую судьбу и смешанных форм государства, а именно: они, «как и простые формы, подпадают под действие биологического закона»¹⁶. Мы полагаем, что сама противоречивость взглядов Полибия проистекает не только из его амплуа идеолога Рима или даже из-за приверженности «теории простых форм»¹⁷, но из самой специфики его общего исторического взгляда, который противоположен идее цикла и отличается глубиной мысли. В чем же эта специфика?

В повествовании Полибия постоянно просматривается историческая перспектива: события разворачиваются от начала к концу, от прошлого к будущему. Сам историк не устает повторять о чрезвычайной значимости исторического знания для настоящего и будущего (I. 4. 5; III. 4. 9). В этой актуализации настоящего слышны нотки морализма стоиков, которые и в физической части своего учения, посвященного проблеме времени, акцентировали ценность настоящего: «существует только настоящее» (SVF. II. 518). Но у стоиков настоящее всегда осмысливается в перспективе будущего. Та же мысль очевидна и у Полибия, причем его заботит не божий промысел, а реальная задача предсказания будущего, которую он ставит в зависимость от знания и понимания хода истории и долга, который есть начало и конец справедливости (VI. 6. 5–8). Полибий, отмечая важность исторического подхода к жизни, подчеркивает значение мысленного проникновения в будущее, демонстрируя признание целесообразного характера исторического процесса, ход которого отмечен вехами «начало – конец». Это напоминает подход стоиков, искавших новые методы дедуктивного

¹⁵ Ср. с проблемой соотношения причины и времени у стоиков. Мы склонны считать, что время у стоиков играет роль не просто условия действия причины, а того функционального отношения (λόγος), которое складывается между причинами во всей причинной цепи (*Clem. Al. Strom.* VIII. 9).

¹⁶ *Тыжов А.Я.* Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история. СПб., 1994. С. 28.

¹⁷ Там же. С. 33.

познания, позволяющих «заглянуть» в будущее (учение об аксиоме). И предсказание о будущих событиях, и историография равным образом нацелены на гипотетический конструкт. При этом Полибий, повествуя о реальной истории, высказывал мысль об актуализации истории как возможности, выделяя активность каждого человека – участника истории в качестве доминирующего начала. Он подчеркивал роль проективного мышления как для исторического познания, так и для хода самой истории, за которую люди несут ответственность: они «вникают в происходящее, огорчаются настоящим и, предвидя будущее, заключают о том, что каждого может постигнуть» (VI. 9. 10)¹⁸. Складывается впечатление, что Полибий как будто ощущал и свою особую историческую миссию. Именно подобное размышление должно подвигнуть людей на совершение исторически значимых поступков.

Здесь есть еще один план понимания, касающийся восприятия времени: Полибия интересует не просто прошлое, но прошлое в его отношении к настоящему и будущему (I. 3. 4). Прошлое же и будущее получают смысл только в соотношении с настоящим, и история всегда существует в момент «теперь». Историк постоянно обращается мыслью к настоящему, пытаясь понять ускользающий его смысл: что это за особое бытие, которым является новая общность – римское государство? При такой постановке вопроса у Полибия субстанциальность исчезает, место сущности (οὐσία) занимают τὰ συμβεβηκότα (события). Поэтому не случайно, что именно Полибий был историком, который впервые использовал сам термин «история» не в широком смысле исследования вообще, а именно в современном нам смысле. Эта детерминация событий временем не позволяет безоговорочно принять мнение Р. Коллингвуда о том, что «Полибий примирился с субстанциальной тенденцией, господствовавшей в общественном сознании и в его эпоху»¹⁹. Было бы, конечно, слишком смелой модернизацией признание факта отсутствия понятия субстанции у Полибия, но это уже не субстанция в абсолютном смысле слова как неизменная сущность, ибо история предстает скорее как явление, вдруг вышедшее на поверхность, обнаружившее ранее сокрытые черты. Историка интересует не только начало и конец событий, но в большей степени сам ход истории, приведший к определенному результату. При таком подходе к объекту исследования просматриваются контуры концепции линейного времени. Полибий пытается выявить формальную связь событий, их функциональную зависимость, поэтому не случайно у него и подробное перечисление разнообразных функций судьбы²⁰.

Не только время, но и пространство воспринимаются Полибием как категории, имеющие отношение к конкретной исторической реальности, и раскрывают свой истинный смысл лишь обнаруживая некое общее свойство «нахождения здесь». Мысль историка движется не только в промежутке времени (διάστημα)²¹, но и в пространственных координатах.

¹⁸ Здесь выражена убежденность Полибия в возможности и даже необходимости предвидения будущего, что соответствовало взглядам стоиков, но контрастировало с убежденностью Аристотеля в непредсказуемости будущего.

¹⁹ Коллингвуд. Ук. соч. С. 36.

²⁰ Просматривается связь с идеей функциональности у стоиков: начиная от выявления основных функций Зевса и всего разнообразия функций причин до функций души.

²¹ Термин использовали стоики, давая определение времени; характер применения данного термина показывает, что они говорили не просто о пространстве, но о движении в пространстве, а именно о «промежутке движущегося космоса» (SVF. II. 510, 515, 516).

Любопытно, что у исследователя эпохи эллинизма И. Дройзена можно обнаружить идею такого пространства-конструкта. Дройзен делает важное, по его словам, замечание, которое касается способа нашего чувственного восприятия и эмпирического познания и роли в них понятий времени и пространства. Время и пространство имеют диаметрально противоположные свойства: время, выражающее поток становления, всегда преодолевает «инертное» пространство, которое вместе с тем имеет тенденцию к расширению (распространению). Он отмечает, что наиболее общие взгляды на пространство и время остаются пустыми, пока они не получают требуемого содержания. Так, требуется «распознать» детали, характеризующие эти две категории, а для этого недостаточно знать, что означает выражение «они существуют», необходимо понять значение того, что они именно «здесь существуют»²². Эти мысли Дройзена – историка в высшей степени примечательны в их соотнесенности со взглядами, выражающими мироощущение Полибия²³.

Актуализация «исторического», его зримое (телесное)²⁴ присутствие в настоящем, наличном бытии (здесь – бытие) обусловлено самим свойством комплекса «пространство – время». Понятие «пространство – время» (хронотоп), таким образом, неотделимо от понятия «история». Римская история в интерпретации Полибия предстает как процесс, сориентированный не только во времени, но и в пространстве.

В самом деле, вместе с географическим ландшафтом эллинистическо-римского мира интенсивно менялось и его историческое лицо: все большее число регионов и народов вовлекалось в единый исторический процесс. Менялись и способы его восприятия. Для Полибия эпистемологически была значима совокупность событий, выступающих как единое целое. Так, македоняне, по его убеждению, о многих народах Европы не имели и понятия, и только сама история в ее римском воплощении приоткрыла завесу неизвестности, расширила объем знаний об обитаемом пространстве (I. 2. 6–7).

Не случайно Полибия интересуют места событий (*τόπους τῶν πραγμάτων*), пространства (термин *χώρα*)²⁵, земли, ранее неведомые людям.

Историк четко говорит о том, что его интересует событийный аспект, причем контуры событий (*συμβεβηκότα*), сами события, их взаимосвязь, а не их простая преемственность²⁶. Характерно, что для обозначения событий Полибий использует разные термины: *ὁ καιρός, ἡ πρόξις, τὸ πρόμα, τὰ συμβαίνοντα*. Это свидетельствует о том внимании, которое он уделял данному понятию в своей концепции. Некоторые термины у Полибия многозначны. Так, *ἡ πρόξις* – это еще и «опытность, предприимчивость, хитрость», *ὁ καιρός* – «своевременность, благоприятный момент, критический момент», *τὰ συμβαίνοντα* – «случайные обстоятельства». Таким образом, выявляются оттенки смысловых значений, которые, по-видимому, интересовали Полибия.

²² *Droysen I.G. Historik. Vorlesungen über enzyklopädie und methodologie der Geschichte. München–Berlin, 1937. S. 9.*

²³ В дальнейшем этот концепт пространства в форме экзистенциального пространства получает развитие в философии М. Хайдеггера, в которой выявляется значимость бытия-истории.

²⁴ Термин *σώματοειδής* (телообразный).

²⁵ Термин впервые использовали стоики, введя понятие бестелесного пространства.

²⁶ Под преемственностью здесь, видимо, следует понимать хронологические контуры, а не событийные. Возникает концепт реального, не математического или физического, а исторического пространства.

Полибий задается вопросом: когда и каким образом началось объединение и устройство всего мира? и как случилось, что все народы подпали под власть римлян? (I. 1. 4). Уже сама постановка проблемы для античной мысли, находившейся всецело во власти рока, неожиданна, поскольку акцентируется новизна происходящего в мире, то свойство, которое никогда прежде миру не было присуще. Так, одной из функций судьбы является ее способность к совершению нового (*καινοποιοῦσα*) (I. 4. 4). Вообще судьба столь многофункциональна, что, по Полибию, – это по существу сам опыт (VI. 10. 13).

Судьба у Полибия – понятие многозначное, а такие ее свойства, как способность к совершению обновления, ускорения и даже объединения событий в единое целое, позволяют трактовать этот отнюдь не второстепенный «персонаж» Полибиева труда как особую физическую силу, производящую действие. Судьба попадает, таким образом, в пространство действия причинно-следственных связей. Схема причинно-следственной связи, выдвигаемая Полибием, известна: αἰτία (причина), πρόφασις (повод), ἀρχή (начало). Схема, представляющая связь трех указанных моментов, многократно исследована, и верно то, что для обозначения этой связи Полибий «разработал систему терминов» и «закрепил за каждым ее элементом постоянное место»²⁷. Полибий так же, как и стоики, устанавливал иерархию причин, но для него это причины, участвующие в историческом процессе. Поэтому как историк особое внимание он должен был обратить на содействующую или вспомогательную причину.

П. Педек исследовал все оттенки понятия «причина» у Полибия и сопоставил с аналогичным понятием у стоиков. Он справедливо отметил, что анализ стоиков намного сложнее, чем у Аристотеля. Отметим со своей стороны: анализ причин у Аристотеля вообще принципиально другой. У стоиков нет речи о том, что один предмет является причиной другого предмета. Предмет всегда лишь причина качественного изменения существующего предмета. Для стоиков всегда актуальна совокупность причин. Так называемые «вторичные» (сопутствующие) причины, говорит П. Педек, образуют причинный пучок²⁸. В нем присутствуют предварительные условия (*προκαταρκτικά*), главные или совершенные причины (*συνεκτικά*), содействующие или смежные причины (*συναίτια, συνεργά*) (SVF. II. 346, 351, 945). Причины последнего вида способны ускорять процесс. В классификации Полибия именно эта содействующая причина играет немаловажную роль как аналог случайности и пособница событий. Возможно, этот аспект (т.е. случайность) выделил сам Полибий, не находя подходящего понятия в стоицизме. Важно другое: и стоики, и Полибий существенно расширили (по сравнению с Аристотелем) спектр самих причин и сферу их действия.

В связи с этим для того, чтобы составить более полное представление о понимании причинности Полибием, недостаточно ограничиться общеизвестной схемой, необходимо рассмотреть часто употребляемый им термин ἄφορμή (причина, основание) (I. 3. 10; 20. 12; IV. 50. 3; IV. 77. 2; XIII. 5. 7)²⁹. Варианты употребления ἄφορμή, которые перечислил А. Мауерсбергер, в основном следующие: причина (основание) (II. 52. 3), исходный пункт, база военных действий (I. 41. 6; IV. 50. 3; V. 58. 5; XVI. 29. 1), материальные ресурсы (I. 3. 10; 20. 12),

²⁷ Тыжов. Ук. соч. С. 10.

²⁸ Pedech P. La méthode historique de Polybe. P., 1964. P. 68.

²⁹ Хрисипп употреблял термин ἄφορμή в значении отклоняющей способности разума, признавая тем самым наличие в мире случайности как проявления независимости причинных рядов! (*Plut. Oper. mor. X. 10–11*).

предпосылка действий (V. 35. 10), подготовительный пункт, средство (I. 82. 4), шансы, перспектива (I. 88. 2), повод, побуждение (I. 72. 1; II. 59. 2), повод, походящий случай, предпосылка в смысле возможности (I. 55. 6), полномочие (XXXI. 33. 5), способ и путь (VIII. 21. 8)³⁰. П. Педек дополнил перечень случаев употребления: ἄφορμῆ может обозначать и даже природные дарования личности (IV. 77. 2; XIII. 5. 7), отметив, что самый распространенный смысл выражен в значении ἄφορμῆ как средства действия³¹.

П. Педек предположил, что πρόφασις – это объявленный повод, выраженный в форме публичного заявления, а ἄφορμῆ – обозначение объективного факта, выполняющего функцию исходного пункта, трамплина к последующим событиям. Таким образом, πρόφασις – лишь умственная конструкция. Термин же ἄφορμῆ, как утверждает П. Педек, употреблялся историком для обозначения возможности (случая) как той точки опоры в причинно-следственном ряду, которая «придает действию некий разбег»³². Так, Полибий говорит, что тиран Спарты Набис давно искал случай (ἄφορμῆ) для претензий к Мегалополю и ожидал предлога для ссоры с ахеянами (XIII. 8. 7). Также и Тиберий Семпроний, ждавший повода для действий, откликнулся на просьбу кельтов о помощи (III. 69. 8). Случай и предлог был представлен и Аристомаху, чтобы избавиться от противников (II. 59. 9). В этих примерах речь идет о случайных предлогах (ἄφορμαί) как внешних факторах, провоцирующих дальнейшие действия, и ἄφορμῆ здесь просто служит заменой πρόφασις (повода). При этом смысловой строй трехчленной этиологической схемы Полибия не нарушается.

Вместе с тем в тексте Полибия имеются примеры, доказывающие наличие более широкой смысловой гаммы понятия ἄφορμῆ. В этих случаях схему необходимо расширить, и она примет вид: αἰτία (причина), πρόφασις (повод), ἄφορμῆ (обстоятельство, мотив), ἀρχή (начало). Тем более что иногда встречаются сочетания слов: ἄφορμῆ καὶ πρόφασις или даже αἰτία καὶ ἄφορμῆ (XIII. 8. 7). Таким образом, ἄφορμῆ отличается от αἰτία и πρόφασις. По-видимому, Полибий обращает внимание на всю совокупность обстоятельств (иногда необходимых, иногда случайных), которые, например, спровоцировали вторжение Рима в Сицилию. Так, война Антиоха имела исходные точки в войне Филиппа, война Филиппа – в войне Ганнибала, а война Ганнибала – в Сицилийской войне (III. 32. 7). Полибий высказывает убеждение в необходимости учитывать и промежуточные события, вся совокупность которых ведет к одной и той же цели. Когда Полибий, подытоживая, заключает: «Таковы были причина и обстоятельство союзнической войны» (τὴν μὲν οὖν αἰτίαν καὶ τὴν ἀφορμὴν ὁ συμμαχικὸς πόλεμος ἔσχευ – IV. 13. 6), под причиной он имеет в виду предварительно принятые решения Арата и этолийских вождей. Поводом же (здесь должен был бы быть термин πρόφασις) явились те оскорбления, которым Доримах подвергся в Мессене.

Помимо этого для Полибия существенное значение имеют все инциденты (обстоятельства), произошедшие в рассматриваемый период, в том числе и набег этолийцев на Мессению, и, наконец, само сражение при Кафиях. Вся взаимосвязанная цепь этих событий и есть на самом деле ἄφορμῆ (ἄφορμῆ шире, чем πρόφασις). Сущность всеобщей истории раскрывается через рассмотрение последовательного хода событий, что и способствует пониманию. Поэтому можно согласиться с мнением П. Педека, делающего следующий вывод: ἄφορμῆ обо-

³⁰ *Mauersberger A. Polybios-Lexikon. Bd I. В., 1956. S. 303.*

³¹ *Pedech. Op. cit. P. 91.*

³² *Ibid.*

значает все разновидности причинных отношений, которые могут объединять последовательные факты. Полибий, очевидно, упорно стремился к созданию последовательных логических рядов³³. Безусловно, это так. Но термин ἄφορμῆ служит для обозначения причины в самом широком смысле и соответствует συνεκτικόν (основная, связующая причина) стоиков, символизируя не только такое свойство, как указание на множественность причин (все обстоятельства), но и решающую роль данного вида причины в историческом процессе. Более того, ἄφορμῆ, кроясь в самой логике событий, призвана подчеркнуть их преемственность, и в этой роли выступает скорее как причинность.

Отметим, что объяснение причины у Полибия отнюдь не сводится к раскрытию целевой причины, как у Аристотеля. Для него важнее понять, как и почему происходят изменения. Причинность рассматривается как связь состояний. Здесь Полибий, по-видимому, демонстрирует приверженность принципу непрерывности, которая была свойственна античной мысли до эпохи эллинизма. Этот принцип был введен Аристотелем в естественную историю³⁴. Вместе с тем просматриваются и черты аристотелевской концепции движения, основанной на идее близкодействия. Метод Полибия, на наш взгляд, демонстрирует применение идеи непрерывности в историческом исследовании. Понятие ἄφορμῆ и является выражением исторической причинности, действие которой приводит к сжатию фактов, подлежащих исследованию историка. Поэтому, как точно подметил П. Педек, задача историка по Полибию заключается в том, чтобы объединить факты в наиболее плотный пучок³⁵. В этом, на наш взгляд, проявляется и стремление Полибия к обобщению (в духе стоиков).

Здесь следует отметить факт использования стоиками двух терминов, на наш взгляд, являющихся обозначением двух разных понятий: αἴτιον и αἰτία. Первое понятие есть причина в собственном смысле слова, которая телесна (например, солнце, нагревающее камень)³⁶, второе – выражение причинного отношения и одновременно словесное описание существующей между телами зависимости, которая бестелесна. Термин ἄφορμῆ у Полибия содержит намек на идею причинности как взаимосвязи событий. Таким образом, Полибий уходит от простого описания событийного ряда, которое можно назвать статическим и которое мы наблюдаем у Фукидида. Полибий как историк во многом опередил свое время самой постановкой проблем и выбором объекта исследования: его интересует преемственность событий, их взаимосвязь, в то время как такой аттический историк, как Филохор³⁷, обращает внимание только на непосредственные причины, очерчивая хронологические контуры событий, не заботясь проблемой преемственности. Причинность, которая действительно играла существенную роль в исторической концепции Полибия, предстает в роли исполнительницы функции всеобщей продуктивной связи между событиями. При этом причинность не всегда предстает в качестве необходимости³⁸. Поэтому судьба выступа-

³³ Ibid. P. 91, 92.

³⁴ Аристотель говорит о том, что природа делает границу между живым и неживым неуловимой, чем подчеркивается момент непрерывности (О душе. XI. 1075a; ср. De animal. hist. 588 b).

³⁵ Pedech. Op. cit. P. 92. См. Polyb. III. 6. 3; XXIII. 18. 8.

³⁶ См. Sext. Emp. Руп. Нур. 3. 14.

³⁷ На этот факт указывает П. Педек: Pedech. Op. cit. P. 69.

³⁸ Пример климата как причины характера народов, приводимый Полибием, правда, скорее указывает на тождество причинности и необходимости. Ср. с концепцией Хрисиппа, отрицавшего наличие тождества между судьбой (причинностью) и необходимостью (SVF. II. 916).

ет у Полибия иногда как сверхъестественная сила (иррациональное начало, нарушающее обычный ход вещей, противодействующее непреложности причин). Но «логическое» у Полибия, как начало, структурирующее ряд разумной природы, всегда открыто для дополнения психологическим.

История по Полибию – это пространство встречи опыта судьбы и опыта отдельных личностей. Здесь наиболее отчетливо проявляется цена поступков человека, противостоящего судьбе. Полибия интересуют не только события, но именно действия, а «действие – единство внешней и внутренней сторон события»³⁹. За действиями всегда просматриваются мотивы – внутренняя сторона событий. Затрагивая тему действий исторического субъекта, Полибий использует понятие «мотива».

Термин ἄφορμή, выступающий в качестве особого вида причины, может включать в себя и мотив действий (I. 5. 2). Разработка темы мотива действий уходит корнями в сферу психологии. Здесь важен момент разграничения субъективного и объективного аспектов. Причина и следствие относятся к реальным событиям, мотив и цель – к состояниям сознания. Мотив как побуждение к действию не тождествен целям, он есть лишь желание достигнуть определенной цели. Причина может корениться во внутреннем мире человека, но нередко она отождествляется с мотивом действия, «приобретает свойственную ему субъективную модальность и входит в контакт с целью действия. Пара «мотив – цель» заменяется парой «причина – цель»⁴⁰. Полибий, а затем стоик Посидоний продолжили тему психологической мотивации. Полибий кладет конец нерасчлененности понятий: мотива (πρόφασις), отделяя при этом мотив от причины как субъективное от объективного, действие (его начало) и цель. Конечно, здесь присутствует некоторая неопределенность, поскольку πρόφασις иногда тождествен ἄφορμή⁴¹. Мысль о разграничении причины, действия и цели является дополнительным свидетельством факта рождения нового – исторического – мышления. Этот тип мышления кардинальным образом порывает с мифологическим, поскольку цель, будучи спроецирована в будущее, всегда предполагает свое осуществление, действие. Цель соединяет два момента: начало действия (замысел) и конец (его осуществление). Цель предполагает движение, сам путь к осуществлению. Вместе с тем характерно, что конечную цель действий Полибий усматривает в самих действиях. С таким пониманием согласуется и выбор метода повествования: «ознакомление с состоянием отдельных государств» (III. 4. 12).

Отметим особо, что в сочинении Полибия как раз фиксируется момент осознания особого, ранее не осуществлявшегося действия, отвечающего требованиям новизны и связанного с личной ответственностью за него⁴². То, что причиной природных свойств народов является климат, еще не означает, что здесь ничего изменить невозможно. Полибий убежден (и он доказывает свою правоту в споре с Эфором) в действенном характере поступков людей, особенно проявляющемся в облагораживающей роли воспитания (IV. 4–11).

Возвышение личностного до уровня всеобщего было нравственным открытием эпохи эллинизма. Но римскому сознанию свойственна также, по словам

³⁹ Коллингвуд. Ук. соч. С. 203.

⁴⁰ Арутюнова. Язык цели. С. 15.

⁴¹ Так, во французском переводе ἄφορμή дано как «мотив» (Polybios. Historia / Trad. R. Well. P., 1989. P. 24).

⁴² Здесь присутствует двойственный момент – новизна зависит и от роли судьбы, и от сознательного участия в событиях человека.

В. Дильтея, «способность к постижению индивидуальности»⁴³, которую, по нашему мнению, в еще большей степени, чем Тацит, продемонстрировал уже Полибий. Убеждение Марка Аврелия в том, что «цель – это сам поступок» (XII. 8), является свидетельством выхода и философского сознания в сферу исторического как пространства событий и действий. Вместе с тем это и актуализация римского постижения индивидуальности, первый опыт которого продемонстрировал Полибий в своем историческом сочинении. Особенность творческого потенциала историка проявилась в движении его мысли в пределах границы общего и индивидуального. Описание Полибия раскрывает нам проявление такого мировосприятия, при котором на фоне всеобщего (всеобщая история) раскрывается особенное (существование отдельных народов, деяния исторических лиц, для которых характерно проявление свободы выбора). Именно в этой становящейся открытой для исследования плоскости существования и происходит разграничение моментов, составляющих ряд «мотив – действие – цель» (IV. 21. 2).

Не случайно Полибий придает большое значение характерам исторических деятелей, совершающих выбор и имеющих представление о природных наклонностях противника. Так, план Ганнибала удался, ибо он постиг качества неприятеля (III. 81. 4, 12). Более того, Полибий употребляет особый термин *προαίρεσις* в значении «характер». Его интересуют характеры «субъектов» истории и их природные наклонности, а также мотивы как побуждения к сознательным действиям, значимым с исторической точки зрения (III. 81. 1). Поэтому *προαίρεσις* как преднамеренный выбор, мысленный проект действия есть одновременно выражение внутреннего состояния, склонности, настроения души, а не только интеллектуальной способности. Описанию характера Арата Полибий уделяет значительное внимание (IV. 7. 11). Через описание характеров историк выходит на тему мотивов действий. Полибий прямо указывает на чувство как первую причину (по существу мотив действий): чувство горечи было свойственно Гамилькару, и оно явилось причиной войны римлян с карфагенянами. Причем этот мотив по определению был спроектирован на будущее, будучи изначально нацелен на подготовку к новой войне (III. 9. 6). Точно так же озлобление этолян привело к войне римлян с Антиохом (III. 7. 2–3), а обида Доримаха – к битве при Кафиях (IV. 4. 9)⁴⁴. Позже термин *προαίρεσις* (намерение, свободный выбор, настроение) достаточно широко использовал Эпиктет, придавая большое значение идеалу внутренней свободы, особенно в высказывании оценочных суждений⁴⁵. Для римского сознания, настроенного на совершение поступка, подвига, данное понятие, совмещавшее логический и психологический смыслы и имевшее прямое отношение к сфере человеческой активности, значило слишком много.

У Полибия мы видим не только попытку успешного применения причинно-следственного метода. На наш взгляд, важным обстоятельством является то, что в «Истории» намечены контуры и другого метода исследования, который позволяет говорить об актуальности труда Полибия и сегодня. Так, Х.-Г. Гада-

⁴³ Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996. С. 140.

⁴⁴ Хотя для ранних стоиков характерна доминирующая роль разумного элемента в *προαίρεσις*.

⁴⁵ Следует отметить, что данный факт свидетельствует в пользу приоритета Полибия и преобладающего влияния его на направление движения философской мысли Поздней Стои. Именно в этих взглядах Полибия можно обнаружить корни того понятия воли, которое мы встречаем позже у Сенеки.

мер⁴⁶, высоко отзывающийся о концепции И. Дройзена, в своем изложении основ герменевтического метода в новых условиях по существу демонстрирует аналогичный метод Полибия, убежденного в том, что «по какой-нибудь части можно получить представление о целом, но невозможно постичь его» (I. 4. 9). Поэтому, продолжает Полибий, «предварительное ознакомление с целым много помогает уразумению частей, с другой стороны, знакомство с частностями много содействует пониманию целого» (III. 1. 7). При этом важна последовательность исследования: лишь сопоставление сходных и различных частей позволяет судить о целом (I. 4. 11). Итак, историк Полибий предлагал единственно приемлемый, по его мнению, метод изучения общих принципов исторического движения, состоящий в движении от целого к частям и от частей к целому⁴⁷. Кроме того, Полибий впервые в античности поставил проблему понимания, столь остро звучащую и сегодня и вызванную к жизни стремлением выработать собственную методологию для гуманитарного знания. Полибий использовал термин ἔννοια (мысль, понятие) в значении именно «понимания»: ἰκανὴν ἔννοιαν τῆς ὅλης ἐπιβολῆς («к должному пониманию целого замысла» – III. 1. 6). Это разъясняет мнение, не слишком подкрепленное доказательствами, о том, что Полибий вполне современен. Динамика самого объекта исследования – истории требует и динамического подхода – понимания произошедшего, активное реконструирование его в мысли.

Полибий, для которого важен момент эпистемологического измерения истории, при объяснении мотивов поступков исторических лиц, получающих первоначальные сведения в форме «предварительного знания», употреблял выражение προλαμβάνουσης τῆς ψυχῆς в значении «предварительное ознакомление души», используя, таким образом, понятие, оказавшееся центральным в теориях познания эллинистических философов-эпикурейцев и стоиков (термин πρόληψις) (III. 1. 7)⁴⁸. Подчеркивая явное преимущество рациональных действий человека вопреки часто иррациональной судьбе, Полибий использует термины λόγος (расчет) (II. 70. 2), а также συλλογισμός (умозаключение) (X. 7. 3). Тактика повествования Полибия корректируется вопросами, которые должны быть правильно поставлены. Проблему правильной формулировки вопросов рассматривали стоики, по-видимому, это была общая проблема (проблема научной критики) эллинистической эпохи.

В заключение отметим, что обнаруженные нами признаки некоторых общих тенденций, характерных для мировоззрения эллинистическо-римской эпохи, которые не могли не повлиять на Полибия, свидетельствуют об исторической значимости некоторых идей и концептов, обусловленных общекультурной логикой эпохи. Обычно, ориентируясь на рационализм античной философии классического периода, ее логическую и онтологическую составляющие, отмечают практический характер эллинистическо-римской философии, ориентированной на

⁴⁶ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.

⁴⁷ Не случаен и тот факт, что историографом становится философ-стоик Посидоний, преемник Полибия – эпоха требовала философски мыслящих историков. Проблема части и целого была особенно актуальна для Посидония. По существу он продолжает мысль Полибия, когда предлагает двоякий способ рассмотрения мира: по частям и как целое. При этом метод рассмотрения мира как целого приводит к тому, что части, например Земля, воздух, звезды, объединяются в единое целое по способу их функционирования. Мы назовем этот метод рассмотрения функциональным.

⁴⁸ πρόληψις ἐμφυτοί (естественные предпонятия) у стоиков означают укорененную в человеке способность к генерализации чувственных данных об объектах.

этику. Но совершенно очевидно, что фундаментальный труд Полибия впервые показал теоретическую значимость нового предмета исследования – истории, а вместе с ней и гуманитарного знания в целом. Весь отточенный методологический инструментарий концепции Полибия, демонстрирующий явный параллелизм с современными ему философскими концепциями, доказывает, что для эллинистическо-римской эпохи решение теоретических задач, касавшихся особой научной сферы, имело не меньшую значимость, хотя специфика исторического знания диктовала признание его полезности для практического использования на благо человеческого сообщества. Полибий отмечает «пользу нашей истории для настоящего и будущего» (τὸ γὰρ ὠφέλιμον τῆς ἡμετέρας ἱστορίας τε τὸ παρὸν καὶ πρὸς τὸ μέλλον) (III. 4. 8).

Постановка и решение теоретических проблем подстегнули эволюцию историографии, в особенности в той ее части, которая касалась методологии. Рассуждения стоиков о «всеобщем» как фундаментальном принципе мира стимулировали рождение идеи всеобщей истории, которая получила оформление в лице стоически мыслящего историка Полибия и стоика Посидония.

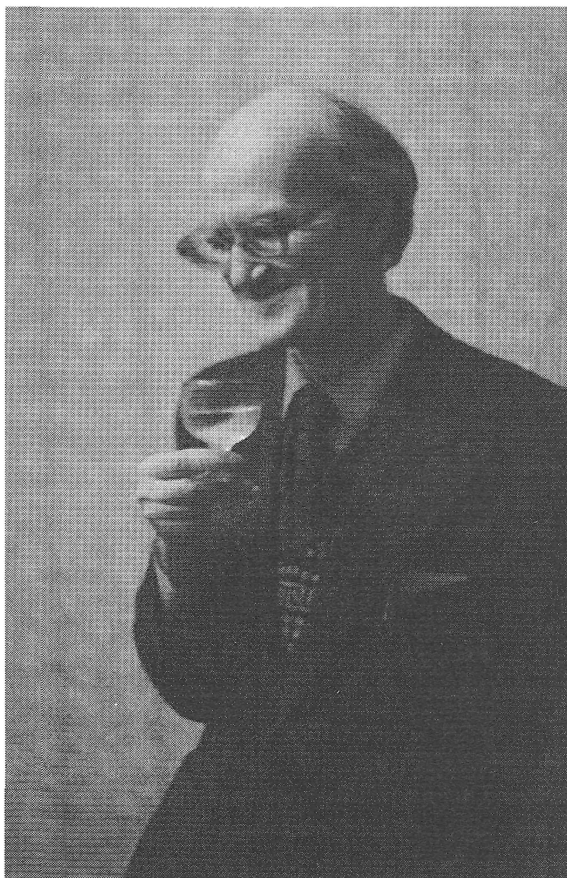
Главное интеллектуальное открытие эллинистическо-римской эпохи, о чем свидетельствует как исторический труд Полибия, так и интенции дискурса стоиков, на наш взгляд, заключалось в следующем. Политический идеал города-государства древних греков, четко выраженный Платоном и Аристотелем, был разрушен, он перестал быть вечным, неизменным идеалом. Практическое опровержение последовало в результате образования эллинистических государств, а теоретическое – осуществил Полибий, засвидетельствовавший факт невиданных изменений исторического характера. Р. Коллингвуд справедливо указывает на суть понимания греками классической эпохи самого понятия «изменения»: речь у них идет об изменении конкретного проявления форм, «набор которых сам по себе неизменен»⁴⁹. Полибий не только усомнился в неизменности этого набора форм, отметив факт существования промежуточных вариантов, но и возвестил о новаторской роли обусловленного совокупностью причин исторического процесса, проявившегося в глобальном масштабе.

POLYBIOS AND THE STOICS: TO THE QUESTION OF SOME CONCEPTUAL-TERMINOLOGICAL PARALLELS

A. S. Stepanova

The historical conception of Polybios is analysed here by means of comparing it with the theory of Stoa. The author considers various facts, such as fragments and terms from Polybios' «History» and the Stoic fragments, among which the concepts of φύσις, κοινός, σύστημα, σωματοειδής, ὀνακύκλωσις, τέλος, διάστημα, χώρα καιρός. The notion of φύσις in Polybios, as she maintains, was included in the conception of history. Special attention is paid to the question of causality. The investigation shows that Polybios' scheme must be enhanced by the concepts: αἰτία (cause), πρόφασις (reason), ἀφορμή (occasion), ἀρχή (beginning). The term ἀφορμή serves to denote «causality» rather than «cause». Polybios used not only the method of causality, but also the method that reminded of some principles of modern hermeneutics. Plausibly, it was not due to a special influence of the Stoa on Polybios, but to a general tendency of the Hellenistic and Roman thought, which led to identical result. A research in Polybios' «History» shows that the historical way of thought was still opposed to the mythological tradition.

⁴⁹ Коллингвуд. Ук. соч. С. 200.

© 2005 г.

К 70-ЛЕТИЮ МИХАИЛА ЛЕОНОВИЧА ГАСПАРОВА

С фонарем и линейкой

«Лучше Вы, – сказал Гаспаров, – таксисты для меня не останавливаются». Я подняла руку и машина затормозила. Таксисту за долю секунды надо понять, что перед ним пассажир – как пассажир. И если кто-то слишком похож на инопланетянина, лучше на всякий случай не брать такого. Древние говорили, что есть люди, боги и Пифагор. Про Гаспарова хочется сказать нечто подобное. Мешает он сам, потому что ему это не понравится. Пифагор очень хотел отличаться, а Михаил Леонович хотел «походить» на всех и быть незаметным, быть как прозрачное стекло, не заслонять текста своей интерпретацией. Но остаться незамеченным у него не получилось.

Десять лет тому назад я написала юбилейную статью для «Известий ОЛЯ» к 60-летию Гаспарова. Академиком положено поздравлять с юбилеями именно в «Известиях РАН». Вспоминаю об этом потому, что то была первая (sic!) статья о Михаиле Леоновиче. Кроме нее, к Personalia можно было отнести только рецензии и немногочисленные на то время интервью. Сейчас трудно вообразить такое, потому что за десять последних лет росла и выходила за пределы научного сообщества к широкой публике, за пределы России в Европу и Америку, за пределы взрослой аудитории к детям известность Гаспарова как филолога *par excellence*.

Гаспаров родился в Замоскворечье 70 лет тому назад, и мир встретил его мучительным хаосом и жестокой суетой. Если попытаться проследить, что такое «хорошо» и что такое «плохо» для Гаспарова, то поймешь, что «хорошо» – это упорядоченно, просто, ясно, стройно. Правда, еще эффектно и неожиданно. Таков идеал эстетический, таков и научный, такое Гаспаров стремится поселить в текучей и путаной материи нашей жизни. Но рядом с классической прозрачностью несентиментальная зоркость и утонченный вкус к абсурду.

Как культурный герой, год за годом он вносит посильный порядок в наш замусоренный мир, с юности принявшись за синтагмы, слова, слог и звуки. И даже те, кому не близок подчеркнутый рационализм Михаила Леоновича, его стремление непременно подсчитать и измерить что только можно, склонят голову перед неслышанным «академиком авангардистом». Я перефразирую сказанное самим Михаилом Леоновичем о Валерии Брюсове, поэте, о котором он писал, наверное, больше чем о других, во всяком случае, русских поэтах.

Определение «академический» не требует комментариев, всем ясно, что Гаспаров – ученый из научных святцев первейший. А вот «авангардизм» его – вещь более сложная. Под «авангардизмом» я разумею нетрадиционную научную и литературную ориентацию юбиляра. Проще всего показать пальцем на книгу «Экспериментальные переводы», на введение верлибра в переводы античных авторов, на поэтические эпитомы (сокращенные переводы) и на разрабатываемую на разном материале поэтику пересказа, которая, конечно, имеет истоки в простодушных жанрах перифох и дайджестов, но другим концом упирается в римейки постмодернизма. Экспериментальным надо назвать и комментарий к собранию стихов О.Э. Мандельштама. Книга устроена так, что читать надо комментарий, а от него переходить к стихам. Но есть материя и посложней. Книга «Записи и выписки», мной так и не понятая, несомненно экспериментальна. Здесь прямое высказывание автобиографической прозы, мемуаристики, ответов на анкеты и манифестоподобных («ненаучных», как выражается Гаспаров) статей, например, «Филология как нравственность» соседствует с предельно не своим: сны Ольги Седаковой вперемешку с «Лениноровный маршал Сталин» М. Гарловского, с понравившимися цитатами, литыми характеристиками («тучное туловище, гладкая голова и глаза, как пули» – это Я. Эльсберг), чужими *mots*, курьезами... Не поняла я книгу потому, что она таинственным образом вся автопортретна, но только в целом, рассыпав, самому такой «пазл» снова не сложить. «Записи и выписки» ответили каким-то из ожиданий новейшего веселого динизма, хотя нет в них самих ни того, ни другого. В них есть беспощадность. В первую голову к себе.

И конечно, в этой книге есть выписки на слово «юбилей». Все они комичны и насмешливы, даже ядовиты. Каково поздравлять такого-то человека? Перечислять все комнаты в здании науки о древности и науки о поэзии, которые Михаил Леонович возвел и обставил, обжил и нас туда впустил? Читатель «Вестника древней истории» знает, чем и скольким обязан Гаспарову. Список его трудов – героический эпос, и можно видеть, как римская поэзия потеснилась и ее место заняли сначала стиховедение, а потом русская поэзия, как переводы таких центральных книг классической античности, как «Поэтика» Аристотеля, «Оратор» Цицерона, «Наука поэзии» Горация и «Наука любви» Овидия, и таких разных, как «Оды» Пиндара, «Сонник» Артемидора или философская поэма Парменида, заменяются книгами Ариосто, Сефериса, «Руодлибом», Эзрой Паундом... Все больше авторов маргинальных, а тем изысканных, все больше раритетов, но

параллельно в последнее десятилетие нарастает число публицистических статей и книги для детей: о прошлом для будущего.

Но нелегко приходится интервьюерам, ведь Гаспаров отвечает точно и честно.

Журналист: Какие зарубежные литературы вам наиболее интересны?

М.Г.: Китайская и японская, потому что их по переводам невозможно представить. Боюсь, что этот интерес так и не будет утолен.

Журналист: Самый любимый переведенный вами писатель?

М.Г.: Без ответа: это мое личное дело.

Журналист: Берясь за перевод очередного автора, стараетесь ли вы узнать о нем побольше?

М.Г.: Не то слово: я обязан знать все.

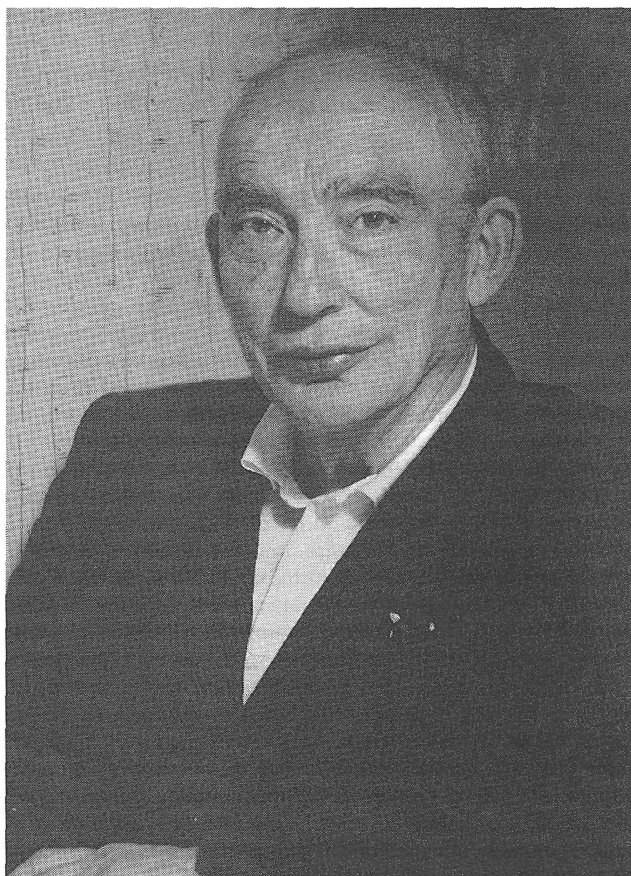
И если ответы неожиданны и парадоксальны, значит, наши ожидания сформированы штампом.

Мне не сказать всего, но и никому не сказать. Я знаю, что все, кто возьмет в руки этот журнал, пожелают здоровья Михаилу Леоновичу по случаю его юбилея. Не потому что так принято, а потому что и преклоняются и любят.

Н.В. Брагинская

* * *

Когда номер журнала уже был подписан в печать, пришло печальное известие о кончине Михаила Леоновича Гаспарова – выдающегося ученого, научная жизнь которого была посвящена российской гуманитарной науке. Для нас – антиковедов – эта трагическая утрата особенно болезненна. Михаил Леонович в течение многих лет возглавлял Редакционный совет «Вестника древней истории». В самое ближайшее время мы посвятим памяти этого замечательного ученого и человека специальный номер журнала.

© 2005 г.

К 75-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА АРОНОВИЧА ЯКОБСОНА

Доктору ист. наук Владимиру Ароновичу Якобсону, ведущему научному сотруднику СПб филиала Института востоковедения РАН 26 октября исполнилось 75 лет. Он – первый и пока единственный в нашей стране специалист по истории клинописного права, хотя область его научных интересов более широка: история государства и права, политическая и экономическая история, история культуры древней Месопотамии, теория и методология истории, художественные переводы литературных текстов с аккадского языка. Будучи аспирантом проф. И.М. Дьяконова, в 1967 г. В.А. Якобсон защитил кандидатскую диссертацию на тему «Право и общество Новоассирийского периода». В 1989 г. им была защищена докторская диссертация «Законы Хаммурапи как источник по истории Старовавилонского периода». В своих трудах основное внимание В.А. Якобсон уделяет возникновению и развитию государства в древней Месопотамии, взаимоотношению общины и государства, храмово-государственных общин с царской властью. По этой тематике им опубликовано ок. 150 работ. В качестве автора и редактора он

участвовал в подготовке многотомных изданий «История древнего Востока», «История древнего мира» и «История Востока» (т. I). Им переведены на русский язык и изданы с комментариями ряд законодательных и литературных памятников древней Месопотамии. В.А. Яковсон регулярно ведет занятия на восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета и руководит проектом по разработке методов компьютерного анализа источников (совместно с Экономико-математическим институтом РАН).

Наряду с талантом глубокого исследователя и педагога Владимиру Ароновичу присущи большая доброжелательность и деликатность по отношению к коллегам и ученикам.

Сотрудники Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН и редакция «Вестника древней истории» РАН сердечно поздравляют Владимира Ароновича со славным юбилеем и шлют ему свои самые искренние пожелания доброго здоровья и дальнейших творческих успехов.

© 2005 г.

ИЗ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ БОСПОРСКОЙ ЭПИГРАФИКИ

(Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом)
Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004.
XVI + 432 с.)

Самой крупной эпиграфической публикацией 2004 г. в России явился Альбом иллюстраций (КБН-альбом) к «Корпусу боспорских надписей», изданному сорок лет тому назад без иллюстративной части. Альбом вышел в двух версиях – печатной и электронной (CD). Он состоит из небольшой вводной части, собственно Альбома иллюстраций, латинских лемм (Д.В. Кейер), историографического очерка «К истории КБН и его фотоархива» (А.К. Гаврилов), а также трех приложений – «Списка эстампажей с боспорских надписей из архива ИИМК РАН», полезнейшего «Топонимического указателя Керчи» (В.Ф. Санжаровец), «Географической карты» (старинные карты Боспора из «Voyage autour du Caucase... et en Crimée» Ф. Дюбуа де Монпере 1843 г. и IOSPE. II: Феодосия, Горгиппия и Танаис остались за обрезом; планы Керчи 1913 и 2002 гг.).

Открывается Альбом таблицей, озаглавленной «Составители и систематизаторы фотоколлекции КБН» (с. VI). Слово «фотоколлекции» стоит здесь по недоразумению, как рудимент названия предыдущей версии Альбома, которая была предоставлена рецензентам и утверждена к печати СПб ИИ РАН под титулом «Фотоальбом к Корпусу Боспорских надписей»¹ (впрочем, в историографическом очерке, начиная с его заголовка, по-прежнему речь идет о «фотоархиве», «фотоколлекции» и т.д.). Но даже если исправить эту неточность (в Альбоме имеется немало графических изображений) и читать «Составители и систематизаторы коллекции иллюстративных материалов», то и тогда заголовок таблицы не будет вполне соответствовать содержанию.

Если речь идет только о тех, кто действительно собирал и систематизировал коллекцию, то непонятно, почему под 1946–1949 гг. наряду с С.Я. Лурье и А.И. Болтуновой появляется Б.И. Надель, который, судя по очерку «К истории КБН и его фотоархива» (с. 396), «занимался латинскими леммами»? Какое отношение к коллекции в 1956–1961 гг. имел А.И. Доватур, который иллюстрациями, по его собственным словам, да и по институтским отчетам, никогда не занимался? Или почему в 1989–1995 гг. среди собирателей и систематизаторов названы Б. Функ, все отношение которого к иллюстративной коллекции КБН свелось к тому, что он в 1994 г., когда авторы настоящего обзора планировали опубликовать Альбом к КБН в Германии (см. ниже), перевез значительную часть иллюстраций в Берлин, и И.А. Шишова, которая тогда же (причем, в соавторстве с не упомянутой здесь А.А. Нейхардт) написала предисловие к планировавшемуся изданию? С другой стороны, забыта А.А. Нейхардт, которая в 1966 г. руководила студентами, приведшими в порядок коллекцию фотографий и негативов, т.е. работала именно над систематизацией иллюстративных материалов.

Если же считать, что на самом деле имеются в виду вообще все, кто имел отношение к работе над КБН, то почему под 1922–1941 гг. (даты не верны, см. ниже) не упомянуты О.О. Крюгер, который занимался боспорскими материалами в 1922 г.², и А.И. Доватур, один из издателей

¹ Таким образом, редколлегия согласилась с нашим замечанием об ошибочности первоначального названия Альбома, сделанным во время обсуждения на Ученом совете в СПб ИИ РАН в феврале 2004 г., на котором известные американисты акад. А.А. Фурсенко и В.Н. Плешков, «решительно способствовавшие тому, чтобы иллюстративный том к КБН после почти сорокалетнего ожидания увидел свет» (с. IX), к сожалению, столь же решительно препятствовали нашим выступлениям, в результате чего удалось исправить лишь незначительное количество ошибок издателей.

² Архив ИИМК. Ф. 22. 1922. № 12. Л. 5–6.

КБН, который, по поручению С.А. Жебелева, выполнял кое-какие работы, связанные с подготовкой IOSPE. II², работая в ГАИМК в 1925–1930 гг.³, почему под 1946–1949 гг. наряду с Б.И. Наделем не названа М.Е. Сергеевко, редактировавшая латинские леммы, а под 1989–1995 гг. не отмечено участие в работе над Альбомом и самого ответственного редактора КБН-альбома А.К. Гаврилова, о которой сообщает отчет Группы истории древнейших государств СПб филиала Института российской истории РАН за 1993 г.⁴

«Перечень иллюстраций» (с. XV–XVI) состоит из колонок идущих подряд цифр – от 1 до 1320 плюс Add. 1–4, где номера отсутствующих в Альбоме воспроизведений надписей взяты в квадратные скобки, а помещенные только на CD отмечены астериском. Экономнее и удобнее для читателей было бы привести два списка номеров, относящихся только к этим категориям. Публикацию «Списка эстампажей... из архива ИИМК РАН» можно только приветствовать. Но вызывает недоумение отсутствие списков фотоматериалов вне архива СПб ИИ РАН и музейных инвентарных номеров (быть может, потому, что они неизвестны издателям примерно в трети случаев, см. ниже). Между тем уже издатели КБН готовили список «Источники воспроизведения надписей», который должен был прилагаться к иллюстративному тому, но остался незавершенным (известные нам рукописные и машинописные экземпляры доходят до КБН 705). Указатели мест хранения самих надписей составил уже В.В. Латышев, он был предусмотрен – в соединении со списком инвентарных номеров – и издателями КБН, очевидно, тоже как приложение к Альбому, но, кажется, не был завершен (во всяком случае, сохранились лишь полторы машинописных страницы).

Иллюстрации снабжены краткими аннотациями (леммами) на латинском языке, сообщающими необходимые, по представлениям издателей, сведения о характере надписи, происхождении камня, размерах и т.д. Издатели так определяют содержание своих лемм: они «основаны на леммах КБН, иногда уточняя их. Из лемм КБН берутся только материал и размеры камня, размеры букв, указания на место и время находки, наконец – на нынешнее место хранения... В леммы были добавлены инвентарные номера музейных собраний... Инвентарные номера указаны также для... архивных материалов, дополняющих коллекцию Института истории (негативы из фотоархива ИИМК РАН и негативы Эрмитажа, эстампажи из рукописного архива ИИМК РАН)». В отдельных случаях (см. ниже) в леммах даны ссылки на литературу; датировки приводятся только для датированных надписей (с. XIII). Надо сразу отметить, что леммы в КБН, написанные больше сорока лет тому назад, по форме отстали от современных требований унификации описаний. Если бы издатели КБН-альбома познакомились с работами последних десятилетий в этой области⁵, их леммы не выглядели бы столь старомодно и в них не появилось бы столько ничем не мотивированных вариантов описания, как, например: «*inventa in oppido Kerch, unde Petropolin transportata est, nunc in Ermitage asservatur*» (к 542) и «*inventa anno 1827 in oppido Kerch; nunc in Ermitage asservatur*» (к 35) – понятно, что и в том, и другом случае камень был перевезен из Керчи в Эрмитаж. Отсутствие выработанного стандарта приводит к тому, что в леммах громоздкие формулировки вроде «*aetati Leuconis I titulum attribuit Latyschev, cuius sententiam CIRB-editores sequuntur*» (к 6), «*ad Cotyn III vel potius Cotyn II titulum referendus est secundum Latyschev, ad cuius sententiam CIRB-editores accedunt*» (к 34⁶; аналогично – к 1049, 1118, 1125, 1288 и др.) или даже «*ad Sauromaten I potius quam ad Sauromaten II titulum rettulit Latyschev, in cuius sententiam CIRB-editores et V. Jajlenko ("Materialy", p. 48–49)⁷ concedunt*» (к 45) чередуются с упро-

³ Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1925. № 1. Л. 266: с апреля 1925 г. А.И. Доватур работал в ГАИМК в должности регистратора сверх штата. Ср. КБН-альбом. С. 399. Прим. 48.

⁴ Последнее, может быть, и справедливо: написанное в отчетах не всегда соответствует действительности, и реально этой работой занимались совсем другие лица. Как мы увидим из дальнейшего, в написанном А.К. Гавриловым очерке истории формирования иллюстративной коллекции, однако, такой трезвый подход к архивным отчетам, нередко противоречащим другим свидетельствам, отсутствует (см. ниже).

⁵ См., например: Чинхолл Р. Музейная каталогизация и ЭВМ. М., 1983. В качестве образца современного уровня описания в нашей области можно привести изданные в 2004 г. три тома «*Inscriptiones Judaicae Orientis*» или «*Inscriptiones graecae et latinae de Novae*» (Bordeaux, 1997); в последнем случае строгость унификации достигнута благодаря специальной компьютерной программе PETRAE, разработанной в Университете Бордо III (проф. А. Брессон, сам участник издания).

⁶ На самом деле издатели КБН датируют надпись временем Котиса II (без ссылок на В.В. Латышева).

⁷ Имеется в виду важная работа В.П. Яйленко (Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987). Мнения Яйленко по поводу датировок упоминаются еще раз лишь к 42.

ценными – без упоминания мнений издателей КБН: «aetati Leuconis I titulum attribuit Latyschev» (к 7, хотя и здесь они согласны с Латышевым⁸), или вообще без указания авторства: «aetatis Leuconis I» (к 8, 1111, аналогично – к 11, 18, 19, 20, 113 и т.д.); еще одна вариация – «aetati Paerisadis I tribuenda esse existimatur» (к 10; надпись датируется правлением Перисада, судя по архаичной орфографии – Перисада I); аналогично – к 66, 77 + 1136. Этот разницей ставит читателя перед дилеммой: или издатели Альбома забыли указать, что в КБН принята датировка предшественников, или же забыли указать ту дату, которую считали правильной издатели КБН. В любом случае получить правильную информацию можно только в КБН, но для большинства иностранцев, ради которых и были написаны латинские леммы, это не так просто.

Слова «lapides frustra quaesivit iam Latyschev» (к 47; аналогично – к 63, 66 и др.) представляют собой перевод из леммы в КБН; но иногда издатели обходятся более простой и, на наш взгляд, единственно уместной в подобном издании формулировкой: «ubi nunc sit incertum» (к 1234, 1235 и др.). О месте и времени находки надписи 825 сказано: «quo loco et tempore inventa sit ignoratur; Panticaraeo attribuit Latyschev» (кажется, подделка, см. ниже), а, например, к 1303 (в КБН – среди надписей Танаиса), наоборот, слишком лаконично: «incertae originis» (ср. в КБН: «Происхождение... неизвестно; весьма вероятно, что он найден в Танаисе»); в первом случае пантикапейская атрибуция чисто условная (ср. ниже и прим. 22), во втором обоснована отсутствием в районе дельты Дона каких-либо других известных местонахождений надписей, кроме танаисского городища.

Обычно «стела известняковая» из КБН переводится как «tabula calcaria», но изредка (156, 716, 777, 797, 883, 914) встречается и «tabula lapidis calcarii». Этот разницей никак не сказывается на смысле. Однако в ряде случаев отсутствие стандарта вводит читателя в заблуждение. Для прилагательного «серый» в латинском языке имеется два слова: leucorhaeus (из греч.) и собственно лат. cineraceus. В.В. Латышев использовал leucorhaeus, так же поступают и издатели КБН-альбома, однако в леммах к 9, 10, 11, 37, 130, 201, 248 стоит cineraceus. Читатель может подумать, что издатели таким способом хотели отметить несколько иной оттенок цвета мрамора. Действительно, в КБН в леммах к 9 и 201 мрамор назван не серым, а сероватым, однако в остальных случаях в КБН стоит «серый». Может быть, изучив камни, издатели Альбома установили, что цвет мрамора описан в КБН неточно? Но к 248 они сами пишут: «камень не видели» («lapidem non vidimus»). То же самое относится и к паре candidus – albus. Латышев всегда использовал первый вариант, в КБН-альбоме в большинстве случаев стоит второй, но в леммах к 36, 38, 39, 40, 43, 119, 128, 132 появляется candidus. Отсюда, однако, не следует, что эти памятники сделаны из мрамора особого качества: во всех случаях в КБН стоит «белый». И опять-таки, издатели КБН-альбома по крайней мере части камней не видели (ср. «non vidimus» в леммах к 38, 40, 43) и исправить неточность КБН не могли. Увлечение латинской элоквенцией оказалось для издателей важнее выработки единого стандарта подачи информации, заставляющего ограничиться действительно необходимым и излагать его лаконично и корректно.

Продолжая тему, отметим также следующее. Как известно, леммы и комментарии IOSPE. П²/КБН были написаны по-латыни⁹, но когда в СССР развернулась борьба с низкопоклонством перед иностранщиной в области древней истории, а затем и с буржуазным космополитизмом, были переведены (с некоторыми изменениями) на русский язык¹⁰. Леммы с комментариями к надписям, включавшимся в издание после 1949 г., составлялись уже сразу по-русски. Трудно сказать, почему издатели КБН-альбома, всячески подчеркивая важность научной преемственности в работе над сводом боспорских надписей, пренебрегли латинскими текстами, уже имею-

⁸ Аналогично – к 32, 46, 60, 1041, 1230, 1254, 1277, 1281 и др.

⁹ Написанные первоначально по-русски авторские тексты IOSPE. I¹ были впоследствии переведены В.В. Латышевым на латынь (Сообщение о ходе работ по изданию общего сборника греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря // ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 20 сл.; ср. Тункина И.В. В.В. Латышев: жизнь и ученые труды // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 187 сл.), но II том IOSPE готовился уже по-латыни (с переводом в тех случаях, когда надпись прежде публиковалась Латышевым по-русски в периодике). Издателям КБН-альбома было бы полезно познакомиться с тем, как Латышев переводил себя на латинский язык; в частности, заслуживает обдумывания вопрос, почему русские и латинские описания одного и того же памятника строились им по разным моделям: «Обломок мраморной плиты с сохранившимся левым краем» (ИАК. 1902. 3. С. 51. № 17 = КБН 991, с аналогичным текстом) он перевел как «fragmentum tabulae marmorariae ab omnibus partibus praeter sinistram mutilatum» (ПФА. Ф. 729. Оп. 1. № 34.9. С. 51). В КБН описания везде построены по русской модели Латышева, в КБН-альбоме его латинская модель последовательно проигнорирована, порядок слов везде соответствует тому, что в КБН.

¹⁰ См. Лурье Я.С. История одной жизни. СПб., 2004². С. 181–185.

щимися в IOSPE. II, IV¹¹ и в архивном экземпляре IOSPE. II² (ПФА. Ф. 729. Оп. 1. № 34.1–12; ок. 1200 надписей), потратив на создание обратного перевода с русских текстов КБН столько усилий впустую¹². Вполне возможно, обращение к леммам IOSPE заодно избило бы издатель Альбома от ошибок, которые иногда вносились в леммы издателями КБН. Так, в лемме к 613 в КБН читаем: «Стела известняковая, вверху обломана», что переведено как «*tabula calcaria supra mutilata*». В IOSPE. II. 268 Латышев дал описание в соответствии с камнем: «*tabula lapidis calcarii superne et inferne mutila*». В лемме к 608 стоит лаконичное «*tabula calcaria*», у Латышева (IOSPE. IV. 312) – «*tabula lapidis calcarii superne fracta*». Публикуемая в Альбоме фотография подтверждает правильное описание Латышева. Примеры можно множить.

В лемме к 5 сказано: «Издатели КБН указывают, что [камень] хранится в КГИКЗ. Камень не видели», инвентарный номер отсутствует; аналогичную информацию содержат леммы к большинству надписей керченского собрания (5, 8, 10, 13, 16, 26, 29, 30, 33 и т.д.). Однако, например, в леммах к 122, 128, 130, 134, 142, 160 инвентарный номер есть, а фразы «камень не видели» («*lapidem non vidimus*») нет. Отсюда читатель логично заключает: надписи этой последней категории изучены издателями *de visu*. Действительно, на с. 412 говорится, что в 1999 и 2000 гг. «в Керченском музее были... фиксированы инвентарные номера коллекции Керченского лапидария; некоторые [sic] памятники, недоступные по техническим причинам, тогда обследовать не удалось», а на с. XIII, что «в отдельных случаях установить инвентарные номера не удалось» (обо всех музеях)¹³. Однако читатель заблуждается: номера эти указаны и к 166, 170, 177, 182, 185, 300 (правильнее – КЛ–298 + 285), 307 (считался пропавшим), 509, 557, 617, 624, 625, 703а и многим другим тоже из Керчи, однако с той же ремаркой «*non vidimus*». В леммах к 74, 124, 143, 607 и другим из Британского музея (*British Museum*, что издатели перевели как «*Museum Britanniae*», т.е. «Музей Британии», а не *Museum Britannicum*, что является официальным латинским переводом названия знаменитого музея¹⁴) и другим из кембриджского Музея Фицвильяма ремарки «*non vidimus*» нет, а инвентарные номера, наоборот, имеются; аналогично – к 4, 27, 28, 39, 44, 84, 592, 598, 627, 632, 659, 701, 703 и т.д. из музеев Москвы, Одессы, Феодосии, Херсона, Сим-

¹¹ Как кажется, они использованы только в леммах к 1234 и 1235: «*lapis canus*» – еще один вариант цветообозначения!

¹² Пренебрежение латинскими леммами Латышева-Жебелева выглядит тем более странно, что в своей строгой рецензии на книги М.А. Веса и Э.Д. Фролова А.К. Гаврилов справедливо называет труды Латышева титаническими, подчеркивая, что без них «не было бы той солидной основы, на которой могли действовать последующие, менее подготовленные и приспособленные к научному труду поколения» (Из новейшей истории русского антиковедения // Древний мир и мы. III. СПб., 2003. С. 342. Прим. 19).

¹³ Хотя установление инвентарных номеров редакция Альбома почему-то назвала в числе трех главных задач публикации (с. VII), на самом деле они отсутствуют едва ли не для половины керченских камней, что странно, так как во время работы в КГИКЗ С.Р. Тохтасьев (1993) и А.П. Кулакова (2003–2004) не испытывали особых затруднений с их установлением (достаточно заглянуть в опись лапидария), причем нашлось немало таких камней, которые в КБН числятся утраченными, но учтены в музейной описи (номера некоторых, наверное, по этой же описи выяснили и издатели КБН-альбома), например, 266 («*nunc ubi sit non constat*»; на самом деле камень хранится в КГИКЗ: инв. № КЛ-1310, но сохранился только рельеф, который видел С.Р. Тохтасьев в 1993 г.).

¹⁴ Аналогично – *Museum Historicum Mosquense*, т.е. Московский Исторический музей, вместо Государственный Исторический музей (Музей истории Москвы действительно существует, но бо-спорских надписей в нем нет); правильно – в леммах к 4, 27, 286 и др.: «В Москве в Историческом музее» (*Mosquae in Museo Historico*), хотя и в этом случае непонятно, почему из названия этого музея (так же, как из названий всех остальных) убрано обозначение «государственный» (*publicum*, или *rei publicae*): среди них, правда, нет ни одного частного или ведомственного, но оправданный педантизм требует все-таки точного перевода. Вообще перевод на латынь почти всех названий музеев (с. XI–XII), безусловно, вводит в заблуждение не читающих по-русски специалистов, для которых, собственно, он и был сделан. Так, Институт истории материальной культуры превращен в Петербургский институт археологии (Институт археологии существует только в Москве, до восстановления старого названия ИИМК назывался Ленинградским отделением Института археологии), Керченский государственный историко-культурный заповедник – в Археологический музей г. Керчи, Новочеркасский музей истории донского казачества становится Музеем города Новочеркасска; Краснодарский государственный историко-археологический музей почему-то назван по-латыни Краеведческим музеем города Краснодара, а Темрюкский историко-археологический музей – Краеведческим музеем города Темрюка. Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник превратился в Краеведческий музей города Таганрога, Ялтинский государственный объединенный историко-литературный музей – в Краеведческий музей города Ялты. Обратная ситуация: Херсонский областной краеведческий музей назван Историческим музеем города Херсона.

ферополя и др. Читатель, поверивший, что издатели работали в британских, московских, одесском, феодосийском и прочих собраниях, будет разочарован, прочитав на с. VIII–IX, что сведения эти добыты путем переписки с музеями.

Но зачем тогда вообще писать «lapidem non vidimus», если именно так обстоит дело у издателей с подавляющим большинством надписей, а вовсе не с «некоторыми» памятниками, хранящимися как в Керчи, так и в других местах? Конечно, легче и экономнее было указать те, которые «vidimus», а не те, которые «non vidimus», не вводя читателя в заблуждение относительно истинных масштабов автопсии.

Впрочем, и в тех случаях, когда, как можно догадаться, издатели все же «видели» надписи (например, в Эрмитаже или Керчи), заметных результатов этот осмотр не дал. Так, в леммах к 1260 и 1264 не отмечено наличие интереснейших рисуночных граффити (при том, что к 37 указание на граффити (на самом деле – граффито) имеется – со ссылкой на автопсию С.Р. Тохтасьева¹⁵), а к 1283, что на эрмитажном монтаже надписи, разбитой на много кусков, и соответственно на фотографии отсутствуют фрагменты с первыми буквами сткк. 6 и 7, часть стк. 16 (осталось лишь Μα[...]) и верхние горизонталы *сигмы* и *тау* вместо Μοστου в маюскульном тексте IOSPE. II. 452), стк. 17 (τελαμῶν[...])φρησατο вместо τελαμῶνα ἐδρησατο у Латышева), стк. 18 ([...]ις вместо [...]οις) и начало стк. 20:]ῶ вместо ἐντῶ (обнаружить недостающие фрагменты в Эрмитаже в отдельном виде пока не удалось); аналогично обстоит дело с 1284.13, 14 и 1280.26 (в последнем случае о пропаже фрагмента издатели сообщают со ссылкой на статью С.Р. Тохтасьева); ср. также ниже к описаниям камней 78, 840, 848, 1036, 1123.

По недосмотру в КБН опущены данные о размерах букв надписей 378, 834, 906, а к 626 – размеры камня; в КБН-альбоме (834 – из разряда «vidimus») это не исправлено. Сотрудниками керченского лапидария проведена серьезная работа по обнаружению утраченных камней, их частей и репозиции разрозненных фрагментов (например, для 300, 493, 618, 681, 1027); в КБН-альбоме она не нашла никакого отражения. Между тем, согласно очерку «К истории КБН и его фотоархива» (с. 412), все члены редколлегии (за исключением А.К. Гаврилова) в течение двух сезонов работали в КГИКЗ. Результатом их деятельности было изготовление 40 эстампажей к 36 надписям и неуказанное количество фотографий, причем для КБН-альбома пригодился лишь один эстампаж – «в основном вследствие нынешнего состояния камней». «В целом, – пишет автор очерка, – эти попытки показали участникам с ясностью, что получить в настоящее время изображения, равноценные (пусть в чем-то несовершенным или пострадавшим от времени) прежним... удастся лишь в редчайших случаях». Непонятно, каким образом из того, что значительная часть памятников в Керчи пострадала, следует, что состояние камней ухудшилось также и в Эрмитаже, ГИМ и других музеях, вследствие чего сделать фотографии лучшего качества, причем при наличии более совершенной аппаратуры, оказывается невыполнимой задачей. Но утверждение А.К. Гаврилова является не вполне справедливым и по отношению к КГИКЗ. Нынешнее состояние керченских камней нам хорошо известно: часть действительно находится в худшем состоянии, чем на момент фотографирования, часть в таком же, часть после очистки от грязи и известковых налетов, безусловно, в лучшем. Нет сомнения, что все памятники (а их немало число), относящиеся к последней категории, должны быть сфотографированы заново (ср. ниже цитату из письма директоров КГИКЗ и фонда «Деметра», в котором они высказывают озабоченность тем, что публикация фотографий грязных камней может нанести ущерб репутации музея). Если бы издатели занялись работой в лапидариях по-настоящему, то, надо думать, фотографии множества плохо читаемых или совсем нечитаемых надписей (например, 33, 59, 71, 96, 141, 241, 271, 349, 355, 356, 372, 377, 409, 417, 476, 480, 498, 508, 528, 533, 562, 611, 615, 624, 627, 651, 676, 890, 891, 906, 912) сопровождалась бы их собственными прорисовками с подлинников. Однако издатели обходятся лишь прорисовками (когда они есть) из старых изданий¹⁶, в основном же (и то изредка) – жалобами вроде «titulus lectu nunc iam difficilimus est» (к 562 – из числа «vidimus»¹⁷); см. также ниже, об иллюстрациях и прим. 56, 57.

¹⁵ Ἐριήνωσ ὁ Βοιόδσ καὶ Τβύησ; шрифт курсивный (Є, С, ω), орфографические ошибки (смешение о и ω) и тип склонения имени Гермеса (ср. Тохтасьев С.Р. Эпиграфические заметки // АНАХАРΣΙΣ. Памяти Ю.Г. Виноградова (Херсонесский сборник. XI). Севастополь, 2001. С. 162; он же. Надписи Таманского музея // Таманская старина. 2002. 4. С. 93) указывают на время не раньше рубежа эр.

¹⁶ Например, 337, 344, 346, 354, 392, 648; изучив последний камень de visu, издатели, вполне возможно, даже вопреки жанру издания, отметили бы ошибку: на латышевской прорисовке с эстампажа. – ΦΑΡΝΚΟΥ, на камне – Φαρνηκου.

¹⁷ Впрочем, эта характеристика надписи заимствована из КБН.

Все эти факты говорят, во-первых, о том, что осмотр камней издателями КБН-альбома носил преимущественно ознакомительный характер (собственно говоря, об этом свидетельствует уже приведенная выше цитата со с. 412 КБН-альбома, где о фиксировании инвентарных номеров в лапидарии КИКЗ ненароком сказано так, словно к этому только и свелось обследование камней), подобно тому, как изготовление ими эстампажей в КИКЗ носило характер учебных практических занятий (ср. с. 412); во-вторых, что издание иллюстративной части эпиграфического свода с необходимостью предполагает работу с самими памятниками, иначе такой Альбом окажется лишь некритической публикацией архивных материалов.

Фраза «*lapidem non vidimus*», инвентарные номера в леммах (при отсутствии их отдельного указателя), даты находки и доставки камней в музеи (при отсутствии указателя мест хранения), ссылки на то, кто как датировал памятник, «Список эстампажей... из архива ИИМК РАН», да, пожалуй, и само составление лемм на латинском языке – все это оказывается лишь имитацией скрупулезности и профессионализма¹⁸.

Вместе с тем нередко издатели пренебрегают по-настоящему существенным (иногда, впрочем, упуская из виду и такую информацию, которую, по их представлениям, следует помещать в леммы).

Некоторые надписи к моменту появления КБН оказались уже опубликованы отдельно в разных периодических изданиях, причем с фотографиями и рядом важных подробностей, не отмеченных издателями КБН; так, А.И. Болтуновой¹⁹ одновременно с КБН были изданы надписи 1252 (все четыре фрагмента), 1256, 1266, 1267, 1293–1298, 1302–1304, 1308–1309, 1313–1314 (с фотографиями; в ряде случаев с деталями, не приведенными в КБН и даже с разночтениями, хотя для КБН их готовила та же А.И. Болтунова); более того, в КБН 1298 (№ 7 у Болтуновой) пропущена стк. 4. Ср. ниже, с. 186, к 31, 940, 973. Ожидалось бы, что издатели КБН-альбома укажут эти работы²⁰, коль скоро на с. XIV отмечено, что ссылки на литературу даны «главным образом» в тех случаях, когда «та или иная публикация сообщает что-либо новое по сравнению с *КБН* о происхождении, месте хранения камня и т.д.». Правда, неопределенность этих «и т.д.» и «главным образом» предоставляет издателям возможность заявлять, что отражение той или иной информации не входило в их задачи. Однако они приняли во внимание (иногда *casite*) все такого рода рекомендации, которые С.Р. Тохтасьев успел дать при обсуждении КБН-альбома на заседании Ученого совета СПб ИИ (см. леммы к 14, 966, 1005, 1159, 1193, 1301; ср. выше, прим. 1). Приведем еще несколько дополнений и поправок, стараясь ограничиться наиболее важными и характерными примерами.

Происхождение памятников

Надгробие № 175 обнаружено на территории некрополя Мирмекия, см. КБН. С. 479. Прим.*; там же указано, что мирмекийскими являются камни 664 (правильно локализован в КБН-альбоме, без ссылки на упомянутое примечание) и 666 (ошибочно, см. ОАК. 1874. С. XI; 1875. С. 89. Прим. 1 и лемму в КБН). Судя по указанию мест находок в леммах КБН, к мирмекийским, по-видимому, следует отнести и 705, 709.

154: надпись найдена не собственно в Керчи, а около железнодорожной станции Керчь-2, т.е. значительно западнее пантикапейского городища.

435: надпись происходит не из Пантикапея, а из некрополя на мысу Фонари (Фанари, Фарос)²¹.

825: Ф.В. Шелов-Коведяев не исключает, что надпись (неизвестно где и когда найденная) является подделкой²².

837: несомненно, не из Пантикапея, а из Горгиппии²³.

1018 и 1019: скорее всего, не имеют отношения к Патрею²⁴.

¹⁸ Забегая вперед, заметим, что в очерке «К истории... фотоархива» также присутствуют яркие приметы имитации – на сей раз источниковедения. Например, в прим. 72 на с. 402 дата архивной машинописи статьи, опубликованной А.И. Болтуновой и Т.Н. Книпович в 1962 г., определяется по газете «Правда» от 8 сентября 1961 г., в которую была завернута рукопись. Если бы рукопись была завернута в газету 1963 г., стал бы А.К. Гаврилов утверждать, что статья была сначала опубликована, а лишь затем написана?

¹⁹ Болтунова А.И. Греческие надписи в донских музеях // НЭ. 1965. V. С. 75–96.

²⁰ Например, так: «СIRB 1252 (= А. Boltunova, NE V (1965) 82 sq., nr. 4)», или «cf. etiam...».

²¹ Тункина И.В. // Боспорский феномен 2004. II. СПб., 2004. С. 338.

²² Шелов-Коведяев Ф.В. // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 178.

²³ Яйленко. Материалы... С. 70 сл. № 98.

²⁴ См. Иванчик А.И., Петерс Б.Г. Греческая надпись из раскопок Патрея в 1986 г. // ВДИ. 1988. № 2. С. 119. Надписи 1017–1020 включены в рубрику «*Patrasys vel Patraeus*»; по поводу правильной формы топонима (Πατραεὺς) следовало сослаться на статью: Тохтасьев С.Р. // Проблемы античного источниковедения. М.–Л., 1986. С. 69–87.

1045, 1046, 1049: гермонасское происхождение остается под вопросом²⁵.

1112: о месте находки см. *Яйленко*. Материалы... С. 112 сл. № 162.

1143: не учтены убедительные аргументы Латышева в пользу горгиппийского происхождения камня (просопография, шрифт).

1230–1231: проигнорированы веские доводы В.П. Яйленко (Материалы... С. 113. № 163; 133 слл. № 208–209) о происхождении этих надписей из Горгиппии.

1313: по архивным данным, надпись происходит из Танаиса²⁶.

1314: Д.Б. Шелов²⁷ сомневался в происхождении камня из Танаиса, однако Л.С. Ильюков, И.В. Толочко и Й. Форназиер²⁸, опираясь на данные об истории формирования коллекций Новочеркасского музея, относят его к танаисским.

1316: в пользу происхождения из Танаиса см. *Шелов*. Танаис... С. 68.

Рубрикация

Издатели КБН-альбома воспроизводят рубрикацию надписей по жанрам, принятую в КБН (декреты, посвящения, надписи фиасов и т.д.). Однако в исследованиях, вышедших после издания КБН (а иногда и до него), категория той или иной надписи в ряде случаев исправлена или установлена впервые. Поскольку издатели Альбома связаны нумерацией КБН, какие-либо изменения рубрикации были, разумеется, недопустимы. Но ведь совсем нетрудно было отметить хотя бы наиболее надежные из поправок и предложений в леммах, отразив тем самым прогресс в боспорской эпиграфике после 1965 г.

22: о памятнике см. *Акимова Л.И.* // ВДИ. 1983. № 3. С. 83: алтарь (как все издатели, и за ним КБН-альбом) или постамент гекатейона.

821: несомненно, посвящение Дионису²⁹.

824: посвящение Зевсу Сотеру³⁰, как и 826, согласно восстановлению В.В. Латышева.

833: несомненно, надгробие³¹.

837: относится к разряду *termini*³².

838: как доказал Н.В. Шебалин³³, надпись надгробная.

940: $\acute{\epsilon}\chi\ \theta\eta\mu\epsilon\lambda\acute{\iota}\omega\upsilon$ ясно указывает на то, что надпись строительная.

949: нет особых оснований считать надпись надгробной (скорее список имен)³⁴.

973: по всей видимости, надгробие³⁵.

966: обоснованность отнесения к строительным надписям отметил В.П. Яйленко³⁶.

1005: несомненно, *lex sacra*, как, по-видимому, и 1007³⁷.

1096: В.П. Яйленко³⁸ атрибутировал как царский «рескрипт» (царское письмо).

1099: в КБН и в Альбоме по недоразумению помещена в раздел «*Vagia*», хотя в стк. 5 стоит: $\sigma\upsilon\nu\theta\epsilon\iota\sigma\sigma\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha\{[]$ (sic!), а такие надписи отнесены в КБН к «Надписям фиасов» (в данном случае фиас христианский)³⁹.

1203: А.И. Болтунова справедливо определила надпись как манумиссию⁴⁰.

²⁵ Ср. *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 570; *Финогенова С.И., Тохтасьев С.Р.* Новые данные о культуре Афродиты в Гермонассе // *Nupergogues*. 2003. 9/1. С. 82.

²⁶ *Ильюков Л.С., Толочко И.В., Форназиер Й.* Погребальные каменные изваяния из Танаиса // *Боспорский феномен* 2002. I. СПб., 2002. С. 241.

²⁷ *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М., 1972. С. 69.

²⁸ *Ильюков, Толочко, Форназиер.* Погребальные каменные изваяния... С. 241.

²⁹ *Яйленко.* Материалы... С. 68. № 93.

³⁰ *Болтунова А.И.* // *Культура античного мира*. М., 1966. С. 34 сл.

³¹ *Давыдова Л.И.* // СГЭ. XLIV. 1979. С. 46; *она же.* Боспорские надгробные рельефы. С. 51–53.

№ 41.

³² *Яйленко.* Материалы... С. 70. № 98.

³³ *Шебалин Н.В.* // ВДИ. 1976. № 4. С. 108–112 (ср. уже *Крюгер О.О.* // ВДИ 1965. № 2. С. 180); статья известна издателем Альбома.

³⁴ Ср. *Яйленко.* Материалы... С. 76. № 125.

³⁵ *Ameling W.* *Prosopographia Heracleotica* // *Jonnes L.* *The Inscriptions of Heraclea Pontica*. Bonn, 1994 (IGSK). 47. S. 122; ср. *Финогенова, Тохтасьев.* Новые данные... С. 88.

³⁶ *Яйленко.* Материалы... С. 79. № 127; к *Incerta*.

³⁷ Там же. С. 85. № 144.

³⁸ Там же. С. 105 слл. № 159.

³⁹ Ср. *Яйленко В.П.* // ВВ. 1987. 48. С. 163–166; *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1. С. 238 сл.

⁴⁰ *Болтунова А.И.* // ВДИ. 1979. № 2. С. 87 (статья известна издателем КБН-альбома благодаря указанию С.Р. Тохтасьева, см. к 1159); за ней – *Яйленко.* Материалы... С. 131. № 201.

Большинство памятников в КБН-альбоме определяются как «*tabula*», т.е. «плита». Это определение без дальнейших уточнений подходит для таких типов памятников, как надгробные стелы, посвятельные надписи и декреты, высеченных на плоских плитах, но недостаточно, если описываются надписи, нанесенные на поверхности архитектурных деталей (карнизы, архитравы и т.д.). В нескольких подобных случаях издатели детализируют описание (к 39, 45, 60, 458, 824, 860, 1116: «*epistylium*»), но, например, для ба (стенка алтаря), 958 (часть парапета конструкции, окружавшей источник), 1112 (карниз) ограничиваются формальным «*tabula*».

М.Ю. Трейстер, обследовавший все известные к 1999 г. боспорские монументальные постаменты⁴¹, определил ряд их как базы бронзовых статуй (КБН 6, 9, 10, 23, 25, 40, 52, 54, 59, 60, 113, 974, 983, 1037, 1041, 1120), выявив немало деталей, упущенных в прежних изданиях и соответственно в КБН-альбоме.

Довольно значительное число надписей высечено на месте более древних (135, 287, 301, 336, 374 (не упомянуто и в КБН!), 486, 487, 582, 619, 704, 738, 823, 884, 933, 936, 1085 и др.), что, конечно, нужно было отмечать в леммах, но сделано это лишь для 336.

28: при описании обстоятельств находки и самого камня в КБН опущены важные детали; кроме *editio princeps*, см. *Блаватский В.Д.* // МИА. 1965. 103. С. 31 сл. (указывает высоту 0.13); *он же.* Пангикапей. М., 1964. С. 131. Рис. 34.

31: к обстоятельствам находки и описанию камня см. *editio princeps* – *Чуйцова Л.И.* Святилище Афродиты в Пангикапей // *Археологічні пам'ятки УРСР.* 1962. XI. С. 181–186; ср. *Тохтасьев.* Эпиграфические заметки. С. 165. Прим. 37.

78, из разряда «*vidimus*»: не упомянута тамга, прочерченная под надписью (судя по всему, посетителем некрополя).

332: к реконструкции стелы и ее описанию см. *Десятчиков Ю.М.* // СА. 1972. № 4. С. 68 слл. Рис. 2.

840, из разряда «*vidimus*»: не воспроизведен и даже не упомянут рельеф на оборотной стороне плиты.

848, из того же разряда: два обломка, которые Стефани ошибочно счел принадлежащими одной плите, издатели КБН напечатали вместе, несмотря на возражения В.В. Латышева, которые они же сами привели в комментарии (разный шрифт, размеры букв и др.). Хотя на недоразумение еще раз обратил внимание В.П. Яйленко⁴², издатели Альбома обошлись (без ссылок) обтекаемой формулировкой: «*vix ad eundem titulum pertinentia*». На оборотной стороне камня А процарапано]П(?)О (не замечено издателями).

888а: выпало имя автора книги (В.Ф. Гайдукевича), из которой взята фотография. Стоило отметить, что в *Bull. épig.* 1990. 587 и *SEG.* XXXVII. 667 эта надпись преподносится как впервые изданная.

940: *ed. pr.* – *Болтунова А.И.* // КСИА. 1963. 95. С. 104–106, с более подробным описанием, уточненной датировкой и др.

942: описание памятника является не слишком внятным сокращением леммы в КБН; почему бы не сказать прямо, что эта «*tabula calcaria*» является культовым столом (ср. неожиданное «*tensae a. 0.15–0.17*» при указании размеров камня)?⁴³

973: см. *Кобылина М.М.* Фанагория (МИА. 57. 1956). С. 60 (описание, атрибуция и др.) и здесь выше прим. 35.

987: в КБН не упомянут рельеф на оборотной стороне камня, что впервые обнаружил В.П. Яйленко⁴⁴, издатели КБН-альбома, безуспешно искавшие камень в КГИКЗ, ссылаются на его «Материалы» по вопросу о месте хранения памятника, пропустив указание на рельеф.

⁴¹ Основная публикация – *Трейстер М.Ю.* Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // *Херсонесский сборник.* X. 1999. С. 144–149.

⁴² *Яйленко...* Материалы... С. 71. № 104.

⁴³ В Альбоме боспорский город, откуда происходит надпись 942, именуется *Cytae*. Такая форма известна у Плиния (NH. IV. 87) и Псевдо-Арриана (50 GGM = 12 r 16 sqq. Diller: εἰς Κύταος и ἄλλο Κύτων, опирающегося, в частности, на перипл Мениппа (p. 155 Diller), однако Стефан Византийский, черпавший из того же перипла в эпитоме Маркиана (Diller A. *The Tradition of Minor Greek Geographers.* Lancaster, 1952. P. 149), дает Κύτα; так же – *Et. Gen.* A 601. 5, *Rav. Cosm.* IV. 3 Schnetz (Cita). Другие авторы: Κύταα (*Ps.-Scyl.* 68, cod. Κυδαα; *Schol. Apoll. Rhod. vet.* II. 399 (162. 11 Wendel), откуда *Cytaea* на картах в IOSPE. II), Κύταλον (*Ptol. Geogr.* III. 6. 5). Этникон (gen. pl.) Κοιτητων в КБН 942 (нормализованный номинатив – Κυτ(ε)ται) образован, скорее всего, от формы Κύτα, на которую (условно, конечно) и следует опираться для образования новолатинского термина: *Cyta*. Ср. *Тохтасьев.* Надписи Таманского музея. С. 94.

⁴⁴ *Яйленко.* Материалы... С. 84. № 137.

989: на самом деле место хранения камня указано не в КБН, а у В.П. Яйленко⁴⁵.

1000: не отмечено, что на оборотной стороне камня под рельефом сохранились следы стесанной надписи.

1020: о местонахождении надписи см. *Иванчик, Петерс*. Греческая надпись... С. 120 сл. (на данный момент можно считать утраченной).

1036: из разряда «vidimus»: издатели КБН и КБН-альбома не привели длину камня (0.75 м), вероятно, потому, что, как говорится в КБН, камень слева обломан, что неточно: сбита лишь часть лицевой поверхности и правый угол тыльной части камня.

1051: издатели забыли упомянуть, что христианская эпитафия издана В.В. Латышевым отдельно и в ИОСРЕ. II. 363, и в «Сборнике греческих надписей христианских времен из Южной России» (СПб., 1896. № 100). Не отмечено, что камень поступил в Эрмитаж в 1851 г. из Керченского музея⁴⁶, хотя в других случаях такая информация приводится.

1113: камень по-прежнему хранится в Краснодарском музее (инв. № КМ 6281/5).

1123: совершенно необходимо было указать, что облик надписи, представленный публикуемой фотографией, сильно искажен позднейшей гравировкой (см. комментарий в КБН) и привести рисунок А.В. Орешникова, опубликованный А.И. Болтуновой в ВДИ. 1954. № 1. С. 171.

1223: согласно описанию КБН, стела разбита на две части, что повторено в Альбоме, хотя, судя по опубликованной фотографии, плита состояла из трех фрагментов (два уже утрачены).

1234: «Lapis sanus cum anaglypho et titulo»; в других случаях наличие рельефа, как правило, не упоминается (даже там, где это кажется необходимым, например, к 691, 704; ср. выше к 840, 987). При этом сам рельеф в Альбоме не воспроизведен, что, возможно, и правильно, так как гравюра А. де ля Мотрэ представляет собой лишь монтаж архаической надписи и рельефа эллинистического или римского времени (если не порожденного фантазией автора; ср. комментарий в КБН). Информация издателей дает превратное представление об облике памятника.

То же относится к лемме к 1235: надпись, якобы сопровождающаяся рельефом, также известна лишь в воспроизведении де ля Мотрэ аналогичного свойства, хотя изображение всадника определенно указывает на реальное существование подобного рельефа.

1246: повторяется мнение В.В. Латышева, принятое издателями КБН, что эта надпись является копией № 1248; возражения Д.Б. Шелова⁴⁷ не упомянуты.

Датировки

Когда в надписи отсутствует имя правителя, дата в годах боспорской эры или имя римского императора, т.е. в подавляющем большинстве случаев, датировки в леммах Альбома не приводятся (ср. с. XIV: без объяснения резонов такой установки), хотя для специалистов эта информация несравнимо важнее сообщений о времени находки надписи или транспортировки ее в Петербург, Москву и т.д. Не может служить здесь аргументом тот факт, что датировки надписей, основанные на палеографическом и/или искусствоведческом анализе, ненадежны и могут подвергаться пересмотру: ведь даже датировки надписей, содержащих имена боспорских правителей-омонимов (Перисад I, II или Савромат I, II, III и др.), нередко конкретизируются по особенностям письма, и эти даты (как мы видели, иногда в нескольких вариантах) редколлегия КБН-альбома приводит.

Но не все благополучно и с надписями, датированными по именам правителей, ведь и здесь требуется изучение специальной литературы, а с ней издатели Альбома знакомы недостаточно. Впрочем, как мы уже видели, нередко все объясняется лишь невнимательным чтением комментариев КБН.

6а: датировка принадлежит В.В. Шкорпилу, а не издателям КБН (ср. ниже, к 1041).

9: «Aetatis Spartoci II vel Paerisadis I» (без указания авторства). Издатели не разобрались в проблеме: в восстановлении Е.Е. Люценко и Л. Стефани, принятом всеми последующими издателями, надпись выглядела так, будто Перисад управляет одной Феодосией и варварскими племенами: (ἄρχοντος Παρισαδέου[ς Θεοδο]σίης καὶ βασιλεύοντος Σινδ[ῶν] κτλ.; это дало повод для предположения, что здесь отражена ситуация, когда государство было разделено между Перисадом I и Спартоком II (последнему якобы досталась европейская часть Боспора без Феодосии). Однако впоследствии Н.С. Белова (ее статья издателям КБН-альбома осталась неиз-

⁴⁵ Там же. С. 85. № 138; в 1993 г. камень видел и С.Р. Тохтасьев (КГИКЗ, инв. № КЛ-976).

⁴⁶ Давыдова Л.И. Боспорские надгробные рельефы V в. до н. э. – III в. н. э. Каталог выставок. Л., 1990. С. 53. № 42.

⁴⁷ Шелов. Танаис и Нижний Дон... С. 270.

вестна)⁴⁸ показала, что на самом деле следует восстанавливать стандартное (ἄρχοντος Πατριάρχου καὶ Θεοδοσίου καὶ βασιλεύοντος Σινδῶν κτλ.

24: датировка временем Спартока IV, как видно из библиографических ссылок в комментарии КБН, принадлежит не издателям КБН, а В.В. Латышеву.

26: «Ad Spartocum IV titulum rettulit Latyshev, ad Spartocum V CIRB-editores». Упущены из виду веские аргументы Н.С. Беловой и Ю.Г. Виноградова в пользу датировки временем Перисада II⁴⁹.

29: временем Фарнака предложил датировать надпись К.Е. Думберг, а не издатели КБН, лишь дополнившие его аргументацию.

56: датировка принадлежит Л.А. Ельницкому, а не издателям КБН.

67: издатели пишут, что надпись, «как кажется» («ut videtur»), относится к христианскому времени. Достаточно посмотреть даже на фотографию надписи, чтобы вполне убедиться в этом (кресты в начале сткк. 1–2), о чем писал уже В.В. Латышев, а затем Ю.Г. Виноградов⁵⁰, предложивший и более точную датировку.

74: датировка временем Савромата II принадлежит Кальдерини и Фрею, а не издателям КБН, датировка временем Савромата III – не Латышеву, а Ньютону.

75: по существу, датировка принадлежит Л. Стефани, подкреплена В.В. Латышевым и другими исследователями задолго до издания КБН.

147: В.П. Яйленко⁵¹ иначе прочитал дату в стк. 10.

822: «Спарток, сын Перисада», – Спарток IV⁵²; в КБН-альбоме – без даты, так как издатели КБН датировали надпись по палеографии.

1042: указано, что издатели КБН относят надпись ко времени Левкона I или Перисада I, но, как видно из принятого ими восстановления Латышева, они поддержали его датировку временем Перисада I (как кажется, напрасно, так как палеографически надпись очень близка посвящению ба раннего периода правления Левкона⁵³).

1122: на самом деле датировка предложена Т.В. Блаватской и А.И. Болтуновой (см. комментарий КБН).

1144: не упомянута конъектура В.П. Яйленко⁵⁴, иначе прочитавшего дату в стк. 5.

Впрочем, эпиграфистам, которым вряд ли пригодятся эти леммы, много важнее то, ради чего затевалось все предприятие – иллюстрации.

Иллюстрации

Следует признать, что издатели КБН-альбома, унаследовав львиную долю иллюстраций от предшественников, проделали значительную работу по пополнению коллекции, сумев собрать иллюстративный материал для 1172 надписей (число надписей, воспроизведенных в электронной версии). Это ощутимо превышает объем архива иллюстраций, сложившегося к 1999 г. В частности, в архиве ИИМК ими были сфотографированы 153 эстампажа и отобраны неиспользованные прежними собирателями коллекции негативы и фотоотпечатки (также для эстампажей), благодаря чему некоторые изображения надписей теперь опубликованы или впервые, или в лучшем виде. См., например, 23 (ранее были известны только старинные рисунки), 230, 290, 334, 340 (фотографией эстампажа заменена его прорисовка в ИАК. 1904. 10. С. 39. № 32), 582 (остатки более древней надписи на выступе стелы были изданы эпиграфическим шрифтом в IOSPE. IV. 237, а в КБН только упомянуто их существование), 782 (ранее публиковался лишь рисунок Ф.И. Гросса), 768, 769, 773, 774 и др. Учитывая, что со временем многие камни (особенно керченского собрания) сильно пострадали, иногда рядом с фотографиями таких камней времени подготовки КБН помещены более старые, где камень представлен в лучшей сохраннос-

⁴⁸ Белова Н.С. // СА. 1968. № 3. С. 43–53; ср. она же // ВДИ. 1967. № 3. С. 60 слл. Возражения В.П. Яйленко и его восстановление текста (Материалы... С. 25 сл. № 19; он же // Эллинизм. М., 1990. С. 296. Прим. 139) не могут быть приняты.

⁴⁹ Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н.э. // ВДИ. 1984. № 2. С. 84 сл. (с фотографией); Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г. // Евразийские древности. М., 1999. С. 292, 297. Прим. 11.

⁵⁰ Виноградов. Позднеантичный Боспор... С. 236 слл.

⁵¹ Яйленко. Материалы... С. 63. № 57.

⁵² См. Болтунова А.И., Книпович Т.Н. // НЭ. 1962. III. С. 15; Белова. Новая надпись... С. 85.

⁵³ См. о ней с литературой: Тохтасьев С.Р. // ВДИ. 2004. № 3. С. 157 слл.

⁵⁴ Яйленко. Материалы... С. 129 сл. № 191.

ти⁵⁵, а если их нет, то фотографии эстампажей или их прорисовки⁵⁶, а часто и фотографии, и прорисовки эстампажей⁵⁷; во многих случаях фотография всего памятника сопровождается отдельным изображением текстовой поверхности в увеличении. Сколь полезна электронная версия Альбома, ясно без лишних слов; но особая ее важность в том, что она включает большее число изображений, чем печатная.

К сожалению, не все фотографии эстампажей (иногда, возможно, и сами эстампажи) достаточно качественны, чтобы служить опорой исследователям, которым недоступны архивные подлинники. Нередко они фотографировались неправильно, без боковой контрастирующей подсветки⁵⁸, получив общий темный тон, но иногда, наоборот, оказались засвечены⁵⁹, так что действительно полезными оказываются изображения преимущественно тех надписей, которые вырезаны глубоко и четко, на гладкой поверхности (обычно на мраморе или плотном известняке); к счастью, таких большинство⁶⁰.

Крупнейшая ошибка издателей заключается в отказе от воспроизведения текстов утраченных надписей условным эпиграфическим шрифтом «как недостаточно документальных» (с. XI–II). Из-за этой по меньшей мере странной установки, противоречащей современной практике издания эпиграфических корпусов (см., например, образцовое издание Георгия Михайлова «*Inscriptiones Graecae in Bulgariae hereticae*»), десятки надписей оказались в Альбоме не документированными вовсе, и заинтересованным исследователям придется, как и прежде, обращаться к IOSPE. II и IV⁶¹ или к публикациям в старой периодике, для многих труднодоступной, а для большинства зарубежных коллег совершенно недоступной (106, 118, 148, 171, 256, 350, 734, 759, 765, 956, 1059⁶², 1092–1093, 1181 и др.).

Лишь немногие из утраченных надписей (вроде 799, 804, 805, 813, 815, 867, 938, 952, 1094, 1110) были напечатаны в первоизданиях типографскими маюскулами – *litteris vulgaribus* (typographicis), не дающими никакой возможности получить представление о подлинных формах букв и, следовательно, о времени надписи, или даже с искажением подлинника (1233).

Выше уже отмечалось, что издатели не дали себе труда сделать прорисовки плохо читаемых на камнях и/или фотографиях надписей (ряд других примеров см. ниже). Но иногда не воспроизведены рисунки даже утраченных надписей: 802 (из рапорта А.Е. Люценко, найденного В.Ф. Гайдукевичем в архиве ЛОИА), 810 (KW. S. 55. № 317. Abb. 7: только рельеф), 811 (рисунок П.М. Леонтьева, повторенный во всех изданиях), 1017 (рисунок К.Р. Бегичева⁶³), 1253 (рисунок В.В. Канского⁶⁴) и др.

21: отсутствует фотография и даже упоминания надписи *μῆτολον*, высеченной на верхней поверхности постамента (отмечено в лемме КБН).

154: опубликована фотография камня, уже серьезно пострадавшего от времени и заросшего к тому же грязью и лишайниками (о подобного рода фотографиях ниже еще пойдет речь). Качественная фотография камня в гораздо лучшем состоянии помещена В.В. Латышевым в ИАК.

⁵⁵ 335, 342 и 458 – вместе с эстампажем; 370, 374, 489, 502, 540, 548, 557, 565 и т.д. Обе фотографии 374 могли быть – при уменьшении нижней – легко совмещены так, что в итоге надпись предстала бы фактически в целом виде.

⁵⁶ Например, 144, 311, 384, 386, 454, 503, 518; в последних двух случаях фотографии с эстампажа дают вполне качественные изображения, но, вероятно, при форматировании правый край эстампажа надписи 795 оказался обрезан.

⁵⁷ 85, 136, 138, 186, 193, 197, 287, 369, 504, 553 и т.д. Часть эстампажей, представленных в Альбоме в фотоснимках (например, 561, 571, 579, 700, 722), была и раньше издана в неплохих прорисовках (прежде всего – в ИАК) и – реже – в фотографиях эстампажей.

⁵⁸ Но правильно, например, для 753, 760, 763–775, 795, 817, 871, 919.

⁵⁹ Например, 114 (на CD: уверенно не разобрать ни одной буквы), 137, 222 (на CD: ничего не видно), 268, 319, 334, 386, 482, 510, 540, 861; имело смысл напечатать рядом тексты в прорисовке, как это сделано в подобных случаях, например, для 136, 252, 620, 749, 787, 753, 795, 937, 993, 1031.

⁶⁰ Особенно удачны снимки 10, 23, 27, 39, 40, 85, 111, 138, 144, 221, 230, 323, 340, 342, 369, 1142.

⁶¹ По КБН это надписи 25, 103, 107, 120, 146, 167, 234, 531, 566, 735, 748, 757, 776, 778, 780, 783–786, 790, 792, 794, 796, 799–802, 804–805, 807, 812, 813, 815, 850, 854, 864, 866–867, 895, 938, 954, 1011, 1094, 1110, 1146, 1188–1191, 1206, 1213, 1217, 1233, 1237, 1239–1240, 1273, 1315.

⁶² Более чем условный шрифт в ЗООИД. 1910. XXIII. Прот. С. 11. № I оказался на практике вовсе не бесполезен, ср. *Тохтасьев*. Эпиграфические заметки. С. 162.

⁶³ «Несмотря на несколько явных ошибок в буквах... эта копия имеет весьма важное значение для правильного восстановления надписи» (*Латышев В.В.* // ИАК. 1907. 23. С. 56).

⁶⁴ Вновь найденные недвиговские плиты // Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы. 1914. 2. С. 139. Рис. 3.

1902. 2. С. 70. № 3; имеется и вполне доступный рисунок В.В. Шкорпила в архиве ИИМК. Ф. 1. № 5. 1900. Л. 208 об.–209, о котором см. *Тохтасьев С.Р.* // *Hyperboreus*. 2002. 8/1. С. 84. Прим. 60.

357: в IOSPE. П. 219 (рисунок) и KW. Taf. XVI. 232 (фотография) памятник представлен в более сохранном виде, чем сейчас.

393: неважного качества архивную фотографию было бы желательно продублировать рисунком Ф.И. Гросса из IOSPE. IV. 300, который фиксирует стелу практически в полной сохранности.

704: фотографии всей стелы и отдельно надписи (палимпсест) следовало сопроводить рисунком из IOSPE. II. 108, а в лемме указать, что рельеф относится к более древней надписи.

715: изображение всей стелы 715 с утраченным ко времени подготовки КБН рельефом имеется в ОАК. 1882–1888. Прилож. С. 21. № 29; KW. Taf. XIV. 210 (довольно мутная фотография); *Иванова А.П.* // *КСИИМК*. 1951. 39. С. 30.

731: при черно-белом воспроизведении цветной иллюстрации в MAP. 1896. 19. Табл. VII многие буквы, написанные желтой краской, получились почти не читаемыми; рядом следовало поместить прорисовку, которая уже имеется в IOSPE (IV. 342).

738: на камне надпись (точнее, две – это палимпсест) практически неразличима (по фотографии о ее существовании можно только догадываться), поэтому здесь необходим рисунок или условный шрифт по изданию Е. Кёлера или IOSPE. II. 84.

816: обе не очень удачные фотографии уникального булыжника-гири не дают всей надписи, здесь необходима и прорисовка.

1264: четырехстрочный фрагмент, содержащий начало надписи, смонтирован на фотографии слишком далеко от основного, к которому он реально примыкает почти вплотную. Фрагмент Б, пожалуй, лучше было, следуя верному указанию Латышева к IOSPE. II. 442, поместить слева от фотографии основного фрагмента, так как он представляет собой остаток 1-й колонки списка имен (с 9-й стк.).

1299: изображение отсутствует, хотя фотография имеется у В.В. Канского⁶⁵, а Л.С. Ильюков, И.В. Толочко и Й. Форназиер⁶⁶ опубликовали архивный рисунок стелы (примитивный, но небесполезный).

Издатели КБН-альбома сообщают о наличии фотографий или рисунков в изданиях, появившихся до или после КБН, только если из него сканировано изображение (с XII–XIV). Нам кажется, что необходимо было составить хотя бы краткую библиографию наиболее богато и качественно иллюстрированных изданий, где при этом имеются и важные научные комментарии: эрмитажный каталог Л.И. Давыдовой (см. выше прим. 46), статьи Т.А. Матковской (Мастерские надгробного рельефа Европейского Боспора I в. до н.э. – II в. н.э. // *Археология и искусство Боспора* [СГМИИ. 10. 1992]. С. 387–407) и Е.А. Савостиной (Многоярусные стелы Боспора // *Там же*. С. 357–386), книгу И.А. Левинской (*Levinskaya I. The Book of Acts in Its Diaspora Setting* (The Book of Acts in Its First Century Setting. 5). Grand Rapids. Michigan–Carlisle, 1996. P. 227–246: раздел «Inscriptions of Bosporan Kingdom», в соавторстве с С.Р. Тохтасьевым). Новейший каталог античной скульптуры Керченского музея (здесь А.П. Кулаковой с участием С.Р. Тохтасьева переизданы 10 утченных в КБН надписей)⁶⁷ используется издателями Альбома как источник уточнения размеров камней или букв. В альбомах Г. Соколова⁶⁸ помещены большеформатные фотографии надписей 201, 305, 539, 696, 942, 1000, 1238.

⁶⁵ Там же. С. 137. Рис. 1: почти все буквы ретушированы, не везде правильно (в КБН-альбоме, за отсутствием лучшего, напечатано несколько подобных фотографий: 353, 666, 672, 905, 999, 1055, 1112, 1222, 1223); текст КБН (редакция Жебелева) не вполне точен, leg.: Κοσοῦ τῆς Χρῆστο(υ) χοῖρε; камень – ΧΡΗΣΤΟΙ, что, возможно, не ошибка, если номинатив был Χρῆστου, поскольку такие генетивы имен на -οῦ характерны как раз для Танаиса; «знаки» рядом с последней буквой либо фантазия издателя (ср. архивный рисунок), утрированная ретушь, либо скорее остатки более древней надписи, следы которой можно, как кажется, разглядеть над стк. 1 и в самом низу камня; Ильюков, Толочко и Форназиер (Погребальные каменные изваяния... С. 240) усмотрели здесь часть тамги; если так, она должна относиться к сбитой надписи.

⁶⁶ *Ильюков, Толочко, Форназиер. Погребальные каменные изваяния... С. 239. Рис. 2, 1.*

⁶⁷ Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. I. Античная скульптура. Киев, 2004. Кроме фотографий, впрочем, несколько бледных, в каталоге помещены выполненные А.П. Кулаковой прорисовки надписей в современном состоянии. NB: на с. 123, № 67 при форматировании выпала часть греческого текста стк. 1 в квадратных скобках, что подметили и издатели КБН-альбома (в лемме к 554 – с комичным пафосом: «*lascina... contra epigraphistatum morem* [...] *et consuetudinem non indicatur*» и некорректно – лакуна все-таки отмечена).

⁶⁸ *Соколов Г. Античное Причерноморье. Л., 1976; то же, но с различиями в компановке иллюстраций и формате – Sokolov G. Antike Schwarzmeerküste. Lpz, 1976.*

Это тем более следовало бы сделать, так как нередко фотографии в предшествующих изданиях в той или иной мере удачнее помещенных в КБН-альбоме – в большем формате, контрастнее, лучше видна надпись и т.д. Хорошо известное нам весьма высокое в целом качество фотоотпечатков старой коллекции для Альбома к КБН слишком часто не соответствует качеству их издательского воспроизведения. Вообще с точки зрения форматирования иллюстраций и качества печати КБН-альбом, к сожалению, нельзя признать образцовым: некоторые фотографии перекошены то влево, то вправо (особенно подвижными оказались изображения небольших надписей и мелких фрагментов)⁶⁹, напечатаны слишком бледно⁷⁰ или темно⁷¹ и неконтрастно⁷², хотя современные технологии позволяют в известной степени исправлять такого рода недостатки, даже если не слишком удачным был исходный фотоотпечаток.

Жаль, что издатели не использовали хранящийся в Кабинете им. В.Д. Блаватского ИА РАН архив А.И. Болтуновой, включающий массу фотографий боспорских надписей, зачастую более качественных, чем опубликованные в КБН-альбоме. На основе этих материалов А.И. Болтунова совместно с Н.С. Беловой планировала издание Альбома к КБН (см. ниже прим. 90).

В конце Альбома помещен очерк А.К. Гаврилова «К истории КБН и его фотоархива», в котором излагается история КБН, восстановленная, как пишет автор, по «печатным материалам, воспоминаниям участников и архивным документам» (с. 395). К сожалению, вне поля зрения А.К. Гаврилова оказались часть научной литературы и ряд архивных документов, проливающих свет на историю КБН. Кроме того, он не счел необходимым обратиться ко многим ныне здравствующим исследователям, на разных этапах работавшим с иллюстративными материалами. В результате история КБН пестрит многочисленными ошибками и даже искажениями. Но прежде всего отметим, что для очерка характерна одна принципиальная черта, многое в нем объясняющая: искреннее непонимание сути и смысла эпиграфической работы исследователем, который в другом месте высказывает убеждение: «Работать с артефактами... легче, чем с документами, но и проку от этого меньше»⁷³. На с. 407 подробно описывается конфликт между А.И. Болтуновой и почти всеми остальными сотрудниками «Корпуса», который закончился тем, что по постановлению Бюро отделения истории АН СССР от 4 февраля 1965 г. она была выведена из состава редколлегии КБН. «На развитии конфликта, – пишет А.К. Гаврилов, – сказалось, можно думать, и то обстоятельство, в котором не были повинны ни сама Болтунова, ни другие члены редколлегии, – а именно неуспех с изданием иллюстративного тома. Ведь за вычетом этой стороны дела роль Болтуновой в редакции не так велика: сверкой текстов с оригиналами или факсимильными изображениями⁷⁴ занимались и другие, а в историко-филологической экзегезе надписей она не могла выступать наравне с Доватуром и Гайдукевичем». Утверждение А.К. Гаврилова, что обследованием камней «занимались и другие», противоречит прямому и ясному свидетельству предисловия к КБН: «Обследование хранящихся в музеях эпиграфических памятников, сверка текстов с камнем, как и фотографирование памятников, было проведено А.И. Болтуновой и отчасти Н.С. Беловой» (с. 10). А.И. Болтунова выполнила ту работу, без которой ни один эпиграфический корпус не может выйти (а без историко-филологических комментариев – может)⁷⁵. Именно из-за того, что для А.К. Гаврилова камни и их фотографии являются чуть ли не равными по значению источниками информации (разумеется, мы не имеем в виду те случаи, когда камни были впоследствии утрачены или серьезно повреждены), и появляются странные, на взгляд любого эпиграфиста, замечания, как, например, на с. 401, где, говоря о работе над КБН в 1950-х годах, А.К. Гаврилов рассказывает о двух или даже четырех экземплярах фотографий, которые изготавливались для редакции и «которые затем распреде-

⁶⁹ 2–5, 70, 124, 140 (справа), 163, 579, 722, 852 (!), 855, 956 (!), 893, 1056 (вдобавок произвольно и косо обрезан верхний край фотографии!), 1096, 1097, 1098, 1159 А-Б, 1170 А (перекошен влево), 1170 Б (наоборот, вправо), 1171, 1214, 1224, 1251, 1251а, 1261, 1306.

⁷⁰ 39, 60, 74, 75, 145, 246, 264, 391, 398, 657, 662, 962, 1022, 1091, 1095, 1203, 1282.

⁷¹ 152, 268 (слева), 960, 1019, 1054, 1090, 1109, 1133, 1231.

⁷² 41/65 (палимпсест), 73, 128, 130, 499, 500, 527, 558, 913, 939, 950, 969, 1080 (отдельная фотография текста), 1250, 1277, 1283.

⁷³ Гаврилов. Из новейшей историографии... С. 356.

⁷⁴ Судя по всему, автор имеет в виду эстампажи.

⁷⁵ Ср. оценку выполненной Болтуновой работы: ВДИ. 1992. № 2. С. 231 сл. (некролог, подписанный Отделом античной археологии ИА РАН, редколлегией и редакцией ВДИ): «Особенно большое значение имела работа А.И. Болтуновой над подготовкой “Корпуса боспорских надписей” (1965): именно ею была произведена во многих музеях страны сверка всех копий надписей с оригиналами, фотографирование, проверка данных об их состоянии, уточнение орфографии, палеографии и т.п. Об этой колоссальной работе, к сожалению, только вскользь упомянуто в предисловии к КБН».

лялись между теми, кто слышал их с подготавливаемыми к печати текстами и отражал результаты этого сличения в леммах». Разумеется, описание памятников в леммах и установление чтений делалось не по фотографиям, а на основании изучения самих памятников. Последующее сличение представленных транскрипций с фотографиями являлось лишь контрольной и окончательной проверкой во избежание случайных промахов.

«После смерти В.В. Латышева в 1921 г. работа по переизданию боспорских надписей была продолжена в ЛОИИ (теперь СПб ИИ) академиком С.А. Жебелевым», – сообщает А.К. Гаврилов на с. 395. Учитывая, что ЛОИИ было создано в 1936 г., получается, что в течение четырнадцати лет (1922–1936) боспорскими надписями никто не занимался. Однако в «Списке составителей и систематизаторов фотоколлекции КБН» (с. VI) указано, что С.А. Жебелев работал над коллекцией в 1922–1941 гг., причем в одиночку (как говорилось выше, об участии О.О. Крюгера и А.И. Доватура издатели Альбома не осведомлены). Еще одну версию находим на с. VII («От редакции»): после В.В. Латышева, который закончил свой труд «к 1918 г.»⁷⁶, работа была возобновлена ЛОИИ во второй половине 1940-х годов (на с. 396 – осенью 1946 г.). Таким образом, лагуна между Латышевым и продолжателями его дела занимает уже двадцать восемь лет! Риском предположить, что в данном случае проявляется не небрежность, а тенденция. Но прежде, чем обозначить эту тенденцию, необходимо обратиться к начальной части историографического очерка и историографической таблице на с. VI. С 1920 по 1929 г. Жебелев заведовал разрядом «Археология Эллады и Рима» в РАИМК–ГАИМК. Именно здесь после смерти Латышева, как это видно из отчетов, он занимался подготовкой нового издания IOSPE. II. Из отчета РАИМК за 1925 г. следует, что в основном работа была завершена: «Главным достижением работ разряда должно признать подготовку II т. IOSPE... Заведующему разрядом приступить теперь же к составлению заключительной части работы, которая должна охватить а) введение и б) указатели»⁷⁷. Однако из отчета за 1929 г. следует, что С.А. Жебелев решил вернуться к работе, казалось бы, уже практически законченной, объясняя это следующим образом: «Так как Берлинская Академия Наук при переиздании *Inscriptiones Graecae* выработала за последний год новую, более упрощенную и менее дорогостоящую форму издания надписей без ущерба для существа дела, то мною предпринята за последний год работа, которая стремится к тому, чтобы сделать издание боспорских надписей наиболее соответствующим последнему слову в деле публикации эпиграфических памятников»⁷⁸.

Намерение С.А. Жебелева следовать новейшему и авторитетнейшему эдиционному стандарту, А.К. Гаврилов (с. 395 сл.) трактует как изменение самой концепции издания: «Жебелев попутно несколько изменил его концепцию: ему виделся... тот тип издания, который называют *editio minor*», т.е., согласно А.К. Гаврилову, «сборник, содержащий объяснения [?], усовершенствованные по сравнению с *editio maior*, но более краткие». Это навряд ли вытекает из приведенных слов Жебелева и явно противоречит характеру хранящейся в ПФА РАН рукописи IOSPE. II², в которой леммы, а часто и комментарии Жебелева по детальности и объемности принципиально не отличаются от того, что представлено в КБН. Эта трактовка *editio minor* заимствована из документа, хранящегося в архиве СПб ИИ (см. С. 395. Прим. 7), который содержит квазинаучное обоснование политических обвинений в адрес С.Я. Лурье, преемника С.А. Жебелева в работе над Корпусом: концепция *editio minor* представлена в нем как обедняющая содержание лемм и комментариев в первом советском эпиграфическом издании, которое должно было заменить старое издание Латышева и «найти отклик... за рубежом, причем как со стороны наших друзей и единомышленников, так и врагов»⁷⁹. Впрочем, на с. 399 А.К. Гаврилов представляет себе тип *editio minor* совсем по-другому: оказывается, «Струве и редакция обновленного *Свода* отошли от общей концепции *editio minor*, каковой придерживались и Жебелев, и Лурье. Отчасти [?] редакция возвращалась к идее Латышева о *полном собрании* (курсив наш. – И.Л., С.Т.) и освещении всех известных (на момент издания) боспорских надписей». Разумеется, ни Жебелев, ни Лурье не со-

⁷⁶ На самом деле IOSPE. II² был готов к печати уже в 1917 г., см. Отчет о деятельности РАН по отделению физико-математических и исторических наук и филологии за 1917 г. Пг., 1917. С. 23: «В.В. Латышев... приготовил к печати 2-е издание II тома “Надписей северного побережья Черного моря” (с сожалением, печатание еще не начато вследствие крайне тяжелого ныне положения печатного дела)».

⁷⁷ Архив ИИМК. Ф. 2. 1925. № 1. Л. 266 об.

⁷⁸ Архив ИИМК. Ф. 2. 1929. № 19.

⁷⁹ Отголосок событий конца 40-х годов содержится в рецензии на КБН Б. Наделя (сотрудника С.Я. Лурье в 1947–1948 гг.) и Ст. Ошведцмского (*Archeologia*. 1967. XVIII. S. 242), которые, однако, пишут об *editio media*: Жебелев, а затем и Лурье предполагали сократить описание памятников, что должно было компенсироваться публикацией фотографий.

бирались сокращать латышевское собрание надписей, но, напротив, его расширяли; принципиально не различались и сами концепции Жебелева–Лурье и издателей КБН. В понятие *editio minor* вовсе не заложена идея сокращения свода надписей (т.е. издание сборника важнейших надписей – *Sylogae*). В книге *Bérard F., Feissel D., Petitmendin P., Rousset D., Séve M. Guide de l'épigraphiste. P., 2000*³. Р. 34 дается следующее разъяснение концепции издателей *Inscriptiones Graecae*: «Определение *minor* относится не к типу издания, но к размеру томов (*au format des volumes*)».

После 1929 г. ни в одном отчете ГАИМК–ИИМК работа над IOSPE. II² не упоминается: перед институтом поставили более важные задачи – закладывать основы марксистской науки о древности. Не имея возможности издать IOSPE. II², Жебелев отложил это до лучших времен. В 1936 г., после того, как было создано ЛОИИ, Жебелев, не становясь его штатным сотрудником, был привлечен к работе сектора истории древнего мира⁸⁰. До своей смерти в декабре 1941 г. Жебелев продолжал работать в ИИМК, где заведовал подразделениями, изучавшими древности Северного Причерноморья. Параллельно с 10 декабря 1938 г. он был зачислен в ЛОИИ, проработав там до января 1941 г., после чего был переведен в Москву⁸¹. В ЛОИИ, судя по отчетам, ни С.А. Жебелев, ни кто-либо из его сотрудников боспорской эпиграфикой не занимался. Таким образом, этот этап в историографической таблице на с. VI должен был выглядеть так:

1922–1929 гг.: С.А. Жебелев (если считать, что в ней указаны составители и систематизаторы коллекции иллюстраций); или

1922–1929 гг.: С.А. Жебелев, О.О. Крюгер, А.И. Доватур (если считать, что в таблице упоминаются все работавшие над IOSPE. II²).

Встает вопрос, как могло получиться, что А.К. Гаврилов, знаток истории антиковедения в России⁸², специально исследовавший историю КБН и формирования его иллюстративного архива, знакомый с некоторыми документами архива ИИМК (см. с. 408, прим. 127, 128), не упоминает, что над IOSPE. II² Жебелев работал в РАИМК–ГАИМК? Биография Жебелева хорошо известна, архивы, в которых хранятся его документы, доступны. Тем не менее ни сам А.К. Гаврилов, ни его сотрудники не сочли нужным (как это видно по листам использования в архивах ИИМК и СПб ФА РАН) познакомиться с ними в необходимом объеме. Но главное не в этом. Тенденциозность очерка «К истории КБН и его фотоархива», собственно, даже потребовала внесения в историю формирования иллюстративного архива фактических, а далее и концептуальных искажений. КБН вышел в свет под грифами двух институтов: ЛОИИ и ЛОИА, однако упоминание о ИИМК, наследнике ЛОИА, на титульном листе Альбома отсутствует. Для обоснования этого решения и потребовалось показать, что ИИМК всегда имел весьма косвенное отношение к формированию архива иллюстраций. О причинах, по которым потребовалось убрать гриф института, который был одним из двух соиздателей КБН, из КБН-альбома, речь пойдет ниже.

Рассказывая о заключительном этапе работы над КБН (1956–1965), А.К. Гаврилов пишет (с. 401): «Заказчиком при составлении фототеки *Корпуса* выступало Ленинградское отделение Института истории», ссылаясь на письмо А.И. Болтуновой к В.В. Струве с просьбой сообщить ей план ее работы на 1958 г. для заполнения планкарты. Автор не объясняет, каким образом такой вывод может вытекать из того, что Болтунова обращалась за рабочей информацией к руководителю рабочей группы КБН, состоявшей из сотрудников двух институтов (трое из ЛОИИ, трое из ИА, в том числе двое из ЛОИА). «Интересы ЛОИИ в отношении иллюстративной части труда чаще всего представляла Н.С. Белова, сотрудничавшая с редакцией до 1960 г. ... Основной экземпляр (или даже два) и основная масса фотографий хранились тогда в ЛОИИ, который выступал как распорядитель работ по Корпусу», – продолжает А.К. Гаврилов (там же). Поражает терминология. Как будто на ниве боспорской эпиграфики действовали не два академических института, а две конкурирующие фирмы, каждая из которых стремилась овладеть материалом, так что одной из них – «распорядителю» (ЛОИИ) понадобилось иметь специального работника, отстаивающего его интересы. Разумеется, никакой конкурентной борьбы между институтами, принадлежавшими к одному и тому же ведомству, не велось: была единая редакция, которая в частности ставила перед собой задачу собрать иллюстрации к КБН для последующей публикации под грифами обоих институтов. Иллюстрации находились в руках тех, кому они были нужны для работы. То, что впоследствии негативы (а основную ценность представляют собой негативы, а не фотоотпечатки с них) будут храниться в ИИМК (ЛОИА), было само собой разумеющимся: ИИМК (ЛОИА), в отличие от ЛОИИ, располагал специальным фотоар-

⁸⁰ ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. № 1464. Л. 1.

⁸¹ ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Л. 4. Жебелев тем не менее в Москву так и не переехал.

⁸² См., в частности его уже упоминавшуюся (прим. 12) рецензию на книги М.А. Веса и Э.Д. Фролова по истории антиковедения в России.

хивом. Это следует из переписки заведующего ЛОИА В.П. Шилова с зам. директора ИИ по Ленинградскому отделению Н.Е. Носовым. В письме от 14 марта 1973 г.⁸³ В.П. Шилов обращается к Н.Е. Носову с просьбой «передать на постоянное хранение в фотоархив ЛОИА негативы боспорских надписей, хранящиеся в группе античной истории Вашего института. Изготовление этих негативов осуществлено за счет средств наших учреждений. Поскольку ЛОИИ не имеет специального оборудованного фотоархива и указанные негативы хранятся без соблюдения надлежащего режима хранения, появляется опасность их порчи. Заинтересованные в этих негативах сотрудники ЛОИИ всегда смогут получить через ЛАФОКИ⁸⁴ необходимое количество отпечатков для своих работ»⁸⁵. 30 апреля 1973 г. Н.Е. Носов сообщил В.П. Шилову, что сможет выполнить его просьбу «в IV квартале 1973 г., т.к. к этому времени по государственному плану должен быть сдан II иллюстративный том Корпуса боспорских надписей, подготовляемый сотрудниками группы истории древнейших государств на территории СССР»⁸⁶. 18 декабря 1974 г. из ЛОИИ в ЛОИА было доставлено 517 негативов⁸⁷. Однако это были не подлинные негативы (отыскать их в ЛОИИ тогда не удалось, см. ниже), а сделанные уже с фотографий. В очерке ни переписка директоров двух институтов, ни акт о передаче негативов не упоминаются: «Оригинальных отпечатков фотоиллюстраций КБН» в ЛОИА на месте не оказалось, и «по поручению этого института через ЛАФОКИ были выполнены репродукции с комплекта фотографий, хранящихся в Институте истории» (с. 408). Очевидно, А.К. Гаврилов очередной раз пытается доказать, что ЛОИА–ИИМК не имеет отношения к иллюстративному архиву.

Наибольший интерес для истории коллекции иллюстративных материалов представляет, однако, вопрос о том, что же стало с иллюстративным томом, подготовку которого, согласно письму Н.Е. Носова, планировалось завершить в 1973 г. А.К. Гаврилов пишет об этом очень уклончиво: «Не достигнув ошутимого результата, участники этой работы заслуживают, однако, признательности за напоминание о том, что боспорский фотоархив существует» (с. 408). Понятно, что сама эта работа, т.е. разложенные по порядку фотографии и негативы со стоящими на них корпусными номерами, должна была сохраниться, например (самое естественное), оказалась бы принятой в архив ЛОИИ. Но, кроме отчета, единственный, по словам А.К. Гаврилова, документ, который свидетельствует о завершенной в 1973 г. работе над альбомом, – это «машинопись (9 страниц), в которой приводится своеобразный план будущего издания... попытка хотя бы примериться к тому, как наличный фотоматериал мог бы расположиться в гипотетическом издании...»: 906 фотографий «каталогизированы по таблицам (121 лист)» (с. 408 сл.). На первой странице этого документа (известного и нам) красной ручкой в квадратных скобках поставлена (рукой А.К. Гаврилова) дата: «1971–1973»; самими его авторами он не датирован. Еще больше сомнений возникает при сопоставлении таблиц и иллюстраций. На табл. 5, например, числятся фотографии к 33, 34, 37–40, 42, 43. При всем желании, такое количество иллюстраций помещается не меньше, чем на двух листах большого формата (таких, например, как в КБН-альбоме). На табл. 13 предполагалось разместить иллюстрации к 122–130. В КБН-альбоме эти иллюстрации занимают пять страниц! Напротив, на табл. 38 размещены № 447–449, что занимает немного более половины одной страницы в КБН-альбоме. Симптоматично, что в 1994 г. И.А. Шишова и А.А. Нейхардт в предисловии к изданию Альбома к КБН, подготовленного авторами настоящего обзора (см. ниже), сообщая об истории архива иллюстративных материалов, ни словом не упоминают о работе с ним в 1970-е годы.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о негативах. На той же с. 408 А.К. Гаврилов ссылается на отчет Группы истории древнейших государств за 1972 г. (на самом деле – 1973), согласно которому в 1973 г. была завершена работа по систематизации и проверке фотографий и негативов (НВ!) с надписей, вошедших в КБН. Однако уже в декабре 1974 г. негативы в ЛОИИ найти не удалось, и для ЛОИА пришлось заказывать новые негативы с фотоотпечатков⁸⁸. Остается только гадать, были ли они потеряны сразу же, как только работа с ними была завершена, или отчет не вполне соответствует действительности. Впрочем, подобная альтернатива су-

⁸³ В очерке сказано, что в ЛОИА «вспомнили о фотографиях боспорского Корпуса» в 1974 г.

⁸⁴ Академическая фото- и кинолаборатория в Ленинграде.

⁸⁵ Фотоархив ИИМК РАН. АФ 41/349.

⁸⁶ Фотоархив ИИМК РАН. АФ 41/349.

⁸⁷ См. акт о передаче, подписанный Т.Б. Томес и А.Н. Васильевым (Фотоархив ИИМК РАН. АФ. 41/349).

⁸⁸ См. запись ФА ИИМК (Ф. 48. Колл. 2887, опись коллекции «Корпус боспорских надписей») от 31.10.79 г.: «Негативы переданы в фотоархив из ЛО Института истории АН СССР 18.12.74, т.к. являются результатом совместной работы группы ученых ИА, ЛОИА и ЛОИИ по подготовке к изданию Корпуса боспорских надписей. Подлинные негативы, выполненные А.И. Болтуновой и Н.С. Беловой, утеряны, а принятые нами негативы являются репродукцией с комплекта фотографий, хранящихся в ЛОИИ».

существует только в том случае, если исходно было изготовлено два экземпляра негативов, поскольку, как обнаружили авторы настоящего обзора в конце 1980-х годов, несколько сотен подлинных негативов все эти годы находились в ЛОИА, но не в фотоархиве, а в столах сотрудников Группы античной археологии вперемешку с огромным количеством фотоотпечатков различного качества. По-видимому, они были в распоряжении В.Ф. Гайдукевича, а после его кончины осенью 1966 г. затерялись⁸⁹. К середине 1980-х годов, когда И.А. Левинская (тогда аспирантка ЛОИИ) предложила вернуться к идее издания иллюстративного тома, оказалось, что в институте нет ни негативов, ни тех 906 фотографий, которые, согласно отчету, были в наличии к началу 1970-х годов. Дубликаты фотографий (непронумерованные, хранящиеся в беспорядке и, в большинстве своем, не лучшего качества) нашлись в изобилии, но отобрать из них пригодный для публикации комплект было невозможно. Между тем выяснилось, что в 1970-х годах две коробки с фотографиями и прочими иллюстрациями были перемещены из ЛОИИ в ЛОИА, о чем к середине 1980-х годов в ЛОИИ было прочно забыто. Когда они были вновь обнаружены (И.А. Левинской), а затем доставлены в ЛОИИ, оказалось, что иллюстраций не 906, а около 600 и что на большей их части номера по КБН проставлены не были.

В очерке А.К. Гаврилова этот эпизод представлен так: комплект основных, т.е. предназначенных для публикации иллюстраций всегда находился в ЛОИИ, а из фотоархива ЛОИА–ИИМК И.А. Левинской и С.Р. Тохтасевым «по официальному письму из ЛОИИ, была получена масса не помеченных корпусными номерами «контрольных» отпечатков» (с. 410); к слову «контрольных» сделано следующее примечание (141): «В описи Ф[ото]А[рхива] ИИМК на отдельном листе с пометой “временное хранение” есть приписка (13–V–1991) Э.С. Доманской об отпечатках, взятых в 1991 г. из ФА ИИМК в Институт истории». Действительности здесь соответствует лишь то, что фотографии (и пр.) были доставлены нами из ЛОИА в ЛОИИ. Однако это были вовсе не «контрольные» экземпляры, т.е. неувеличенные, сделанные контактным способом отпечатки, которые в архиве прилагают к соответствующим негативам, – они по-прежнему хранятся в ФА ИИМК (множество таких же имелось и в Группе истории древнейших государств ЛОИИ). Это был комплект фотоотпечатков высокого качества, который был положен нами в основу вновь собираемой для публикации коллекции. Да и приписка Э.С. Доманской к описи выглядит совершенно иначе: «Вр[еменно] хр[анить]. Хранить до тех пор, пока сотрудники ЛОИИ не вернут нам отп[ечатки], из которых мы должны отобрать недостающие. Отдельно сделан чистовой список на отп[ечатки] с изображением самих надписей, а в этом, черновом списке, и сами надписи (т.е. натура), и их прорисовки. Э.С. Доманская, 13/V–91 г.». Этот документ ясно свидетельствует, что иллюстрации принадлежат обоим институтам и что ИИМК рассчитывал восстановить недостающие материалы.

Внимательного читателя очерка не может не удивить, с каким постоянством А.К. Гаврилов возвращается к вопросу о том, кто поставил на обороте иллюстраций окончательные номера по КБН синим карандашом в «картуше» (с. 402, 403, 408 и прим. 126), всякий раз подчеркивая, что это сделали будто бы еще к 1960 г. А.К. Гаврилов признает, что после выхода КБН без иллюстративного тома «собранию фотоснимков все больше грозило рассредоточение» (с. 406), но нигде прямо не говорит, что именно это и произошло. За исключением тех иллюстраций, которые оказались в фотоархиве ИИМК, коллекция находилась в состоянии полного хаоса. За основу вновь собираемой воедино коллекции были взяты материалы, возвращенные из ФА ИИМК с существенным прибавлением обнаруженных в столах и шкафах сотрудников ИИМК с их деятельной помощью. На обороте некоторых иллюстраций стояли окончательные номера по КБН, написанные синим карандашом, но на большинстве стояли лишь промежуточные, которые существовали до установления окончательной нумерации КБН (например, № 715 соответствует КБН 542; 1226 – КБН 1264). Часть иллюстраций вообще не имела помет. Идентификация их с надписями была в целом не очень сложной задачей, учитывая проставленные на основном комплекте иллюстраций ссылки на предыдущие издания и наличие конкордансов в КБН. Но ни один из негативов не был пронумерован в соответствии с КБН. За два года работы удалось идентифицировать все подходящие для публикации фотографии, изображения в графике (номера на них, чтобы не создавать разнобоя, И.А. Левинская тоже ставила синим карандашом), негативы, а также добавить несколько десятков новых иллюстраций. В процессе работы С.Р. Тохтасев предложил опубликовать Альбом с приложением в виде *Addenda et corrigenda* –

⁸⁹ Мы совершили серьезную ошибку передав в 1999 г. негативы, найденные в ИИМК, в архив СПб ИИ. В то время нам не была известна переписка директоров институтов 1973 г. и их решение о том, что, учитывая отсутствие условий для надлежащего хранения негативов в СПб ИИ, они будут переданы в ИИМК. Надеемся, что в интересах их сохранности это, наконец, произойдет и угроза их гибели будет устранена.

библиографических дополнений и поправок к леммам, греческим текстам, переводам и комментариям КБН (т.е. без надписей, изданных после 1965 г., вопреки сказанному в очерке, с. 409), поскольку за 25 лет со времени его издания наука не стояла на месте (ср. выше обзор лемм КБН-альбома), а коллажи нескольких сотен надписей керченского и эрмитажного собраний в начале 1990-х годов (С.Р. Тохтасьев, И.А. Левинская, А.П. Кулакова) обнаружили много неточностей и ошибок в чтениях издателей КБН. Эта работа должна была продолжить аналогичный труд В.П. Яйленко (см. выше прим. 7)⁹⁰. Свои тексты представили С.Р. Тохтасьев и (для надписей фиасов и манумиссий) И.А. Левинская; на этом этапе к работе подключились и не занимавшиеся основной – иллюстративной – частью проекта Б. Функ, который вызвался составить *adenda et corrigenda*⁹¹ к надписям от имени или в честь царей римского времени, и А.К. Гаврилов – к метрическим текстам (к сожалению, эти разделы так и не были написаны, как не был выполнен Б. Функом немецкий перевод представленной рукописи, включавшей предисловие И.А. Шишовой и А.А. Нейхардт⁹²); свои материалы собирался предоставить редакции Ю.Г. Виноградов.

С. 409–411 очерка озаглавлены «Фотоархив КБН в объединенной Германии» и посвящены тому этапу работы с коллекцией, основными участниками которого являются авторы настоящего обзора. Здесь информация также существенно искажена, на сей раз с целью затушевать тот факт, что еще десять лет тому назад Альбом был подготовлен к изданию нами, а в начале 1999 г. сдан в Западноевропейскую секцию Архива СПб Института истории РАН.

Следует объяснить читателю, почему Альбом, переправленный в Германию, тогда не был опубликован, сразу же подчеркнув, что А.К. Гаврилов, сотрудник Группы истории древнейших государств ЛОИИ–СПб ИИ, где готовилось издание, обо всем этом прекрасно осведомлен, а само решение отказаться от публикации было утверждено при его сочувственном участии. Правда, в своем очерке он о нем не упоминает, ограничившись констатацией: «Переговоры Б. Функа и других немецких коллег⁹³ с берлинской Akademie Verlag не привели, однако, и на этот раз к изданию иллюстраций к КБН... Как бы то ни было, основной экземпляр фотоколлекции ЛОИИ (тогда ПФИРИ) вернулся в Петербург» (с. 411). Проблема заключалась в том, что немецкое издательство испытывало финансовые трудности. Конечно, после стольких лет ожидания, можно было бы повременить и еще; кроме того, поступали предложения опубликовать Альбом в США. Но уже вскоре мы стали склоняться к совсем иной концепции издания, что в первую очередь и привело к возвращению Альбома в Петербург. Дальнейшее сличение текстов КБН с камнями, иллюстрациями и описаниями выявляло все больше ошибок и неточностей, *corrigenda* становились все объемнее. Не менее важно было то, что текстовые поля многих камней, как оказалось, не были в достаточной мере очищены перед фотографированием от раскопной грязи и известковых натеков (например, 37, 141, 219, 527, 916, 932, 960, 985, 1108, 1133, 1151, 1154, 1247); по состоянию на 1993 г. хуже всего обстояло дело с памятниками керченского собрания, где в очистке и реставрации нуждалось большинство камней. Во многих случаях загрязненность камней не препятствует прочтению надписей *de visu*, а иногда и по фотографиям, но это еще не основание публиковать сейчас их фотографии в таком виде, как это сделано издателями КБН-альбома: пока эпиграфические издания не станут у нас отвечать принятым в современной науке стандартам, наша продукция будет оставаться безнадежно провинциальной. Иногда даже самая предварительная и непрофессиональная очистка уже помогла исправить или уточнить чтения. Так, только благодаря ей выявлены, например, не замеченные прежде позднейшие граффити на свободных полях надписей 37⁹⁴, 1260 (см. выше и прим. 15); в 1262. 18 удалось прочитать в разуре Τρίφωνος, выскобленное и замененное на Ουρουου; в стк. 21 читается ΙΜΒΡΟΝ ([Κ]ίβροу, как правильно Латышев), а не (неизвестное) Θίβροу (КБН: «в соответствии с камнем»); остатки *темы* – оптическая иллюзия; в стк. 27 *тема* в Θεοφίλου исправлена из *φι*; в стк. 32 – не]φο--., а]ος *vacat*; в чтениях сильно поврежденной надписи 1263, текстовая поверхность которой местами еще и заизвестковалась, очистка выявила массу неточностей, – и это после колляции А.И. Болтуновой (В.В. Латышев издавал по эстампажу).

⁹⁰ Еще раньше, в 1980 г., когда переиздание КБН считалось еще «нецелесообразным», А.И. Болтунова и Н.С. Белова готовили «дополнения, исправления и альбом к КБН», см. Древнейшие источники по истории народов СССР. Тематика и состав выпусков. Ч. II. М., 1980. С. 7. Прим. 6 (Ю.Г. Виноградов).

⁹¹ А.К. Гаврилов (с. 410, прим. 136) по недоразумению пишет о комментировании.

⁹² Весь труд предполагалось издать в Германии, так как в тогдашней России это не представлялось возможным.

⁹³ В действительности переговоры совместно с Функом вели авторы этого обзора.

⁹⁴ Фотография, помещенная в Альбоме, едва ли не единственная, что сделана после очистки, произведенной авторами данного обзора.

То, что теперь многие камни надо фотографировать заново, стало очевидным не только эпиграфистам, но и музейным работникам, знакомым с состоянием камней. Когда из писем издатель КБН-альбома, которые были посланы в музей с просьбой прислать инвентарные номера боспорских памятников, сотрудникам музеев стало известно о готовящейся публикации старых фотографий, это вызвало серьезное беспокойство у руководства, по крайней мере двух из трех основных хранилищ боспорских материалов. Директор Керченского государственного историко-культурного заповедника П.И. Иваненко и директор фонда «Деметра» В.Н. Зинько обратились с письмом к членам Ученого совета СПб ИИ РАН, в частности подчеркнув, что «публикация только старых и не сверенных с камнями фотографий может привести не только к искажению состояния реальных памятников, но и дискредитировать КГИКЗ, где сейчас интенсивно ведется работа по реставрации эпиграфических памятников». Об этом же предупредил директор СПб ИИ В.Н. Плешкова и заместитель директора ГИМ В.Л. Егоров: «При фотографировании надписей для КБН в 50-е гг. XX в. большинство из них не были расчищены от грязи и известкового налета, в результате чего фотографии не всегда адекватно передают оригиналы»⁹⁵.

При обсуждении проблемы с Ю.Г. Виноградовым в 1994 г. было выработано общее решение, утвержденное затем в Группе истории древнейших государств: необходимо готовить новое издание корпуса боспорских надписей (под названием IOSPE. II³)⁹⁶, разумеется, вместе с иллюстрациями. Предварять его публикацией дорогостоящего Альбома к существующему КБН на глазах утрачивало смысл, поскольку к середине 1990-х годов число опубликованных после 1965 г. и готовящихся к публикации боспорских надписей приблизилось к двум сотням. Эта работа, сопровождающаяся дальнейшим собиранием иллюстративного материала, позже велась с участием Ю.Г. Виноградова (до его кончины в 2000 г.), А.П. Кулаковой и А.И. Иванчика и ведется до сих пор⁹⁷. Об этом этапе истории КБН² – IOSPE. II³ в очерке А.К. Гаврилова (с. 413) сказано намеками, которые понятны, пожалуй, лишь посвященным, а согласно историографической таблице, С.Р. Тохтасьев и И.А. Левинская работали над «фотоколлекцией» лишь до 1995 г. (дата взята с потолка). «После того, как в начале 1998 г. руководство Античной группой в ПФИРИ⁹⁸ перешло к А.К. Гаврилову, а И.А. Левинская перестала принимать участие в деятельности... коллектива, естественно [sic!] было вернуться к старой, до сих пор не выполненной, задаче и привлечь для ее осуществления свежие научные силы» (с. 411). Автор очерка подменяет понятия. Под «коллективом» он понимает возглавляемую им «Античную группу» (в составе двух сотрудников, включая его самого), в которой после ухода И.А. Левинской реальных участников этой деятельности не осталось, а не коллектив издателей Альбома к КБН, теперь уже IOSPE. II³, в составе которого она продолжала трудиться, как и прежде. Об остальных его участниках А.К. Гаврилов решил почему-то вообще умолчать.

Punctum saliens всей истории, уже никак не обозначенный А.К. Гавриловым, заключается в том, что переданные нами в архив СПб ИИ в 1999 г. иллюстративные материалы, т.е. подготовленный к изданию в Германии Альбом к КБН, не были, как полагается, приняты на хранение, но, как нам лишь случайно стало известно в 2003 г., были сразу же забраны А.К. Гавриловым и с привлечением «свежих научных сил» в лице А.В. Карлина, Д.В. Кейера и Н.А. Павличенко и с пополнением коллекции (но также и, наоборот, с неоправданным сокращением иллюстраций,

⁹⁵ На с. XI КГИКЗ и ГИМ упомянуты как «музеи, оказавшие поддержку настоящему изданию».

⁹⁶ Такое название, подчеркивающее преемственность со сводом севернопричерноморских надписей В.В. Латышева, было предложено Ю.Г. Виноградовым. А.К. Гаврилов отмечает (с. 407), что «обиженная Болтунова» считала, что, отказавшись от первоначального названия, редколлегия КБН преуменьшила заслуги Латышева и что сходную мысль «в гораздо более умеренной форме» высказали Б. Надель и Ст. Ошвенцимский. Следует отметить, что необходимость сохранения латышевского названия очевидна и большинству других исследователей, работавших с боспорскими материалами: В.П. Яйленко, А.И. Иванчику, А.П. Кулаковой, И.В. Тункиной, авторам настоящей статьи; ср., например, Тункина. В.В. Латышев: жизнь и ученые труды. С. 195. О планах издания IOSPE. II³ неоднократно сообщалось как во время научных мероприятий, так и в печати, см. Тохтасьев С.Р. // *Nupereboris*. 2000. 6/1. S. 124; он же. Эпиграфические заметки. С. 155; он же. Надписи Таманского музея. С. 81.

⁹⁷ С 2003 г. она стала частью проекта Международного союза академий по переизданию свода севернопричерноморских надписей.

⁹⁸ Санкт-Петербургском филиале Института российской истории РАН, ныне – СПб Институт истории.

см. выше), изданы под редакцией А.К. Гаврилова в виде обсуждаемого здесь КБН-альбома⁹⁹. Sic vos non vobis.

Теперь осталось лишь объяснить причину маргинализации ИИМК (РАИМК, ГАИМК, ЛО-ИА) и исчезновения названия этого института с титульного листа КБН-альбома, которое на нем вплоть до обсуждения на ученом совете в СПб ИИ РАН в феврале 2004 г. стояло (именно в таком виде КБН-альбом был передан официальным рецензентам А.Л. Хосроеву и А.Н. Васильеву). В феврале 2004 г. стало очевидно, что у ряда сотрудников ИИМК и других археологов Санкт-Петербурга, знакомых с ходом работы над IOSPE. П³ и узнавших как о подготовленном в тайне Альбоме, так и о позиции КГИКЗ и ГИМ, появились серьезные сомнения в целесообразности и легитимности издания КБН-альбома, которые они собирались высказать на его обсуждении в ИИМК. Самым простым способом избежать обсуждения с непредсказуемым результатом было снять гриф ИИМК, а его отсутствие обосновать. В результате рассказ об истории формирования архива иллюстративных материалов оказался подчиненным прагматической и прикладной задаче: доказать правомочность публикации фотографий, выполненных в свое время за счет двух институтов и предназначенных быть приложением к совместной публикации, под грифом лишь одного из них.

Заканчивает А.К. Гаврилов на дидактической ноте, очевидно, намекая на планы издания IOSPE. П³: «Если представленная в настоящем очерке история занятий иллюстративной частью боспорских надписей чему-нибудь учит, то прежде всего тому, что достаточно сложную задачу лучше не усложнять какими-либо новыми обширными и трудоемкими планами (как бы актуально и желанно ни было исполнение последних), а напротив, всемерно ограничить». Позволим себе заметить, что представленная в очерке история, завершившаяся изданием научного полуфабриката, прежде всего учит совсем иному: какие бы цели не ставили перед собой исследователи – скромные или более обширные – работа должна прежде всего выполняться профессионально и с соблюдением элементарных норм научной этики.

И.А. Левинская, С.Р. Тохтасьев

© 2005 г.

* * *

В конце 2004 г. специалисты по античной истории Северного Причерноморья, и в особенности Боспора, получили подарок в виде Альбома иллюстраций к Корпусу боспорских надписей. Настоятельную необходимость такого издания отмечали все рецензенты КБН, оценивавшие его издание в целом как весьма положительное явление в отечественной науке об античности¹. Работа по подготовке к его изданию началась сразу после издания Корпуса, но, по целому ряду причин, долгое время откладывалась на неопределенный срок. Причины эти, как и вообще весь ход работы над созданием КБН и фотоальбома к нему, достаточно подробно описаны в приложенном к Альбому очерке А.К. Гаврилова «К истории КБН и его фотоархива». Этот очерк так же, как и вводная заметка «От редакции», показывают прежде всего тот огромный, поистине колоссальный объем работы, который пришлось проделать, как минимум, двум поколениям специалистов, ра-

⁹⁹ В очерке о сдаче подготовленного к 1994 г. комплекта иллюстративных материалов сказано, что он был возвращен в «Институт истории» (с. 411), а не конкретно в его архив. Это и понятно: иначе А.К. Гаврилову пришлось бы объяснять, каким образом находившиеся в архиве материалы покинули его стены. На передаче иллюстративного Альбома именно в архив в свое время настояла И.А. Левинская, мотивировав это тем, что в Группе коллекция была уже однажды депортирована и частично утрачена. По согласованию с сотрудником архива А.Н. Васильевым, коллекция передавалась вместе со сдаточной описью и служебной запиской, вложенными в коробки с иллюстрациями. Эти документы бесследно исчезли после того, как материалы ушли за пределы архива. Правда, в 2003 г. А.Н. Васильев обнаружил среди своих бумаг переданную ему в 1999 г. для ознакомления не датированную копию записки. По данным А.К. Гаврилова, который приводит ее текст на с. 410, С.Р. Тохтасьев и И.А. Левинская передали коллекцию иллюстраций в январе 1999 г. (с. 411).

¹ *Крюгер О.О.* [Рец.:] Корпус боспорских надписей. М.–Л., 1965 // ВДИ. 1966. № 2. С. 176; *Пигулевская Н.В.* [Рец.:] Корпус боспорских надписей. М.–Л., 1965. 951 с. // ВДИ. 1966. № 1. С. 180–182; *Nadel B., Oswiecimski.* Nowe wydanie napisow Bosporanskich // *Archeologia.* 1967. № 18. P. 243.

ботавших над подготовкой Альбома. Абсолютное большинство музеев и архивов как отечественных, так и зарубежных, в которых хранятся сегодня боспорские памятники, откликнулись на просьбу редакционной коллегии о сотрудничестве. И это стоит особо отметить, поскольку в настоящее время за границей стали не только Англия и Германия, но и Украина, и Грузия, и получение какой-либо информации оттуда стало более сложным делом. Тем не менее научное сотрудничество, которое никогда и ни по каким (тем более политическим) причинам не прерывалось между учеными, в значительной степени способствовало успеху работы редакционной коллегии Альбома. На этом фоне вызывает удивление лишь упоминание во «Введении», что материалы территориально наиболее близкого к месту работы редакции «Санкт-Петербургского филиала архива РАН, к сожалению, остались недоступны редакции по техническим причинам»². Представляется сомнительным, чтобы все то длительное время, пока продолжалась работа по подготовке Альбома к изданию, «технические причины» нельзя было устранить или по крайней мере обойти.

В дополнение к сказанному о работе редакции Альбома, хотелось бы только добавить, что идея его создания или переиздания КБН с иллюстрациями существовала всегда. Я помню, как в 1970-е годы приезжал к нам в Керченский, а потом и в Анапский, музей Ю.Г. Виноградов, с которым мы проверяли ряд надписей, делали новые фотографии и протирки с них. Разговор тогда шел именно о необходимости сбора материалов для создания Альбома к КБН. Особенно мне запомнилась работа над горгиппийским декретом КБН. Add. 4. И фотография соединенных нами частей надписи, и протирка с ее текста оказались очень качественными, что позволило Юрию Германовичу пересмотреть ее датировку и дать свою интерпретацию содержания³.

Оценивая рецензируемое издание нельзя не отметить двух основных его положительных качеств: высокое качество опубликованных фотографий и электронное приложение к Альбому. Первое в значительной степени связано с тем, что редакция, на мой взгляд, пошла по правильному пути и использовала при публикации не столько новейшие, сколько лучшие фотоснимки памятников независимо от того, сколько им лет. По опыту работы в Керченском государственном историко-археологическом музее я помню, сколько раз нам приходилось тогда очищать стелы от грязи и мха, вследствие совершенно непригодных для них условий хранения. Разумеется, и от таких условий, и от наших чисток страдали и надписи, и изображения, целый ряд из которых стали значительно хуже по качеству. И в этом случае использование фотографий и эстампажей памятников времени их находки (если, разумеется, таковые имелись), вне всякого сомнения, предпочтительней для публикации, чем современные снимки.

Другим показателем качества работы редакции Альбома является то, что ряд значительных по своим размерам надписей, которые с трудом читаются на общем снимке, приводятся в увеличенном размере. В качестве примера новых возможностей для исследователя, которые дает данный Альбом, можно привести надпись КБН 9. На фото совершенно очевидно, что она повреждена с обеих сторон, что предполагала еще Н.С. Белова⁴. А потому ее восстановление, предложенное в КБН и позднее В.П. Яйленко⁵, не вполне корректно. В свое время мне пришлось заниматься этой надписью, и личный осмотр ее убедил меня в правоте Н.С. Беловой, что позволило дать и несколько иное ее восстановление⁶.

Второе, еще более важное, на мой взгляд, достоинство издания состоит в приложении к нему электронной версии, позволяющей рассматривать надпись как целиком, так и в деталях в увеличенном виде. Это особенно важно при оценке характера шрифта надписей и их датировке. Электронная версия, хотя и не отменяет вовсе, но все же в значительной степени сокращает необходимость автопсии рядовых памятников и, тем самым, существенно облегчает работу по отбору необходимой информации и для специалистов-историков.

Помещение на электронный диск изображений надписей, фотографии которых не вошли в книгу, поскольку их оказалось невозможно воспроизвести из-за отсутствия качественных негативов или эстампажей, также следует приветствовать, поскольку в большинстве своем эти памятники утеряны, и надеяться на их находку трудно. Правда, иногда это происходит. В период моей работы в Анапском музее (1977–1978) при работе над созданием археологической экспозиции в од-

² КБН-альбом. С. IX.

³ Виноградов Ю.Г. Проблема политического статуса полисов в составе Боспорской державы IV в. до н.э. // Основные проблемы развития рабовладельческой формации. Типология рабовладельческих обществ. Тез. докладов. М., 1978. С. 25.

⁴ Белова Н.С. К надписи IOSPE II, 8 // СА. 1968. № 3. С. 50.

⁵ Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 286 сл.

⁶ Молев Е.А. Политическая история Боспора: VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997. С. 84, 112.

ном из запасников мне удалось обнаружить надпись КБН 1193, хранившуюся, судя по КБН, у некоего Бабченко, и к 1970-м годам считавшуюся утерянной. Кроме того, возможность осуществлять поиск в текстовом материале и вызывать тексты латинских лемм рядом с изображением требуемой надписи значительно облегчает поисковую работу.

Авторы Альбома учли и другие высказанные рецензентами КБН замечания. В приложениях к нему даны топонимический указатель к леммам КБН и географические карты, что позволит более точно координировать эпиграфические находки прежних лет с материалами современных археологических исследований и взаимодополнять их. Несомненным плюсом Альбома является также помещение в нем в соединенном виде тех фрагментов, принадлежность которых одному памятнику была показана уже после выхода в свет КБН⁷. Это, разумеется, существенно облегчит дальнейшую работу с надписями.

Вместе с тем в изданном Альбоме есть и недочеты. Так, на мой взгляд, в леммах все же следовало бы упомянуть и датировки памятников по шрифту. В большинстве своем они более или менее общеприняты, а установление хотя бы примерных датировок при работе с надписями неизбежно. Это вынудит помимо Альбома обращаться к КБН, что усложнит работу.

То же можно сказать и об отсутствии списка надписей КБН, не вошедших в Альбом. Их всего около сотни, и их список мог бы занять не более полстраницы текста. Выяснять же, есть ли интересующая нас надпись в Альбоме по леммам, сложнее. Кстати, составляя такой список для себя, я обратил внимание на то, что постоянное повторение издания (CIRB) в леммах отвлекает внимание. Вероятно, здесь стоило указывать только номера по КБН.

В заключение еще раз отмечу, что рецензируемый Альбом отвечает современным требованиям издания по античной эпиграфике. Остается пожелать коллегам дальнейших творческих успехов, и прежде всего в создании второго тома КБН с надписями, найденными после 1965 г. С удовольствием предоставляю в их распоряжение все материалы моих раскопок, включая и иллюстрации.

Е.А. Молев

© 2005 г.

Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue by A. Houghton, C. Lorber, with Metrological Tables by B. Kritt. Part I. Seleucus I through Antiochus III. Vol. I–II. The American Numismatic Society in Association with Classical Numismatic Group, Inc. New York–Lancaster/London, 2002

Важнейшим достижением прошедшего века в изучении монетного дела Селевкидов явились две монографии выдающегося американского нумизмата Э.Т. Ньюэлла, в которых исследовался период, охватывавший время от момента, когда основатель династии Селевк I получил в свое распоряжение Вавилонию, и до конца царствования Антиоха III. Одна из этих монографий посвящена западным монетным дворам (до Евфрата)¹, вторая – восточным².

Увеличение числа монетных находок, особенно в результате археологических раскопок и открытия кладов, привело к необходимости пересмотра ряда решений, предложенных Э.Т. Ньюэллом (датировка отдельных серий, атрибуция их тем или иным монетным дворам и т.д.). С целью приведения в соответствие с новым материалом предложенных Э.Т. Ньюэллом схем по инициативе и под руководством другого выдающегося нумизмата О. Моркхольма были переизданы эти две

⁷ *Калашиник Ю.П.* К надписям КБН, 77 и КБН, 1136 // ВДИ. 1970. № 4. С. 148–152; *он же.* Надпись фиаса из Горгиипии // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1972. № 35. С. 50–52. Специально следует поблагодарить Л.А. Лабунько, предоставившую возможность издать фото еще не опубликованных фрагментов надписей из Танаиса.

¹ *Newell E.T.* The Coinage of the Western Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. N.Y., 1941. Numismatic Studies. 4.

² *Idem.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. N.Y., 1938. Numismatic Studies. 1.

монографии, в которые были включены специальные разделы, где были сделаны соответствующие поправки³.

Однако увеличение нумизматического материала продолжалось после этого, а его организация и с точки зрения хронологии, и с точки зрения распределения по монетным дворам потребовала более кардинального пересмотра схем, выработанных Э.Т. Ньюэллом. В 1992 г. при поддержке American Numismatic Society и Classical Numismatic Group, Inc. А. Хаутон и К. Лорбер начали работу по подготовке нового каталога селевкидских монет. Однако объем материала был столь велик, что пришлось отказаться от первоначальной идеи – собрать в едином издании все основные типы селевкидских монет. В силу этого рецензируемая книга (в двух томах) представляет собой только первую часть планируемого каталога. Хронологические границы ее соответствуют тем, которые использовал Э. Ньюэлл, – от Селевка I до Антиоха III включительно. Планируется, что вторая часть охватит монетное дело последующих селевкидских царей.

Работа состоит из двух томов, она предваряется «Предисловием», написанным Ж. Ле Ридером. Первый том включает в себя следующие разделы: «Методология», «Монетные дворы ранних Селевкидов и их административная», «Путеводитель для пользователя: организация и использование Каталога». Основную часть тома составляет собственно «Каталог». Кроме того, в книге также имеются «Хронологическая таблица» и генеалогическое древо первых селевкидских правителей. Отметим, что «Хронологическая таблица» выполнена очень тщательно и точно, в ней указаны все важнейшие события политической истории государства и связанные с ними изменения в монетном деле государства (создание и прекращение деятельности отдельных монетных дворов, появление новых монетных типов, причины, которые, с точки зрения авторов, их вызвали и т.д.).

В собственно каталоге, в отличие от каталогов Э. Ньюэлла, материал сгруппирован не по отдельным монетным дворам, а по правителям: Селевк I, Антиох I, Антиох II, монетный чекан «Спасителя», Селевк II, Антиох Гиеракс, Селевк III, Молон, Ахей, Антиох III. В каждом из этих разделов имеются следующие параграфы: историческое введение, перечень монетных дворов, собственно монетные серии, выпускавшиеся на этих дворах. Описание монетных серий включает в себя также ссылки на литературу, клады, в составе которых находили монеты этих серий, обоснование отнесения их к конкретному монетному двору и датировки. Авторы утверждают, что помимо знакомства с литературой по теме они постарались посетить и лично ознакомиться со всеми крупнейшими коллекциями селевкидских монет.

Второй том включает в себя несколько «Дополнений», библиографию, конкорданс с монографиями Э. Ньюэлла, указатели, список иллюстраций и 101 таблицу. Эти материалы составлены так, чтобы максимально облегчить читателю работу с тем огромным материалом, который содержится в книге. Специально рассматриваются вопросы метрологии и номиналов бронзовых монет (автор Б. Критт), надчеканки, имеется список кладов с характеристикой каждого из них. Особо необходимо указать на таблицы с распределением типов по правителям и по монетным дворам. Очень точные и развернутые указатели также помогают работать с материалом.

Бесспорно, данный двухтомник представляет собой чрезвычайно полезную работу, нужную не только нумизматам, но и историкам и археологам. Он, видимо, действительно в значительной мере заменит публикации Э. Ньюэлла и несколько десятилетий будет служить исследователям.

Однако даже в самых лучших работах имеются недостатки. Не лишена, к сожалению, таких недостатков и рецензируемая книга. Начнем с того, что наиболее бросается в глаза. Этот недостаток можно, видимо, назвать гипертрофией чисто нумизматического подхода. Авторы склонны придавать различного рода нумизматическим наблюдениям и выводам большее значение, чем они заслуживают, и одновременно недооценивать выводы, вытекающие из других подходов и других источников. Приведем пример, который кажется очень показательным. В свое время Э.Т. Ньюэлл, анализируя монетное дело в восточной части Селевкидского государства, выделил следующие монетные дворы, действовавшие при Селевке I: Селевкские на Тигре, Вавилон, Сузы, Персеполь, Эббатаны, Бактры. Он также выделил несколько монетных дворов, локализовать которые ему не удалось. Из их числа в период царствования Селевка I действовали четыре: А, С, D, E.

Совершенно иную картину мы видим в рецензируемой работе. В той же самой восточной части государства (к востоку от Евфрата) они выделяют гораздо большее число монетных дворов, работавших при Селевке I: Карры; неизвестный монетный двор № 1 (локализуется в Каппадокии, Восточной Сирии или Северной Месопотамии); неизвестный монетный двор № 2 (локализуется

³ *Idem*. The Coinage of the Western Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. With a Summary of Recent Scholarship Additions and Corrections by O. Mørkholm. N.Y., 1977. Numismatic Studies. 4; *idem*. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. With a Summary of Recent Scholarship Additions and Corrections by O. Mørkholm. N.Y., 1978.

там же); неизвестный монетный двор № 3 (локализуется там же); неизвестный монетный двор № 4 (локализуется там же); неизвестный монетный двор № 5 (локализуется там же); неизвестный монетный двор № 6 (локализуется там же); неизвестный монетный двор № 6А (локализуется в Вавилонии); возможно, монетный двор в Вавилоне (функционировал в 315–311 гг. до н.э.); монетный двор в Вавилоне («имперская» мастерская); монетный двор в Вавилоне («местная» или «сатрапская» мастерская); неизвестный монетный двор № 7 в Вавилонии; неизвестный монетный двор № 8 в Вавилонии или Месопотамии; монетный двор в Селевкии на Тигре; неизвестный монетный двор № 9 (варварская имитация чекана Селевкии на Тигре); монетный двор в Сузах; монетный двор, расположенный, вероятно, в Персиде (тетрадрахмы с изображением трофея и арамейской надписью); еще одна мастерская, использующая изображение трофея; мастерская, выпускающая драхмы, являющиеся имитацией чеканившихся в Сузах типов с изображением трофея; монетный двор Экбатан; мастерская, чеканившая драхмы и малые номиналы серебра (с изображением трофея) в Дрангиане в период соправительства Селевка I и Антиоха I; неизвестный монетный двор № 10, расположенный в Дрангиане (вероятно, в период соправительства Селевка I и Антиоха I в 294–281 гг. до н.э.); неизвестный монетный двор № 11, расположенный в Дрангиане или в Восточной Арахосии (в период соправительства Селевка I и Антиоха I в 294–281 гг. до н.э., (у Б. Критта обозначен как монетный двор W⁴); неизвестный монетный двор № 12, расположенный, вероятно, в Арее, Дрангиане или Западной Арахосии (в период соправительства Селевка I и Антиоха I в 294–281 гг. до н.э.), неизвестный монетный двор № 13, расположенный в Западной Арахосии (в период соправительства Селевка I и Антиоха I в 294–281 гг. до н.э., (у Б. Критта обозначен как монетный двор Z); неизвестный монетный двор № 14, расположенный в Дрангиане или Западной Арахосии (в период соправительства Селевка I и Антиоха I в 294–281 гг. до н.э.); неизвестный монетный двор № 15, расположенный в Дрангиане или Западной Арахосии (в период соправительства Селевка I и Антиоха I в 294–281 гг. до н.э.); неизвестный монетный двор № 16, расположенный в Дрангиане или Западной Арахосии (в период соправительства Селевка I и Антиоха I в 294–281 гг. до н.э., по А. Хаутону и В. Муру – монетный двор X⁵); неизвестный монетный двор № 17, расположенный в Дрангиане или Западной Арахосии (в период соправительства Селевка I и Антиоха I в 294–281 гг. до н.э., по А. Хаутону и Муру – монетный двор Y); монетный двор в Нисе; неизвестный монетный двор № 18, расположенный в Арее, Маргиане или Бактрии (в период соправительства Селевка I и Антиоха I в 294–281 гг. до н.э.); неизвестный монетный двор № 19, расположенный, возможно, в Бактрах (по мнению Б. Критта – монетный двор А); неизвестный монетный двор № 20, расположенный, возможно, в Ай-Ханум; монетный двор Ай-Ханум; неизвестный бактрийский монетный двор, чеканивший серии монет с изображением Селевка и головы лошади.

Не подлежит сомнению, что столь значительное число монетных дворов, функционирующих в одно и то же время, никак не может отвечать исторической реальности того времени⁶. Монетные дворы обычно располагались в столицах сатрапий, к ним добавлялись (иногда) монетные дворы, работавшие при армии во время царских походов. Попытка решить проблему с сериями, локализация которых авторам кажется невозможной, путем умножения числа монетных дворов – далеко не самый лучший метод. Она дезориентирует тех исследователей, которые попытаются обратиться к нумизматическим материалам для решения исторических проблем. Ведь, например, совершенно невозможно представить одновременное существование в Дрангиане (или Западной Арахосии) девяти (!) монетных дворов. Дрангиана в это время представляла собой самую восточную, захолустную провинцию государства. Зачем и кому могло понадобиться создавать здесь столько действующих монетных дворов? Я уже не говорю о том, что это предположение авторов (о чем они сами прямо пишут, но не объясняют – с. 88–89) входит в полное противоречие с историческими данными. Как известно, этот регион в 305 г. до н.э. был уступлен Селевком I Чандрагупте. Этот факт твердо установлен⁷. Однако авторы считают, что Селевкиды и после 305 г. продолжали контролировать регион, хотя для этого утверждения, естественно, нужны более серьезные основания.

⁴ Имеется в виду работа: *Kritt B. Seleucid Coins of Bactria*. Lancaster, 1995.

⁵ Имеются в виду работы: *Houghton A., Moore W. Some Early North-Eastern Seleucid Mints // ANSMN. 1984. 29. P. 1-9; idem. Five Seleucid Coins Notes // ANSMN. 1988. 33. P. 55-69.*

⁶ О монетном деле Селевкидов в целом см. *Бикерман Э. Государство Селевкидов*. М., 1985. С. 197–220.

⁷ *Bernard P. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne*. P., 1985 (Fouilles d'Ai Khanoum. IV. Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. T. XXVIII). P. 85 suiv.

Другой пример подобной легкости в обращении с данными источников и выводов, проистекающих из них, представляет авторская обрисовка соотношений между монетными дворами Бактрии и Ай-Ханум. Если следовать логике А. Хаутона и К. Лорбер, то получается следующая картина: селевкидская чеканка в Бактрии началась на монетном дворе Ай-Ханум и только затем на монетном дворе Бактр⁸. Подобный вывод кажется парадоксальным. Бактры были древней столицей Бактрии, город сохранял свое значение и при Александре, а рассказ Полибия о походе Антиоха III против Евтидема, бесспорно, свидетельствует о том, что свое значение столицы государства этот город продолжал удерживать и при греко-бактрийских царях. В то же время Ай-Ханум представлял собой новый город, который, вероятнее всего, возник только в период после похода Селевка I на Восток. В таких условиях очень трудно допустить, чтобы первым был создан монетный двор в Ай Ханум, а не в Бактрах. Как мне представляется, бесспорное решение вопроса (о приоритете Бактр) было предложено достаточно давно П. Бернардом (на основании изучения монетных находок из раскопок Ай Ханум). Попытка Б. Критта пересмотреть этот вывод была справедливо отвергнута О. Болеараччи⁹, но, к сожалению, воспроизведена в рецензируемой работе.

Очень странным выглядит утверждение авторов относительно монетного чекана Селевка I и Антиоха III в Нисе, где, по их мнению, монеты были сделаны из свинца¹⁰. Однако в данном случае, видимо, нужно ждать обещанной авторами специальной публикации.

Приведенные примеры показывают, с моей точки зрения, основной недостаток книги. Авторы создают картину исторического развития, преувеличивая значение собственно нумизматических методов. Их не останавливает даже то обстоятельство, что она противоречит другим данным источников и твердо доказанным фактам. Естественно, довольно часто выводы авторов оказываются весьма сомнительными.

Кроме этого основного слабого пункта в данной работе присутствует довольно значительное число и более мелких, но очень показательных ошибок, наличие которых свидетельствует о недостаточном внимании авторов к деталям. Например, на с. 114 (т. II) дается указание на клад № 8–9 из Дура-Европос, но при этом отмечается, что он был зарыт в I в. до н.э., хотя тут же сообщается, что в кладе имелись монеты римских императоров от Домициана до Траяна. В этом же томе на с. 120 в перечне кладов указывается, что знаменитый «Амударьинский клад» (или «клад Окса») был найден в Тахти Куваде и при этом делается пометка – «древняя Согдиана». Не будем говорить о том, что возможно и другое место происхождения клада – Тахти Сангин. Гораздо важнее другое: ни Тахти Кувад, ни Тахти Сангин в состав Согдианы не входили, а оставались в составе Бактрии. Не совсем понятно, почему авторы считают, что Бактры располагались далеко от любой реки (т. I, с. 103), хотя широко известно, что Бактры находились рядом с рекой, которую древние называли «рекой Бактр» (совр. Балхаб¹¹).

Авторы во «Введении» сообщают, что в своей работе они старались использовать как можно больше коллекций, содержащих селевкидские монеты, и в конце книги имеется список таких коллекций. В этой связи вызывает удивление то обстоятельство, что они совершенно не учли коллекцию Государственного Исторического музея (Москва). Два обстоятельства особенно поразительны. Та часть коллекции, которая охватывает интересующее авторов время, издана, притом на английском языке¹². А. Хаутона и К. Лорбер, кроме того, знают автора публикации, поскольку во «Введении» приносят ему благодарность за помощь в работе над темой. Число подобных ошибок, невнимания и т.п. легко можно умножить.

Подводя окончательные итоги, кажется, можно утверждать, что данная книга, безусловно, очень полезна, в ней собран огромный материал, которым достаточно удобно можно пользоваться. Однако выводы авторов, особенно исторические, требуют осторожности.

Г.А. Кошеленко

⁸ Авторы следуют выводам Б. Критта (Seleucid Coins... P. 27–30)

⁹ *Bopearachchi O. Les monnaies séleucides d'Asie Centrale et l'atelier de Bactres // Travaux de numismatique grecque offert à George Le Rider / Ed. M. Amanry, S. Hartex, D. Berend, L., 1999. P. 77–93.*

¹⁰ Со ссылкой на ст.: *Smirnova N. On Finds of Hellenistic Coins in Turkmenistan // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1996. 3. P. 260–285.*

¹¹ *Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997. С. 284.*

¹² *Golenko V.K. Notes on the Coinage and Currency of the Early Seleucid State. I // Mesopotamia. 1993. XXVIII. P. 71–168; idem. Notes on the Coinage and Currency of the Early Seleucid State. II–IV // Mesopotamia. 1995. XXX. P. 51–216.*

© 2005 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ В СРЕДНЕЙ АЗИИ: АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, ИСКУССТВО (III–VIII ВВ.)» (13–18 ИЮЛЯ 2004 Г., ТЮБИНГЕН, ГЕРМАНИЯ)

13–18 июля в Тюбингенском университете при финансовой поддержке Фонда Герды Хенкель и Службы академического обмена Германии была проведена научная конференция «Поздняя античность в Средней Азии: археология, история, искусство (III–VIII вв.)». Инициатива проведения конференции принадлежала профессору Восточного семинара Тюбингенского университета Х. Гаубе (Heinz Gaube), стипендиату Фонда Александра фон Гумбольдта, Дж.Я. Ильясову (Институт искусствознания АН Республики Узбекистан, Ташкент) и главе Международного центра научного сотрудничества при Тюбингенском университете К. Мозер фон Фильзек (Karin Moser von Filseck). На конференцию были приглашены ученые из Германии, Узбекистана и России. Заседания проходили в Малом зале Новой аулы университета.

Конференцию открыл проф. Х. Гаубе, который отметил актуальность ее темы, представляющей «темный период» в истории Средней Азии. Он выразил надежду, что обмен мнениями участников будет плодотворным и послужит разрешению ряда проблем. В своем кратком выступлении представитель Фонда Герды Хенкель М. Ханслер (Dr. Michael Hanssler) отметил, что работа Фонда направлена на поддержку научных исследований в гуманитарной сфере и проведение конференций с участием немецких и зарубежных ученых. Он выразил уверенность в том, что данная конференция послужит делу углубления научного сотрудничества ученых трех стран.

Один из ведущих российских специалистов в военной истории античного Востока В.П. Никоноров (Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург) в докладе «Парфянский вклад в военное дело раннесасанидской империи (III–IV вв. н.э.)» рассмотрел проблему восприятия в сасанидский период аршакидского наследия в аспекте военного искусства. Автор дал краткую и емкую характеристику основных аспектов военного дела Аршакидов. В силу особенностей этноисторического формирования армия парфянских Аршакидов состояла из конных отрядов двух видов – основной массы легковооруженных лучников и небольшого контингента закованных в доспехи пикейщиков-катафрактов. Подобный состав в целом отражал и социальную структуру Парфянского государства, а также этнические различия между парнами, представляемыми династией Аршакидов, и покоренным атохтонным населением. Докладчик проследил влияние парфянской военной традиции на формирование военного искусства Сасанидов. Это сказалось как в организации родов войск, так и на тактике военных действий.

Зорен Штарк (Sören Stark, Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg) в докладе «Тан Хуэйяо как источник по античной и раннесредневековой топографии округа Иштыхана» постарался по-новому интерпретировать ранее опубликованный Г.А. Пугаченковой материал по раскопкам монументального сооружения на городище Курган-тепе у селения Орлат в самаркандском Согде. Учитывая данные источника, написание которого было завершено в 961 г., он выразил сомнения относительно интерпретации здания как храма огня (по мнению Г.А. Пугаченковой) и предложил видеть в этом сооружении описанный в «Тан Хуэйяо» храм, где находилась золотая скульптура божества Дэси.

Доклад Флориана Шварца (Florian Schwarz, Ruhr Universität, Bochum) «Арабское завоевание Средней Азии. Переходный период?» был посвящен процессу преемственности власти и исламизации местных правящих династий в Тохаристане с VII по X в. По мнению выступающего, принятые в современной науке представления об арабском завоевании как о периоде, во время которого произошел кардинальный перелом системы управления в данном регионе, оставляют в тени проблему континуитета местной власти. Полученные в настоящее время данные (бактрийские документы из архива правителя Роба, опубликованные проф. Н. Симс-Вильямсом) позволяют говорить о том, что в процессе исламизации ряд местных династий сохранял свою власть в отдельных областях Тохаристана.

В докладе «Некоторые вопросы культурной и этнической истории Хорезма между античностью и средневековьем» *С.Б. Болелов* (Государственный музей Востока, Москва) обратился к материалам многолетних исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнологии и антропологии РАН и археологической экспедиции Института истории, языка и литературы филиала АН Республики Узбекистан. В основу доклада были положены материалы по погребальной обрядности Левобережного Хорезма. Анализ материалов могильников кушано-афригидского периода (IV–V вв. н.э. – погребения на городищах Куны-Уаз и Канга-гыр Кала; могильники Шахсанем, Яссы-гыр 4, Чаш-тепе) дает основания выделить четыре принципиально различных типа погребальных обрядов: трупосожжение на стороне с последующим захоронением кальцинированных костей; труположение в катакомбах, в яме и в подбее; захоронение очищенных костей как в сосудах, так и в ямах; погребальные ритуальные площадки. Имеющиеся аналогии и близкие параллели выделенным погребальным обрядам, а также данные антропологии указывают на восточное направление этнических связей Хорезма как на основное (от Сырдарьи до Минусинской котловины).

Р.Х. Сулейманов (Национальный университет Узбекистана, Ташкент) в докладе «Древний Нахшаб в эпоху Великого переселения народов» говорил о историко-климатической ситуации в Средней Азии в первой половине I тыс. н.э. В ее контексте он рассматривает исторические процессы в изучаемом им регионе Нахшаб – древнем Каршинском оазисе. По мнению автора, III век нашей эры стал своеобразным рубежом для целого ряда процессов, оказавших влияние на формирование культуры Согда, в том числе и Южного. Речь идет о миграции в Нахшаб носителей джетысарской культуры, что отразилось в керамических материалах Южного Согда III–IV вв. Кроме того, в это время отмечается сильное парфянское влияние на культуру Нахшаба, позволившее М.Е. Массону выдвинуть гипотезу о воцарении в Нахшабе боковой ветви Аршакидов. Новые материалы, в том числе полученные автором доклада, служат подтверждением этой гипотезы. Анализ иконографии разнообразного изобразительного материала позволяет автору реконструировать сложную религиозную картину в Нахшабе эпохи Великого переселения народов.

Дж.Я. Ильясов выступил с докладом «Хиониты, эфталиты и правящий дом Кан», где предпринял попытку, суммируя данные по знакам-тамгам, проследить династийные связи между правителями различных историко-культурных регионов Средней Азии в IV–VII вв. В частности, автор дает объяснение появлению так называемого У-образного знака на монетах правителей самаркандского Согда. По его наблюдениям наиболее раннее появление этого знака отмечается в Тохаристане в конце IV в. В дальнейшем распространение У-образного знака на территорию Согда, вероятно, связывается с образованием эфталитского государства. Именно тогда завоевание Согда происходило с юга. Аналогичное (южное) направление связей демонстрируют знаки на монетах правителей Пенджикента. Так, тамги на монетах Гамаукиана сравниваются им с якоревидной тамгой на монетах термезского чекана и тамгой-надчеканом на эфталитских подражаниях Перозу (эмиссии 289 по Р. Геблго).

В докладе «Битва Александра в искусстве Средней Азии?» *М. Моде* (Markus Mode, Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg) предложил оригинальную концепцию происхождения иконографии отдельных сцен на одной из известных орлатских пластин. Проанализировав изображения всадника рядом с упавшей лошастью и некоторые другие детали, докладчик высказал предположение, что данные иконографические решения восходят к длинному ряду не дошедших до нас копий и подобий несохранившейся картины, изображавшей битву Александра с Дарием. Общепринято, что известной копией этой картины является знаменитая помпейская мозаика. М. Моде показал ряд иконографических соответствий, возможно, подтверждающих его предположение. Кроме того, им были продемонстрированы некоторые произведения эллинистического искусства, которые также могут рассматриваться как воспроизведение иконографических схем, ставших образцами для художников в эпоху эллинизма, а также в более поздний период.

Ш.Р. Пидаев (Институт археологии, Самарканд) сделал доклад «Исследование вихары на северном холме Каратепа. Каратепа – важнейший центр буддизма в Южном Узбекистане». В нем он продемонстрировал новые материалы, полученные на одном из наиболее известных памятников буддизма в Бактрии-Тохаристане. В результате раскопок совместной Узбекско-японской экспедиции на северном холме Каратепа был открыт большой наземный буддийский монастырь, который имеет планировку, традиционную для буддийских монастырей кушанского времени: центральный двор с айваном по периметру, обводной коридор со сводчатым перекрытием вокруг двора. Вдоль северного и восточного коридоров располагались кельи монахов. Вероятно, главное святилище находилось с южной стороны двора. С северной стороны к монастырю примыкает ступа. Первоначально она имела круглую планировку. По мнению автора, эта ступа построена не позднее II в. н.э. и является одним из наиболее ранних сооружений на северном холме. Ш.Р. Пидаев считает, что в начале III в. первоначальная ступа была перестроена. Из сырцового кирпича построена прямоугольная платформа, которая включила в себя раннюю ступу. Судя по найденным фрагментам каменного декора, первоначально монументальная ступа была богато украшена. Ре-

пертуар декора включает изображения Будды, бодхисаттв, дэватов, донаторов и др. Во второй половине III в. вихара подвергалась сильному разрушению, однако затем была восстановлена и функционировала до конца IV в. В V–VI вв. заброшенные помещения монастыря используются под некрополь.

Т.К. Мкртычев (Государственный музей Востока, Москва) в докладе «Буддизм в Бактрии-Тохаристане» дал обзор истории буддизма на территории Бактрии-Тохаристана. Учитывая имеющиеся на сегодняшний день материалы, автор предложил реконструкцию процесса проникновения буддизма в Бактрию. Если о начале этого процесса ведутся дискуссии, основанные на косвенных данных, то фактическое распространение буддизма в Бактрию следует датировать временем второго кушанского императора Вимы Такто (вторая половина I в. н.э.), при котором начинается строительство буддийских культовых сооружений. Анализируя материалы буддийской эпиграфики и археологические данные относительно религиозной ситуации в регионе в кушанское время, докладчик подчеркнул, что буддизм был религией местной знати и не имел широкого распространения среди простого населения Бактрии. Запустение ряда буддийских памятников в III–IV вв. надо связывать с изменением после походов Сасанидов правящей верхушки региона, часть которой перестала поддерживать буддизм. Материалы эфталитского времени (V–VI вв.) свидетельствуют о существовании буддийских памятников на территории Тохаристана. Вместе с тем, очевидно, что буддизм здесь не имел такого влияния, как в предшествующее время. Некоторый подъем буддизма наступил только после прихода к власти в ряде областей региона тюркских династий (VII–VIII вв.). Вероятно, в это время буддизм расширил свою социальную базу и после знати и горожан получил распространение и среди сельского населения. Возможно, с этим связано появление в Тохаристане памятников так называемого «негородского буддизма». Докладчик говорил о том, как изменялись связи буддийской общины Бактрии-Тохаристана с окружающим буддийским миром с I по VIII в. Приход ислама в конце VII в. стал началом исчезновения буддизма из региона, которое завершилось в IX–X вв.

Л.С. Баратова (Институт археологии АН Республики Узбекистан, Самарканд) в докладе «О начальной фазе собственного монетного чекана в Южном Согде (III–VIII вв. н.э.)» рассмотрела медный чекан Южного Согда, который хронологически разделяется на три группы: раннюю (III–IV вв.); среднюю (IV–VI вв.) и позднюю (VII – первая половина VIII в.). Докладчик указала на появление фактического материала, подтверждающего гипотезу М. Альрама и А. Наймарка о генетической связи серебряных согдийских монет с изображением лучника и ранней эмиссии самостоятельного нахшебского чекана. Позднее на этой основе сформировался тип нахшебских монет IV–VI вв. со сценой единоборства. По мнению Л.С. Баратовой, персонаж в сцене единоборства соответствует образу женского божества, которому был посвящен один из храмов Ер-кургана. Новые данные позволяют уточнить предложенную Б.Д. Кочевым локализацию монет с изображением коня, которые являются последней предисламской эмиссией в Каршинском оазисе.

В докладе «К характеристике стиля раннесредневекового искусства Согда» *А.А. Хакимов* (Институт искусствознания АН Республики Узбекистан, Ташкент) попытался дать суммарную оценку такому художественному феномену в истории искусства Средней Азии, как согдийское искусство. Исторические и экономические предпосылки – расцвет трансконтинентальной торговли по Великому шелковому пути в VI–VII вв. и концентрация значительной части этой торговли в руках согдийцев дали мощный импульс для развития своеобразного согдийского искусства. В настоящее время становится все более понятно, что истоки согдийского искусства лежат в искусстве Бактрии-Тохаристана. Вместе с тем специфика Согда, где происходило пересечение мастеров и произведений разных культур Востока и Запада, породила совершенно новый стиль, основной характеристикой которого является сочетание внутри одного вида искусства, одного произведения иконографических решений разных художественных традиций. Докладчик подробно остановился на репертуаре согдийского искусства.

С.Р. Ильясова (Институт археологии АН Республики Узбекистан, Самарканд) в докладе «Раннесредневековые памятники на территории Ташкента», обобщила данные о раннесредневековых памятниках на территории современного Ташкента и познакомила участников конференции с материалами, полученными ею в результате исследований на Ак-тепе Юнусабадском. В так называемой дворовой части замка автором был раскопан комплекс парадных помещений, характерных для раннесредневековой дворцовой архитектуры Средней Азии. Это позволяет сделать предположение о высоком социальном статусе владельца замка. Комплекс находок дает основание для датировки открытых сооружений VII – началом VIII в.

Доклады сопровождались оживленной дискуссией. По окончании конференции участники выразили единодушное мнение о необходимости дальнейших встреч и обсуждения стоящих перед исследователями проблем по истории и культуре Средней Азии поздней античности – раннего средневековья.

ВОПРОСЫ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НА ТРЕХ КОНФЕРЕНЦИЯХ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

В октябре 2004 г. и в феврале 2005 г. в трех ведущих вузах Нижнего Новгорода – Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (ННГУ), Нижегородском государственном лингвистическом университете (НГЛУ) и Нижегородском государственном педагогическом университете (НГПУ) – прошли три научные конференции, в программе которых по сложившейся традиции значительное место было уделено вопросам античной истории, археологии и культуры.

29–30 октября 2004 г. на историческом факультете ННГУ состоялись IX чтения памяти профессора Н.П. Соколова (1890–1979), посвященные проблемам всеобщей истории. Антиковедческая тематика рассматривалась на заседаниях трех секций: «История и культура древней Греции», «История древнего Рима» и «Северное Причерноморье в античную эпоху».

В.В. Антонов (Нижний Новгород) в докладе «Афиняне и Херсонес Фракийский в период от окончания Пелопоннесской войны до заключения Царского мира» отметил, что афиняне, вынужденные оставить Херсонес в последний год Пелопоннесской войны, очевидно, вывели сюда новую клерухию на рубеже 390–380-х годов до н.э., но по условиям Царского мира Херсонес не был признан афинским владением, и вплоть до 353/352 г. нет сведений о каких-либо новых афинских поселенцах в Херсонесе, хотя нет и свидетельств, что прежние афинские клерухи были оттуда высланы. Один из полисов Херсонеса Фракийского (Элея) впоследствии стал членом Второго Афинского морского союза, а другие, возможно, заключили с Афинами отдельные союзные договоры, но для безопасности афинской торговли зерном важнее было признание за афинянами права на владение Лемносом, Имбросом и Скиросом и сохранение на этих островах афинских поселенцев. *А.Н. Горожанова* (Нижний Новгород) в докладе «Античная письменная традиция как источник по ранней истории Ликии» указала, что в этой традиции, включающей разноплановые сочинения от поэм Гомера до трудов писателей эллинистического и римского времени, безусловно, преобладают сведения легендарно-мифологического характера, но сообщаемая ими информация представляет большой интерес и незаменима в силу современного состояния эпиграфических и археологических данных. В докладе *А.В. Гороховой* (Москва) «Афинские политики в VI в. до н.э. в борьбе за религиозные центры Эллады» было отмечено, что поскольку наиболее важным культом аттической Паралии был культ Аполлона, Алкмеониды ориентировались на Дельфы, а Писистрат, чье правление было озаменовано рядом антидельфийских новаций, вел активную политику в отношении оракула Аполлона на Делосе, желая сделать его религиозным центром не только Ионии, но и всей Аттики. Линию Писистрата в отношении делосского храма продолжили политики конца VI – начала V в. до н.э., утверждая афинскую гегемонию в Эгейском море. *А.А. Рыбакова* (Нижний Новгород), представившая доклад «Богиня Гера в мифологии богмладенца», обратила внимание на ряд аспектов культа Геры, характерных для великого женского божества доолимпийского периода, которое, покровительствуя плодородию, нередко изображалось имеющим при себе божественное дитя. По мнению автора доклада, часть мифов, повествующих о смерти детей, к которой была причастна Гера, можно расценивать как отражение обряда детских жертвоприношений, существовавшего на минойском Крите и исчезнувшего ко времени складывания олимпийской мифологии. *Н.Ю. Сивкина* (Нижний Новгород) в докладе «К вопросу о наследовании должности гегемона в Эллинской лиге в 224 г. до н.э.» на основе анализа ряда эпиграфических документов и исторической ситуации пришла к заключению, что наследование гегемонии в этом союзе, как и в Коринфских лигах 338 и 302 годов, не было оформлено никаким договором, хотя Филипп V получил должность гегемона фактически по наследству от Антигона Досона. В докладе *А.В. Хазиной* (Нижний Новгород) «Религия в сакрализованной философии Посидония Апамейского» были поставлены вопросы о специфике понимания Апамейцем демонологии, мантики, астрологии и о сакрализованном характере его философии. По заключению автора доклада, мантика, астрология и демонология, популярные в эллинистическом мире, не принимаются Посидонием на уровне веры, но, включенные в философскую систему, получают теоретическое обоснование, становятся объектом философской рефлексии и классификации с помощью идей стоицизма; для философа сущность религии заключается уже не в культовых действиях, а в созерцании божественного и в понимании родства человека с ним. Такая сакрализованная философия отвечала религиозным настроениям новой эпохи. *В.М. Строгоцкий* (Нижний Новгород) в докладе «Общегреческие религиозные празднества и их значение как цент-

ров распространения информации» показал, что в классическое время среди зрителей, собиравшихся в Олимпии и других общегреческих религиозных центрах, были не только представители знати, но и простые крестьяне, ремесленники, торговцы, чужеземцы, которые воспринимали там разнообразную информацию и, вернувшись к себе на родину, пользовались огромной популярностью, поскольку от них ожидали подробнейших рассказов.

Работу секции «История древнего Рима» открыл доклад *В.В. Дементьевой* (Ярославль) «Категория “государство” и Римская республика: к вопросу о понятийной асинхронности», в котором была высказана критика распространенного в современной (особенно испанской и итальянской) романистике мнения о том, что понятие «государство» нельзя применять к римской *res publica* как анахронистическое. Но если же исходить из латинского термина *status* (ср. в особенности словосочетание *status civitatis*, которое встречается у Цицерона и может считаться протоформой понятия «государство»), к которому восходят слова, обозначающие государство в новых европейских языках, то «государство» в самом широком (и терминологически исходном) значении понятия есть политическое оформление общественных связей и их регулирование посредством публичной власти на основе норм писаного и обычного права, и при таком содержательном наполнении это понятие вполне применимо к Римской республике. К одному из конкретных аспектов данной проблематики обратилась и *А.М. Брагова* (Нижний Новгород) в докладе «Цицероновское понимание термина *res publica* в историографии», рассмотрев высказанные современными исследователями толкования данного Цицероном определения республики как *res populi* в его соотношении с такими категориями, как *civitas*, «государство» и «республика» в их современном понимании. *С.С. Демина* (Владимир) в сообщении «Гражданские войны и суицид в Риме в I в. до н.э.» остановилась на вопросе о роли самоубийства в политическом поведении римских граждан в контексте происходивших в конце Республики изменений ценностно-ориентационной системы и подчеркнула, что в условиях маргинальной ситуации суицид как соответствующий этой ситуации поведенческий акт, совершаемый представителями политической элиты, стал рассматриваться как нормальный поступок, а его наиболее яркие примеры имели непосредственный воспитательный эффект; римскому обществу потребовалось не одно десятилетие, чтобы маргинальная ситуация с присущими ей поведенческими атрибутами перестала восприниматься как норма, а суицид как важный способ отстаивания жизненных принципов и политических убеждений. *С.А. Доманина* (Нижний Новгород) выступила с докладом «Эволюция кельтского торквеса: от воинского украшения к сакральному символу» и пришла к выводу, что торквес, первоначально являвшийся обычным украшением и ставший со временем отличительным знаком выдающихся воинов или предводителей, со II в. до н.э. перестает быть знаком общественного положения и переходит в область религиозно-мифологических представлений, превращаясь в символ распространяющегося культа обожествляемых прародителей племен и воинов-героев, который складывается в период затухания кельтской экспансии и соответствующего изменения ментальности. Венцом смысловой эволюции торквеса можно считать его появление в качестве сакрального атрибута на памятниках романо-кельтского искусства и у самих римских богов. В докладе *К.В. Маркова* (Нижний Новгород) «*Consilium principis* в концепции идеальной монархии Диона Кассия» была предложена интерпретация того пункта политической программы римского историка из знаменитой речи Мецената (ЛП. 14–40), который касается роли императорского совета и по-разному интерпретируется исследователями. По мнению докладчика, тот факт, что в соответствующих пассажах этой речи историк обходит стороной тему дружбы как основы для вхождения в круг ближайших советников правителя, но говорит лишь о принадлежности помощников идеального правителя к политической элите и о деловой основе их взаимоотношений, объясняется эволюцией императорского совета на протяжении эпохи Антонинов от неофициального органа, основанного главным образом на амкальных связях, к бюрократическому институту. Для Диона важно было акцентировать принадлежность советников принцепса к сенаторской элите, противопоставляя такой совет реально существовавшему в начале III в. *consilium principis*, в составе которого увеличилось число всадников, а главную роль играли сирийские родственники Северов и юристы восточного происхождения. *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) в докладе «“Римская доблесть” и *virtutes* полководца» обратил внимание на содержание и значение категории «доблести» как качества, характеризующего образ идеального римского военачальника, отметив, что этот идеал, фокусирующийся в понятии *virtus*, получил весьма дифференцированную разработку и был неразрывно связан с характеристиками, используемыми в морально-политической сфере. *А.Е. Негин* (Нижний Новгород) в сообщении «К вопросу о защитном вооружении римских катафрактариев и клибанариев» предпринял попытку реконструкции панοπлии позднеримской тяжелой кавалерии и указал на трудности идентификации немногочисленных археологических находок, без привлечения которых такая реконструкция, однако, остается проблематичной. В докладе *А.Л. Терентьева* (Ни-

жний Новгород) «К вопросу о социальном статусе и правовых привилегиях римских военнослужащих во II в. н.э.» положение солдат императорской армии было рассмотрено в связи с эволюцией военной политики и организационных структур армии в правление династии Антонинов.

На секции «Северное Причерноморье в античную эпоху» были представлены шесть докладов. *Е.А. Молев* (Нижегород) выступил с докладом «Поль Дюбрюкс как исследователь Китея», в котором рассказал об истории изучения этого боспорского города в 1820–1821 гг. и сосредоточил внимание на сопоставлении плана городища Китея, выполненного П.А. Дюбрюксом и опубликованного затем И.П. Бларамбергом, с копией, снятой П.И. Кёппеном с плана Бларамберга, и с данными новейших топосъемок городища. Роль П. Дюбрюкса в изучении боспорских древностей получила освещение также в докладе «Поль Дюбрюкс и фортификация Нимфея», представленном *О.Ю. Соколовой* (Санкт-Петербург). В связи с подготовкой переиздания труда этого исследователя докладчик отметила его вклад в изучение фортификационных сооружений Нимфея, остановившись на современном состоянии их изучения в свете раскопок последних лет. *Е.А. Захарова* (Нижегород) в докладе «К вопросу о культе Геракла Спасителя в Северном Причерноморье» обосновала вывод о связи сотерической стороны образа Геракла с его ипостасью, относящейся к плодородию и подземному миру. Представление о Геракле Спасителе, распространившееся с конца IV в. до н.э., не вытеснило почитания героя как мужского коррелята богинь плодородия с отчетливо выраженными хтоническими чертами, и обе его ипостаси сосуществовали на протяжении нескольких веков, обеспечивая популярность этого греческого бога в северопонтийских городах. *Н.В. Кузина* (Нижегород) в сообщении «Общественно-политический аспект культа Диониса в античных государствах Северного Причерноморья» обратила внимание на факты, свидетельствующие о государственном характере этого культа, подчеркнув его обусловленность хозяйственными занятиями жителей. *Н.В. Молева* (Нижегород) в докладе «Боспорские Музы» на основе данных эпиграфики, ономастики и иконографии женских образов, представленных на памятниках Боспора, рассмотрела вопрос о роли в жизни боспорских женщин комплекса представлений и традиций, относящихся к Музам. В докладе *И.Н. Митрохиной* (Тула) «К вопросу о “гуннском протекторате” на Боспоре» было подчеркнуто, что власть гуннов над Боспором в IV – первой половине V в. н.э. носила лишь номинальный характер и Боспорское царство, платившее дань гуннам, сохранило свою прежнюю государственность. Такое положение дел, когда кочевники, установив свою военно-политическую гегемонию, паразитировали над попавшими в сферу их влияния очагами цивилизации, не меняя их внутреннего политического устройства, было типичным для отношения кочевых племен с оседлым населением.

* * *

На состоявшейся 23–24 февраля 2005 г. в НГЛУ Всероссийской научной конференции «Социальное творчество и культурные коммуникации в прошлом и настоящем. Творчество Н.А. Добролюбова и его современников» работа специалистов по античной истории проходила в рамках секции «Реконструкция поисковых форм и социокультурное творчество в античном мире». На пленарном заседании античной тематике был посвящен доклад *Е.А. Молева* (Нижегород) «О характере эллино-скифских конфликтов в конце VI–V в. до н.э.». Проанализировав гипотезу об агрессивности скифов по отношению к эллинским городам на основании свидетельств античных письменных источников и археологии, докладчик пришел к выводу, что имеющиеся у нас факты не позволяют утверждать, что именно скифский натиск стал причиной объединения городов Боспора в единое территориальное государство в 480 г. до н.э.

Заседание античной секции началось с выступления *В.М. Строгоцкого* (Нижегород) «Коммуникативные отношения и политическое лидерство в классическом полисе», в котором были проанализированы свидетельства Ксенофонта и Аристотеля о сущности лидерства в полисе, рассмотрены темы, обсуждаемые политическими ораторами в народном собрании, приведены данные Платона и Демосфена о позиции политического оратора и его отношении к своим источникам информации. Исследование речей Демосфена свидетельствует о том, что политический оратор должен был располагать широким спектром информации, однако пользоваться ею ему приходилось весьма разумно и осторожно. *Н.Ю. Старкова* (Ижевск) в докладе «История классической Греции на страницах ЖМНП (рубеж XIX–XX вв.)» проанализировала материалы и публикации по истории классической Греции, печатавшиеся в «Журнале Министерства народного просвещения». *Е.А. Захарова* (Нижегород) в сообщении «Героические культы в древней Греции: от мифов к религиозной практике» констатировала, что представления о героях, действовавших якобы незадолго до исторических времен, являлись неизменной частью жизни древних эллинов. Популярность мифов о героях подкреплялась религиозным культом, который, имея сво-

им источником культ предков и аристократический погребальный культ микенского времени, в процессе развития прошел несколько этапов, видоизменяясь от поклонения мифическим героям до героизации реально живших людей. Выступление *А.В. Хазиной* (Нижегород) «Поли-матия» Посидония Апамейского и эллинистический идеал «пайдеий» касалось проблемы формирования представлений об общей культуре и цикле «семи свободных искусств» в эллинистической философской мысли. Анализ многочисленных отрывков из трудов Посидония показывает, что его приверженность «полиматии» едва ли можно сводить к возрождению полиматии Демокрита либо старого перипатетического идеала энциклопедического многознания, как это делает *И. Адо*. Стоический принцип мировой непрерывности, основанный на представлении о пневматологии и симпатии, позволил Посидонию связать все науки в единую универсальную систему, в которой обнаруживается и синтез дисциплин, впоследствии составивших «семь свободных искусств». *Ю.Н. Кузьмин* (Самара) выступил с докладом «Из истории археологических исследований в Вергине», отметив, что к настоящему времени все больше исследователей поддерживают более позднюю датировку Гробницы II под Большим курганом, чем та, которая была предложена *М. Андроникосом*, по мнению которого данное погребение принадлежало Филиппу II. Датировка ряда предметов, найденных в Гробнице II, указывает на то, что она относится ко времени после 325 г. до н.э. Соответственно велика вероятность того, что в главном помещении Гробницы II, если эта усыпальница действительно царская, был похоронен не Филипп II, а Филипп III Арридей (323–317 гг. до н.э.). В сообщении *А.В. Унжакова* (Нижегород) «Роль строительства храма Геры в Арголиде» говорилось, что Аргос, построив храм Геры, удовлетворил не только возросшие религиозные потребности, но также продемонстрировал свои претензии на ведущую роль в Арголиде, сделав попытку придать этим амбициям в какой-то мере «узаконенный» характер как поселению, которому принадлежит главная святыня. *Т.Е. Гвоздева* (Москва) в докладе «Панафинейский праздник в произведениях греческих драматургов» отметила, что тема Панафинейского праздника получила отражение в произведениях греческих драматургов классического периода. Их анализ показывает, что наиболее часто встречаются упоминания пеплоса, подносимого Афинам, различных элементов торжественной панафинейской процессии, реже затрагивается тема жертвоприношения и пира, ночного шествия (*паннохис*). Состязания на Панафинейских играх упоминаются только у Аристофана, сделавшего их объектом пародии. *П.В. Ковалев* (Москва), выступивший с докладом «К проблеме выхода позднеархаических культовых объединений за рамки полиса: фиаз Сапфо в Митиле и пифагорейский союз в Кротоне», пришел к выводу, что в отличие от центров амфикионий и мест проведения панэллинских агонов в культовой практике обоих рассматриваемых объединений участие тех, кто не был уроженцем Лесбоса и Кротона, носило длительный, а не разовый характер. В докладе *Л.В. Софроновой* (Нижегород) «Неоплатонизм и религиозно-философская доктрина “христианского гуманизма”» были проанализированы неоплатонические мотивы в христианской философии Дионисия Ареопагита и выявлены черты сходства и различия его учения о Богопознании и неоплатонической концепции Единого у Плотина и Прокла. С точки зрения церковной ортодоксии решение проблемы Богопознания у Дионисия выглядит нетрадиционным, так как сочетает катафатическое и апофатическое богословие. Этот сплав неоплатонических и богословских идей сделал возможным использование «*Corpus Aеоραγίτισμ*» в качестве одного из источников гуманистической философии. Доклад *Н.В. Молевой* (Нижегород) «Демографическая ситуация на Боспоре во второй половине I в. до н.э. – первой половине I н.э.» был сделан на основе исследования надгробных памятников этого региона. Как показывает материал источников, династический и политический кризис, имевший место в изучаемый период, вероятно, был осложнен жестокой эпидемией, унесшей жизни многочисленного гражданского населения. В сообщении *П.С. Боровкова* (Екатеринбург) «Публично-правовой механизм взаимодействия римского жречества с республиканскими органами власти в V–I вв. до н.э.» на примере коллегии понтификов рассматривалась проблема оформления правового механизма, вовлекшего жречество в публично-правовые процессы. Было высказано мнение, что данная правовая процедура заполнила лауну в римском законодательстве и оформилась в определенную конституционную традицию. *К.В. Марков* (Нижегород) в докладе «Финансовая политика римских императоров в оценке Диона Кассия» предпринял попытку реконструировать представления Диона Кассия о путях решения финансовых проблем эпохи Северов на основе сравнительного анализа тех оценок, которые историк от первого лица дает фискальной политике римских императоров в различных книгах своей «Римской истории», и рассуждений, представленных в так называемой «речи Мецената». *А.В. Махлаук* (Нижегород) в докладе «Реалии профессиональной армии и творчество римских юристов» остановился на характеристике такого института, как воинское завещание, в котором с наибольшей наглядностью проявились характерные тенденции развития *ius militare* – военного права как особого подразделения

частного права, возникшего в результате правотворчества римских императоров и комментаторской работы юристов. Как отметил докладчик, правовые нормы, установленные в отношении *testamentum militis*, во многом шли вразрез с фундаментальными принципами классического наследственного права, что было обусловлено в первую очередь необходимостью обеспечить сплоченность воинских подразделений и привлекательность военной службы.

В докладе *Е.В. Соболевой* (Нижний Новгород) «Н.А. Добролюбов – переводчик Плавта» была проанализирована юношеская работа будущего критика, рукопись которой хранится в Пушкинском доме. Докладчик констатировала, что, переводя комедию Плавта «*Aulularia*», Н.А. Добролюбов выбирает лексику просторечную, даже грубую, что соответствует характеру героев. Он находит удачные эквиваленты народным пословицам и прибауткам, бережно сохраняет игру слов оригинала. Перевод сделан вполне профессионально, что свидетельствует о прекрасном знании языка подлинника. В выступлении *С.А. Домановой* (Нижний Новгород) «К вопросу о кельтских гезатах» на основе анализа данных Полибия и Страбона был сделан вывод, что гезатов следует рассматривать не как кельтское племя, а как устойчивую социальную группу, образованную профессиональными воинами, представлявшими разные племена.

* * *

25–26 февраля 2005 г. прошли XIV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР профессора С.И. Архангельского в НГПУ. В рамках конференции работали две секции по античной истории. На первой из них, посвященной истории древней Греции и Северного Причерноморья, были заслушаны 13 докладов. *П.В. Ковалев* (Москва) в докладе «Гендерные аспекты в раннем пифагореизме» аргументировал вывод о том, что отношение кротонских пифагорейцев к «гинекократиям» было избирательным, обусловленным, с одной стороны, союзом со Спартой, а с другой – враждой с Локрами Эпизефирскими, где процветала храмовая проституция. Однако отказ воинам Доризя в «брачном гостеприимстве» ставит вопрос о введении в Кротоне полной эпигамии. *А.В. Горохова* (Москва) в сообщении «Великие Дионисии и общественно-политическая жизнь Афин в V в. до н.э.» попыталась проследить, каким образом трагедии и комедии, как основные составляющие празднества Великих Дионисий, отображали спектр наиболее важных и актуальных проблем общественно-политической жизни классических Афин и каковы были их цель и назначение. В докладе *Т.Е. Гвоздевой* (Москва) «Аглавра и Пандроса: две сестры, две судьбы» было отмечено, что мифология Аглавры и Пандросы, двух дочерей афинского автохтона Кекропа, тесно связана с мифом об Эрихтонии, лежащим в основе панафинейского праздника. Это нашло свое воплощение в знаменитой гражданской клятве эфэбов, которую те приносили на алтаре Аглавры во время ночной панафинейской процессии. Кроме того, старшая Кекропида стала воплощением добровольной жертвы во имя родины. Подобная патриотическая тематика встречается в аналогичных мифах об Гиакинтидах, Эрехтеидах и Леотидах в V в. до н.э. – III в. н.э. С докладом «Лисандр и процесс трансформации Пелопоннесского союза» выступила *Н.Ю. Старкова* (Ижевск), которая обратила внимание на вклад Лисандра в организацию системы спартанского господства в Элладе после Пелопоннесской войны, отметив, в частности, что для новой модели власти лакедемонян были характерны такие компоненты, как институт гармостов, обязанность союзников «следовать за Спартой», установление декархий, наказание собственных союзников, форос; но в основе новой спартанской «империи» была традиционная для Пелопоннесского союза форма симмахии.

Доклад «Афины и Херсонес Фракийский в 60–40-е гг. IV в. до н.э.» представил *В.В. Антонов* (Нижний Новгород). Автор отметил стратегическое значение контроля над Херсонесом в один из самых сложных моментов в истории Афин и пришел к выводу, что выведение туда колоний в форме клерухий явилось одной из последних попыток афинян возродить морскую державу, при этом формально не нарушая положений декрета Аристотеля. *Ю.Н. Кузьмин* (Самара) в сообщении «Инцидент с Никеей (Liv. XXXV. 26. 5–6)» представил аргументы в пользу точки зрения, что упомянутая Ливием Никея, корабль которой был захвачен ахейцами, являлась не супругой сводного брата Антигона Гоната Кратера (как об этом говорит римский историк), а женой или невестой его сына Александра. Захват корабля мог произойти в 272 г. до н.э. или во время Хремонидовой войны (ок. 267–262 гг. до н.э.). В докладе *В.М. Строгоцкого* (Нижний Новгород) «Эстетическая концепция Лессинга и ее воздействие на историческую науку Нового времени» рассматривались сочинения Лессинга «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии» и «О воспитании рода человеческого». Были проанализированы выводы о соотношении поэзии и живописи, изложенные им в первом сочинении, и отмечено значение 16-й главы «Лаокоона», в которой Лессинг формулирует основы эволюционной теории, оказавшей влияние на историческую мысль

Нового времени. Была рассмотрена также идея Лессинга, согласно которой воспитание рода человеческого – это история эволюционного развития нравственного сознания человечества. В заключение докладчик отметил, что как эстетические идеи Лессинга, так и его суждения об эволюционном развитии человечества не находят признания в современных философско-эстетических концепциях и теориях нелинейного многовекторного развития природы и общества. Сообщение *Н.Ю. Сивкиной* (Нижний Новгород) «Этолийская тактика в начале Союзнической войны» было посвящено первым кампаниям Союзнической войны 220–217 гг. до н.э. между Эллинской лигой и Этолийской федерацией. Автор высказала несогласие с утвердившимися в историографии представлениями о непродуманных, авантюрных действиях этолян. Напротив, этолийские атаки можно считать спланированными операциями, направленными на расшатывание основ Эллинской лиги. В докладе *Е.А. Захаровой* (Нижний Новгород) «К вопросу о местах почитания героев в древней Греции» были выделены три группы мест поклонения героям: 1) строения или площадки, созданные людьми для отправления обрядов (святнища, храмы, теменосы с жертвенниками и алтарями); 2) нерукотворные места, связанные с деяниями героев (пещеры, рощи, источники); 3) места погребения героев (могилы, кенотафы). Почитание героев было либо общегреческим (Геракл, Тесей и др.), либо местным (в том числе и «несправедливо убитых» людей, ставших после смерти героями). Доклад «Мифы о рождении героев и их роль в идеологической жизни древних греков» представила *А.А. Рыбакова* (Нижний Новгород). Анализ ряда мотивов показал, что с образом юного героя связывались представления о богоизбранности, покровительстве богов, идея обновления; юный герой изображался как основатель чего-то нового (рода, племени, города и т.д.) и наделялся demiургической функцией. Эти представления служили для идеологического обоснования особого положения членов того или иного рода, а также могли переноситься на реальных исторических деятелей, примером чему является история коринфского тирана Кипсела. *А.Р. Панов* (Арзамас) в сообщении «Кастор Фанагорийский» отметил, что, судя по указаниям источников, Кастор мог быть представителем царской администрации в Фанагории при Махаре. После успешного завершения восстания против Митридата Фанагория освободилась от власти боспорских владык, и первенствующее положение в городе сохранил за собой Кастор. В сообщении *А.В. Хазиной* (Нижний Новгород) «Вопрос Посидония: миф и историографическая реальность» была прослежена эволюция историографических оценок историко-философского наследия представителя средней Стои, которые варьируются от непризнания и утверждений о компликативности его творчества в 70-е годы XIX в. до создания «мифа» о нем в 50-е годы XX в. Последняя иностранная монография Ю. Малица, посвященная Посидонию-историку, по-прежнему ограничивается собиранием и комментированием фрагментов его «Историй» и не выходит за рамки позитивистского метода. *Е.А. Молев* (Нижний Новгород) в докладе «Дидрахмы царя Спартока VI Боспорского» рассмотрел вопрос о вероятности правления Спартока VI, который, согласно предположениям Д.Б. Шелова и К.В. Голенко, выпустил серебряные дидрахмы, подражающие типам лисимаховских статов византия. Анализ типологии монет, монограмм и палеографии надписей на них, а также закономерности развития монетного дела Боспора позволяют, по мнению докладчика, отнести эти дидрахмы к Спартоку V, правившему в начале II в. до н.э. Выступление *Н.В. Молевой* (Нижний Новгород) «Новые данные о счислении времени на Боспоре» было посвящено интерпретации интересной археологической находки, сделанной при раскопках некрополя боспорского города Илурата в 2003 г. Анализ и семантика гравированных изображений, которыми покрыты четыре грани костяного изделия, позволяют предположить, что мы имеем дело с календарной схемой, отражающей традиции счисления времени на Боспоре в первых веках нашей эры.

Римская проблематика рассматривалась в восьми докладах. *П.С. Боровков* (Екатеринбург) выступил с сообщением «Сакральные нарушения должностных лиц в Римской республике в III – начале I в. до н.э.», в котором отметил, что пренебрежительное отношение к религиозным установлениям со стороны официальных лиц оборачивалось серьезными социально-психологическими потрясениями в римском обществе. Сакральные нарушения со стороны высших римских магистратов вызывают особый интерес, так как они затрагивали многие аспекты политико-правового функционирования республиканской системы. *А.М. Брагова* (Нижний Новгород) в докладе «Тема войны в сочинениях Цицерона» высказала мнение, что Цицерон призывал вести завоевательные войны справедливо, основываясь на законе войны, проявляя милосердие и избегая жестокости. Гражданские же войны он считал пагубными для сохранения согласия и стабильности внутри государства. *А.Е. Негин* (Нижний Новгород) в сообщении «Клады римского парадного вооружения в Реции», оперируя сводом находок и выделив специфические особенности кладов III в. н.э., попытался дать ответ на вопрос – кем и при каких обстоятельствах они были оставлены. *К.В. Марков* (Нижний Новгород) в докладе «Отношение императорской власти к иноземным культам, магам,

астрологам, философам в оценке римского историка Диона Кассия» дал анализ соответствующих комментариев Диона, высказанных в «речи Медината» (ЛЦ. 14–41) и в других главах его «Римской истории».

А.А. Терентьев (Нижегород) выступил с докладом «К вопросу об организационно-структурных изменениях в римской армии в первой половине II в. н.э.», в котором дал анализ мероприятий Траяна и Адриана, направленных на обеспечение эффективности военной машины в связи с изменениями военно-политических целей и стратегической ситуации. В докладе *С.А. Доманиной* (Нижегород) «Идеология войны у древних кельтов» были рассмотрены идеологические моменты военной деятельности кельтов, проблема *fugio* и самопожертвования в кельтской духовной жизни. *А.В. Махлаюк* (Нижегород) в докладе «Воинская присяга в эпоху принципата: правовые, сакральные и военно-этические аспекты» обосновал тезис о том, что с установлением принципата значение *sacramentum militiae* не только не уменьшилось, но, по всей видимости, еще более возросло, что было связано как с реставраторскими установками политики Октавиана Августа, стремившегося возродить значение древних традиций (в том числе и сакрально-правовых), адаптировав их к новой ситуации, так и с тем обстоятельством, что в созданной им военно-государственной системе на первый план выдвигаются персональные отношения императора и войска, и приносимая воинами присяга должна была так или иначе отразить этот момент. В докладе *И.Ю. Вацовой* (Нижегород) «Кесария Палестинская в III–VII вв. н.э.» была предпринята попытка, сопоставив разрозненные и чрезвычайно скудные свидетельства источников, реконструировать деятельность кесарийской школы, из которой вышли многие известные церковные и политические деятели позднеимперского и ранневизантийского времени, и выяснить причины столь странного «молчания» источников о ней.

При подведении итогов работы участники всех трех конференций единодушно констатировали достаточно высокий научный уровень и разнообразие проблематики представленных докладов и отметили, что научно-образовательные центры Нижнего Новгорода играют заметную роль в развитии современного российского антиковедения, способствуя творческому диалогу и объединению усилий российских исследователей.

А.В. Махлаюк, А.В. Хазина

© 2005 г.

DIONYSII ALEXANDRINI sive PERIEGETAE ORBIS DESCRIPTIO

ДИОНИСИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (ПЕРИЭГЕТ) ОПИСАНИЕ ОЙКУМЕНИ

Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии
*Е.В. Илюшечкиной**

Датировка «Описания ойкумены» и время жизни автора долгое время были предметом дискуссии – позднеантичные и средневековые схолии лишь отмечают, что Дионисий (по прозвищу Периегет) жил во времена Римской империи. Вследствие недостатка сведений предлагаемые исследователями датировки поэмы колебались от I в. до н.э. вплоть до конца античности. Лишь сравнительно недавно обнаружилось, что сам Дионисий скрыл сведения о своей родине и времени жизни в акrostихах поэмы, согласно которым произведение Дионисия из египетской Александрии создавалось между 117 и 138 гг. при императоре Адриане¹. «Описание ойкумены» представляет собой географическую поэму, относящуюся к дидактическому жанру, со всеми присущими такого рода сочинениям чертами – неукоснительным следованием избранному размеру (в данном случае – гекзаметру), этнонимическим разнообразием в целях риторической «расцветки» текста, занимательностью и т.п.² В прологе Дионисий намечает основные темы сво-

* Выражаю глубокую благодарность Фонду им. Александра фон Гумбольдта, предоставившему мне в 2003–2004 гг. возможность для научной работы в Мюнхенском университете (LMU) и в Государственной Баварской библиотеке (Мюнхен) в рамках Программы Федерального канцлера (Bundeskanzler-Stipendium).

¹ *Leue G.* Zeit und Heimath des Periegeten Dionysios // *Philologus*. 1884. 42. S. 175–178; *idem.* Noch einmal die Akrosticha in der Periegese des Dionysios // *Hermes*. 1925. 60. S. 367–368; *Unger G.Fr.* Dionysios Periegetes // *JClPh*. 1887. 35. S. 53 ff.; *Crusius O.* Dionysius Periegetes und die imbrische Hermesdienst // *JClPh*. 1889. 37. S. 525 ff.; *Klotz A.* Zu Dionysios Periegetes // *RhM*. 1909. 64. S. 474–475; *Wachsmuth C.* Zu den Akrostichen des Dionysius Periegetes // *RhM*. 1889. 44. S. 151–153; *Nauck A.* Zu Dionysius Periegetes // *Hermes*. 1889. 24. S. 325; *Couillon P.* Un autre acrostiche dans la Périégèse de Denys // *REG*. 1981. 94. P. 514–522; *Илюшечкина Е.В.* О двух акrostихах в географической поэме Дионисия Периегета // *Восточная Европа в древности и Средневековье. Автор и его текст. Материалы конференции.* М., 2003. С. 100–103.

² *Bowie E.* Denys d'Alexandrie: un poète grec dans l'empire romain // *REA*. 2004. T. 106 (1). P. 177–185.

ей поэмы («воспевать сушу и широкое море, реки и города, бесчисленные народы», ст. 1–2), затем говорит о форме земли, уподобляя ее праще (ст. 1–26), и переходит к описанию океана и Средиземноморья (ст. 27–160), материков – Ливии (= Африки) (ст. 174–269), Европы (ст. 270–446), островов (ст. 447–619), Азии (ст. 620–651), разделяя ее на северную (ст. 652–880) и южную (ст. 881–1165) части; завершается поэма эпилогом (ст. 1166–1186).

Последовательное описание сухопутного пути (в терминологии древних – «периеге́за», «период», «хорография») или морского пути («перипл», т.е. описание побережья с перечислением рек, городов, гаваней, племен) уже в эпоху поздней архаики стало одной из распространенных разновидностей греческой географической литературы. Принцип «описания пути» оказался востребованным как форма восприятия географического пространства и как литературная форма с жанрообразующими признаками. Дошедшие до нас произведения античной географической литературы (отчасти целиком, отчасти во фрагментах или пересказах поздних авторов) весьма неоднородны по форме и содержанию. Одни из них содержат технические описания принципов создания карт, интересовавших довольно узкий круг специалистов (представителей научной или математической географии, например, Эратосфена, Гиппарха и т.п.), другие были рассчитаны на широкий слой любознательных читателей и носили энциклопедический характер (такие, как «География» Страбона, «Хорография» Помпония Мелы и др.), а третьи представляли собой риторически украшенные дидактические поэмы на географические темы (периеге́за Псевдо-Скимна, «Описание Эллады» Дионисия, сына Каллифонта, «Описание ойкумены» Дионисия Периегета).

Судя по дошедшим до нас отзывам античных и средневековых авторов, произведение Дионисия служило им не только образцом ученой поэмы, воплотившей принципы эллинистической поэтики, но и отвечало интересам образованной читательской среды в познании окружающего мира и географических реалий. Придав удобную для запоминания форму свидетельствам античной географической традиции, Дионисий уготовил собственному произведению последующую славу: на протяжении многих веков «Описание ойкумены» Дионисия считалось одним из самых авторитетных руководств по географии, на него ссылались, ему подражали, заимствовали из него сведения и комментировали позднеантичные и средневековые авторы самых разных направлений³. По всей видимости, одна из рукописных копий оригинала поэмы Дионисия хранилась у занимавшего высокую государственную должность римского чиновника Руфа Феста Авiena (IV в.), страстного поклонника «старинных», приверженца традиционной веры в языческих богов и, между прочим, участника застольных «ученых» бесед, которые подробно описаны Макробием в «Сатурналиях». Именно Авиен первым вольно перевел гекзаметром на латинский язык географическую поэму Дионисия, добавив при этом в прологе и эпилоге кое-что от себя. Появление стихотворной парафразы Авиена под названием *Descriptio orbis terrae* недвусмысленно указывало на растущую популярность произведения Дионисия Периегета в западных областях Римской империи⁴. Около 500 г. в Византии появился новый, более совершенный по сравнению с языческой версией Авиена, перевод на латинский язык гекзаметром поэмы Дионисия, который принадлежал проживавшему в Константинополе ученому грамматикому Присциану; именно на этот перевод Присциана и будут в дальнейшем опираться средневековые латинские рукописи (так, например, ирландский ученый начала IX в. Дикилл цитирует периегезу Дионисия в переводе Присциана в своей географической «Книге об измерении Земли»). Помимо того, сохранились средневековые схолии на перевод Присциана, который использовал

³ Scholia in Dionysium // *Geographi Graeci Minores* (далее – GGM) / Rec. C. Müller. Vol. II. Parisiis, 1861. P. 427–457; *Anonymi Paraphrasis* // GGM / Rec. C. Müller. Vol. II. Parisiis, 1861. P. 409–425.

⁴ *Rufi Festi Avieni Descriptio orbis terrae* // GGM / Rec. C. Müller. Vol. II. Parisiis, 1861. P. 177–189; новейшие издания Авиена: *La Descriptio orbis terrae d'Avienus* / Ed. P. van de Woestijne. Brugge, 1961; *Avienus, Rufus Festus. Ora maritima* / Ed. D. Stichtenoth. Darmstadt, 1968; см. также Cameron A. *Macrobius, Avienus and Avianus* // CQ. N.S. 1967. T. 17. P. 385–399; *Gualandri I. Avieno e Dionisio il Periegeta* // *Studi in Onore di Aristide Colonna*. Perugia, 1982. P. 151–165.

ся в качестве школьного текста⁵. Подробнейший комментарий к поэме Дионисия Перизгета был составлен в XII в. Евстафием Солунским, который до своего избрания митрополитом Солуни (Фессалоники) проживал в Константинополе. Евстафий – один из крупнейших византийских ученых эпохи поздних Комнинов, осмелившийся делать конъектуры при издании древних текстов, предтеча гуманистов и эрудитов Возрождения и, вместе с тем, церковный деятель, профессор Высшей патриаршей школы⁶. Помимо комментариев к поэме Дионисия Евстафий Солунский составил обширные комментарии к «Илиаде» и «Одиссее» Гомера и к «Одам» Пиндара⁷. Обращение Евстафия к анализу географической поэмы Дионисия Перизгета показывает, сколь высоко оценивали в Византии XII в. творчество александрийца и активно использовали его произведение в качестве школьного текста. Как видим, в христианских странах средневековой Европы географическая поэма Дионисия сохраняла свое влияние и продолжала пользоваться заслуженной славой, о чем свидетельствуют дошедшие до нас 134 рукописных списка поэмы на греческом языке⁸.

Одна из наиболее ранних сохранившихся рукописей с текстом поэмы Дионисия была выполнена в Южной Италии и датируется X в. (Paris. Suppl. gr. 388). Текст самой поэмы Дионисия, которому издатели присвоили наименование «кодекс А», располагается на листах рукописи 89r–113v; кроме того, в тексте рукописи имеются не только исправления писца (A1), но и более поздняя правка: кто-то обратил внимание на множество грамматических погрешностей (A2), вслед за ним два неизвестных лица (возможно, владельцы рукописи) вписали между строк рукописи собственные пояснения на латинском языке (их принято обозначать как A3); и, наконец, ряд пометок и записей принадлежит последнему по времени писцу (A4). Понятно, что для реконструкции первоначального текста поэмы Дионисия кодекс А имеет решающее значение, поскольку, в отличие от остальных рукописей, он в наибольшей степени «приближен» к оригиналу.

Язык и манера изложения Дионисия опираются на дидактическую традицию, в качестве образцов которой выступают сочинения древнегреческих авторов – Гесиода, Арата, Никандра, Псевдо-Скимна, Дионисия, сына Каллифонта. Особенность дидактического жанра заключалась в том, что его адепты перелагали в стихотворной форме принадлежавшие другим авторам научные сведения или теории. Обязательным элементом поучительно-риторического жанра в античности считалось сочетание принципов «полезного» и «приятного» в изложении сугубо научной (в данном случае географической) темы⁹. Сухой научный материал, подчиняясь, таким образом, условностям дидактического жанра, обретал доступную и привлекательную для читателя форму. В соответст-

⁵ *Woestijne P. van de. Scholies Médiévales à la Périégèse de Priscien // Archivum Latinitatis Medii Aevi. Vol. 21. 1951. P. 133–157; об использовании перевода Присциана в качестве школьного текста подробнее см. Bevan W.L. Mediaeval Geographi: an Essay in Illustration of the Hereford Mapa Mundi. Amsterdam, 1969. P. XXIX. Издания перевода Присциана см. Prisciani Periegesis // GGM / Rec. C. Müller. Vol. II. Parisiis, 1861. P. 190–199; Priscianus. La Périégèse de Priscien / Ed. P. van de Woestijne. Brugge, 1953.*

⁶ О личности и творчестве Евстафия Солунского см. *Browning R. The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth Century // Byzantion. 1962. T. 32. P. 167–202; Каждан А.П. Византийский публицист XII века Евстафий Солунский // ВВ. 1967–1969. Т. XXVII–XXIX; статья А.П. Каждана перепечатана в кн.: Каждан А. Studies on Byzantine Literature of the Eleventh and Twelfth Centures / In collab. with S. Franklin. Camb.-P., 1984; Wirth P. Eustathiana. Gesammelte Aufsätze zu Leben und Werk des Metropolitzen Eustathios von Thessalonike. Amsterdam, 1980; Wilson N.G. Scholars of Byzantium. L., 1983. P. 203 sqq.*

⁷ *Eusthaphii Commentarii in Dionysium Periegetam // GGM / Rec. C. Müller. Vol. II. Parisiis, 1861. P. 201–407; Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Iliadem. Vol. I–IV. Lipsiae, 1827–1830; Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Odysseam. Vol. I–III. Lipsiae, 1825–1829; о рукописной традиции Евстафиевых комментариев к тексту Дионисия Перизгета, трактовка которой не прерывалась до середины XVI в. см. Diller A. The Manuscripts of Eustathius' Commentary on Dionysius Periegetes // Diller A. The Textual Tradition of Strabo's Geography. Amsterdam, 1975. P. 181–207.*

⁸ *Tsavari Is.O. Histoire du texte de la description de la terre de Denys le Périégète. Jannina, 1990.*

⁹ *Effe B. Dichtung und Lehre. Untersuchungen zur Typologie des antiken Lehrgedichtes. München, 1977. S. 188–189; Toohey P. Epic Lessons. An Introduction to Ancient Didactic Poetry. L., 1996. P. 9–11.*

вии с требованиями жанра Дионисий Перизетгет обращался к божественным покровительницам поэзии, Музам, тем самым обозначая свою принадлежность к поэтической традиции. Показательно, что в риторических обращениях к Музам Дионисий просит не только поэтического вдохновения, но и достоверной информации в области географии. В своей поэме Дионисий выступает прямым продолжателем поэзии ученого «александринизма», используя и варьируя материал сочинений предшественников. Поэма Дионисия Перизетгета объединяет хронологически разнородные сведения и представляет собой компиляцию извлечений из произведений других авторов¹⁰.

Уже в XII в. Евстафий Солунский в комментарии к поэме указывал на знакомство Дионисия не только с гомеровскими и гесиодовскими текстами, но и с эллинистической поэзией Арата, Каллимаха и Аполлония Родосского (Eust. ad Dion. Per. 638). Следуя требованиям «александрийской» поэтики и сознательно ориентируясь на «старину», Дионисий использует гомеровские эпитеты, словесные формулы, обыгрывает мотивы гесиодовских поэм, насыщает собственные стихи реминисценциями (вплоть до редких слов) из произведений Арата, Каллимаха и Аполлония Родосского. В качестве знака интертекста у Дионисия выступают лексически цитатные параллели и вольные вариации стихов, за которыми образованные и эрудированные читатели могли угадать прототипы.

Мифологические эпизоды в перизетге Дионисия всегда связаны с географическими реалиями и дают объяснения названиям конкретных местностей, городов, островов, гор, мысов, утесов, морей и пр. Ряд аллюзий на мифы перекликается в перизетге с раннеионийской исторической традицией об основании городов и расселении греческих колонистов на периферии античного мира. Происхождение других географических названий Дионисий объясняет с помощью этиологического мифа. Внимание к разного рода сакральным сооружениям, связанным с местным преданием о божестве, можно объяснить стремлением Перизетгета подчеркнуть высокий статус данного объекта. Манера Дионисия прибегать к перифразам затрудняет для современного читателя восприятие топонимической, орографической и этнической лексики, поскольку она носит образный характер. Тем не менее мифологический материал не играет самостоятельной роли в решении наиболее важного для перизетга Дионисия вопроса о локализации географических объектов. Очевидно, что мифологическим аллюзиям, выполняющим в поэме орнаментальные функции, отводилась вспомогательная роль. Однако, несмотря на различие географической и мифологической традиций, их разнородные сведения о локализации объектов переплетаются и могут рассматриваться в контексте поэмы Дионисия как взаимодополняющие и уточняющие друг друга.

Дионисий не скрывает основной цели своего труда: дать этногеографический очерк всего обитаемого мира (ст. 170 сл.; 888 сл.), ради чего он использует чужие сведения, концепции и схемы, которые стали для него источниками географического знания, хотя прямо и не называет нигде имен авторов привлекаемых им сочинений. «Книжный» характер произведения с очевидностью демонстрирует, что Дионисий ни разу не выступает в качестве наблюдателя описываемых им событий.

Последнее обстоятельство, однако, ничуть не умаляет значение свидетельств Дионисия: сохраняя сведения предшественников – среди них, например, сочинения Эфора из Кимы (IV в. до н.э.), Тимосфена Родосского (III в. до н.э.), Эратосфена Киренского (III в. до н.э.), Псевдо-Скимна (II в. до н.э.), Гиппарха Никейского (II в. до н.э.), Артемидора Эфесского (II–I вв. до н.э.), Посидония Родосского (I в. до н.э.) и Страбона Апамейского (I в. до н.э. – I в. н.э.), дополняя или переосмысливая данные античной географической традиции (в основном древнеионийской), труд Дионисия позволяет расширить и уточнить сложившиеся представления в области исторической географии о местах обитания, расселении и контактах древних племен и народов. Используемые Дионисием приемы компиляции предполагали: 1) почти неизменные выдержки из источников разного объема; 2) возможность компоновать эти выдержки по-новому, согласно авторскому

¹⁰ Schindler Cl. Geographische Lehrdichtung // Geographie und verwandte Wissenschaften / Hrsg. von W. Hübner. Stuttgart, 2000. S. 163–183.

замыслу; 3) пересказ и переработку источников ради сокращения объема поэмы при незначительных утратах информации в угоду поэтико-риторическим требованиям (изменение порядка слов, изменения ради звукописи и др.). Особая ценность произведения Дионисия заключается в том, что благодаря его компиляции сохранились важные сведения, заимствованные из разных по времени сочинений античных авторов, огромная часть которых утеряна или не дошла до нас полностью¹¹.

В соответствии со странами света Дионисий делит Океан на четыре части и, двигаясь мысленно по часовой стрелке в направлении с запада на север, затем к востоку и югу по принципу перипла, перечисляет названия этих частей. Далее по аналогии с четырьмя частями Океана Дионисий выделяет четыре крупных залива Океана – на западе Гесперийское (т.е. Средиземное) море, на севере залив, соединяющий Океан с Каспийским морем, и, наконец, два залива на юге – Персидский и Аравийский (ст. 44–56). Обращает на себя внимание, что названия большинства мелких заливов Океана, или морей, обозначены у Дионисия либо по отношению к прибрежной части материка, населенной народом или племенем, либо по отношению к острову или группе островов. Членение водного пространства Океана на четыре части предполагает наличие по крайней мере двух перекрещивающихся условных линий (с севера на юг и с запада на восток), что напоминает о традиции математической географии. В данном случае можно говорить лишь о частичном использовании методов математической географии, поскольку наряду с четырехчленным делением Океана Дионисий не отказывается от традиционного для древнеионийской географии деления мира на материки и описывает народы, города и острова Средиземноморья в соответствии с принципами перипла и хорографии.

Слова Дионисия об ойкумене в виде пращи, омываемой Океаном, свидетельствуют о том, что автор поэмы ориентировался, с одной стороны, на традицию древних ионийцев, идущую от Анаксимандра и Гекатея Милетского, с другой – отдавал себе отчет в изменениях в картине мира и, опираясь на авторитет Посидония Родосского, использовал его образ ойкумены, уподобленный праще (Posid. F 200a Edelstein–Kidd = Agathem. I. 2). Так, несмотря на критическое отношение к древнеионийским представлениям о круглой форме ойкумены эллинистических географов, отстаивающих теорию сферичности земли и прочие элементы научной географии, древнеионийская традиция не ослабевала и продолжала оказывать влияние на географов римского периода, вроде Дионисия, произведения которых носили по преимуществу книжный характер и преследовали учебные или сугубо литературные цели. Подобно древнеионийским географам Дионисий разделяет всю ойкумену на три материка – Европу, Азию, Ливию (= Африку), проводя границы между ними с учетом естественных объектов – рек или гор, отмечая при этом, что наряду с «островной» теорией, делящей землю по рекам, существует «континентальная» теория, членящая землю по суше. Тем самым автор поэмы дает понять, что границы материков устанавливаются людьми и не являются безусловными. Неудивительно, что, столкнувшись с традицией неоднозначного разделения ойкумены, Дионисий порой впадает в противоречие, используя хронологически разнородные источники: например, в одном случае он проводит границу между Ливией (= Африкой) и Азией по Нилу (ст. 262–264), в другом – по перешейку между Средиземным и Аравийским (= Красным) морями.

Согласно Дионисию, схожие по очертаниям и форме Европа с Ливией уподобляются равнобедренному треугольнику, основание которого совпадает с основанием Азии, представляющей собой такое же схематическое изображение равнобедренного треугольника. Границей между Европой и Ливией, с одной стороны, и Азии, с другой, служит общее основание в самом центре ойкумены (ст. 270–278; 620–622). В схематичной картине мира, уподобленной у Дионисия праще, которая состоит из двух равнобедрен-

¹¹ Подробнее об историко-географических источниках Дионисия см. *Göthe A. De fontibus Dionysii Periegetae. Diss. Göttingen, 1875; Anhut E. In Dionysium Periegetam Quaestiones Criticae. Diss. Regimonti, 1888; Bernays U. Studien zu Dionysius Periegetes. Diss. Heidelberg, 1905; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 79–81.*

ных треугольников, общее основание этих геометрических фигур составляют течения рек Танаиса – на севере (ст. 14 сл.; 660 сл.) и Нила – на юге (ст. 18; 230). Таким образом, в центре перекрещивающихся линий, одну из которых образует вертикаль Танаис–Нил, а другую – горизонталь, разделяющая Средиземное море и тянущаяся вдоль горной цепи Тавра, расположен, согласно Дионисию, остров Родос. Столь странные и геометрически правильные формы материков напоминают о живучести традиции математической географии, связанной прежде с именами Эратосфена и Гиппарха, и отражение которой – нередко в чисто внешней «риторической» форме – закрепились в произведениях по описательной географии (например, у Страбона и Плиния Старшего).

Однако при соотнесении общей картины мира с отдельными географическими объектами у Дионисия обнаруживаются иногда явные противоречия. К примеру, в противоположность свидетельству ст. 174 о том, что Ливия имеет форму трапеции, в ст. 274 сл. форма Ливии уподоблена треугольнику; южная часть Азии в качестве отдельного региона представляет собой четырехугольник (ст. 887) в то время как в общей картине мира та же Южная Азия составляет треугольник, отделяемый от Северной Азии горами Тавра (ст. 620 сл.). Непоследовательность и противоречивость в использовании сравнений по отношению к одним и тем же географическим объектам можно объяснить тем, что сведения Дионисия были почерпнуты из разных источников.

Систематизируя этногеографические свидетельства, Дионисий использует характерный для античной перизегезы способ описания «пути». Годологический (от греч. *ὁδός* – «путь») метод описания предполагает наличие определенного направления, от которого перечень географических объектов, если и удаляется в сторону, то обязательно возвращается к исходному пункту¹². Двигаясь по намеченным им условным «путям» – направлениям, Дионисий последовательно называет этно- и географические объекты (водное пространство, материка и острова, их прибрежные и внутренние области и населяющие их народы) с точки зрения перемещающегося в пространстве субъекта. Подобный способ воспроизведения картины мира относится к архаической системе ориентирования человека в пространстве. Слово «путь» в контексте поэмы не обладает строго терминологическим значением, и для обозначения воображаемого маршрута Дионисий использует разнообразную лексику (например, ст. 58, 62, 270, 331, 448, 651, 799, 1036 и др.). Присущий Дионисию способ восприятия и описания пространства – через «пути», вдоль которых, как в перечнях-каталогах, называются страны, народы, острова, моря, реки и т.п. – основывался, с одной стороны, на картах путей и практических пособиях, с другой – на разнородных нарративных источниках. Умозрительный способ восприятия пространства Дионисием во многом был обусловлен книжным характером накопленных им знаний и нашел литературное выражение в форме перизегезы, преследующей дидактические цели.

Известно, что название «карта» в Греции и Риме не обладало терминологическим значением и кроме обычного употребления в качестве обозначения графического рисунка применялось в отношении географических текстов – периплов, перизегез и хорографий, нередко смешиваясь с их названиями¹³. В научной литературе, посвященной изучению античной географии, не всегда учитывается различие между двумя способами передачи информации в древности – описательным и картографическим. Большинство античных карт, о которых нам что-либо известно, создавались ради пропагандистских или дидактически-иллюстративных целей, что указывает на специфику пространственного восприятия в древности. В связи с этим особую остроту приобретает вопрос о соотношении географического текста и карты.

¹² Подробнее см. Подосинов А.В. Картографический принцип в структуре географических описаний (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22–45; Janni P. La mappa e il periplo. Cartografia antica e spazio odologico. Roma, 1984; *idem*. Cartographie et art nautique dans le monde ancien // *Geographica historica*. Textes réunis par P. Arnaud et P. Counillon. Bordeaux–Nice, 1998. P. 41–54.

¹³ Brodersen K. Terra cognita. Studien zur römischen Raumerfassung. Hildesheim–Zürich–New York, 1995. S. 139 ff.

Ряд свидетельств косвенно указывает на то, что на материале поэмы Дионисия в позднеантичную эпоху могла быть составлена карта, служившая иллюстрированным учебным пособием для усвоения учащимися предмета географии¹⁴. В своей поэме Дионисий неоднократно сравнивал и связывал очертания географических объектов – материков, стран, островов и т.д. – с различными геометрическими фигурами. Генетически сравнение географических объектов с геометрическими фигурами восходит к традиции математической географии, однако в поэме Дионисия эти сравнения используются прежде всего для наглядных целей и запоминания. Не только с формальной, но и с функциональной точки зрения их можно поставить в один ряд и рассматривать в тесной связи с другими поэтическими сравнениями. С одной стороны, данное обстоятельство обусловлено «школьной» традицией поучать и наставлять, а с другой – требованиями риторики, посягающей на запретную для нее область специальных знаний. В своем географическом описании Дионисий следует принципу «от общего к частному», сперва изображая материки и страны в целом (как бы с высоты птичьего полета), а затем – как бы постепенно спускаясь к поверхности земли – начинает описывать острова, города, народы, природный ландшафт, комбинируя элементы перизетического и картографического описаний. Представляется весьма сомнительным, что Дионисий рассматривал графическую карту во время работы над своей перизетикой; скорее, напротив, данные текста и элементы картографического изображения переплетаются в произведении Дионисия в зависимости от разнородного характера его источников, что позволяет рассматривать конкретные географические сведения в контексте общих представлений Дионисия о картине мира, выявить историческое происхождение ряда топонимов и их географическую специфику.

Анализ сведений Дионисия Перизетета по исторической этногеографии античного Северного Причерноморья в сопоставлении с данными других античных авторов позволяет прийти к важному выводу о различной степени достоверности свидетельств поэмы. К примеру, очертания Понта Евксинского Дионисий сравнивает со скифским луком (ст. 157–163). Линия европейского (левого) побережья Понта дает в поэме Дионисия два изгиба рогового лука (им соответствуют заливы, образуемые выдающимся на юг Крымским полуостровом); азиатское (правое) побережье (исключая выступ мыса Карамбис) составляет прямую линию и соответствует тетиве лука. Сравнение Черного моря со скифским луком отражает не только античные представления о простейших географических координатах (правое и левое, прямое и кривое), но и в соответствии со схемой скифского лука указывает на местоположение важных для Дионисия географических объектов (Правый и Левый Понт, мыс Карамбис, расположенный в углублении между изгибами лука Крымский полуостров с мысом Крию Метопон – Бараний Лоб). Традиционное для античных авторов сравнение стало ко времени жизни Дионисия «общим местом», которое, по всей видимости, восходило к схематическим изображениям древнеионийских карт, хотя остается неясным, на каком этапе традиции произошло замещение графического изображения нарративным¹⁵.

Богатый топонимический материал включает названия северопонтийских рек и гор (Истр-Дунай, Борисфен-Днепр, Алдиск, Пантикап, Танаис-Дон, Меотида, Кавказ и горы Тавра). Река Истр, протекая в направлении с запада на восток, выступает у Дионисия в роли широтного меридиана и одного из «путей», по обе стороны которого последовательно описываются северные (ст. 302–320) и южные (ст. 321–329) области, указывают

¹⁴ Так, в середине VI в. Кассиодор писал о карте Дионисия в наставлениях монахам своего монастыря: *deinde pinacem Dionisii discite breviter comprehensum... ut quod auribus in supra dicto libro (sc. Iulii Honorii) percipitur, paene oculis intuentibus videre possitis* – «Изучайте также кратко составленную табличку Дионисия... чтобы вы могли видеть глазами то, что воспринималось слухом в вышеназванной книге [sc. Юлия Гонория]» (*Cassiod. De inst. div. I. 25. 2*; пер. А.В. Подсонова).

¹⁵ Подробнее см. *Илюшечкина Е.В. «Скифский лук» как модель для ориентации в пространстве // Древнейшие государства Восточной Европы, 2003 г.: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. М., 2005. С. 73–82.*

ся границы расселения местных племен и народов. Следуя исторической традиции, Дионисий пишет, что Истр, впадая в Евксин напротив острова Певки, образует пять устьев (ср. Herod. IV. 47), и лишь влиянием литературной традиции можно объяснять свидетельства других античных авторов римского времени о семиустом Истре. По словам Дионисия, устье Борисфена, расположенное между Истром и мысом Бараний Лоб, лежит напротив острова Левка и Кианеев – скал у пролива Боспор Фракийский при входе в Евксинский Понт. Таким образом, по Дионисию, устье р. Борисфен, остров Левка и Кианей располагаются на одной линии долготного меридиана.

Устья рек Алдиск и Пантикап лежат, по Дионисию, далеко на севере у Замерзшего моря, неподалеку от Рипейских гор, локализуемых античной традицией в северной части Скифии. Исключительно редкий гидроним Алдиск, зафиксированный Дионисием, упоминают Гесиод в своем каталоге рек рядом с Истром, Фасисом и др. (Hesiod. Theog. 345), безымянный схолиаст, локализирующий реку в Скифии (Schol. ad Hesiod. Theog. 338) и византийский гуманист XII в. Евстафий Солунский в Комментариях к гомеровской «Одиссее» (Eust. ad Hom. Od. XVIII. 70). Реки Пантикап и Алдиск, судя по словам Дионисия, следует помещать неподалеку от р. Борисфен; однако локализация устья Пантикапа вблизи Замерзшего моря на севере противоречит всем известным по античной традиции свидетельствам.

Устойчивое представление античной географии о том, что границей между Европой и Азией служит река Танаис, сложилось довольно рано. По словам Дионисия, Танаис, вытекая с Кавказских гор, течет по Скифской равнине и впадает в Меотийское озеро (ст. 14–17; 660–665). Обобщающий эпитет «скифский» – дань литературной традиции – указывает на северное местоположение и на этническую принадлежность племен, населявших равнинные области вокруг Танаиса. Гидроним Меотида – один из древнейших в топонимике Северного Причерноморья. В античной письменной традиции Меотида обычно называлась «озером» или «болотом», хотя не была замкнутым бассейном и соединялась с Понтом Евксинским проливом Боспором Киммерийским, на побережье которого начиная с VI в. до н.э. основывались греческие апойкии. По-видимому, в своем описании Дионисий обыгрывает историческое свидетельство древнеионийской традиции о Меотиде – матери Понта (ср. Herod. IV. 86).

Представление Дионисия о горном хребте Тавр как о широтном сложилось под влиянием предшествующей географической традиции, однако свидетельства Дионисия относительно Тавра носят неоднозначный характер, во многом обусловленный противоречивостью разновременных источников Перизгета¹⁶. В поэме Тавр не только разделяет Азию на северную и южную части, но и выполняет одновременно функцию водораздела (ст. 644–646). Северные отроги Тавра, о которых идет речь у Дионисия (ст. 168 сл.), следует идентифицировать с Северо-Кавказским хребтом, частью которого является также «перешеек» между Понтом и Каспием (ст. 690 сл.).

В целом греческие названия северопонтийских рек и гор, отражающие древнейший слой ономастики, представляют собой собрание исторических и мифопоэтических свидетельств. Сообщаемые Дионисием сведения позволяют скорректировать сложившееся в науке представление об орогидронимической системе Северного Причерноморья. Вполне допустимо, что стереотипность и противоречивость данных стихотворной перизгезы обусловлена тем, что Дионисий использовал разновременные источники, восходящие по преимуществу к древнеионийской географической традиции, сохранившей древние сведения о греческой колонизации Причерноморья.

Судя по отдельным замечаниям Дионисия, разбросанным в его поэме, Перизгет знал о теории климатических зон и был знаком с методами математической географии (включая астрономические наблюдения), лежавшими в основе картографического метода. Вместе с тем Дионисий все же ориентируется на образцы поэтической традиции и придерживается манеры описательной географии, опуская специфическое содержание,

¹⁶ Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997. С. 224 слл.

доступное лишь узким специалистам. Рисуя отчасти достоверный, но во многом условно-стереотипный облик северной страны с характерным для нее суровым климатом, Дионисий акцентирует внимание на жестокости «скифской» зимы, которая принуждает проживающих в этом климатическом поясе народы сниматься с места и покидать родные места. Отдельный экскурс поэмы, посвященный описанию уникального климатического явления – наступлению зимней стужи в соседствующих с рекой Танаисом областях – наиболее полно раскрывает парадигму изображения северопонтийской скифской зимы (ст. 666–678).

С осторожностью следует использовать единственное в перизегезе сообщение Дионисия о древнейших городах азиатского Боспора – Фанагории и Гермонассе, учитывая поэтическую манеру изложения и потенциальную возможность источника Дионисия трактовать тему боспорских городов значительно шире. Сопоставление дошедших до нас свидетельств античной географической традиции позволяет допустить, что основой для упоминания Гермонассы и Фанагории, связанных в поэме Дионисия со списком островов, послужил исторический труд Эфора (IV в. до н.э.) или один из промежуточных источников.

При перечислении северочерноморских племен и народов Дионисий неизменно следует принципу размещать их относительно водного или сухопутного «пути»: 1) от Истра до Меотиды; 2) вокруг Меотиды и вдоль северо-восточного (кавказского) побережья Понта и 3) вдоль горного хребта между Евксинским (Черным) и Гирканским (Каспийским) морями. В поэме Дионисия упоминаются восточные германцы, геты, даки, бастарны, аланы, тавры, агавы, гиппомолги, меланхлены, невры, гиппоподы, гелоны, агафирсы (ст. 302–310), меоты, савроматы, синды, киммерийцы, керкеты, тореты, ахейцы, гениохи, зиги, тиндариды, колхи (ст. 652–689), кавказские иберы и камариты (ст. 695–705). Отдельные этнонимы (и среди них – скифы) выступают у Дионисия как традиционные, чисто географические понятия, лишённые почти всякого этнографического содержания, что вполне согласуется с данными истории и античной историографии. Анализ сведений о северочерноморских племенах и народах приводит к выводу об исторической ценности свидетельств Дионисия, очерчивает круг вероятных источников поэмы – от Гекатея Милетского до Посидония Родосского, – представляющих в интерпретации Дионисия оригинальную смесь¹⁷. Нельзя забывать, что на употреблении ряда этнонимов сказалась специфика поэтического текста (необходимость выдерживать избранный размер – гекзаметр – и использовать поэтические средства: анафору, метонимию, аллитерацию, постоянные эпитеты, этнонимическое чередование в целях риторической «расцветки» текста и т.п.).

В начале XX в. В.В. Латышевым был опубликован корпус сведений античных авторов о Северном Причерноморье и Кавказе, содержащий также фрагменты перизегезы Дионисия в переводе И.П. Цветкова; в 1964 г. из-под пера М.Е. Грабарь-Пассек вышел перевод Пролога к поэме Дионисия¹⁸.

Настоящий перевод поэмы Дионисия Перизегета выполнен по изданию: Dionysiou Alexandreos Oikumenenes periegesis (ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ ΑΛΕΞΑΝΔΡΕΩΣ ΟΙΚΟΥΜΕΝΗΣ ΠΕΡΙΗΓΗΣΙΣ. Κριτική έκδοση) / Ed. Is.O. Tsavari. Ioannina, 1990 (с учетом издания: Dionysios von Alexandria. Das Lied von der Welt / Zweisprachige Ausgabe von Kai Brodersen. Hildesheim, 1994) и впервые печатается на русском языке полностью.

¹⁷ Подробнее см. *Илющечкина Е.В.* Диатеза племен Северного Причерноморья у Дионисия Перизегета // *Colloquia classica et indogermanica* – III. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2002. С. 379–402.

¹⁸ *Латышев В.В.* Scythica et Caucasica: Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. СПб., 1893. С. 178–187. Перевод фрагментов перизегезы Дионисия почти без изменений, но с краткими комментариями Л.А. Ельницкого был переиздан в ВДИ (1948. № 1. С. 236–241); Памятники поздней античной поэзии и прозы. М., 1964. С. 110–111.

ОПИСАНИЕ ОЙКУМЕНЫ

(1) Начиная воспевать сушу и широкое море, реки и города, и бесчисленные народы, я [прежде всего] упомяну глубокотекущий Океан¹⁹, [которым] обрамлена вся земля наподобие огромного острова²⁰; (5) [земля] в целом – не совсем круглая, а вытянутая подобно праще²¹ в двух направлениях по ходу солнца²². Хотя она в действительности одина, люди [однако] делят ее на три материка: первый – Ливия, затем Европа и Азия²³.

(10) Ливия отделена косою границей от Европы, на крайних точках ее (св. границы) расположены [с одной стороны] Гадиры²⁴ и [с другой] устье Нила, самая северная часть Египта и знаменитое священное место амиклейского Каноба²⁵. От Азии Европу отделяет на севере – посредине [пращи] – Танаис²⁶, (15) что, кружа по земле савроматов, протекает по Скифии и [впадает] в Меотийское озеро²⁷; южной (полу)границей [служит]

¹⁹ В ст. 1–3 своего Пролога Дионисий намечает основные темы поэмы, одновременно используя характерное для античной поэтической традиции формульное выражение, ср. Ἐκ Διὸς ἀρχόμεσθα... – «С Зевса начнем...» (*Arat. Phaen.* 1; пер. А.А. Россиуса); Ἀρχόμενος σέο, Φοῖβε, παλαιγενέων κλέα φητόν / μνήσομαι – «Феб, начавши с тебя, вспомню о славных деяниях древлорожденных мужей» (*Apoll. Rhod.* 1–2; пер. Г.Ф. Церетели). Подробнее см. *Effe. Dichtung und Lehre...* S. 193; *Toohey. Epic Lessons...* P. 208–211; *Schindler. Geographische Lehrdichtung.* S. 181. Дионисий использует поэтико-мифологическое представление об Океане как реке, опоясывающей весь мир и составляющей его границы (ср. *Hom.* II. XVIII. 489; *Od.* V. 285; IX. 13; XX. 65; *Strabo.* I. 1. 7 C 5), употребляя при этом гомеровский эпитет βαθυρόος – «глубокотекущий» (*Hom.* II. VII. 422; XIV. 311; *Od.* XI. 13; XIX. 433).

²⁰ Представление об ойкумене как острове стало неотъемлемым элементом греческой географической традиции, начиная от натурфилософа Анаксимандра Милетского (VI в. до н.э.) вплоть до Эратосфена Киренского (III в. до н.э.) и Посидония Родосского (135–50 гг. до н.э.).

²¹ В данном случае Дионисий, уподобляя форму ойкумены праще (σφενδόνη εἰοκῆντα), перифразирует определение Посидония σφενδοειδής (*Posid. Fr.* 200a *Edelstein-Kidd = Agathem.* I. 2). Подробнее см. *Göthe. De fontibus Dionysii Periegetae.* S. 8; *Bernaays. Studien zu Dionysius Periegetes.* S. 47–48; *Posidonius / Ed. L. Edelstein, I.G. Kidd.* Vol. II (2). *Cambr., 1988.* P. 716–717.

²² Т.е. по линии восток – запад.

²³ Подобно древнеионийским географам, Дионисий разделяет всю ойкумену на три материка – Европу, Азию, Ливию (= Африку).

²⁴ Гадиры – остров и город у южного побережья Испании; ср. ниже ст. 451–456.

²⁵ Каноб – кормчий Менелая, после падения Трои погиб в Египте от укуса змеи, погребен Менелаем и Еленой на острове, названном его именем (*Conon.* 8; *Dyct. Cret.* VI. 4). Именем Каноба были названы также устье Нила и город на его берегу, расположенный неподалеку от Александрии (*Strabo.* XVII. 1. 17–18 C 801; *Steph. Byz., s.v. Κάνωπος; Nic. Ther.* 309; *Tac. Ann.* II. 60; *Mela.* II. 6). Подробнее см. *Kanoros // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie / Hrsg. von W.H. Roscher.* Bd II/1. *Lpz., 1890–1894.* Sp. 948–949. Амиклы – древняя столица Лаконии (Спарты), владение царя Менелая; соответственно «амиклейский» в данном случае означает «спартанский». По свидетельству поздних авторов, Каноб почитался в местном святилище (*Eriphanus Ancorat.* 108; *Rufin. Hist. Eccl.* II. 26; *Suid., s.v. Κάνωπος*). Однако Евстафий отмечает, что «знаменитое священное место Амиклейского Каноба» является перифразой для названия города Каноба; как передают, продолжает Евстафий, «священное место» Каноба представляло собой храм или посвященный Канобу надел земли (*Eust. ad Dion. Per.* 13).

²⁶ Устойчивое представление античной географии о том, что границей между Европой и Азией служит р. Танаис (совр. Дон), сложилось довольно рано (ср. *Aesch. Prom.* vinct. 729–735; *Strabo.* VII. 4. 5 C 310; *Mela.* I. 15; *Plin. nat. hist.* III. 3; *Arr. PPE.* 29; *Anon. PPE.* 42, 28; *Ptol. Geogr.* III. 5; *Oros.* I. 2. 5; *Amm. Marc.* XXXI. 2. 13; *Rav. Anon.* II. 20), хотя и не является единственным (ср. *Herod.* IV. 45: «Границы [Европы и Азии] установлены по [...] колхидской [реке] Фасис, другие называют меотийскую реку Танаис и Киммерийские Переправы» – пер. И.А. Шишов). Неоднократно упоминавший р. Танаис Геродот (IV. 20–21, 45, 47, 100, 115–116, 120, 122), однако, не проводил границы между материками по рекам, не веря в существование Океана и не обладая, видимо, достоверными свидетельствами о северных и восточных морях, омывающих Европу. См. также *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 270.

²⁷ Меотийское озеро (Меотиды) – совр. Азовское море.

Геллеспонт, а самый южный предел (sc. между Азией и Ливией) проходит через устье Нила²⁸.

Другие делят материки по суше²⁹. (20) [Так,] на краю Азиатской земли протянулся высокий перешеек между Каспийским и Евксинским морями: его-то и стали считать границей между Европой и Азией³⁰; другой [перешеек] длинной широкой полосой тянется на юге между Аравийским заливом и Египтом – (25) он отделяет Ливию от Азиатской земли. Так [по-разному] смертные распределили границы.

Со всех сторон [сушу] окружает мощный поток неутомимого Океана; и хотя он един, он имеет множество названий³¹. Так, у крайних пределов локрыйского зефира³² (30) он называется Гесперийским Атлантом; а наверху, на севере, где [обитают] сыны воинственных аримаспов³³, его именуют Замерзшим, или Кронийским, морем; другие назвали [эту его часть] также Мертвым морем из-за тусклого солнечного света: солнце редко показывается над этим морем, (35) поскольку оно постоянно окутано мрачными плотными тучами³⁴. Там же, где [солнце] раньше всего является людям, [Океан] называют Восточным, или Индийским, морем³⁵. Южнее, там, где острым углом выдается просторная часть необитаемой суши, (40) выжженная безжалостными лучами палящего солнца, его называют Эритрейским³⁶, или Эфиопским, морем. Так обтекает Океан всю землю, получив у людей столько названий.

²⁸ В схематичной картине мира, уподобленной у Дионисия праще, которая состоит из двух равнобедренных треугольников, общее основание этих геометрических фигур составляют течения рек Танаиса – на севере (ст. 14 сл.; 660 сл.) и Нила – на юге (ст. 18; 230). Таким образом, в центре перекрещивающихся линий, одну из которых образует вертикаль Танаис–Нил, а другую – горизонталь, разделяющая Средиземное море и тянущаяся вдоль горной цепи Тавра, расположен, согласно Дионисию, остров Родос.

²⁹ Дионисий проводит границы между материками с учетом естественных объектов – рек или гор, отмечая при этом, что наряду с «островной» теорией, делящей землю по рекам, существует «континентальная» теория, членившая землю по суше.

³⁰ Под «перешейком» Дионисий понимает здесь Кавказский хребет (ср. ст. 636, 695) в качестве одной из частей горной цепи Тавра. Евстафий Солунский замечает, что, по всей видимости, Дионисий не склонен соглашаться с теорией деления материков по суше, поскольку «подобное деление неопределенно и неясно»; что касается «очень большого и широкого» перешейка между Каспием и Евксином, Евстафий уточняет, что как раз на нем «находится, кроме многих других мест, и пресловутый прометеев Кавказ и восточная страна иберов, лежащая между Колхидой и [кавказской] Албанией» (*Eust. ad Dion. Per.* 19).

³¹ Дионисий перечисляет названия Океана, начиная с западной точки и двигаясь мысленно по часовой стрелке на север, восток и юг.

³² Видимо, имеется в виду западный ветер, владеющий всей областью от Локр Эпизефирский в Южной Италии до Геракловых Столпов (совр. Гибралтарский пролив).

³³ Мифическое племя одноглазых аримаспов, похищавших золото у гриффов, обычно локализируют на севере рядом с легендарными Рипейскими горами (*Herod.* III. 116; IV. 27; ср. *Strabo.* XI. 6. 2 С 507; *Mela.* II. 2; *Plin. nat. hist.* IV. 88; VII. 10). Сохранились фрагменты эпической поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнеского (VI–V вв. до н.э.), в которой отразился круг географических и этнических представлений, связанный с милетским колониационным движением в Северном и Восточном Причерноморье (подробнее см. *Bolton J.D.P. Aristeas of Proconnesus.* Oxf., 1962; *Иванчик А.И.* О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнеского // ВДИ. 1989. № 2. С. 29–49 = *Ivanchik A. La datation du poème l'Arimaspee d'Aristéas de Proconnesse* // *L'Antiquité Classique.* 1993. T. 62. P. 35–67).

³⁴ Упоминание Мертвого моря с описанием характерных для северных широт особенностей климата восходит, по всей видимости, к свидетельству Пифея из Массилии (IV в. до н.э.) (*F 21 Roseman = Plin. nat. hist.* IV. 95). Рисуемая поэтом мрачная картина климата полярных областей, где солнечный свет никогда не пробивается сквозь стелющуюся толщу низких облаков и где сам Северный Океан в соответствии с климатическими особенностями этой местности и приближенностью (согласно поэтико-мифологической традиции) к области «сумрачного Тартара» – Аида (букв. «безвидного» и «ужасного») носит имя «Мертвого моря» (по другим версиям – Ледовитого, Кронийского или Скифского), может расцениваться как риторическая «расцветка» описания крайних северных пределов ойкумены, напоминающее мифическое царство мертвых.

³⁵ Ср. ст. 587–590. Подробнее см. *Пьянков.* Средняя Азия... С. 170 сл.

³⁶ В античности Эритрейским морем называли совр. Аравийское море, а не Красное море; в свою очередь, совр. Красное море обозначалось в античных источниках как Аравийское, см. *Черняк А.Б.* Prolegomena к «Анналам» Тацита, книги I–VI. XII. *Mare Rubrum* (Тас. Agr. 12, 6; Ann. 2, 61, 2; 14, 25, 2) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – V.* СПб., 2001. С. 156–163.

Повсюду он образует морские заливы – множество мелких и четыре крупных: (45) первый представляет собой Гесперийское море³⁷, оно тянется от Ливии до Памфилийской земли; второй [залив] меньше [первого], но больше прочих – разливаясь из северного Кронийского моря, он несет [свое] бурное течение к Каспийскому морю, (50) которое другие называют также Гирканским³⁸. Что касается остальных [крупных заливов], то оба они изливаются из Южного моря – один из них, струя Персидские волны и начинаясь против (sc. на одной долготе) Каспийского моря³⁹, находится выше [другого]; другой же – бурный Аравийский залив – (55) тянется в сторону южных границ Евксинского Понта. Таковы наиболее крупные заливы глубоководного Океана, остальных же – неисчислимо множество.

Теперь я расскажу о «пути» Гесперийского моря, которое омывает все материки своими изогнутыми заливами, (60) то окружая со всех сторон острова, то омывая подножья гор и [подступая к] городам. Вы же, Музы! – поведайте [мне] об извилистых [морских] течениях, начав по порядку от Гесперийского Океана, где на краю встали Геракловы Столпы⁴⁰ – (65) великое чудо – близ далекой Гадиры [с одной стороны], и под высоким утесом широко раскинувшихся отрогов Атласа [с другой]⁴¹, где устремляется также к небу огромная медная колонна, скрытая плотными облаками⁴².

Иберийское море – (70) начало Европы и Ливии. По обеим сторонам [этого моря] расположены Столпы, один обращен к Европе, другой – к Ливии. Его продолжает Галльское море там, где (75) простирается земля Массалия с удобной гаванью⁴³. Затем разливается Лигурийское море⁴⁴, там на материке живут сыны италийцев авсоны⁴⁵,

³⁷ Т.е. Средиземное море, в состав которого Дионисий – как и многие античные авторы – включал Евксинский Понт (Черное море) и Меотиду (Азовское море).

³⁸ Дионисий связывает Каспийское, или Гирканское, море заливом с Океаном, см. ст. 630–632 (ср. *Strabo*. II. 5. 18 С 121). См. *Пьянков*. *Средняя Азия...* С. 193. Гирканией называлась прибрежная зона в южной части Каспия (*Strabo*. XI. 7. 1–3 С 508–509).

³⁹ Вслед за Страбоном (*Strabo*. II. 5. 18 С 121) Дионисий здесь отмечает, что Персидский залив лежит на той же долготе, что и Каспийское море. При этом оба автора используют предлог *ἀντία / ἀντικρύ* – в пространственном значении по аналогии со словоупотреблением Эратосфена *ἀντοίρειν* («находиться против чего-либо») (*Eratosth.* F III A 2 Berger = *Strabo*. II. 1. 1 С 68).

⁴⁰ Совр. Гибралтарский пролив. Для античной географической традиции, на ранней стадии связанной с мифологическими представлениями, характерно было видеть в Столпах (στῆλαι) природные объекты (горы, скалы, острова), заключающие естественные пределы ойкумены (*Herod.* II. 33; IV. 8 – о Геракловых Столпах и быках Гериона; *Dicaearch.* Fr. 112 Wehrli; *Eratosth.* F III B 58 Berger; *Polyb.* XXXIV. 9. 4 = *Strabo*. III. 5. 5 С 170). В связи с этим примечательно упоминание Периэгетом Столпов Диониса на восточной границе ойкумены (ст. 621–623; 1164).

⁴¹ «Отроги Атласа» – горный хребет, протянувшийся от атлантического побережья Северной Африки до заливов Большой и Малый Сирт. Атлант (букв. «Многотерпеливый») – в греческой мифологии титан, сын Иапета и Климены, отец Плеяд, Гесперид и Калипсо, державший на руках небесный свод на западной окраине ойкумены.

⁴² Страбон, в передаче которого сохранились фрагменты Посидония (*Posid.* F 246 Edelstein–Kidd = *Strabo*. III. 5. 5 С 170), сообщает о трех экспедициях финикийских колонистов; в ходе последней из них в западной части острова вблизи побережья Испании была основана Гадира, а в восточной части сооружено святилище Геракла, отождествляемого с финикийским божеством Мелькартом. По словам Страбона, Посидоний считал свидетельство о Столпах, представляющих собой бронзовые колонны в святилище Геракла, «наиболее достоверным» (πιθανότατον). Отрывок Посидония напоминает стихи Дионисия, который, по-видимому, скомбинировал приписываемые Посидонию сведения с древнейшими свидетельствами поэтико-мифологической традиции (*Dion. Per.* 67: *χάλκεος ἐς οὐρανὸν ἔδρασε κίων*; ср. *Pind.* *Pyth.* I. 19, где Пиндар называет гору Этну «небесным столпом» – *κίων οὐρανία*; *Herod.* IV. 184, где упоминается гора Атлант, которую местные жители называют «столпом неба» – *κίων τοῦ οὐρανοῦ*).

⁴³ Массалия (совр. Марсель) – греческая колония фокейцев (основана ок. 600 г. до н.э.), торговый центр Западного Средиземноморья.

⁴⁴ Лигурийское море получило название от населявших области Западного Средиземноморья лигуров.

⁴⁵ Авсоны – название древнейших племен Юго-Западной Италии, но в поэме Дионисия – синоним римлян. Родоначальником авсонов считался герой Авсон, первый царь Италии, сын Одиссея и Кирки (по другой версии мифа – Калипсо и Атланта).

[произошедшие] от Зевса, издревле великие правители [земель] от самого севера и до Левкопетры⁴⁶, (80) которая стоит словно на якоре у побережья Сикелийского пролива; следом соленая вода устремляется к [острову] Кирну⁴⁷. Возле него бурлит Сардинское море; южнее вскипают ревущие волны Тирренского моря⁴⁸. Затем в сторону восходящего солнца (85) разворачивается изогнутый поток Сикелийского моря: оно течет вниз до омываемых волнами [мыса] Пахина⁴⁹ и до критского мыса, что выдается глубоко в море у священного [города] Горгина и находящегося чуть дальше от моря Феста, [словно] наклоненная вперед голова барана, (90) из-за чего он и называется Крию Метопон⁵⁰, – и [далее оно] простирается вплоть до земли япигов⁵¹. Оттуда уже Адриатическое море, расширяясь, устремляется к северу, а после движется снова в западном направлении, и живущие вокруг [народы] называют его Ионийским. (95) Оно омывает две земли: для входящего в него по правую руку оказывается Иллирийская земля, выше – Делматия, край воинственных мужей, а по левую руку разворачивается огромный перешеек авсонов, далеко распростершийся, окруженный тремя морями – (100) Тирренским, Сикелийским и протяженным Адриатическим; [положение] каждого [морья] соответствует разным направлениям ветров: Тирренское – западного, Сикелийское – южного, Адриатическое – восточного. А за Сикелийской землей морская волна, вздымаясь, устремляется к Ливии, на юге заворачивая около того Сирта, (105) что называют еще Большим Сиртом; другой же (sc. Малый Сирт), расположенный ниже [по течению], получает морскую волну, идущую издалека, и имеет слабое течение. Так, изгибаясь, шумят два залива⁵². От Сикелийских скал критская полноводная волна отступает (110) на восток – вплоть до мыса Салмония⁵³, который называют самым восточным мысом Крита. Рядом вздымаются еще два моря, обдуваемые прямым северным исмарским ветром⁵⁴. Моря же располагаются друг против друга⁵⁵: (115) мореплаватели называют первое Фаросским морем⁵⁶ – оно простирается до самой дальней горы Касий⁵⁷; другое же [называют] Сидонским морем⁵⁸ – оно тянется до самой дальней части суши, проходя мимо Киликийской земли вплоть до города Исс⁵⁹, откуда течет на север громадное Иссское море⁶⁰. (120) Небольшую часть пути оно протекает ровно, сдерживаемое до определенного темного изгиба земли киликийцев. Затем оно низвергает крутые волны к западу; как злоеющая змея, сворачиваясь кольцом, медленно выползает из-под нависшей горы, (125) так и этот поток клубится в море, полноводный, со всех сторон давимый течением.

⁴⁶ Левкопетра («Белая скала») – мыс на южной оконечности Апеннинского полуострова (совр. мыс Делль-Армии).

⁴⁷ Т.е. остров Корсика.

⁴⁸ Тирренское море – залив у берегов Тирсении, т.е. Этрурии (ст. 294), получившей название по имени Тирсена (Тиррена), сына лидийского царя Атиса, по преданию основавшего лидийскую колонию на западном побережье Италии (*Herod.* I. 94).

⁴⁹ Пахин – мыс на юго-востоке о-ва Сицилия (совр. мыс Изола-делле-Корренти).

⁵⁰ Крию Метопон («Бараний Лоб») – то же название имеет мыс в Понте (ст. 153).

⁵¹ «Земля япигов» – Япигия, т.е. Апулия, расположенная на юго-востоке Италии.

⁵² Большой (совр. Сидра) и Малый (совр. Габес) Сирты – заливы североафриканского побережья между Киреной и Карфагеном.

⁵³ Совр. мыс Сидерос.

⁵⁴ Исмарский ветер – северный ветер, получивший название от фракийского города Исмар.

⁵⁵ Т.е. на одной широте.

⁵⁶ Фаросское море – часть Средиземного моря у берегов египетского о-ва Фарос.

⁵⁷ Касий – горная вершина, расположенная к востоку от дельты Нила.

⁵⁸ Сидонское море – часть Средиземного моря около финикийского Сидона (совр. г. Сайда) (ср. ст. 912), иначе – Левантское море.

⁵⁹ Отсутствующая в кодексе А (Paris. Suppl. gr. 388, X в.) интерполяция («проходя мимо Киликийской земли вплоть до города Исс» – ст. 118), появившаяся в более поздних рукописях. Подробнее о кодексе А см. *Илюшечкина Е.В.* Географическая поэма Дионисия Перизегета в период Средневековья и в Новое время: из истории текста // *Всемирная история. Сборник молодых ученых.* М., 2002. С. 22–39 (особенно с. 29).

⁶⁰ Иссское море – часть Средиземного море около г. Исс (совр. г. Искендерон).

Вблизи этого потока обитают памфилийцы, [а сам он] доходит почти до Хелидонских островов⁶¹: предел его [лежит] далеко на западе у Патарских скал⁶².

(130) [Теперь] я расскажу о широком потоке Эгейского моря, что, поворачивая от этой точки к северу, опрокидывая волны, разбивается о Спорадские острова – ни одно морское течение, бурля из глубины, не поднимает столь высоких волн. (135) Крайними его границами служат [острова] Тенедос и Имброс⁶³, отсюда оно выходит узким проливом, вытекая к северу в Пропонтиду. К югу от нее (sc. Пропонтиды) располагаются бесчисленные племена Азиатской земли: [здесь] к материку примыкает широкий перешеек. (140) За Пропонтидой [находится] устье Боспора Фракийского, который некогда переплыла Ио, преследуемая пройсками Геры⁶⁴. Этот пролив – уже всех прочих, что находятся в волнистом море; здесь, по преданию, бесстыдно сходятся в море Кианейские скалы (145), с шумом ударяясь одна о другую⁶⁵.

За ним (sc. Боспором Фракийским) сразу открывается обширный Понт, образующий пространный залив к востоку⁶⁶. [В этом море] имеются два изогнутых течения (досл. «пути»): одно всегда обращено к северу, другое – к востоку; (150) посредине с обеих сторон выдаются [в море] два мыса, один – южный, называемый Карамбисом, другой – северный, возвышающийся над Европейской землей и называемый местными [народами] Баранийм Лбом⁶⁷. Оба [эти мыса] расположены друг от друга (155) на таком расстоя-

⁶¹ Хелидонские острова – группа островов у мыса Хелидония на южном побережье Малой Азии (Ликия).

⁶² Патарские горы расположены у юго-западного побережья Малой Азии в Ликии.

⁶³ О-в Тенедос (совр. Бозджаада) находится неподалеку от побережья Трояды; о-в Имброс (совр. Имроз) – у побережья Херсонеса Фракийского (совр. Галлипольский полуостров).

⁶⁴ С названием пролива Боспор связан миф о возлюбленной Зевса Ио, превращенной Герой в корову, постоянно преследуемой оводом. Ио – жрица храма Геры (*Aesch. Suppl.* 291), дочь аргосского царя Иноха (*Aesch. Prom. vinct.* 589), а по другим версиям – Иаса (*Plut. De mal. Neg.* XIV. 857 F), Пирена (*Apollod.* 1. 2), Арестора или Прометея (*Clem. Alex. Strom.* 1 S 322 C.); ее матерью обычно считают Мелию или Агрику (*Huglin. Fab.* 145). По Эсхилу, география странствий Ио в облике коровы включает материковую Грецию вплоть до Фракии (*Aesch. Suppl.* 544 sq.), затем Прометей предсказывает ее дальнейший путь через Боспор Киммерийский – «материки разрезающий», Каспийское море, загадочные «поля Кисфены» – и далее к Эфиопам, локализуемым на юге Египта, и – через Библосские горы – в дельту Нила к городу Канопу (*Aesch. Prom. vinct.* 790–815), где она вновь обрела человеческий облик и родила сына Эпафа (*Aesch. Prom.* 846. *Suppl.* 1065; *Nonn.* III. 285). Ио отождествлялась с египетской богиней Исидой (*Apollod.* II. 1. 3). По имени Ио названы многочисленные топонимы на пути ее странствия: о-в Эвбея (Εὐβοία), прежде называвшийся Абантида (*Hesiod.*, fr. 47) с пещерой Βοός ἀλλή («Коровий хлев»), в которой – по одной из версий мифа – Ио родила сына Эпафа (*Strabo.* X. 1. 3 С 445), города Эвбея в Иллирии, на островах Сицилии, Керкире и Лемносе, холм Эвбея в Аргосе (*Strabo.* X. 1. 15 С 449), Ионийское море (*Aesch. Prom. vinct.* 839; *Schol. Apoll. Rhod.* IV. 308) и, наконец, пролив Βοσπορός («Коровий брод») – Фракийский (*Herod.* IV. 85; *Schol. Apoll. Rhod.* I. 1114; *Eust. ad Dion. Per.* 140) и Киммерийский (*Aesch. Prom. vinct.* 732; *Eust. ad Dion. Per.* 140). См. также *Ausführliches Lexikon...* Bd II/1. Sp. 263–270 ff.; о грецизированной форме фракийского наименования пролива и проблеме переноса географических названий негреческого происхождения: *Тохтасьев С.Р. ВОСПОРОС // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999. С. 86–92.*

⁶⁵ По словам Геродота, Кианей у Боспора Фракийского прежде по преданию назывались Планктами («Блуждающие») (*Herod.* IV. 85).

⁶⁶ Понт Евксинский – совр. Черное море.

⁶⁷ Мыс Карамбис (совр. мыс Керемпе) на южном побережье Понта и мыс Бараний Лоб (совр. мыс Сарыч или мыс Ай-Годор в Крыму) служили опорными ориентирами античным мореплавателям, опередавшим маршруты своего плавания в Черном море по основным его течениям. Как отмечают исследователи, одна ветвь морского течения отклоняется от мыса Карамбис на север к Крымскому полуострову, а другая идет к востоку вдоль черноморского побережья к Боспору Киммерийскому; двигаясь против часовой стрелки, оба круговых течения возвращаются затем к южному побережью Понта. Таким образом, сведения Дионисия о «двух течениях» в Понте находят подтверждение в наблюдениях современных специалистов, занимающихся комплексным изучением акватории Черного моря (см. *Азбунов М.В. Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 21–22; он же. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. С. 209–211).*

нии, какое грузовое судно прошло бы за три дня. Благодаря этому ты мог бы видеть, что Понт состоит как бы из двух морей и своими очертаниями подобен округлым отрожкам лука: правый, прямо очерченный, берег Понта можно вообразить тетивой – один только Карамбис (160) выходит за эту линию и смотрит к северу; вид же рогов представляет собой левый берег (досл. «путь»), который изгибается двумя извилинами подобно отрожкам лука⁶⁸. К северу [от Понта] разлились воды Меотийского озера⁶⁹. Вокруг него обитают скифы, (165) бесчисленный народ; [Меотиду] они называют кормилицей Понта, так как огромная масса воды Понта выходит из нее через Боспор Киммерийский⁷⁰, вдоль которого у холодного подножья Тавра проживает много киммерийцев. Таков вид темно-блистающего моря.

(170) А теперь я расскажу о каждом из материков, чтобы ты, даже и не видя их воочию, мог бы иметь [о них] ясное представление. В результате ты сможешь обрести почет и уважение, излагая подробности несведущим.

Ливия простирается на юг (175) и юго-восток, по форме она сходна с трапецией⁷¹, начинаясь от Гадиры, где ее «вершина» сужается к Океану; а «основание» ее – около Аравийского моря, где [находится] земля тех темнокожих эфиопов⁷², (180) по соседству с которыми простирается земля эрембов⁷³. Говорят, что [Ливия] похожа на леопардовую шкуру, так как иссушенная без дождей [земля] то там, то здесь покрыта темными пятнами [оазисов]⁷⁴. На самом краю (185) около [Геракловых] Столпов обитают народы Ма-

⁶⁸ Сравнение очертаний Черного моря с формой «скифского лука», восходящее к древнеионийской географической традиции (ср. у Гекатея Милетского, Эратосфена, Саллюстия, Страбона, Помпония Мелы, Плиния Старшего, Валерия Флакка, Птолемея, Солина, Аммиана Марцеллина), становится со временем литературным топосом. Подробнее см. *Илюшечкина*. «Скифский лук»... С. 46–68.

⁶⁹ Гидроним Меотиды (совр. Азовское море) – один из древнейших в греческой топонимике Северного Причерноморья (*Aesch. Prom.* 418; *Herod.* I. 104; IV. 3; IV. 45; *Ps.-Scyl.* 69; *Polyb.* IV. 40; *Ps.-Scymn.* F 15–16 Marcotte; *Strabo.* II. 5. 23 C 125). В античной письменной традиции Меотиды обычно называлась «озером» или «болотом», хотя не была замкнутым бассейном и соединялась с Понтом Киммерийским Боспором.

⁷⁰ Дионисий, возможно, обыгрывает в своем описании слова Геродота о Меотиде – матери Понта (*Herod.* IV. 86: η Μαιήτις τε καλεῖται καὶ μήτηρ τοῦ Πόντου). Ср. *Eust.* ad Dion. Per. 163. Плиний Старший приводит скифское слово *Temarunda*, означающее «мать моря» (VI. 20). Это наименование, впервые использованное Геродотом (IV. 86), обычно объясняют сильным течением из Азовского в Черное море (*Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. С. 118–119).

⁷¹ Ср. ст. 274, где очертания Ливии уподоблены треугольнику. Аналогичным образом Страбон описывает Ливию то в форме трапеции (II. 5. 33 C. 130), то прямоугольного треугольника (XVII. 3. 1 C 825).

⁷² Гомер изображает эфиопов (букв. «люди с обожженными лицами») живущими на западной и восточной окраинах ойкумены (*Hom.* II. I. 424; XIII. 6; *Od.* I. 22–26 и др.). Интерпретируя во II в. до н.э. текст Гомера, грамматика Кратет из Маллы и Аристарх Самофракийский пытались разрешить противоречивость сообщения поэта о делении эфиопов на западных и восточных; западных эфиопов Посидоний Родосский идентифицировал с ливийцами, восточных – с индами (*Posid.* Fr. 49 Edelstein–Kidd = *Strabo.* II. 3. 7 C 103) (см. *Diederich S.* Geographisches in Scholien und Kommentaren // *Geographie und verwandte Wissenschaften* / Hrsg. von W. Hübner. Stuttgart, 2000. S. 216–217). Здесь Дионисий говорит о восточных эфиопах, уточняя их местонахождение соседством с эрембами. См. также *Romm J.S.* The Edges of the Earth in Ancient Thought. Geography, Exploration and Fiction. Princeton, 1992. P. 11–19.

⁷³ Эрембы – название племени, упомянутого уже Гомером (*Hom.* *Od.* IV. 84). Кратет из Маллы предлагал читать $\epsilon\rho\epsilon\mu\upsilon\omicron\iota$ («темнокожие») вместо $\epsilon\rho\epsilon\mu\upsilon\omicron\iota$ и идентифицировал их с индами (*Crat.*, fr. 46 a–d Mette); ср. схолии к Дионисию, где эрембы разделяются на «западных» (в Ливии) и «восточных», называемых также «индами» (*Schol.* in Dion. 180). Дионисий локализует эрембов на африканском побережье Аравийского (совр. Красного) моря. Ср. также ст. 963 сл., в которых Перизетт описывает убогий образ жизни эрембов, противопоставляя его благоденствию жителей Счастливой Аравии.

⁷⁴ Ср.: «По словам других писателей, а также Гнея Пизона [...] Ливия похожа на леопардовую шкуру, ибо она покрыта пятнами обитаемых местностей, окруженных безводной и пустынной землей» (*Strabo.* II. 5. 33 C 130; пер. Г.А. Стратановского). По мнению Евстафия, «земля эрембов» (а не материк Ливия) сравнивается Перизеттом со шкурой леопарда (*Eust.* ad Dion. Per. 180).

британской земли. За ними располагаются бесчисленные племена кочевников: там масилии и живущие на равнине масилии⁷⁵ ищут вместе с детьми пропитание в полях и в лесу, довольствуясь практически непригодной пищей и более чем скромной добычей на охоте. (190) Они не знают ни бороздящего землю плуга, ни приятного [слуху] хода запряженных повозок, о которых и не слыхали, ни мычания скота, входящего в стойло; словно дикие животные, бродят они по дремучим лесам, не зная колосающегося зерна и жатвы урожая.

(195) За ними Кархедон обнимает прелестную гавань, Кархедон – теперь принадлежащий ливийцам, а прежде – финикийцам, [тот самый] Кархедон, о котором существует предание, что его отмеряли с помощью бычьей шкуры⁷⁶. За ним вспенивает бурное течение Малый Сирт; после него тянется на восток другой [Сирт], (200) огромный, тесный более широким течением: здесь то пробуждается прилив, то отступает с прибрежного песка отлив грозного Тирренского моря⁷⁷. Между [Большим и Малым Сиртом] был основан город, (205) который называли Неаполем (sc. Новым городом)⁷⁸; за этой землей обитают лотофаги, гостеприимные по природе – сюда некогда забрел во время своих странствий хитроумный Одиссей⁷⁹.

[Далее] в этом месте ты мог бы видеть опустошенные жилища насамонов, мужей погибших – (210) их, не почитавших Зевса, погубило авсонийское копье⁸⁰. За ними во внутренних землях живут асбисты⁸¹ и под толстым слоем песка [находится] святилище ливийского божества⁸², а также славная своими конями Кирена, место обитания амиклейских мужей⁸³. По соседству [проживают] мармариды, вплоть до Египта, (215) затем⁸⁴ – гетулы и сражающиеся врукопашную нигреты; за ними следом [живут] фаурусии, за землями которых обитают бесчисленные гараманты; последними обитают на [южном]

⁷⁵ Масилии и масилии – кочевые народы Северной Африки (ср. *Strabo*. II. 5. 33 С. 131).

⁷⁶ Античные свидетельства связывают основание Карфагена с именем дочери тирского царя Агенора, или Бела, и сестры Пигмалиона Дидоны (она же – Элисса и Анна), которая после гибели мужа бежала со спутниками в Ливию и там у царя нумидийцев и мазиков Ярбанта пожелала себе столько земли, сколько смогла бы покрыть одна бычья шкура (*Tim. FGhN* 566 F 82 (23) *Jacoby*; *Verg. Aen.* I. 366–368; *Iustin.* 18. 4. 3–6. 8). Евстафий Солунский добавляет, что вследствие этого древнее название карфагенского акрополя было Бирса (Βύρσα – «Снятая шкура») (*Eust. ad Dion. Per.* 195). Финикийское *Bosra* («укрепленное место») перешло в греческое Βύρσα, что могло послужить основанием для возникновения вышеизложенного мифа об основании Карфагена.

⁷⁷ Из-за меняющихся во время приливов и отливов морских течений Сирты славилась своей опасностью для мореплавателей (ср. *Sall. VI. LXXVIII. 2–3*; *Strabo*. XVII. 3. 20 С 836; *Mela.* I. 35).

⁷⁸ Неаполь – город в Фиванской области в Верхнем Египте (ср. *Herod.* II. 91). Однако по свидетельству Фукидида, Неаполь – карфагенский торговый порт (совр. Набедль) (*Thuc.* VII. 50).

⁷⁹ Лотофаги (букв. «поедатели лотоса») – мифическое племя в Ливии; попав к ним, Одиссей совершенно забыл о возвращении на родную Итаку (*Hom. Od.* IX. 82 sqq.).

⁸⁰ Насамоны, населявшие юго-восточное побережье Большого Сирта (ср. *Herod.* II. 32; *Strabo*. XVII. 3. 23 С 838 и др.), в 85–86 гг. подверглись нападению римлян («авсонийского копья»). Евстафий приводит дополнительные версии поражения насамонов: «Они (sc. насамоны) убили Лентула, одного из римских вождей, который туда пришел. Потому-то римляне и обратили их в рабство. Другие же передают, что они (sc. насамоны) потерпели сокрушительное поражение в то время, как вспыхнула гражданская война, потому что приняли сторону Катона [Младшего] против [Гая Юлия] Цезаря» (*Eust. ad Dion. Per.* 209).

⁸¹ Ср. *Herod.* IV. 170–171; *Strabo*. II. 5. 33 С 131.

⁸² Оракул египетского божества Аммона находился в оазисе Аммона (совр. Сива); здесь побывали послы лидрийского царя Креза (*Herod.* I. 46), в 332 г. до н.э. – Александр Македонский (*Arr. Anab.* III. 3. 1–5) и в римское время, возможно, – Катон Младший (*Lucan.* IX. 511 sqq.); см. также *Eur. Alc.* 116; *Mela.* I. 39.

⁸³ Кирена, основанная в середине VII в. до н.э. колонистами лаконского (спартанского) о-ва Феры во главе с Баттом, славилась плодородными почвами, разведением коней, а ее жители – искусством колесничной езды (*Strabo*. XVII. 3. 21 С 837; см. также *Pind. Pyth.* IV. 8–9; *Paus.* VI. 8. 3; XII. 7).

⁸⁴ Предлог ἐφύλτρθεν («сверху, над») в данном случае обозначает направление от побережья в глубь материка (ср. лат. *super*), т.е. к югу.

краю материка эфиопы, рядом с самим Океаном⁸⁵, у Долины далекой Керны⁸⁶. (220) Перед ними поднимаются холмы темнокожих блемиев⁸⁷; отсюда ниспадают воды обильного Нила, протекающего мощным потоком из Ливии к востоку и называемого эфиопами Сирисом, а жители Сиены после поворота его течения дали ему имя Нил⁸⁸. (225) Отсюда он течет разными путями на север, разделяясь на семь рукавов, впадает в море, орошая своими водами плодородную египетскую долину. Нет ни одной реки подобной Нилу ни по количеству оставляемого [на берегу] ила, ни по степени обогащения земли. (230) Именно он отделяет Ливию от Азиатской земли: на западе [остается] Ливия, а к востоку – Азия.

Вдоль Нила живет род славных мужей⁸⁹: они первыми наладили ход жизни, первыми опробовали прекрасный плуг (235) и стали сеять зерна в ровные борозды, первыми измерили небесный свод [разделив его] по линиям и мысленно представив путь Солнца по наклонной. Теперь же я расскажу о рубежах их земли и о ее облике, ибо она заслуживает не меньшего почета; (240) по величине она немалая и среди всех других [земель] изобилует пастбищами, заливаемыми лугами и приносит прекрасные плоды.

Ее очертания составляют три стороны: [одна] широкая вдоль северного побережья и [две] сужающиеся в направлении востока вплоть до высоковерхинной Сиены, (245) что защищена с обеих сторон нависающими горами, между которыми устремляются вниз воды прекрасно текущего Нила. Владеют этой страной многочисленные и процветающие мужи, они населяют прославленные Фивы, древние стовратные Фивы⁹⁰, где (250) Мемнон приветствует своими звуками на рассвете Эос⁹¹, и [другие города] в самом центре земли Семиградья⁹² и на влажном морском побережье вплоть до озера Сербонис⁹³. На западной стороне [Египта расположен] македонский город⁹⁴, (255) где [находится]

⁸⁵ Приводимый здесь Дионисием список племен, населяющих внутренние области Восточной Ливии, чрезвычайно напоминает диатезу африканских племен у Страбона; однако, в отличие от Дионисия, Страбон перечисляет те же племена в обратном порядке – от эфиопов у южных пределов Ливии до мармаридов на средиземноморском побережье вблизи Египта (*Strabo*. II. 5. 33 С 131).

⁸⁶ Упоминание Керны в качестве острова к западу от Геракловых Столпов встречается у Эратосфена, который, по мнению Г. Бергера, позаимствовал эти сведения из перипла Ганнона (*Erat. F II A 9 Berger = Strabo*. I. 3. 2 С 47). Однако схолиаст и Евстафий связывают название «Долина Керны» с лесистыми и заболоченными областями южной части Ливии (*Schol. in Dion. 219; Eust. ad Dion. Per. 218*). Ср. «Долины Дафны» (ст. 916), «Мидийская Долина» (ст. 1017).

⁸⁷ Блемии – племя кочевников, которое, согласно Страбону, подвластно эфиопам и соседствует с египтянами (*Strabo*. XVII. 1. 2 С 786). Помпоний Мела и Плиний Старший помещают блемиев в список полуфантастических племен (*Mela*. I. 23; *Plin. nat. hist.* V. 44).

⁸⁸ Дионисий обращает внимание на обстоятельство переименования египтянами эфиопского гидронима Сирис в Нил (ср. *Herod.* II. 5–34), т.е. на факт «этнической» экспансии, что нашло символическое отражение в переименовании верхнего течения реки.

⁸⁹ Здесь начинается пространный экскурс Дионисия о египтянах, их образе жизни и стране (ст. 232–267).

⁹⁰ Стовратные египетские Фивы (в отличие от Фив в Беотии, ст. 623) причислялись к одному из «семи чудес света».

⁹¹ Мемнон – сын царя Эфиопии Тифона (брата Приама) и богини утренней зари Эос; участвовал в Троянской войне и погиб в поединке с Ахиллом, о чем говорилось в недошедшей до нас киклической поэме Арктина Милетского «Эфиопида» (см. также *Strabo*. XIII. 1. 11 С 587; *Rais.* I. 42. 3). Считалось, что сооруженная в Египте недалеко от Фив статуя Мемнона издавала на рассвете необычные звуки. Сохранившиеся греческие и латинские граффиты свидетельствуют о том, что колосс Мемнона стал объектом посещения туристов еще в античные времена. Во время своего пребывания в Египте в 130 г. император Адриан побывал около статуи Мемнона.

⁹² «Земля Семиградья», т.е. Египет, включающий, по одной из версий Евстафия, такие крупные города, как Мемфис, Диосполис, Мемнонию, Малую и Большую Катаракты, Сиену и Вавилон на Ниле; по другой – Панополис, Антинополис, Ликополис, Гермополис, Гераклеополь, Оксирих и Мемфис (*Eust. ad Dion. Per.* 251).

⁹³ Сербонис – название средиземноморской лагуны к востоку от г. Пелусия, место пребывания мифического Тифона, сына Геи и Тартара, вступившего в борьбу с Зевсом.

⁹⁴ Перифрастическое название Александрии Египетской, основанной Александром Македонским в 332–331 гг. до н.э.

жилище великого Зевса Синопского, богато украшенное золотом⁹⁵. Нигде на земле нет другого такого храма, более славного, чем этот, ни другого такого города, столь богатого, как этот, в котором издалека видны высокие башни Эйдофеи Палленской⁹⁶. (260) К востоку от него (sc. Египта) около горы Касий⁹⁷ люди населяют город, названный в честь Пелея⁹⁸, они чрезвычайно сведущи в управлении кораблем; их, однако, не причисляют к ливийцам, поскольку они живут в городе, оказавшемся к востоку от семиугольного Нила.

(265) Множество других [племен также] населяют эту землю: одни – вдоль Океана, другие – внутри материка, а третьи – вокруг вод широкого Тритонийского озера, которое в центре Ливии подобно широкому морю⁹⁹. Таковы облик и очертания Ливии.

(Продолжение следует)

⁹⁵ Свидетельство Дионисия – единственное в античной литературе упоминание об украшенном золотом храме Зевса Синопского в Александрии. Согласно Евстафию, эпитеты божества «Синопский» и «Мемфисский» равнозначны, поскольку первый происходит от названия горы Синопион в Мемфисе, которая считалась священной горой бога Сараписа; по другим версиям, эпikleза Зевса восходит к топониму Синопа Понтийская или к южнопонтийской реке Синопе (*Eust. ad Dion. Per. 255*). В схолиях к этому месту само святилище Зевса названо Синопой (Σινόπη) (*Schol. in Dion. 255*). Ср. ст. 772–779, где кратко излагается миф о преследовании Зевсом девы Синопы.

⁹⁶ Под «башнями» подразумевается знаменитый Фаросский маяк – одно из «семи чудес света». Согласно Гомеру, Эйдофея Палленская – дочь (по другой версии – жена) предсказателя Протея, вместе с которым пророчествует Менелая на о-ве Фарос о судьбе греков после падения Трои (*Hom. Od. IV. 349 sqq.*). Александрийские стоики усматривали в гомеровском пассаже аллегорическое толкование материи, оформляемой Эйдофеей (букв. «богиня формы») (*Schol. in Od. IV. 384*).

⁹⁷ Находится в Азии, а не в Ливии, поскольку р. Нил служит водной границей двух материков.

⁹⁸ Перифрастическое название г. Пелусия. Пелей, царь Фтии, отец Ахилла, родом с Эгины; по поздней версии – родился в Фессалии у мыса Сепия.

⁹⁹ Внутреннее озеро в Ливии, расположенное в районе Сиртов. Мифический Тритон – сын Посейдона и nereиды Амфитриты, божество Тритонийского озера; помог аргонавтам выплыть в открытое море и даровал им о-в Калиста (Фера) (*Apoll. Rhod. IV. 1551–1586; 1756–1758*). По свидетельству Плиния Старшего, Тритон – древнее наименование Нила (*Plin. nat. hist. V. 54; ср. Herod. IV. 178 sqq.*), куда бурей был отнесен корабль аргонавтов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМА – Античный мир и археология. Саратов
 ВВ – Византийский временник
 ДВАМ – Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ
 ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
 ИАК – Известия Археологической комиссии
 ИРАИМК – Известия Русского археологического института в Константинополе
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
 МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика
 ПАВ – Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
 РА – Российская археология
 СА – Советская археология
 ААе – Antiquitas aeterna
 АЕА – Archivo Español de Arte
 АEspA – Archivo Español de Arqueología
 АИЕС – Anuari de l'Institut d'Estudis Catalans
 АИЕГ – Anales del Instituto de Estudios Gerundenses
 АЈАН – American Journal of Ancient History
 АМS – Asia Minor Studien
 AncSoc – Ancient Society
 АNRW – Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der Neueren Forschungen / Hrsg. von H. Temporini, W. Haase. Berlin–New York
 ArchClass – Archeologia Classica
 ANSMN – American Numismatic Society Museum Notes
 ВАЕАА – Boletín de la Asociación Española de Amigos de Arqueología
 Bar. Int. Ser. – British Archaeological Report International Series
 ВСН – Bulletin de correspondance hellénique
 Bull. épigr. – Bulletin épigraphique
 САН – The Cambridge Ancient History
 СІЛ – Corpus Inscriptionum Latinarum
 СPh – The Classical Philology. Chicago
 СQ – Classical Quarterly. Oxford
 DHA – Dialogues d'Histore ancienne. Paris
 EA – Etudes accadiennes
 FGрH – Die Fragmente der griechischer Historiker
 ID – Inscriptions de Délos
 IG – Inscriptiones Graecae. Berlin
 IGUR – Inscriptiones Graecae urbis Romae / Ed. L. Moretti. Roma, 1968–1973
 IK – Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien

IOSPE	– Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1885–1916
IstMitt	– Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Istanbulische Abteilung
JCIph	– Journal of Classical Philology
JHS	– The Journal of Hellenic Studies
JS	– Journal des Savants
LIMC	– Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae
MDAI (A)	– Mitteilungen des Deutsche Archäologischen Instituts. Madrid
MDAI (M)	– Mitteilungen des Deutsche Archäologischen Instituts. Köln
MedAnt	– Mediterraneo antiquo
MHA	– Monumenta Hispaniae Antiquae
NC	– The Numismatic Chronicle
OGIS	– Orientis Graeci inscriptiones selectae
PP	– Parola del Passato
RE	– <i>Pauly-Wissowa</i> . Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
REA	– Revue des études anciennes
REG	– Revue des études grecques
REIb	– Revista de Estudios Ibéricos
RhM	– Rheinisches Museum
RSA	– Rivista storica dell' anticità
RStudFen	– Rivista di Studi Fenici
SEG	– Supplementum epigraphicum Graecum
SNG	– Syllogae Nummorum Graecorum
TP	– Trabajos de Prehistoria
WBR	– <i>W. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach</i> . Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. Ed. 2. P., 1925
ZPE	– Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ ВДИ

Редакция «Вестника древней истории» обращается с убедительной просьбой присылать статьи объемом не более 50 стр., рецензий и обзоров – не более 30 стр., набранные на компьютере **14 кеглем через 1.5 интервала** (текст статьи и **постраничные сноски**), с двумя экземплярами распечатки. К статье прилагается резюме на русском языке со списком специальных терминов в английской транскрипции. Статьи, присланные без резюме, рассматриваться не будут.

В связи с тем, что журнал перешел на компьютерный набор в издательстве «Наука», просим авторов **обязательно прилагать дискету** со статьей, сохраненной в формате Word. Рисунки (фотографии и штриховые рисунки) также желательно присылать в электронной версии (на дискете или диске).

В оформлении сносок **основные** правила остались неизменными. Просим только учесть, что при повторении одной работы следует писать: Ук. соч. или Op. cit., в случае нескольких – следует дать лишь первую часть названия. Обратить внимание на то, что между цифрами и городами должно быть тире без отбивки (1–2, 1950–2000; М.-СПб. или London–Paris).

Авторов рецензий просим сообщать следующие данные: полное имя и отчество, день и год рождения, домашний адрес, данные паспорта нового образца, реквизиты сберкнижки (номер сберкассы и номер лицевого счета – только для москвичей), номер свидетельства пенсионного страхования для начисления гонорара.

**УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» в 2005 году**

	№	Стр.
<i>Богданов И.В.</i> (Санкт-Петербург) – Свидетельства о <i>smdt</i> в египетских источниках Среднего царства	3	3
<i>Braund D.</i> (Exeter, UK) – Neglected Slaves.....	4	24
<i>Дементьева В.В.</i> (Ярославль) – Магистратская власть Римской республики: содержание понятия <i>impregium</i>	4	46
<i>Карпюк С.Г.</i> (Москва) – Политическая география классических Афин: Фукидид и его современники об островах и островитянах.....	2	27
<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород) – Войсковая клиентела в позднереспубликанском и раннеимперском Риме.....	3	36
<i>Немировский А.А.</i> (Москва) – «Пространные анналы» Мурсила II – текстологическая условность?	1	3
<i>Рунг Э.В.</i> (Казань) – Феномен мидизма в политической жизни классической Греции.....	3	14
<i>Рюнке Йорг</i> (Эрфурт) – Дивинация и принятие политических решений в эпоху Республики	1	34
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (<i>К постановке проблемы</i>)	1	15
<i>Французов С.А.</i> (Санкт-Петербург) – Древний Хадрамаут и возникновение южно-аравийской цивилизации: к постановке проблемы	4	3
<i>Цымбурский В.Л.</i> (Москва) – <i>Netto-Homerica</i> (Наречение Одиссея и наречение злого брата в хеттской «Сказке об Аппу и его сыновьях»).....	2	14
<i>Юнусов М.М.</i> (Санкт-Петербург) – Баалат Губль и Хатхор: из истории отношений Библа и Египта в эпохи Старого и Среднего царств	2	3

Памяти Сергея Сергеевича Аверинцева

<i>Бонгард-Левин Г.М., Гаилов В.А., Кошеленко Г.А.</i> (Москва) – Распространение христианства на Востоке (<i>В свете исследований памятников Дура-Европос</i>)	3	58
<i>Брагинская Н.В.</i> (Москва) – «Иосиф и Асенет»: «Мидраш» до Мидраша и «роман» до романа	3	73
<i>Виноградов А.Ю.</i> (Москва) – Три крещальных гимна с алфавитным акростихом.....	3	97
<i>Муравьев А.В.</i> (Москва) – Враг Рима – «благочестивый персидский царь» (<i>Образ Шапура II в двух позднеантичных текстах</i>).....	3	115
<i>Семенченко Л.В.</i> (Москва) – Были ли саддукеи эпикурейцами? К вопросу о соотношении судьбы, промысла и свободы воли в произведениях Иосифа Флавия.....	3	125
<i>Степанцов С.А.</i> (Москва) – «Как потоки на южном ветру»: стих Пс 125:4b в интерпретации Августина.....	3	143
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы	3	151
<i>Фонкич Б.Л.</i> (Москва) – Венецианская рукопись «Альмагеста» Птолемея (Mag. gr. 313/690): о датировке и происхождении кодекса	3	162

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск) – Клад гемидрахм Ахейского союза из Диоскуриды	1	63
<i>Антонец Е.В.</i> (Москва) – Рукописи римских классических авторов в Российской национальной библиотеке	3	168
<u><i>Виноградов Ю.Г.</i></u> (Москва), <i>Шестаков С.А.</i> (Керчь) – <i>Laudatio Funeris</i> из Пантикапея.....	2	42
<i>Коваленко С.А., Молчанов А.А.</i> (Москва) – О монетной чеканке Феодосии в V–IV вв. до н.э.	1	49
<i>Крапивина В.В.</i> (Киев), <i>Диатроптов П.Д.</i> (Москва) – Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии.....	1	67

<i>Сапрыкин С.Ю.</i> (Москва) – Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в.н.э.....	2	45
<i>Столба В.Ф.</i> (Орхус, Дания) – Греческое письмо с поселения Панское I (Северо-Западный Крым).....	4	76

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный «круглый стол»

«Hispania в системе древних цивилизаций Средиземноморья»

<i>Альвар Х.</i> (Мадрид) – Поверженные испанцы. Отношения римлян с побежденными.....	2	94
<i>Домингес Монедеро А.Х.</i> (Мадрид) – Греки в Иберии и их контакты с туземным миром.....	4	88
<i>Лопес Монтеагудо Г.</i> (Мадрид) – Испано-римские мозаики на мифологические сюжеты в контексте средиземноморской культуры эпохи античности.....	1	74
<i>Циркин Ю.Б.</i> (Новгород) – Квинт Кассий и гражданская война в Испании.....	3	222

Международный «круглый стол»

«Проблемы истории и археологии Херсонеса Таврического»

<i>Макаров И.А.</i> (Москва) – «Первая элевтерия» Херсонеса Таврического в эпиграфических источниках.....	2	82
---	---	----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Архипов И.С.</i> (Москва) – Дворцовый переворот в Каркемише в 1763 г. до н.э.....	3	236
<i>Буйских А.В.</i> (Киев) – Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI в. до н.э.....	2	146
<i>Габелко О.Л.</i> (Казань) – Критические заметки по хронологии и династической истории Понтийского царства.....	4	128
<i>Гаибов В.А., Кошеленко Г.А.</i> (Москва) – Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского (<i>Данные письменных источников</i>).....	1	103
<i>Ефремов Н.В.</i> (Грайфсвальд, Германия) – Родосско-византийская война 220 г. до н.э.....	1	128
<i>Кормышева Э.Е.</i> (Москва) – К вопросу о семантике древнеегипетской гробницы (<i>Или рефлексии по поводу занятий египтологией</i>).....	2	131
<i>Короленков А.В.</i> (Москва) – Последнее сражение Луция Гиртулея.....	3	266
<i>Немировский А.А.</i> (Москва) – «Да будет это ведомо богам»: ЕА 43 и политическая история амарнского времени.....	4	108
<i>Нефёдкин А.К.</i> (Санкт-Петербург) – Метатели и сариссофоры: взаимодействие пехотинцев в эллинистических армиях.....	2	165
<i>Степанова А.С.</i> (Санкт-Петербург) – Полибий и стойки (<i>К вопросу о некоторых концептуально-терминологических параллелях</i>).....	4	158
<i>Степанцов С.А.</i> (Москва) – Антидонатистская тенденция как экзегетический фактор в «Рассуждениях на Послание Иоанна к парфянам» Аврелия Августина.....	1	153
<i>Темерев А.Н.</i> (Москва) – Жалованье и вспомоществование в Позднем Египте (<i>К вопросу о трактовке арамейского термина tnt'</i>).....	2	114
<i>Щеглов Д.А.</i> (Санкт-Петербург) – Система семи климатов Птолемея и география Эратосфена.....	3	243

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Антонова Е.В.</i> (Москва) – К интерпретации жгутовидных мотивов на вещах Бактрийско-маргианского археологического комплекса.....	1	194
<i>Городецкая О.М.</i> (Москва) – Лики Шан/Инь (Китай, II тыс. до н.э.).....	1	208

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Дементьева В.В.</i> (Ярославль) – Теодор Моммзен: историко-правовое моделирование римской государственности.....	1	180
<i>Маяк И.Л.</i> (Москва) – Теодор Моммзен как историк.....	1	168

PERSONALIA

<i>Брагинская Н.В.</i> (Москва) – К 70-летию Михаила Леоновича Гаспарова	4	174
К 100-летию со дня рождения Сергея Владимировича Киселева	3	300
К 70-летию Геннадия Андреевича Кошеленко	1	219
Михаилу Борисовичу Пиотровскому – 60 лет.....	1	222
К 75-летию Владимира Ароновича Якобсона	4	177

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Андросов В.П.</i> (Москва) – Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. Издание текстов, исследование, перевод и комментарий Г.М. Бонгард-Левина, М.И. Воробьевой-Десятовской, Э.Н. Тёмкина. М., 2004	3	272
<i>Бухарин М.Д.</i> (Москва) – Пятый том «Инвентаря южноаравийских надписей» (S. Frantsousoff. Raybūn. Hadrān, temple de la déesse 'Athar ^{um} /Astar ^{um} . Avec une contribution archéologique d'Alexandre Sedov. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches // Inventaire des inscriptions sudarabiques. Publié avec les soins de Christian Robin. Tome 5 (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. Académie des Sciences de Russie, Institut d'Études Orientales, Expédition Pluridisciplinaire Soviéto-Yéménite). Paris–Rome, 2001	3	278
<i>Вержбицкий К.В.</i> (Санкт-Петербург) – Новое периодическое издание по античной истории (МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. Э.Д. Фролова. Вып. 1–3. СПб., 2002–2004).....	3	285
<i>Ладьянин И.А.</i> (Москва) – Памятники и люди. ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 2003 ..	1	224
<i>Карпюк С.Г.</i> (Москва) – P.J. Rhodes. Ancient Democracy and Modern Ideology. L., 2003	1	231
<i>Козловская В.И.</i> (Москва) – J.-M. Blázquez. Trajano. Серия «Biografias». Madrid: «Ariel», 2003	2	187
<i>Короленков А.В.</i> (Москва) И.Г. Гури н. Серторианская война (82–71 гг.). Испанские провинции Римской республики в начальный период гражданских войн. Самара, 2001.....	2	182
<i>Кошеленко Г.А.</i> (Москва) – The Royal Palace Institution in the First Millennium BC. Regional Development and Cultural Interchange between East and West / Ed. by I. Nielsen (Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 4). Athens, 2001	1	241
<i>Кошеленко Г.А.</i> (Москва) – Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue by A. Houghton and C. Lord, with Metrological Tables by B. Kritt. Part I. Seleucus I through Antiochus III. Vol. I–II / New York–Lancas/London, 2002	4	200
<i>Левинская И.А., Тохтасьев С.Р.</i> (Санкт-Петербург) – Из новейшей истории боспорской эпитафии (Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом) / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб., Bibliotheca classica Petropolitana, 2004) ..	4	179
<i>Литвиненко Ю.Н.</i> (Москва) – M.S. Vent. Monumental Tombs of Ancient Alexandria. The Theater of the Dead. Camb., 2002	3	293
<i>Молев Е.А.</i> (Нижний Новгород) – Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом) / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб., Bibliotheca classica Petropolitana, 2004	4	198
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.) / Hrsg. von Peter Siewert. Stuttgart, 2002 (Historia – Einzelschriften. Ht 102).....	2	175
<i>Тохтасьев С.Р.</i> (Санкт-Петербург) – T a l I I a n. Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity. Part I. Palestine 330 BCE – 200 CE (Texts and Studies in Ancient Judaism 9). Tübingen, 2002.....	1	233

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Селунская Н.А.</i> (Москва) – «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» (Central European University) ...1	249
<i>Селиванова Л.Л.</i> (Москва) – Чтения памяти Е.М. Штаерман (27 сентября 2004 г., Москва).....2	195
<i>Кулишова О.В., Фролов Э.Д.</i> (Санкт-Петербург) – Шестые Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (26–28 октября 2004 г.).....2	197
<i>Ильясов Дж.Я., Мкртычев Т.К.</i> (Москва) – Конференция «Поздняя античность в Средней Азии: археология, история, искусство (III–VIII вв.)» (13–18 июля 2004 г., Тюбинген, Германия).....4	204
<i>Махлаюк А.В., Хазина А.В.</i> (Нижний Новгород) – Вопросы античной истории и культуры на трех конференциях в Нижнем Новгороде4	207
<u>Мирон Ильич Золотарев</u> (29 декабря 1945 г. – 6 июля 2004 г.)1	254
<i>Фролов Э.Д., Шеглов А.Н.</i> (Санкт-Петербург) – Ярослав Витальевич Доманский (1928–2004).....2	205

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иоанн Златоуст. Огласительные беседы к тем, кто намеревается креститься (<i>Серия А. Пападопулоса-Керамевса</i>). Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии <i>И.В. Пролыгиной</i> (Москва).....1	261
Иоанн Златоуст. Огласительные беседы к тем, кто намеревается креститься (<i>Серия А. Пападопулоса-Керамевса</i>). Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии <i>И.В. Пролыгиной</i> (Москва) (<i>окончание</i>).....2	208
Феофраст. О камнях. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии <i>А.А. Россиуса</i> (Москва).....3	306
Дионисий Александрийский (Перизетт). Описание ойкумены. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии <i>Е.В. Илюшечкиной</i> (Москва)4	214

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Французов С.А.</i> (Санкт-Петербург) – Древний Хадрамаут и возникновение южноаравийской цивилизации: к постановке проблемы.....	3
<i>Braund D.</i> (Exeter, UK) – Neglected Slaves.....	24
<i>Дементьева В.В.</i> (Ярославль) – Магистратская власть Римской республики: содержание понятия <i>impregium</i>	46

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Столба В.Ф.</i> (Орхус, Дания) – Греческое письмо с поселения Панское I (Северо-Западный Крым).....	76
--	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

*Международный «круглый стол»
«Hispania в системе древних цивилизаций Средиземноморья»*

<i>Домингес Монедеро А.Х.</i> (Мадрид) – Греки в Иберии и их контакты с туземным миром...	88
---	----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Немировский А.А.</i> (Москва) – «Да будет это ведомо богам»: ЕА 43 и политическая история амарнского времени.....	108
<i>Габелко О.Л.</i> (Казань) – Критические заметки по хронологии и династической истории Понтийского царства.....	128
<i>Степанова А.С.</i> (Санкт-Петербург) – Полибий и стойки (<i>К вопросу о некоторых концептуально-терминологических параллелях</i>).....	158

PERSONALIA

<i>Брагинская Н.В.</i> (Москва) – К 70-летию Михаила Леоновича Гаспарова.....	174
К 75-летию Владимира Ароновича Якобсона.....	177

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Левинская И.А., Тохтасьев С.Р.</i> (Санкт-Петербург) – Из новейшей истории боспорской эпиграфики (Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом) / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004.....	179
<i>Молев Е.А.</i> (Нижний Новгород) – Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом) / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004 ...	198
<i>Кошеленко Г.А.</i> (Москва) – Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue by A. Houghton, C. Lorber, with Metrological Tables by B. Kritt. Part I. Seleucus I through Antiochus III. Vol. I–II. The American Numismatic Society in Association with Classical Numismatic Group, Inc. New York–Lancaster/London, 2002.....	200

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ильясов Дж.Я., Мкртычев Т.К.</i> (Москва) – Конференция «Поздняя античность в Средней Азии: археология, история, искусство (III–VIII вв.)» (13–18 июля 2004 г., Тюбинген, Германия).....	204
<i>Махлаюк А.В., Хазина А.В.</i> (Нижний Новгород) – Вопросы античной истории и культуры на трех конференциях в Нижнем Новгороде.....	207

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дионисий Александрийский (Перизет). Описание ойкумены. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии <i>Е.В. Илюшечкиной</i> (Москва)	214
Указатель материалов, опубликованных в «Вестнике древней истории» в 2005 году	234

CONTENTS

<i>S.A. Frantsouzoff</i> (St.-Petersburg) – Ancient Ḥadramawt and the Rise of South Arabian Civilization: Formulating a Problem	3
<i>D. Braund</i> (Exeter, UK) – Neglected Slaves.....	24
<i>V.V. Dementyeva</i> (Yaroslavl) – Magisterial Power in the Roman Republic: the Meaning of <i>imperium</i>	46

PUBLICATIONS

<i>V.F. Stolba</i> (Aarhus, Denmark) – A Greek Private Letter from the Settlement of Panskoye I (North-Western Crimea)	76
--	----

DICUSSIONS

International «Round Table» «Hispania in the System of Ancient Mediterranean Civilizations»

<i>A.J. Domínguez Monedero</i> (Madrid) – The Greeks in Iberia and Their Connections with the Native Population	88
---	----

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>A.A. Nemirovsky</i> (Moscow) – «Let the Gods Know It!»: EA 43 and Political History of Amarna Age	108
<i>O.L. Gabelko</i> (Kazan) – Critical Notes on the Chronology and Dynastic History of the Kingdom of Pontus	128
<i>A.S. Stepanova</i> (St.-Petersburg) – Polybios and the Stoics: to the Question of Some Conceptual-Terminological Parallels	158

PERSONALIA

<i>N.V. Braginskaya</i> (Moscow) – To the 70th Anniversary of Mikhail Leonovich Gasparov	174
To the 75th Anniversary of Vladimir Aronovich Yakobson	177

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>I.A. Levinskaya, S.R. Tokhtasyev</i> (St.-Petersburg) – From the Recent History of the Bosporan Epigraphy (Korpus bosporskikh nadpisei. Al'bom illustratsii (KBN-albom) / Otvetsvennyi redactor A.K. Gavrilo. SPb.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004.....	179
<i>Ye.A. Molev</i> (Nizhny Novgorod) – Korpus bosporskikh nadpisei. Al'bom illustratsii (KBN-albom / Otvetsvennyi redactor A.K. Gavrilo. SPb.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004.....	198
	239

<i>G.A. Koschelenko</i> (Moscow) – Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue by A. Houghton, C. Lord, with Metrological Tables by B. Kritt. Part I. Seleucus I through Antiochus III. Vol. I–II. The American Numismatic Society in Association with Classical Numismatic Group, Inc. New York–Lancaster/London, 2002	200
---	-----

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Ilyasov J.Ya., Mkrtychev T.K.</i> (Moscow) – The Conference «Late Antiquity in Central Asia: Archaeology, History and Art (3rd–8th c. AD)» (13–18 July 2004, Tübingen, Germany)	204
<i>A.V. Makhlayuk, A.V. Khazina</i> (Nizhny Novgorod) – Problems of Ancient History and Culture on Three Conferences in Nizhny Novgorod.....	207

SUPPLEMENT

<i>Dionysius of Alexandria</i> (Periaegetes). Description of the Inhabited Earth. Introduction, Translation and Commentary of <i>Ye.V. Il' ushechkina</i> (Moscow).....	214
Index	234

Сдано в набор 09.08.2005 Подписано к печати 10.10.2005 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Печать офсетная Усл. печ. л. 19,5 Усл.кр.-отт. 18,7 тыс. Уч.изд.л. 22,5 Бум.л. 7,5
Тираж 947 экз. Зак. 788

Свидетельство о регистрации № 01101070 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32А
Институт всеобщей истории РАН. Тел. 938-56-28; 938-19-12
Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
Отпечатано в ППП "Типография "Наука" 121099, Москва, Шубинский пер., 6